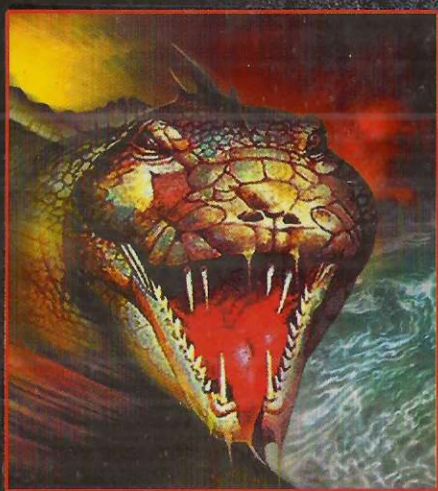

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

в р а т а

ВИЛСОН

*Издательство «Центрполиграф»
выпустило в свет романы Ф. Пола Вилсона
в серии «Наладчик Джек»*

МОГИЛА
НАСЛЕДНИКИ
БЕЗДНА
ЯРОСТЬ
ПОЖИРАТЕЛИ СОЗНАНИЯ
КРОВАВЫЙ ОМУТ
ВРАТА

в серии «Ночной мир»

ЗАМОК
МОГИЛА
ПРИКОСНОВЕНИЕ
РОЖДЕННЫЙ ДВАЖДЫ
АПОСТОЛ ЗЛА
НОЧНОЙ МИР

F. PAUL

WILSON

G A T E W A Y S

A NOVEL

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

В. р а т а

РОМАН

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2006

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
В44

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Художественное оформление
И.А. Озерова

Вилсон Ф. Пол
В44 Врата: Роман / Пер. с англ. Е.В. Нетесой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 415 с.

ISBN 5-9524-2036-2

Наладчик Джек, узнав, что отец попал в аварию, мчится к нему на помощь. Но авария — лишь часть безумного ритуала: так женщина со сверхъестественными способностями намеревалась принести дань загадочным подводным огням. После неудачной попытки она снова и снова пытается заполучить ускользнувшую жертву...

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 5-9524-2036-2

Gateways
Copyright © 2003 by F. Paul Wilson
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2006

В р а т а

ПОМАН

Посвящается Даниэлю и Куину

Замечание автора

Благодарю за редакторскую работу над рукописью постоянную команду: мою жену Мэри, моего издателя Дэвида Хартвелла и его заместителя Моше Федера; Элизабет Монтелеоне, Стивена Спруилла (который вдобавок поделился своими воспоминаниями о Корейской войне) и моего агента Альберта Цукермана.

Спасибо также множеству дружелюбных жителей Южной Флориды, штурманам плоскодонок, облегчавшим мне путь, и особенно зрителям заповедников «Королевские пальмы» и «Акуляя долина» в Национальном парке Эверглейдс, познакоившим меня с поразительным разнообразием дикой флоридской природы.

Особая благодарность Стюарту Шиффу за щедрое угощение уникальным солодовым виски и Блейку Долленсу за острый глаз.

Спасибо, наконец, ньюйоркцам Джо Шмидту и Дженеде Оукли за консультации насчет оружия. Я все время немножечко импровизировал, поэтому все ошибки в этой сфере мои.

Четверг

1

Благослови Бог шантажистов, думал Джек, роясь в картотеке.

Зажав в зубах фонарик, направлял луч на ярлычки, перебирая папки обтянутыми латексными перчатками пальцами.

Истинный клад. Если кого-нибудь можно назвать профессиональным шантажистом, Ричи Кордова безусловно претендует на титул. Официально — частный сыщик, если подобная деятельность бывает официальной. Видно, в ходе расследования выкапывает кучу добавочной грязи и пускает в дело в своих интересах. Уже проверено — он никогда не выступает против клиентов, шантажирует анонимно. Поэтому хранит в чистоте профессиональную репутацию, ведя тайную деятельность отдельно от успешного разрешения чужих проблем. Джек поймал его, когда он выманивал деньги у очередной рыбки, и сразу же невзлюбил жирного хама. Тенью ходил за ним девять дней — первое впечатление не изменилось. Подонок.

Частная сыскная контора Кордовы занимала второй этаж над магазинчиком восточных деликатесов

на другой стороне Бронкс-парка. Но иной вид деятельности, по всей вероятности более прибыльный, велся здесь, на третьем этаже, в тесном маленьком помещении вроде переоборудованного чердака, где стоит картотека, компьютер, цветной принтер, хромой стол.

Где письмо? Джек рассчитывал, что в этом самом шкафу. Если нет...

Вот... Ярлычок с надписью «Янк»... Не Янковски ли? Он вытащил папку, открыл. Есть. Точно. Написанное от руки письмо, корень проблем Стэнли Янковски. Кордова обнаружил его и старается выжать банкира досуха.

Джек сунул письмо в карман.

Да, благослови Бог шантажистов, думал он, опустошая папки из обоих картотечных ящиков, выбрасывая на пол содержимое — письма, снимки, негативы, — ибо они дают мне работу.

Добрая доля заказчиков обращается к нему по поводу шантажа. Понятно, шантажируют их потому, что у них есть секреты, которые при обращении к властям непременно раскроются. В результате остаются два варианта: снова, снова и снова платить шантажисту или выйти за пределы системы, один раз заплатив Джеку за поиски, возвращение, уничтожение компрометирующих фотографий или документов.

По его мнению, уничтожение лучше и безопаснее. Однако недоверчивые заказчики боятся, как бы он не воспользовался материалом и сам не стал их шантажировать. Янковски, обжегшись, никогда никому ни в чем больше не верит. Желает увидеть письмо перед выплатой второй части гонорара.

Он вывалил из двух ящиков на пол добрую кучу снимков и документов. Маленькие любопытные фибры души уговаривали присесть, покопаться в

поисках знакомых фамилий и лиц, но Джек подавил искушение. Времени нет. Хозяин через час вернется.

Он вытащил из рюкзака за плечами пару стеклянных бутылок из-под лимонада «Снэпл», сорвал с горлышек липкую ленту. Сейчас кое-кому будет сделано крупное одолжение. Впрочем, не всем. Кордова наверняка отсканировал компромат, загрузил в компьютер, переписал на хранящиеся в другом месте дискеты. Хотя для закона компьютерный текст рукописного не заменяет. Чтобы держать в руках настоящий рычаг, шантажисту требуются оригиналы с чернилами, почерком, отпечатками пальцев и прочим. Даже самая близкая к оригиналу копия не служит истинным доказательством, ее всегда можно назвать ловкой подделкой.

Джек опустил глаза на кучу компрометирующих свидетельств. Кое-кто даром попользуется его услугами. Не то чтоб его сильно заботили жертвы — насколько известно, некоторые вполне заслуживают шантажа, — просто, если забрать одно письмо Янковски, Кордова догадается, кто организовал этот краткий визит. Что весьма нежелательно. Если же безвозвратно сгинут все материалы, коллекционер сможет только гадать.

Лучше всего было бы поджечь кучу, но шантажист живет в тесном кварталчике Уильямсбридж в Верхнем Бронксе, где плотными рядами щека к щеке стоят симпатичные старые послевоенные дома для среднего класса. Загоревшийся дом сгорит не один. Поэтому пришлось идти другим путем.

Держа бутылку «Снэпла» в вытянутой руке, он открутил пробку. В нос все равно ударил резкий запах серной кислоты. Начал очень осторожно поливать кучу — зелье вполне способно прожечь латексные перчатки, — глядя, как пузырятся и дымятся

фотографии, скручиваются бумаги, приобретая коричневый цвет.

Когда первая бутылка почти опустела, а комната наполнилась кислым едким дымом, тремя этажами ниже послышался стук входной двери.

Кордова?

Джек взглянул на часы: почти четверть первого. Во время слежки на протяжении последней недели Кордова трижды заглядывал в бар поблизости на Уайт-Плейнс-роуд, всякий раз просиживая до часу ночи и дольше. Если это он внизу топает, значит, вернулся домой, как минимум, на час раньше. Черт бы его побрал.

Вытряхнув из первой бутылки остатки и вылив на кучу вторую, Джек поставил их сверху на шкаф. Теперь прочь отсюда. Кордова скоро учует вонь.

Он открыл окно, вылез на крышу, оглянулся вокруг. Собирался уйти, как пришел — через черный ход, — теперь придется импровизировать.

Импровизировать очень не хочется.

Посмотрел на соседние крыши. Близко, но достаточно ли для прыжка?..

Из открытого окна за спиной слышались тяжелые шаги Кордовы по лестнице. Он опять взглянул на соседнюю крышу. Теперь уже кажется, что достаточно.

Джек с глубоким вдохом разбежался на три шага вниз по черепичной крыше и прыгнул. Сначала одна нога в спортивной туфле, потом другая приземлились, прочно встав на противоположную крышу. Не тратя времени на поздравления в собственный адрес, побежал по инерции дальше. Резиновые подошвы скользили и обрывались на подъеме к коньку.

Из дома Кордовы донесся громкий вопль:

— Не-е-ет! — Вой перерос в отчаянный яростный крик, но он не оглянулся, не желая, чтобы гад уви-

дел его в лицо. Потом услышал хлопок, почти одновременно что-то свистнуло мимо уха.

Мерзавец вооружен! Предполагалось, что у него где-то есть пистолет, однако не ожидалось, что он откроет стрельбу из собственного дома. Два просчета за один вечер. Будем надеяться, расчет вернуться живым не ошибочен.

Он перевалил за конек, скатился к водосточному желобу, обдирая о черепицу ладони в латексных перчатках, напрочь стерев спереди нейлоновую ветровку, словно на электрическом шлифовальном станке. На полпути к желобу замедлил падение, развернув тело на девяносто градусов. Еще чуть развернувшись, уперся в желоб ногами, окончательно остановился.

Путь на свободу пока не открылся. Внизу еще два этажа и Кордова, который, несомненно, мчится по ступеням на улицу. Кроме того, в доме, скорее всего, живут две семьи, как повсюду в округе. Кругом зажигался свет. Жильцы обязательно набирают сейчас 911, сообщая о происходящем на крыше. Должно быть, принимают его за неопытного вора-чердачника.

Джек приподнялся над желобом, примостился над темным окном, сполз на животе с крыши ногами вперед, повис всем телом на желобе. Тот скрипнул, треснул, прогнулся под пальцами, но, прежде чем рухнул, нога успела встать на подоконник. Он втиснулся в оконный проем, схватился за подоконник, вновь свесился вниз, продержался лишь пару секунд — до земли оставалось всего футов шесть, — разжал руки, перекувырнулся в воздухе, упал, вскочил и пустился бежать.

Спортивные туфли беззвучно затопали по тротуару. Он мчался, пригнувшись настолько, чтобы не сбрасывать скорости в ожидании второго выстрела. Но его не последовало. Бегом за первый угол нале-

во, за следующий направо, бегом, бегом... Теперь он хотя бы убрался с линии огня — если Кордова еще работает ногами. А если сел в машину и пустился в погоню...

Вдобавок на пути могут встретиться копы.

Предполагалось простое дело — пришел-ушел, — кто бы знал, что заварится такая каша.

Дальше на полусогнутых, внимательно присматриваясь к проезжавшим машинам, глядя, не вспыхнет ли проблесковый маяк. Джек сбросил частично изодранную в ключья ветровку, под которой оказалась штормовка «лэнс», вытащил из кармана фирменную кепку «метс», нахлобучил на голову, распустил нейлоновые полы штормовки, раздувшиеся в футбольный мяч, и перешел на быстрый шаг.

На Двести тридцать второй улице еще притормозил, сунул ветровку в мусорный бак, направляясь к станции подземки на Двести тридцать третьей. Вскочил в поезд второй линии, приготовившись к долгому пути обратно в Манхэттен.

Похлопал по карману джинсов с письмом. Уложена очередная проблема. Янковски будет счастлив, а Кордова...

Джек улыбнулся. Жирный Ричи дымит, как серная кислота на бумагах и снимках.

2

В кустах у двухэтажного дома в скромном коннектикутском квартале прятался человек — больше чем человек. Он кочевал по свету в разных обличьях под разными именами, кроме Настоящего. Прокладывая себе путь, отыскивал подобные семейные дома.

Сидел, прижимаясь спиной и затылком к бетонному цоколю. Каждый встречный принял бы его за

дрыгнувшего с перепоею бродягу. Однако он не спал. Практически не нуждался во сне. Способен был много дней глаз не смыкать.

Даже если бы нужен был отдых, что редко случалось, не сумел бы заснуть, чувствуя возбуждающий поток из подвала.

За стеной постоянные пытки, мучения, мерзость. Семья из трех человек подвергает им жертву не в первый и не в последний раз, на что, по крайней мере, надеялся не простой человек.

Его питают издевательства взрослых над заложниками, которых они долгие годы держат в плену, но, когда им удастся развратить собственного ребенка, внушив ему желание систематически истязать другое человеческое существо, он испытывает истинное наслаждение, как от изысканного деликатеса.

Сверхчеловек еще крепче прижался к стене, упиваясь, пиршествуя...

3

Забежав к Хулио опрокинуть пару рюмок, Джек добрался до дому и рухнул в постель. Янковски обождет хороших новостей до утра.

Где-то около трех утра телефонный звонок в передней вытащил его из царства сна. Щелкнул автоответчик, зазвучал голос, которого он не слышал пятнадцать лет:

«Джеки, это твой брат Том. Давненько не виделись. Думаю, ты еще жив, хотя трудно сказать. Так или иначе, папа сегодня ночью попал в автомобильную катастрофу. Говорят, состояние довольно скверное, кома. Поэтому быстренько перезвони. Надо поговорить».

И продиктовал номер с междугородним кодом 215.

Джек вскочил, дернулся при известии о несчастье с отцом, однако не снял вовремя трубку. Так и стоял над телефоном во тьме.

Папа попал в аварию? В коме? Как это могло случиться, черт побери?..

Тревожное предчувствие прохватило до самых кишок. В жизнь упорно возвращается прошлое, с которым он порвал. Сначала в прошедшем июне встретился со своей сестрой Кейт, которая через неделю погибла. Теперь, через три месяца, большой брат говорит, что отец в коме. Не просматривается ли пугающая симметрия... картина?

Потом разберемся, сказал он себе. Сначала надо выяснить, что стряслось с папой.

Снова прокрутил запись на автоответчике, записал номер телефона, перезвонил по мобильнику. Ответил тот же голос.

— Том? Это Джек.

— Неужели? Давно пропавший брат. Блудный сын. Жив, на звонки отвечает.

На это не было времени.

— Что там за история с папой?

Джек никогда особенно не любил брата, но и не испытывал неприязни. Пока росли рядом, отношения не складывались. Том — официально Том-младший, — будучи на десять лет старше маленького брата, принимал его за какое-то лишнее домашнее животное, любимца родителей и сестры, не имеющего к нему ни малейшего отношения. Он с поразительной сосредоточенностью интересовался лишь самим собой. По словам Кейт, женился в третий раз, и она питала подозрение, что последний брак разделит судьбу предыдущих. Джек несколько не удивился.

Том лет двадцать был филадельфийским адвокатом, теперь стал филадельфийским судьей. То есть

служителем закона, шестеренкой механизма официальной власти. Тем более лучше держаться от него подальше. Суды на Джека дрожь нагоняют.

— Я уже почти все рассказал. Медсестра из больницы в городке Новейшн сообщила по телефону, что папа попал в ДТП, и...

— В какое ДТП?

— В дорожно-транспортное происшествие и находится в тяжелом состоянии.

— Так. В коме, да? Боже мой, что нам делать?

— Не нам, Джеки, — тебе.

Ему это совсем не понравилось.

— Не понял?

— Кто-то из нас должен ехать. Я не могу, Кейт нет, остаешься ты.

— Что значит ты не можешь?

— У меня... куча дел... судебные процессы.

— Не можешь поехать повидать отца, который лежит в коме?

— Сложный вопрос. Слишком сложный для обсуждения по телефону в такую рань. Достаточно сказать, что сейчас я не могу уехать из города.

Джек понял, что Том рассказывает далеко не все.

— У тебя неприятности?

— Неприятности? Господи, что за вопрос?

— Да просто говоришь странным тоном.

— С чего ты взял? — отгрызнулся Том. — Мы с тобой лет десять не разговаривали, как ты можешь судить о моем тоне?

Пятнадцать — не так много, подумал Джек, а тон действительно странный.

— Обо мне не тревожься, — отрезал Том. — Подумай о папе. Он дал мне твой телефон перед отъездом во Флориду. Сказал — на всякий случай. Вот и настал такой случай, никуда не денешься.

— Ладно, — вздохнул Джек. — Пожалуй, поеду.

— Сколько энтузиазма!

Джек тряхнул головой. Во-первых, не хочется уезжать из Нью-Йорка по любым причинам, и точка. Во-вторых, сейчас неудачное время для поездки во Флориду и в любые другие места — придется обождать с очередным только что взятым заказом. Хуже того, в столь экстренном случае автомобиль и «Амтрак»¹ исключаются. Придется лететь самолетом. Против чего он, собственно, не возражает, но с дополнительными мерами безопасности после 11 сентября аэропорты превратились в опасное место для официально несуществующих личностей.

Но отец лежит в коме во Флориде.

— В определенном смысле тебе повезло, что он в коме, — сказал Том.

Это еще что такое?

— В каком?

— В том, что он страшно злится, что ты не приехал на похороны Кейт. Если подумать, я тоже. Где ты был, черт возьми?

Джек почувствовал себя перед судьей, пусть даже судья случайно приходится родным братом.

Большой брат... судья. Настоящий Оруэлл.

— Достаточно сказать, — решил он отплатить Тому его же монетой, — что вопрос слишком сложный для обсуждения по телефону в такую рань.

— Очень остроумно. Впрочем, признаюсь, я даже обрадовался, что он так на тебя ополчился. Столько лет мы слышали одно — как ему хочется разыскать тебя, вернуть в семейное лоно. Постоянно, как мантру, твердил: «вернуть Джека в лоно». Словно одержимый. А потом одержимость пропала.

Джек, казалось бы, должен был радоваться, никогда не думая возвращаться ни в какое лоно. Но

¹ «А м т р а к» — Национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок. (Здесь и далее примеч. пер.)

нет. Он скорее почувствовал острую жалость, будто чего-то лишился.

Лет пятнадцать назад, когда он ушел из колледжа, из семьи, из общества в целом, отец его не один год разыскивал. Каким-то образом узнал от кого-то номер телефона, принялся названивать. Со временем дело дошло до согласия пообедать с ним в городе. После чего они приблизительно раз в год вместе закусывали или играли в теннис.

Отношения в лучшем случае хрупкие и непрочные. Джек всегда с трудом общался с людьми. Хотя отец никогда этого не говорил, было ясно, что он разочарован в младшем сыне. Считая, что тот занимается наладкой электроприборов, упорно его подталкивал — закончи колледж, включись в пенсионную программу, подумай о будущем, глазом моргнуть не успеешь, придет пора выйти на пенсию и так далее и тому подобное...

Он не имел никакого понятия о сыновних делах, совершаемых им преступлениях, убитых ради пропитания людях, в чем Джек никогда бы ему не признался. Это доконало бы старика.

— Где он, ты говоришь?

— В городской больнице Новейшна. Ничего больше не знаю. По-моему, в округе Дейд.

— Где это...

— К югу от Майами. Слушай, лучше звякни в больницу — номера у меня нет, — спроси, как доехать от международного аэропорта Майами. Туда тебе надо лететь.

— Замечательно.

— Если он очнется, скажи, я приеду, как только смогу.

Обязательно, подумал Джек. И вдруг вздрогнул.

— Если очнется?

— Да. Если. Говорят, он сильно пострадал.

Грудь вдруг пронзила боль.

— Отправлюсь, как только доделаю несколько срочных дел. — Он внезапно почувствовал навалившуюся усталость.

И положил трубку. Ему больше нечего было сказать брату.

4

Семели проснулась одна в темноте. Открыла глаза, лежала в полной неподвижности, слушала. Слышала дыхание членов родного клана вокруг, тихое, громкое. Слышала скрип досок старого, легко качавшегося плавучего дома, тихий плеск вод лагуны о борта, лягушачье кваканье, стрекотание сверчков среди ночных звуков других живых существ, населяющих Эверглейдс¹. Вздрыгнула, когда кто-то рядом — скорей всего, Люк — то ли кашлянул, то ли всхрапнул.

Плотный горячий воздух влажным покрывалом лежал на обнаженных руках и ногах, но она к нему привыкла. Сентябрь обещает быть жарким, хотя не таким, как август. *Тот* был действительно жарким, жарче не припомнишь.

Отчего она проснулась? Всегда крепко спит по ночам. И тут вспомнился сон — не в деталях, которые исчезли в ночи, как утренний туман после бури, а общее впечатление чего-то надвигавшегося... приближавшегося.

— Кто-то идет, — вслух шепнула она.

Непонятно, откуда ей это известно, — просто ясно, и все. Прозрение пришло не впервые. Она то

¹ Э в е р г л е й д с — Национальный парк в Южной Флориде из непроходимых болот с островками, покрытыми субтропической растительностью, по которому передвигаются на специальных плоскодонках на воздушных подушках.

и дело без предупреждения чувствует, что вскоре что-то произойдет, и каждый раз действительно происходит.

К ней кто-то идет. Человек — мужчина — уже в пути. Неизвестно, к добру или к худу. Не важно. Семели приготовится и к тому и к другому.

5

— Какая роскошь, — вздохнул Эйб Гроссман, глядя на полдюжины пончиков в стоявшей перед ним коробке. — Чем это я заслужил?

— Ничем... — ответил Джек. — Всем...

Эйб поднял брови, отчего по лбу океанскими волнами побежали морщинки, забежав в облысевший залив и разбившись о береговую линию поредевших волос.

— «Криспи» с кремом? Мне?

— *Нам.*

Джек полез в коробку, вытащил хрустящий пончик со сметаной, увесистый, жирный, глазированный до последнего дюйма. Откусил большой кусок, закрыл глаза. Вкусно, черт побери.

Эйб скорчил гримасу.

— Да в них же полно жира. — Он потер солидный животик, будто чувствовал боль в желудке. — Все равно что бетон в артерии заливать.

— Наверно.

— И ты мне их принес?

Они расположились у обшарпанного прилавка в принадлежавшем Эйбу магазине спортивных товаров «Ишер». Джек с покупательской стороны, Эйб примостился на стуле напротив, как Шалтай-Болтай. Джек демонстративно оглядел пыльные банки с теннисными мячами, ракетки, баскетбольные

мячи и кольца, напиханные как попало на провисшие полки вдоль узких проходов, футбольные мячи и роликовые коньки вместе с обязательными наколенниками, подвешенные к потолку велосипеды и акваланги.

— Еще кого-нибудь видишь вокруг?

— Мы пока не открылись. Никого и не должен увидеть.

— Тогда давай. — Джек ткнул пальцем в пончики. — Начинай. Чего ждешь?

— Шутишь, да? Пытаешься разыграть старого друга? Ты их принес Парабеллуму.

Словно услышав свое имя, длиннохвостый голубой попугайчик выглянул из неоновно-желтого велосипедного шлема, заметил коробку с пончиками, запрыгал к ней по прилавку.

— Вовсе нет, — прошамкал с набитым ртом Джек.

Парабеллум скосил головку на пончики, потом взглянул на него снизу вверх.

— Лучше не огорчай его, — предупредил Эйб. — Парабеллум — свирепый зверь. Даже можно сказать, замаскированный хищник.

— Ну ладно. — Джек отщипнул кусочек, бросил птице, которая его мигом склевала.

— Куда делись обезжиренные кексы от Энтенманна и сливочный сыр с пониженным содержанием жиров?

— Мы от них отдыхаем.

Эйб снова погладил живот.

— Что? Я сам должен заботиться о своем сердце? Хочешь, чтоб я раньше времени умер?

— Господи Иисусе! Можно разок позавтракать без твоего нытья? Когда я несу низкокалорийное дерьмо, ты бесишься. Приношу вкусенькое — обвиняешь в покушении на убийство.

Эйбу было за шестьдесят, вес его приближался к восьмой части тонны, что было бы не так плохо при росте в шесть футов восемь дюймов, до которого он недотягивал на целый фут, если не больше. В прошлом году Джек забеспокоился о предположительно близкой кончине своего старейшего, самого драгоценного друга и попытался заставить его сбросить вес, вызвав реакцию, лишенную всякого энтузиазма.

— Что-то ты нынче фокусничаешь.

И правда. Пожалуй, настроение плоховатое. Что ж, на то есть причины.

— Извини, — сказал Джек. — Взгляни на дело с другой стороны: считай это прощальным подарком перед отъездом.

— Перед отъездом? Я куда-то уезжаю?

— Нет, я. Во Флориду. Не знаю, долго ли там пробуду, поэтому решил оставить тебе запас калорий, чтоб держался на плаву.

— Во Флориду? Ты хочешь ехать во Флориду? В сентябре? В разгар сильнейшей за десятки лет засухи?

— Я не отдыхать туда еду.

— А влажность? Проникает в поры, заполняет мозги, с ума сводит. Вода в мозгах вредна для здоровья.

— Хорошо. — Джек забарабанил пальцами по прилавку. — Пожалуйста, съешь этот чертов пончик.

— Ладно, — согласился Эйб. — Если настаиваешь. За твое здоровье.

Взял, откусил, выкатил глаза.

— На свете не должно быть таких вкусных вещей.

Жуя второй пончик, Джек рассказал о звонке брата.

— Очень жаль, — посочувствовал Эйб. — Поэтому ты такой ненормальный? Не хочешь отца видеть?

— Не хочу видеть в таком состоянии... в коме.

Эйб покачал головой:

— Сначала твоя сестра, теперь... — Он поднял глаза на Джека. — Думаешь...

— Иное?¹ Надеюсь, что нет. Хотя не удивился бы, судя по развитию последних событий.

После ночного разговора с Томом он позвонил в больницу, узнал, что состояние отца стабильное, но по-прежнему критическое, получил указания, как доехать из аэропорта. Потом попробовал посмотреть кино. Начал ретроспективу Вэла Льютона, прокрутив в субботу вечером фильм «Люди-кошки». Собираясь поставить «Прогулку с зомби» и не смог врубиться. Слишком отвлекали мысли об отце в коме, о досмотре в аэропорту. Выключил видео и лежал в темноте. Сон прогоняли раздумья о чем-то неведомом, дергавшем за ниточки, распоряжаясь его жизнью.

Поэтому он был наутро уставшим и раздраженным. Вероятность, что несчастный случай с отцом не так уж и случаен, довела его до предела.

— Знаешь подробности?

— Знаю только, что произошла автомобильная катастрофа.

— Ну, не слишком зловеще звучит. Сколько ему лет?

— Семьдесят один. Впрочем, он в прекрасной форме. До сих пор в теннис играет. Играл, по крайней мере.

Эйб кивнул:

— Помню, как летом разгромил тебя в семейном матче.

— Верно, прямо перед тем, как здесь разверзся истинный ад.

¹ О попытках так называемой «иной» силы завладеть земным миром идет речь в романе «Бездна» и других произведениях Ф. Пола Вилсона.

— Не хотелось бы еще раз пережить подобное лето, — содрогнулся Эйб, будто его мороз прошиб. — Кстати, кажется, могу кое-что сообщить насчет легитимизации.

— Правда? Что?

Узнав в прошлом месяце, что скоро станет отцом, Джек принялся искать способ вынырнуть из подполья, не отвечая на неизбежные вопросы разнообразных правительственных ведомств по поводу того, где он был и чем занимался последние пятнадцать лет, почему ни разу не получал номера социального страхования¹, не заполнял анкет и за все это время не заплатил ни цента налогов.

Подумывал просто ответить, был болен, в беспмятстве, пристрастился к наркотикам, бродил по стране, жил чужой милостью, теперь выздоровел, готов стать полезным гражданином. Это сработало бы, хотя в нынешние подозрительные времена его взяли бы под пристальный надзор. Не хочется до конца жизни числиться в списках клиентов министерства национальной безопасности.

— Один знакомый из Восточной Европы обещал, что, возможно, поможет. Возможно. Надо еще немножко разведать.

Небольшая хорошая новость лучом маяка пробилась сквозь тьму, нахлынувшую после звонка Тома.

— Хоть на что-нибудь намекнул?

— По междугороднему телефону? — нахмурился Эйб. — Из своей страны? Он не такой дурак. Отрабатывает детали — если сумеет, — уведомит.

Может быть, новость и не такая хорошая. Или потенциально хорошая.

Эйб пристально посмотрел на него:

— Ну? Когда едешь во Флориду?

¹ Номер карточки социального страхования, одного из основных документов граждан США.

— Сегодня. Только билет еще не заказывал. Хочу сперва с Джиа встретиться, может, уговорю ее вместе поехать.

— Думаешь, поедет?

Джек улыбнулся:

— Я сделаю ей предложение, от которого она не сможет отказаться¹.

6

— Прости, Джек, — покачала Джиа головой, — не получится.

Они сидели в старомодной кухне дома номер 8 на Саттон-сквер, в одном из самых феешенебельных городских кварталов. Джек нянчил в руках чашку кофе, Джиа потягивала зеленый чай. Она слегка отрастила пшеничные волосы, которые уже не облегли голову, но все-таки, по сравнению почти с любыми стандартами, оставались короткими. На ней были джинсы с заниженной талией, белая майка с круглым вырезом на груди облегла стройный торс, нигде не располневший даже на третьем месяце беременности.

Открытие, сделанное месяц назад, обоих сбilo с толку. Такое событие не предусматривалось, они не были к нему готовы. Оно несло в жизнь перемены, для Джека особенно радикальные, однако они с этим смирились.

Джек рассказал об отце, как только переступил порог утром. Джиа с Томом-старшим никогда не встречалась, но была потрясена известием, приказывая немедленно лететь во Флориду. Джек не ви-

¹ Парафраз угрожающего предупреждения «крестного отца» Вито Корлеоне из романа Марио Пьюзо и киноэпопеи Фрэнсиса Форда Копполы.

дел никакой срочности. По приезде можно только беспомощно торчать у койки отца, лежавшего без сознания. Мало что на свете претило ему сильнее, чем беспомощность. А когда — *если* — папа очнется, сразу начнет расспрашивать, почему его не было на похоронах Кейт.

Поэтому он изложил Джиа свой план, который она отвергла.

Джек старался скрыть разочарование. Наверняка надеялся на успех. Предложил забросить их с Вики в Орландо, доставить в «Мир Диснея»¹, а сам будет летать челноком между отцом и ними.

— Как ты можешь отказываться? Подумай о Вики. Она никогда не была в «Мире Диснея».

— Была. Мы ездили с Нелли и Грейс, когда ей было пять лет.

Джек увидел тучку, заставшую небесно-голубые глаза при упоминании о погибших тетках Вики.

— С тех пор прошло три года. Пусть еще раз поедет.

— Ты позабыл о школе.

— Ничего, недельку пропустит. Девочка сообразительная, третий класс для нее не проблема.

Джиа покачала головой:

— Новый учебный год, новый класс, новые учителя... Она пришла в школу всего две недели назад. Невозможно в начале года увезти ее на неделю. В ноябре — может быть... Хотя к тому времени, — она похлопала себя по животику, — мне летать уже не захочется.

— Замечательно. — Джек в свою очередь похлопал по животику. — Как поживает маленький Джек?

¹ «Мир Уолта Диснея» — увеселительный тематический парк в г. Орландо, штат Флорида, с международными павильонами, посвященными истории и культуре народов мира, аттракционом «путешествие по великим фильмам» и пр.

— С *ней* все в полнейшем порядке.

По этому поводу шел воинственный спор с той минуты, как Джиа узнала о своей беременности. Джек уверенно считал, что будет — должен быть — мальчик, а она утверждала, что девочка. Ультразвуковое исследование пол пока не определяло.

— Слушай, у меня идея... Может быть, на неделю нанять Вики няньку и...

Взгляд лазурных глаз остановил его.

— Ты конечно же шутишь.

— Пожалуй, — вздохнул Джек.

Думай, что говоришь. Чтобы Джиа без дочки отправилась в «Мир Диснея»? Никогда. Это убило бы Вики. Вдобавок ему, точно так же, как Джиа, совершенно не хочется с кем-нибудь оставлять девочку на неделю.

Он откинулся на спинку кресла, глядя, как Джиа маленькими глотками прихлебывает чай. Какое наслаждение видеть, как она пьет чай, морщит от смеха лицо. В ней все прелестно, все любимо. Они познакомились чуть больше двух лет назад — если точно сказать, два года и два месяца, — но кажется, будто он всю жизнь ее знает. Прежние женщины — а их было немало — превратились в тени, как только он впервые увидел ее улыбку. Ни у кого нет подобной улыбки. По дороге случались недолгие стычки — они чуть навсегда не расстались, когда она узнала, чем он зарабатывает на жизнь, — не на все у них был одинаковый взгляд, но возникшее глубокое доверие, забота друг о друге позволяют им быть вместе, независимо от разногласий.

Даже не вспомнишь, чтобы он к кому-нибудь так относился, как к Джиа. При виде ее непременно хотел прикоснуться, обязательно *должен был* хоть на секунду дотронуться кончиком пальца. Кроме нее, испытывал такие чувства только к ее дочке Вики, с

которой сдружился с тех пор, как она была еще совсем малышкой. На свете не много вещей и людей, ради которых он готов умереть, но двое из них живут в этом доме.

— Ох, — пробормотала Джиа, потрепав его по колену со своей уникальной улыбкой. — Убит наповал?

— Окончательно. Похоже, придется лететь одному. Обычно это ты садишься в самолет и отчаливаешь. — Джиа регулярно летала в Айову, возя Вики к бабке и деду. Эти недели черными дырами зияли в его жизни. Теперь будет еще хуже. — Пришла моя очередь.

— Облегчу твои страдания. — Она поставила чашку, встала, дернула его за руку. — Пошли.

— Куда?

— Наверх. Расстаемся на неделю. Пожелаю доброго пути.

— Наденем дурацкие шляпы, чтоб снять на прощание?

— Обойдемся без шляп. И без одежды тоже.

— Идет.

7

Джек слегка косил глазами и чувствовал дрожь в коленках, выходя вместе с Джиа из дому. Так она на него действовала.

По пути к себе в Вестсайд — она вызвалась помочь собрать вещи — заглянул на почту, купил пару посылочных ящиков «Федерал экспресс»¹ и пузырчатой упаковочной пленки.

— Это еще зачем?

— Так... кое-что надо отправить перед отъездом.

¹ «Ф е д е р а л э к с п р е с с» — почтовая служба срочной доставки посылок и бандеролей.

Дальше он распространяться не стал.

Придя в свою квартиру на третьем этаже городского особняка на Западных Восьмидесятых, открыл окна, впустив свежий воздух. Ветерок, попахивая окисью углерода, донес пульсирующие басы мелодии в стиле хип-хоп. Регулятор громкости, очевидно, стоял на одиннадцати.

— Как собираешься решать проблему? — спросила Джиа.

— Какую?

— Покупки билета.

Они стояли в комнате, тесно заставленной викторианской мебелью из золоченого дуба с рыжеватой резьбой.

— Куплю и полечу, как еще?

— Под каким именем на этот раз?

— Джон Л. Тайлески.

После тщательных раздумий Джек решил лететь под именем Тайлески. У Тайлески имеется кредитная карточка «Виза» с номером социального страхования, принадлежащим мальчику, умершему не более шести месяцев от роду, причем счет своевременно пополнялся. У Тайлески есть водительские права штата Нью-Джерси с фотографией Джека, приобретенные через контору Эрни. Естественно, фальшивые, наравне со всеми товарами Эрни, но качественные, как пистолет-пулемет «стерлинг».

— Не рискованно ли? — спросила она. — Когда нынче ловят кого-нибудь на покупке билета на чужое имя, его ждут неприятности. Причем крупные, в федеральном масштабе.

— Знаю. Хотя поймать меня могут в одном только случае — если проверят номер водительских прав в Управлении автомобильным транспортом Нью-Джерси. Тогда я пропал. Однако в аэропортах этого не делают.

— Пока.

Джек взглянул на нее:

— Ты не облегчаешь мне дело, Джаи.

Она с озабоченным видом села в кресло с откидной спинкой.

— Просто не хочется слышать в вечерних новостях о задержанном неизвестном мужчине, пытавшемся сесть в самолет, и видеть твое изображение.

— Мне тоже.

Он передернулся. Какой кошмар. Конец подпольной жизни. Хуже всего, разумеется, снимки в газетах и на телеэкранах. За время карьеры наладчика он существенно испортил жизнь немалому числу людей. Жив до сих пор исключительно потому, что никто его не знает, не может отыскать. Сам факт публичного ареста все переменит. На груди сразу мишень нарисуеться.

Пока Джаи в другой комнате справлялась в компьютере о погоде в Майами, Джек сел за дубовый стол на ножках с львиными лапами и вытащил толстый бумажник. Отобрал все документы на другие фамилии, оставил лишь водительские права и кредитку Тайлески, добавил примерно с тысячу наличными.

— Согласно прогнозу на три дня вперед, — сообщила Джаи, вернувшись, — в Майами под девяносто¹. Оденься полегче.

— Отлично. Сунь какие-нибудь шорты. — На нем были джинсы, мокасины, футболка, в дорогу надо взять еще что-нибудь. — И принеси рубашку с длинными рукавами.

— С длинными? — скорчила она гримасу. — Там жарко.

— У меня свои соображения.

¹ Девяносто градусов по Фаренгейту составляют около 33 по Цельсию.

Джиа, пожав плечами, скрылась в его спальне, принялась копаться в вещах. Джек достал 9-миллиметровый «Глок-19» в пакете из пузырчатой пленки, завернул в алюминиевую фольгу, сунул в посылочный ящик «Федерал экспресс», проделав то же самое с запасным «АМТ» 38-го калибра в кобуре, прикреплявшейся к щиколотке, плотно забил пузырчатой пленкой, чтоб не болтались, обмотал ящик липкой лентой, заклеив все почтовые логотипы.

— Сколько белья укладывать? — спросила Джиа из другой комнаты.

— Дня на три-четыре. Если задержусь, отдам в стирку.

Она вышла с легкой хлопчатобумажной рубашкой в мелкую красно-синюю клетку.

— Действительно нужна рубашка с длинными рукавами?

— Надо кое-что спрятать, — кивнул он.

В руках у него был пластиковый кинжал, темно-зеленый, почти черный, с трехдюймовым лезвием и рукояткой в четыре дюйма, сформованный из цельного куска сверхпрочного фибропластика. Эйб гарантировал, что он пройдет через любой в мире детектор. Лезвие практически не заточено, однако острый кончик пробивает фанеру.

Никто не угонит его самолет.

Джиа вытаращила глаза:

— Ох, Джек! Неужели ты собираешься...

— Приклею пластырем под мышкой. Никто не найдет.

— С ума сошел! Знаешь, что будет, если тебя поймут?

— Не поймут. — Он взял моток пластыря. — Поможешь?

— Ни в коем случае! Не стану участвовать в этом безумии. Это безответственно. У тебя скоро

будет ребенок. Хочешь сидеть в тюрьме, когда она родится?

— Нет, конечно. Только тебе пора бы понять, что такой уж я есть и живу на свой лад.

— Просто боишься контроль из рук выпустить.

— Возможно. Летя в самолете, который неизвестно кто пилотирует, буду себя неуверенно чувствовать. Впрочем, это можно пережить. Но не верю, что какая-то захудалая авиакомпания позаботится, чтобы прочие пассажиры вели себя прилично.

— Ты должен научиться верить людям, Джек.

— Я верю. Себе, тебе, Эйбу, Хулио... А больше... — Он пожал плечами. — Извини, таким уродился. — Снова махнул катушкой пластыря. — Будь добра.

Джиа, явно не от чистого сердца, принялась помогать.

Он заклеил кончик лезвия маленьким кусочком пластыря, приложил кинжал к левой руке изнутри рукояткой почти в подмышке, она обмотала предплечье тремя длинными круговыми полосками. Не слишком удобно, но кинжал можно снять в туалете, как только самолет поднимется в воздух, сунуть в носок до конца полета.

Закончив перевязку, Джиа отступила на шаг, глядя на свою работу.

— Будет держаться. Я... — покачала она головой.

— Что?

— ...все думаю, окажись в самолетах 11 сентября кто-нибудь вроде тебя, может быть, башни Всемирного торгового центра стояли б на месте.

— Может быть. А может, и нет. Я не супермен, один против пятерых не выстою. А вот вместе с такими ребятами, как на борту 93, кто знает?

Джек натянул рубашку, закатал по локоть рукава, принял позу.

— Ну, как я выгляжу?

— Подозрительно, — объявила Джиа.

— Правда?

— Нет, — вздохнула она. — Выглядишь обычным рядовым гражданином.

Это ему и хотелось услышать.

— Замечательно. Вещи уложены?

— Лежат на кровати. Давай чемодан.

— Чемодан? У меня нет чемодана. Никогда не требовался.

— Действительно. Ты же никуда не едешь. Может, найдется спортивная сумка?

— В ней лежат инструменты. — Его *собственные* инструменты.

— Ну, если внутри не слишком много грязи, освободи, посмотрим.

Джек вытащил сумку из шкафа, вывалил на кухонный стол содержимое: стеклорез, присоска, резиновый молоток, монтировка, фомка для взлома двери автомобиля, отмычки, набор отверток и струбцин разнообразных размеров и конфигураций.

— Что это такое? — спросила Джиа, глядя на растущую кучу.

— Профессиональные инструменты, моя дорогая. Профессиональные инструменты.

— Пожалуй, для профессионального грабителя.

Он намочил бумажное полотенце, протер внутри сумку, протянул ей.

— Подойдет?

Подошла. Южный гардероб, состоящий из шорт, футболок, носков и широких спортивных трусов, полностью уместился.

— Будешь ходить весь мятый, — предупредила Джиа.

Джек взвесил в руке сумку.

— Придется в багаж сдавать или на борт пропустят?

— Сумка небольшая, в верхней сетке поместится.

— В верхней сетке? А, понял.

Она взглянула на него:

— Давно был в самолете в последний раз?

Пришлось призадуматься. Ответ вышел несколько ошеломляющий.

— Кажется, на втором курсе колледжа. На весенних каникулах летал в Лодердейл.

Путешествие едва помнилось, будто с тех пор прошла целая жизнь. В определенном смысле так и есть. Это было в другой жизни.

— И с тех пор ни разу?

Джек пожал плечами:

— Никуда не хочется ездить.

— Правда? — пристально смотрела она на него.

— Конечно. Никогда не хочется уезжать из этого города.

— Может быть, потому, что при этом приходится преодолевать массу проблем и *опасных* препятствий?

— Возможно. — К чему она клонит?

Джиа крепко обняла, прижалась к нему.

— Видишь? Видишь? — повторяла она. — Самостоятельная анонимная жизнь превратилась в ловушку. О твоём существовании действительно никто не знает, ты, в отличие от остальных, не обязан ежегодно четыре-пять месяцев работать на правительство... С одной стороны, прекрасно, а с другой — ловушка. Ты постоянно вынужден выдавать себя за кого-то другого, рискуя разоблачением. Я, не задумываясь, иду, куда хочу, еду в аэропорт и спокойно показываю документы. Ты все время боишься, как бы кто-нибудь не заметил подчистку. — Она выпустила его из объятий, просверлила голубым взглядом. — Кто из нас фактически свободнее, Джек?

Джиа не понимает, никогда, пожалуй, до конца не поймет. Ну и ладно. Для его любви к ней это

значения не имеет. Ему отлично известно, что она много лет живет самостоятельно, мать-одиночка, старается сделать собственную карьеру и обеспечить жизнь дочке. При такой колоссальной ответственности нечего осложнять ей и без того хлопотное, утомительное повседневное существование.

— Разве можно сравнивать, Джиа? Я живу так, как сам считаю нужным, по своим законам и правилам. Нежелание платить налоги абсолютно не связано с деньгами, оно связано с жизнью, с вопросом о том, что мое, что твое, и так далее.

— Это я понимаю и в философском смысле полностью с тобой согласна. Но разве семейный мужчина может вести такой образ жизни в трудовом практическом мире? «Ох, детка, очень жаль, папочка с нами не едет, потому что живет под чужим именем, не хочет подводить нас, когда его поймают. Не огорчайся, он нас на месте встретит. Будем надеяться». Можно так растить ребенка?

— Будем *все* жить под чужими именами. Подпольным семейством. — Он быстро поднял руки вверх. — Шутка.

— Надеюсь. Это был бы настоящий кошмар.

На сей раз он притянул ее к себе.

— Я над этим работаю, Джи. Найду выход.

Она поцеловала его.

-- Знаю, что найдешь. Ты же Наладчик Джек. Все способен уладить.

-- Рад слышать подобное мнение.

Но выйти из подполья, сохранив полную свободу... задача другого порядка.

Постарайся помочь, Эйб, мысленно взмолился он, иначе я полезу на стену.

Не хотелось возиться с парковкой в аэропорту, поэтому Джек вызвал такси до аэропорта Ла-Гардиа. Поскольку Джиа жила в тени эстакады на Пятьдесят

девятой улице, ее забросили по пути, совершив минимальный крюк.

— Будь осторожен, — шепнула она после долгого прощального поцелуя. — Возвращайся ко мне и не вляпайся там в неприятности.

— Я еду навестить отца, который лежит в коме. Какие могут быть неприятности?

8

Джек подошел к стойке компании «Омнишаттл эруэйз» за час до следующего рейса.

Прежде чем высадить Джиа, попросил таксиста завернуть к Эйбу, где оставил свой ящик с просьбой завтра доставить на адрес отца. Эйб пользовался услугами небольшой дорогой эксклюзивной посылочной компании, которая не задавала вопросов. Поездка в такси прошла без приключений, только было очень непривычно передвигаться по городу без оружия на поясице или на щиколотке. Он не осмелился проносить пистолет в самолет, так как багаж теперь даже после досмотра просвечивали рентгеновскими лучами.

Билет был куплен без сучка без задоринки: женщина с кофейной кожей и неопределимым акцентом взяла карточку «Виза» на имя Тайлески, водительские права на имя Тайлески, застучала по клавиатуре — перебрав жуткое количество клавиш, — всрнула с билетом и посадочным талоном. Джек выбрал «Омнишаттл», не желая иметь дело с билетом туда и обратно. Эта авиакомпания продавала билеты в один конец, не учитывая интересы летающих отдыхать в выходные и прочую чепуху: хочешь ехать — покупай билет, хочешь вернуться — покупай другой.

Симпатичная компания.

Места у прохода уже разобрали, удалось получить только кресло в первом ряду, где можно вытянуть ноги.

Оставалось какое-то время, поэтому он взял стакан кофе с тенденциозным названием «мокко-ява-кака-куку», что-то в этом роде, довольно хорошим на вкус. Купил пачку жвачки, собрался с духом и направился к металлодетекторам с поджидавшими охранниками, проводившими личный досмотр.

Постарался пристроиться в хвост самой длинной очереди, знакомясь с процедурой досмотра. Тех, на кого детектор сработал, гораздо чаще отводили в сторону для тщательного обыска, чем тех, кто прошел без сигнала тревоги. Хорошо бы попасть в последнюю категорию.

Теперь ясно, как террорист себя чувствует. Стоит в очереди, обливается потом, молится, чтобы никто не раскрыл фальшивую личность. Но я зла никому не желаю. Хочу только доехать до Флориды.

Когда подошла его очередь, Джек поставил сумку на конвейер, глядя, как ее глотает пасть телерентгенологической установки. Потом пришла пора пройти через детектор. Он выложил часы, мелочь, ключи в чашечку, которую передвинули дальше по стойке, шагнул в раму...

Сердце екнуло, бешено заколотилось при громком гудке. Ох, проклятье!

— Сэр, вы все вытащили из карманов? — спросила грудастая блондинка в белой блузе с погонями, золоченым значком и именной табличкой, на которой значилось «Делорес», вооруженная ручным металлоискателем. За ней шагах в десяти стояли два охранника с висевшими на плечах карабинами.

— По-моему, да. Разрешите проверить. — Похлопал спереди и сзади по брючным карманам — пус-

то, кроме бумажника. Джек вытащил бумажник. — Может, здесь что-нибудь?

Она поднесла металлоискатель. Тихо.

— Нет, сэр. Встаньте сюда, пожалуйста.

— Зачем?

— Я должна вас обыскать.

— А в чем дело?

— Может быть, в пряжке на брючном ремне, ювелирном украшении. Встаньте сюда спиной к столу. Хорошо. Раздвиньте ноги, поднимите руки в стороны.

Джек принял позу. Во рту пересохло, зато ладони вспотели. Женщина провела металлоискателем вверх и вниз по ногам изнутри и снаружи, вокруг талии, поймав сигнал от пряжки на брючном ремне — проблема не в этом, — и перешла к рукам. Сперва правая, изнутри и снаружи — о'кей; потом левая... Снаружи — порядок, а у подмышки металлоискатель громко загудел.

Ох, черт, дьявол, господи боже. Эйб обещал, клялся, что нож пройдет через детектор! Что за чертовщина?

Не поворачивая головы, Джек краешком правого глаза покосился на охранников. У них был скучный вид, на него они явно не обращали внимания. Слева кучка безоружных служащих деловито осматривала и обыскивала других пассажиров. Мимо можно прорваться, выскочить назад в терминал, а оттуда куда? Понятно, шансы спастись нулевые, хотя он, черт возьми, не намерен тут просто стоять, протягивая руки к наручникам. Захотят взять — сперва пусть поймают.

— Сэр!

— А... что? — На лбу выступил пот. Заметно?

— Я спрашиваю, что у вас в нагрудном кармане?

— В нагрудном...

Джек сунул руку в карман, вытащил пачку «Дентин Айс». Жвачка в блестящей упаковке... завернутая в фольгу...

Женщина подняла металлоискатель, ответивший писком, взяла пачку, вскрыла, убедилась, что там одна жевательная резинка, бросила на стол. Проверка завершилась без дальнейших сигналов тревоги.

Будущее, съезжившееся в игольное ушко, вновь широко распахнулось. Пьяный от счастья, словно помилованный приговоренный к смерти, Джек забрал свои часы, ключи, цепочку, бросив проклятую жвачку, которая чуть не довела его до инфаркта. Пусть Делорес жует.

Забросив на плечо спортивную сумку, испытал искушение предложить Делорес и ее обыскать. Обыскивайте что хотите! Вzbешенная инспекторша вновь потерпит поражение!

Однако ничего не сказал, ограничившись дружеским кивком, и направился к своему выходу. Еще есть время быстренько звякнуть Джиа.

— Порядок, — сообщил он, услышав ее голос. — Буду на борту через пару минут.

— Слава богу! Теперь не придется запекать в пирог напильник.

— Ну, еще назад придется лететь.

— Не будем пока думать об этом. Позвони, когда отца увидишь, расскажи, как он там.

— Обязательно. Люблю тебя.

— Я тебя тоже, Джек. Очень. Только будь осторожен. Не разговаривай с незнакомыми, не садись в чужие машины, не бери конфет у...

— Пора бежать.

Джек пробрался к креслу у окна в левом переднем ряду с идеальным соседом, заснувшим до взлета и проснувшимся лишь на бетонной посадочной

полосе аэропорта Майами. Никакой болтовни плюс положенный спутнику пакетик арахиса.

Единственным непорядком в полете было небольшое отклонение к западу от обычного курса из-за тропического шторма «Элвис». Услыхав как-то вечером по телевизору о шторме по имени «Элвис», Джек разинул рот так глупо, что перещеголял самого Лу Костелло¹.

Не ожидалось, что «Элвис» удостоится статуса урагана, но вот он несется по побережью близ Джэксонвилла, врывается, переворачивает все вверх дном вроде своего тезки в пятидесятых². Хотя самолет свернул к западу, уклоняясь от бури, видно было, как ветер мчится к востоку. Джек смотрел с высоты на рваные облака, которые тут и там драматически разлетались в пушистые белые клочья. «Элвис» стремится на сцену.

9

— Семели, смотри, чтоб она меня не укусила! — крикнул Корли.

Семели сняла с глаз раковины, взглянула на него.

Стоя по грудь в воде лагуны, Корли смотрел на нее снизу вверх здоровым открывавшимся глазом, который вращался в глазнице под выпуклым лбом. Обычно на том месте вода ему по горло. А при такой засухе...

С глазами у Корли действительно плохо, поэтому ему хорошо подают. Его везут в город, усаживают на тротуаре в тени, кладут перед ним потрепанную старую шляпу и ждут. Шляпа пустует недолго.

¹ К о с т е л л о Л у (1906—1959) — американский комик, выступавший в дуэте с Уильямом Эбботом.

² Имеется в виду Элвис Пресли, «король рок-н-ролла».

Люди только взглянут в лицо и начисто выгребают мелочь из карманов, время от времени даже бумажки бросают.

По вторникам дела идут плохо — не так плохо, как по понедельникам, однако все же плохо. Поэтому понедельники и вторники предназначены для рыбалки.

— Скажи, чтоб не кусала! — ныл Корли.

— Заткнись, держи сеть, — приказал ему Люк.

Из спущенной на воду малой лодки с надстройкой под названием «Плавучий Конь» Семели с улыбкой смотрела на двух членов клана. Они стояли в воде с четырехфутовыми шестами в руках, между которыми тянулась нейлоновая сеть с ячейками в полдюйма. С берега над водой склонялись покосившиеся стволы кривых корявых деревьев.

Люк, сводный брат Корли, тоже особенный. Не так явно, как Корли, не так, чтоб собирать хорошую милостыню, поэтому он главным образом доставляет попрошаек на место. Впрочем, по-своему совершенно особенный. Пожалуй, даже слишком. Он пробовал попрошайничать без рубашки, демонстрируя плавнички вдоль спины, покрытой крупной чешуей, но потерпел неудачу. Не получил даже дайма. Копы собрались арестовать его за нарушение общественного порядка, да он удрал, и они его не поймали.

Семели рада, что она не урод вроде Корли, Люка и других членов клана. Хотя сама особенная. У нее вещий глаз, что принесло ей немало страданий, но она не способна свободно менять ход вещей. У нее иная особенность. Своя. Внутренняя.

— Ты же не в первый раз рыбачишь, — напомнила она Корли.

— Знаю, только терпеть не могу. Даже если бы миллион раз рыбачил. Если она захочет, в один миг ногу откусит.

— Не одну ногу, Корли, — ухмыльнулся Люк, — обе сразу, то есть если захочет.

— А если мне наскучит твое нытье, я ей велю это сделать, — добавила Семели.

— Ничего смешного! — воскликнул Корли, приплясывая на месте, как мальчишка, которому приспичило пописать.

— Стой спокойно! — рявкнул Люк. — Мы рыбу ловим, а ты ее распугиваешь! Скажи спасибо, что ее не Дьявол пасет.

У Корли затряслись руки.

— Если бы Дьявол, я в воде не стоял бы! Меня даже на берегу бы не было!

Семели заметила темное пятно, мелькнувшее по направлению к ним под водой на глубине пары футов, подняв рябь на воде.

Шла Дора, гоня перед собой рыбу.

— Готовьтесь, — предупредила она. — Идет.

Корли испустил тихий тонкий испуганный стон, но остался на месте, держа свой конец сети.

Пятно неуклонно приближалось к Люку и Корли, потом сеть вдруг наполнилась, плещущая рыба ожила, вспенила воду. Мужчины свели шесты вместе, вытащили сеть из воды. В ней билось десятка два добрых молли, даже пара окуней.

— Будет на ужин свежая рыба! — воскликнул Люк.

— Она меня задела! — Корли вертел головой из стороны в сторону. Если бы шея позволила, совершал бы полные обороты. — Хотела укусить!

— Просто плавником зацепила, — возразил Люк.

— Все равно! Тащи сеть на берег!

— Не забудьте немножко оставить, — сказала Семели, — или Дора сильно обидится.

— Конечно, конечно! — заторопился Корли, сунул в сеть руку, вытащил трепыхавшуюся шестидюймовую молли. — Хватит?

— Парочки хватит.

Он выбросил в лодку одну и другую, направился к берегу.

Семели подняла за скользкий хвост выброшенную, разевавшую рот рыбу, поднесла к воде, пропела:

— Дора... милая! Где ты, детка?

Дора, видно, ждала на дне, ибо мигом вынырнула на поверхность. Сначала появился выпуклый черепаший панцирь, изборожденный поросшими водорослями складками, точно горный хребет, протянувшись из конца в конец на добрых три четверти фута. Потом из-под воды выскочили две головы, четыре глаза-бусинки уставились на Семели, обе зубастые пасти распахнуты в ожидании. На обоих языках виднелись червеобразные отростки, которыми Дора приманивала рыбу, сидя днем на дне, дожидаясь обеда. Наконец, воду рассек длинный хвост, плывший за ней на манер длинной мокасиновой змеи.

Ученые наверняка все отдали бы, чтобы взглянуть на Дору, самую крупную, дьявольскую, фантастическую грифовую черепаху на свете, но она принадлежит Семели, никто никогда к ней и близко не подойдет.

Она бросила рыбу левой голове. Могучие острые челюсти щелкнули посередине, откусив хвост и голову, которые над водой поймала правая голова. Пара конвульсивных глотков — пасти снова открылись.

Семели скормила правой вторую рыбу с тем же результатом, вытянула над водой руки. Головы охотно подставились.

— Хорошая девочка, — заворковала она, поглаживая макушки. Дора от удовольствия была длинным хвостом. — Спасибо за помощь. Теперь лучше беги, пока землечерпалыщиков нет.

Чудовищная черепаха бросила на нее последний взгляд и исчезла.

Выпрямляясь, Семели мельком увидела собственное отражение во вспененной воде и еще раз взглянулась. Не слишком любила смотреться в зеркало, но время от времени рассматривала себя, гадая, что было бы, если бы на голове росли нормальные волосы — черные, темные, рыжие, светлые, все равно — длинные, в отличие от данных с рождения.

В воде отражалось лицо женщины лет двадцати пяти, на которое никто второй раз не оглянется, но и не назовет некрасивым. Если кто и оглянется, то на волосы, на спутанную серебристо-белую гриву, облаком летевшую следом, — косматым, растрепанным ветром грозovým облаком, неподвластным никаким расческам. Вообще никаким, насколько известно. В детстве она долго пыталась с ними справиться.

Волосы были вечным проклятием. Семели не помнила, здесь ли, в лагуне, она родилась; не помнила, когда мама уехала из лагуны и увезла ее в Таллахасси¹. Помнится только тамошняя начальная школа.

Первые воспоминания — дети тычут пальцами на волосы, дразнят ее «старухой». Во что бы они ни играли, никто не принимал в компанию Старуху Семели, поэтому в школьные и дальнейшие годы она в основном оставалась одна. В основном. Отверженность уже плохо, но другие девчонки на этом не останавливались. Нет, толпами гонялись за ней, срывали шляпу, под которой она прятала волосы, цеплялись, дергали ради забавы. Она без конца плакала у мамы на плече, прибегая из школы. Дома — только дома — чувствовала себя в безопасности, мама была единственным другом.

¹ Т а л л а х а с с и — административный центр Флориды, расположенный на севере штата.

Семели ненавидела свои волосы. Иначе ее не дразнили бы, а играли, дружили бы с ней — ей больше всего на свете нужен был хоть какой-нибудь друг. Разве это слишком большое желание? Если бы не волосы, она была бы *своей*. Маленькой Семели очень этого хотелось.

Шляпы не помогали, в семь лет она решила наголо остричься. Взяла мамнины портновские ножницы и защелкала. Теперь вспоминает с улыбкой, а тогда было совсем не до смеха. Увидев ее, мама вскрикнула. Единственная подруга пришла в ужас, выхватила ножницы, попыталась поправить дело, не добившись большого успеха.

Дети в школе лишь сильнее насмехались.

Теперь, впрочем, не насмеются, с мрачным удовлетворением заключила Семели, продевая в просверленные в раковинах отверстия тонкий кожаный шнурок, висевший на шее. Некоторые, по крайней мере. Кое-кто никогда уже не засмеется.

Дора оставила за собой рябь и круги на воде. Рисунок почему-то напомнил вчерашний сон о чьем-то пришествии издалека. Глядевшую в воду Семели осенило прозрение. Она вдруг поняла:

— Он здесь.

10

Международный аэропорт Майами оказался более многолюдным и суетливым, чем Ла-Гуардиа. Джек пробирался к транспортной стоянке сквозь орды прибывающих и убывающих пассажиров. Сел в кольцевой автобус до пункта проката автомобилей. Чтобы помочь фирме выбраться со второго места, предпочел «Эвис». Выбрал самую неприметную с виду машину — бежевый «бьюик-сенчури».

В больнице советовали ехать по главной флоридской магистрали, но он вместо этого двинулся по 1-му Федеральному шоссе. Дольше будет. Парень в красном пиджаке в конторе фирмы «Эвис» снабдил его картой, указав по ней путь, в который он и пустился.

Кругом лежала Южная Флорида, плоская, словно крышка стола, под безжалостным солнцем, сиявшим в усеянном облачками небе сквозь влажную дымку, нависшую над землей. Кто-то где-то назвал Флориду огромной песчаной дюной, рудиментарным органом, прицепленным к континенту. Очень даже похоже на то.

Ожидалась более живописная картина, но кроны пальм вдоль дороги вяло обвисли, увядшие у стволов, серо-коричневые на концах. Вокруг выжженная трава и кусты. Видимо, из-за засухи, упомянутой Эйбом.

Джек добрался до дороги номер 1, также известной по песне как Дикси-хайвей¹, попав в небольшую пробку по направлению к югу. Водители, озиравшиеся на аварию на встречной северной полосе, несколько притормозили его. Глядя на полицейские проблесковые маячки, мигалки «скорой помощи», он с внезапной горечью подумал, что все точно так же вытягивали шеи при несчастном случае с отцом.

Минуя место происшествия, машины снова набирали скорость.

Какое-то время Джек с опаской ожидал, что вдоль 1-го Федерального шоссе замелькают типичные американские городки, достаточно теплые для пальм, с выстроившимися в парадные шеренги «Денни», «Венди», «Макдоналдсами», «Блокбастерами», «Шев-

¹ Д и к с и — прозвище американского Юга.

ронами», «Тексако»¹. Очередное свидетельство огорчительной унификации Америки, боязни непривычного, неприятия уникальности.

Потом на глаза начали попадаться бильярдные, колбасные, испанские вывески. Кубинское и мексиканское влияние. «Рыбное» заведение. Ну ладно, не типичный американский город. Город с собственным привкусом.

Окраска построек была в глаза. Никакого серого стандартного гранита. Палитра густо насыщена пастельными цветами, особенно бирюзовыми и коралловыми. Здания смахивают на шербет — апельсиновый, клубничный, лаймовый, лимонный, дынный — с какими-то незнакомыми ароматами. Торговая галерея выкрашена в оттенки подгнившей лимонной кожицы.

Далше к югу одна за другой шли конторы по продаже подержанных автомобилей всех экспортирующих машины стран попеременно со всевозможными «автомобильными средствами связи», «глушителями Мидас», «шинами Гудир», десятками безымянных автомастерских. Видно, здешний народ помешан на автомобилях.

Он почувствовал голод, заметил кафе под названием «Синий краб», принадлежавшее некой Джоуни, свернул с дороги. В заведении, украшенном изделиями местных ремесел, с расписанными местными живописцами стенами, было почти пусто — в конце концов, не сезон. Трое других посетителей прилипли к телевизору, где погодный канал демонстрировал зеленые, желтые и оранжевые завитки — предположительно тропический шторм «Элвис», — интересуюсь, когда, черт возьми, дождь пойдет.

¹ «Д е н н и», «В е н д и» — кафе и рестораны быстрого обслуживания; «Б л о к б а с т е р э н т е р т е й н м е н т» — крупная сеть пунктов видеопроката; «Ш е в р о н», «Т е к с а к о» — сети автозаправочных станций.

С парой кондиционеров в заведении Джоуни было б комфортней, но они разогнали бы грубый земной аромат флоридской атмосферы. Джек расположился под потолочными вентиляторами, заказав у официантки местное пиво. Она принесла какой-то «Айбор Голд», оказавшийся дьявольски вкусным, поэтому он выпил еще с крабовым сэндвичем, изготовленным, видимо, в лучшем мире. Дамочка вполне может открыться в Верхнем Истсайде и горя не знать.

Наевшись досыта, он вышел. «Элвис» наверняка тоннами льет воду на Джэксонвилл и остальной север Флориды, а здесь тучи хоть и усеяли небо, ни одна не похожа на дождевую. Прогноз сухой до костей. Хотя густо-влажный воздух липнет к коже вроде слюнявого поцелуя нелюбимой тетки.

В машине Джек покрутил ручку настройки приемника в поисках музыки — предпочтительно рока — и нашел только кантри, испанскую речь, сладкоголосых проповедников, кричащих об Иисусе.

Хотите верить в Иисуса — отлично. Хотите, чтобы я верил в Иисуса, — тоже хорошо. Хотите, чего вам угодно. Только кричать зачем?

Наконец, наткнулся на волну рока, услышал Лу Рида и быстренько переключился на автоматическую настройку, давно придя к заключению, что Лу Рид — блестящий исполнитель, всю жизнь изображавший из себя автора песен, не способного ни петь, ни сочинить мелодию.

Тюнер остановился на танцевальной музыке. Джек не танцевал, ритм звучал монотонно, поэтому отыскал какую-то женщину, исполнявшую «Летних ребят» в двойном ритме, и сдался, когда убогий орган попытался сопроводить сольную импровизацию Кутча Корчмара. Разве Дон Хенли заслуживает подобного обращения?

Дальше попалась какая-то «Гейтор-кантри» на полне 101,9. Немного кантри неплохо, лучше всего Хэнк Уильямс — предпочтительно старший, — Бак Оуэнс, Мэл Тиллис, мрачные баллады типа «кроме блохастого пса, никто меня не любит, будьте добры, передайте-ка сюда бутылочку виски». Он минут на пятнадцать задержался на этой волне. Три песни, три певца, все звучат одинаково. Неужели такова ужасная правда насчет современной музыки кантри? Она уже погублена? Единственный главный солист выступает под бесчисленным множеством разных имен? Точно не скажешь, но мелодию трех песен определенноводит один и тот же парень.

Ладно. Покончено с радио.

Джек увидел указатель на Новейшн, свернул с 1-го шоссе направо на дорогу к западу, прямую, как линия меридиана. Будто кто-то дал кому-то компас, каток, полную бочку асфальта и сказал: «На запад, молодой человек! На запад!» Вполне разумно. Ни гор, ни долин. Единственные подъемы, попавшиеся на дороге из аэропорта, остались позади.

Он смотрел на хилые пальмы, сосны по обочинам. Мальчишкой работал с садовником-декоратором, хорошо знал северную зелень, но эти деревья даже здоровые были б загадкой. Мертвые серые кроны лежат на верхушках, как раздавленный и выброшенный с дороги зверек, унесенный ветром.

Вдоль дороги стоят исключительно маленькие приземистые ранчо с чрезмерно большими дворами и навесами для машин вместо гаражей, прижимаясь к земле, как бы от чего-то прячась. Время от времени, вопреки общему правилу, вырастал магазин в полтора этажа. Излюбленный цвет — тошнотворно-зеленый тон окислившейся меди; на крышах тут и там торчат тарелки спутниковых антенн

размерами с пиццу. Джек ожидал увидеть множество крыш из красной черепицы, но они были редкостью. В основном стандартный асбестовый шифер, чаще всего старый. Как ни странно, во дворах перед самыми убогими домами росли самые величественные пальмы.

Несмотря на слабое знакомство с тропической и субтропической растительностью, баньян он узнал сразу по торчащим в воздухе корням. По дороге в Новейшн их полным-полно. На некоторых участках стоят с двух сторон, переплетая ветви, превращая ухабистую дорогу в волшебный зеленый лиственный туннель.

Узнал пару кокосовых пальм по висевшим в кронах желтоватым орехам. Растения, которые в Нью-Йорке живут только в горшках, в комнатах, тщательно поливаемые и удобряемые, расползаются здесь повсюду, как сорняки.

Вот и высокая белая водонапорная башня, увенчанная названием города, а по форме похожая на ручную гранату, которые немцы во время Первой мировой войны кидали в союзников. У подножия пыльное футбольное поле, вокруг него средняя школа, начальная школа и колледж.

Магазин кормов. Для кого? Ни единой домашней скотины не видно.

Джек вдруг сразу очутился в городке Новейшн, быстро отыскал центр всего из четырех кварталов. В больнице объяснили, как отсюда ехать. Дважды свернув направо с Мейн-стрит, он подъехал к терпимо старому трехэтажному кирпичному зданию цвета канталупы. Судя по вывеске на фасаде, это и есть цель назначения.

**«ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА НОВЕЙШН
Служба здравоохранения округа Дейд»**

Джек поставил машину в углу стоянки для посетителей рядом с жалкими кактусами и направился в душной поздней дневной жаре к парадному входу. Разбитый артритом старик в справочном окошке назвал номер отцовской палаты на третьем этаже.

Через несколько минут он стоял перед дверью под номером 375. Дверь была открыта. Виднелось изножье кровати, торчавшие под покрывалом ступни пациента. Остальное скрывалось за ширмой. Ничего не слышно, в палате никого, кроме больного.

Больной... Отец... Папа.

Джек нерешительно занес ногу через порог и отдернул.

Чего я боюсь?

Известно чего. Он все время с самого начала отпихивал не только приезд, но и мысли об этом моменте. Не хотелось увидеть отца, единственного оставшегося в живых родителя, неподвижным трупом. Конечно, он жив, но только в физическом телесном смысле. Личность внутри тела с острым, хоть и зануленным умом представителя среднего класса, любителя джина, сладких леденцов, дурных каламбуров, безобразных гавайских рубашек недоступна, отгорожена стенами, скрыта, может быть, навсегда. Чего никак не хочется видеть.

Черт возьми, это уж слишком с моей стороны, решил Джек, шагнул в палату и подошел к койке. Потом вытаращил глаза.

Господи Иисусе, что это с ним? Ссохся?

Присутствовавшие в изобилии синяки ожидали: голова забинтована, на лбу лиловая шишка с гусиное яйцо, оба глаза подбиты. Но отец на больничной кровати кажется неправдоподобно маленьким. Он никогда не был крупным мужчиной, даже в среднем возрасте оставался худощавым и стройным, а сейчас выглядит совсем плоским и хрупким

вроде миниатюры, двухмерной карикатуры, засунутой в конверт постели.

Кроме подвешенного над кроватью аппарата для внутривенных вливаний с воткнутой в тело иглой, под матрасом висит другой сосуд для мочи. На мониторе вдоль светящейся линии тянутся ровные пики сердечного ритма.

Может быть, это не он. Джек искал знакомые черты. Рта почти не видно под зеленой кислородной маской из прозрачного пластика. Такой загорелой кожи он даже не помнил, но узнал возрастные пигментные пятна на лбу, отступившую линию седых волос. Голубые глаза спрятаны за закрытыми веками, нет очков в стальной оправе, которые снимались лишь на ночь, в душе или менялись на солнцезащитные.

Тем не менее да, это он.

Невыносимо тяжело стоять в полной беспомощности и смотреть на отца...

Они очень редко виделись за последние пятнадцать лет, причем всегда по папиной инициативе. В одном из первых детских воспоминаний пятилетний Джек в бейсбольной перчатке размерами вполонину меньше его самого ловит мяч, которым они по кругу перебрасываются с отцом, сестрой Кейт, братом Томом. Папа с Кейт ему постоянно подыгрывали, Томми всегда заставлял промахнуться.

В твердой взрослой памяти хранится худощавый спокойный мужчина, редко повышавший голос — но когда повышал, его слушали; редко поднимавший руку — но когда поднимал, единственный быстрый шлепок по заднице давал понять ошибку. Он работал бухгалтером в фирме «Артур Андерсон», потом — за десятки лет до финансового скандала — перешел в «Прайс уотерхаус», где служил до выхода на пенсию.

Никогда не выставлялся, не лез в общество, никогда не имел роскошного автомобиля — предпочитал «шестроле», — никогда не покидал дом на западе Джерси, который они с мамой купили в середине пятидесятых. Типичный представитель среднего класса с доходами среднего класса, с моралью среднего класса. Он не менял ход истории, кончины его не заметит и не оплачет никто, кроме живущих членов семьи и неуклонно сужающегося круга старых друзей. И все-таки папа из тех людей, которых, по словам Джозела Маккри¹ в «Броске в горы», всегда можно спокойно испугать к себе в дом.

Джек подошел к койке слева, с другой стороны от капельницы, подтащил стул, сел, взял отца за руку, слушая ровное медленное дыхание. Надо сказать что-нибудь, только что — неизвестно. Говорят, люди в коме слышат, что происходит вокруг. Не особенно верится, но не вредно попробовать.

— Эй, пап... Это я, Джек. Если ты меня слышишь, сожми руку или пальцем пошевели...

Отец вдруг вымолвил что-то похожее на «блуд». Джек опешил:

— Папа, что ты сказал? Что?

Краешком глаза заметил, как что-то мелькнуло, оглянулся на плотную молодую женщину в белом, которая вошла в палату с шпатель-дощечкой в руках. Приземистая фигура, кожа цвета кофе с молоком, короткие темные волосы, на шее стетоскоп.

— Вы родственник? — спросила она.

— Сын. Вы сестра?

Женщина коротко — слишком коротко — улыбнулась:

— Нет, я его лечащий врач. Доктор Хуэрта, — протянула она руку. — Была дежурным невропатоло-

¹ Маккри Джозел (1905—1991) — американский киноактер, исполнитель ролей романтических героев.

логом прошлой ночью, когда вашего отца доставила «скорая».

Он пожал ей руку, представился:

— Джек. Зовите меня просто Джек, — и кивнул на отца. — Он только что заговорил!

— Правда? И что сказал?

— По-моему, похоже на «блуд».

— Понимаете, что это значит?

— Нет.

Может, услышал мой голос и хотел сказать *блудный сын*.

— Бессмысленная речь... обычна в его состоянии.

Джек несколько секунд разглядывал доктора Хуэрта. Как она в свои годы успела закончить медицинский институт, тем более стать специалистом?

— А в каком он состоянии? Как его дела?

— Не так хорошо, как хотелось бы. Кома — семь баллов.

— Из десяти?

— Нет, — покачала она головой. — Мы здесь пользуемся индексом Глазго. Хуже всего три балла — глубокая кома. Оптимально — пятнадцать. Оцениваем по глазным, речевым, двигательным импульсам. Глазной балл у вашего отца единица — они постоянно закрыты; речевой — два, то есть он время от времени произносит какие-то звуки, как вы только что слышали.

— Получается всего три, — подсчитал Джек.

Звучит довольно погано.

— Моторные реакции оцениваются в четыре балла. Он реагирует на болевые стимулы.

— На какие болевые стимулы? Не хотелось бы найти на подонках следы от горящих окурков!

Доктор Хуэрта вытаращила глаза:

— Боже сохрани! Неужели вы думаете...

— Простите, простите. — Успокойтесь, леди, ради всего святого. — Шучу.

Я надеюсь, — сказала она с негодующим взглядом. — Для проверки моторных рефлексов мы пользуемся специальной иглой. Четыре балла плюс три дают семь. Не совсем хорошо, но могло быть и хуже. — Она бросила взгляд на планшет. — Рефлексы не нарушены, жизненные показатели и анализы хорошие. Ультразвуковое исследование мозга не показывает ни инсульта, ни внутреннего кровотечения, в ПП крови нет.

— Что такое ПП?

— Позвоночная пункция. Спинно-мозговая жидкость.

— Хорошо, что нет крови?

Доктор Хуэрта кивнула:

— Нет признаков внутричерепного кровотечения. Впрочем, сердце на пределе.

— Да? — встрепнулся Джек. — Сердце? У него всегда было хорошее сердце.

— Прошлой ночью началась фибрилляция — хаотичное нерегулярное сердцебиение, — нынче утром повторилась. Я вызвала кардиолога для консультации, доктор Рестон его осмотрел. В обоих случаях у вашего отца спонтанно восстановился нормальный ритм, но все это указывает на определенную степень сердечной недостаточности.

— Опасна эта самая фибрилляция?

— Основная опасность в том, что в левом желудочке может образоваться тромб, попасть в мозг и вызвать инсульт.

— Замечательно, — вздохнул Джек. — Как будто комы мало.

— Доктор Рестон для профилактики прописал разжижающие кровь препараты. Расскажите, пожалуйста, чем он болел. Я работаю в потемках, ниче-

го о нем не зная, кроме адреса и даты рождения из водительских прав. Лечился ли он от каких-нибудь заболеваний, включая сердечные? Какие принимал лекарства?

— Кажется, как-то упоминал, что ежедневно пьет аспирин, а больше...

— Проходил здесь обследование у какого-нибудь врача?

Джек смутился, ничего не зная о жизни отца ни здесь, ни до переезда из Джерси. Знал, где он поселился, но никогда у него не бывал. По правде сказать, пребывал в полном неведении, особенно о здоровье.

И вот теперь явился без приглашения.

Как бы это сказать...

— Он не часто рассказывал о собственном здоровье.

— Редкий случай, — улынулась доктор Хуэрта. — Люди в его возрасте только об этом и говорят.

— Он поправится?

— К сожалению, не могу сказать. Если сердечный ритм стабилизируется, думаю, выкарабкается без особых необратимых потерь. О наезде не вспомнит, однако...

— О наезде? — переспросил Джек. — Как это случилось?

— Не имею понятия, — пожала она плечами. — Знаю только, что его доставили в бессознательном состоянии с травмой головы. Спросите в полиции.

В полиции... замечательно. С полицией поговорим в последнюю очередь.

Она полезла в карман.

— Я еще зайду к нему утром. Если что-нибудь вспомните о состоянии его здоровья, сообщите. — И вручила ему карточку.

Он сунул ее в карман.

После ухода докторши Джек опять повернулся к отцу, шагнул к койке...

— Значит, ты один из сыновей Томаса.

Он вздрогнул, слыша булькнувший голос, будто кто-то полоскал горло керосином, испугался, не слыша, чтоб кто-то вошел, после того, как сам вошел в пустую палату.

— Кто здесь?..

— Я, милый.

Голос шел из-за занавески. Он дотянулся, отдернул. В кресле в темном углу сидела худая плоскогрудая старуха. Черные волосы зачесаны назад в тугой пучок, темная кожа кажется еще темнее в канареечно-желтой блузе без рукавов и ярких розовых бермудских шортах, но расу в тени распознать невозможно. На полу рядом стояла большая соломенная хозяйственная сумка.

— Когда вы пришли?

— Все время здесь была, — протяжно и звучно сказала она. Такой акцент встречается на Лонг-Айленде, от Линн-Сэмюэлс до энного градуса, а вот голос... настоящая выхлопная труба грузовика. Сколько пачек сигарет для этого надо выкуривать?

— С момента моего прихода?

Старуха кивнула.

Джек огорчился: как правило, он не допускал подобной беспечности. Поклялся бы, что палата пустая.

— Вы знакомы с отцом?

— Мы с Томасом соседи. Одновременно приехали и подружился. Он обо мне никогда не рассказывал?

— Мы... э-э-э... не часто беседовали.

— А он постоянно о тебе рассказывал.

— Вы, наверно, приняли меня за Тома.

Она тряхнула головой и затараторила со скоростью парового молота:

— Том-младший будет постарше, Джек. Он про тебя рассказывал. Черт возьми, иногда нельзя было заткнуть ему рот. — Она встала, шагнула вперед, протянула искривленную артритом руку и представилась: — Аня.

Джек ответил рукопожатием, видя теперь, что женщина белая, точнее, кавказской расы¹, ибо цвет кожи можно назвать любым, кроме белого. Глубоко загоревшая кожа, задубеневшая от многолетних солнечных ванн. Руки-ноги костлявые, волосы угольно-черные с седыми корнями.

Из-за ее спины донесся слабый писк. Джек, приглядевшись, увидел голову крошечной собачонки с большими темными глазами, высунувшуюся из соломенной сумки.

— Это Ирвинг, — объяснила она. — Поздоровайся.

Чихуахуа снова пискнул.

Джек выпустил ее руку.

— Привет, Ирвинг. Не знал, что собак пускают в больницы.

— Не пускают. Но Ирвинг хороший пес. Умеет себя вести. А раз никто не знает, то никто и не возражает. А если узнают, пускай идут в задницу.

Джек рассмеялся от неожиданности. Женщина абсолютно не в отцовском вкусе — полная противоположность матери, — но она ему нравится.

В чем он ей и признался.

Она улыбнулась, не сводя с него ярких темных глаз, демонстрируя слишком белые зубы, явно вставные.

¹ Кавказская раса в классификациях некоторых антропологов соответствует европеоидной.

— Ну, возможно, и ты мне понравишься, если я тебя успею узнать. — Аня оглянулась на койку. — Люблю твоего отца. Почти весь день с ним сидела.

Джек был тронут.

— Вы очень добры.

— Для этого и существуют друзья, малыш. Не часто тебя благословляют таким соседом, как твой отец.

Благословляют? Надо бы выяснить, что тут кроется.

— Значит... — прокашлялся он, — папа обо мне рассказывал?

Интересно, что отец говорил, но расспрашивать не хочется — непозволительно.

— Он рассказывал обо всех своих детях. Всех вас любит. Помню, как плакал, услышав о твоей сестре. Страшно пережить собственное дитя. Но о тебе говорил чаще, чем о других.

— Правда? — удивился Джек.

— Может быть, — улыбнулась она, — потому, что ты жутко ему досаждаешь.

«Досаждаешь»... еще одно слово, которое слышишь нечасто.

— Да... пожалуй, действительно. — И немало.

— Он, видно, не понимает, что ты собой представляешь. Хотел выяснить, но вы были далеко друг от друга.

— М-м-м...

Джек не знал, что сказать. Беседа принимала нежелательный оборот.

— Тем не менее он тебя любит, беспокоится о тебе... — Старуха глаз с него не сводила. — Грустно, правда? Отец не знает сына, сын не знает отца.

— Я своего отца знаю.

— Как тебе будет угодно, милый, — медленно покачала она головой, — но ты его не знаешь.

Джек открыл было рот — вряд ли женщина, меньше года знакомая с папой, лучше знает человека, рядом с которым он вырос, — но она махнула рукой, велев ему молчать:

— Поверь, малыш, ты многого не знаешь о своем отце. Раз приехал, постарайся получше узнать его. Не упускай возможности.

Джек взглянул на неподвижное тело под больничными простынями:

— По-моему, я все знаю.

Аня решительно махнула рукой на кровать:

— С Томасом все будет в полном порядке. Он слишком крепкий, чтоб его шишка на лбу доконала.

Не одна шишка на лбу, мысленно возразил Джек.

— У врачей, кажется, иное мнение.

— Что они понимают, — презрительно отмахнулась она. — Голова у них не тем занята. Слушай меня. С твоим отцом все будет в полном порядке.

С ним все будет в порядке, потому что вы так утверждаете, леди? Ну что ж, понадемся.

Старуха взглянула на него:

— Где будешь ночевать?

— Не решил пока. Ехал мимо мотеля...

— Не мели чепухи. Остановишься в отцовском доме.

— Не знаю... едва ли.

— Не спорь. Он сам этого хочет. Не огорчай его.

— У меня ключей нет. Даже не знаю, где он живет.

— Я тебе покажу.

Аня подошла к койке, взяла отца за руку.

— Мы с Джеком пойдем пока, Томас. Отдыхай. Завтра вернемся. — Она оглянулась. — Пошли. Где твоя машина?

— На стоянке. А ваша?

— Я не вожу машину. Тебе, малыш, наверняка не понравилось бы ехать по одной дороге со мной. Отвезешь нас с Ирвингом домой.

12

Усевшись в машину, Аня сразу же посадила Ирвинга к себе на колени и закурила «Пэлл-мэлл» без фильтра.

— Ничего, что курю?

Поздно спрашивать, подумал Джек.

— Ничего, курите. — Он открыл все окна.

— Хочешь?

— Нет, спасибо. Пробовал несколько раз, не втянулся.

— Жалко, — посочувствовала Аня, выпустив дым в окно. — Если хочешь уговорить меня бросить, не трудись.

— Даже не подумаю. Дело ваше.

— Правильно, черт побери. Пять докторов велели бросать. А я всех их пережила.

— Ну, теперь точно не скажу ни слова.

Она улыбнулась, кивнула, указав на дорогу к западу от города.

Заходившее солнце пронзало темные очки, резало глаза по дороге на запад. Подобие цивилизации осталось позади. Почва становилась болотистой, выглядя, тем не менее, выжженной.

Просхали мимо свежевспаханного жирного коричневого поля. Интересно, что росло тут все лето? Кругом одни пальмы. Непривычно видеть на каждом акре пальмы одного роста.

Аня ткнула скрюченным пальцем в лодку с двумя подвесными моторами на чьем-то переднем дворе.

— «Продается. Обращаться к владельцу», — повторила она. — Надеюсь. К кому же еще? Кто просит покупателей обращаться к вору?

Сделав несколько поворотов, миновав заросли низких сосен, подъехали к железобетонному кварталу с сине-белой мозаичной надписью на передней стене:

«ЮЖНЫЕ ВРАТА

Наилучшее место для жизни на склоне лет»

Надпись обрамляли поникшие растения и пальмы на последнем издыхании.

— Приехали, — объявила Аня. — Родной милый дом.

— Вот это? Здесь живет папа?

— Я тоже. Сворачивай, а то проскочишь.

Джек послушно свернул на извилистую дорожку мимо грязной ямы с торчавшей железной трубой.

— Тут раньше был фонтан, — сообщила Аня. — Красивый.

Возможно, в зелени Южные Врата вообще были красивыми, но, видимо, засуха по ним ударила с особенной силой. Вся трава вдоль дороги выгорела до однообразного бежевого цвета. Держались еще только сосны, росшие здесь, наверно, еще до постройки квартала.

Подъехали к контрольному пункту с отдельными стоянками для посетителей и жильцов, перегороденными шлагбаумами в красно-белую полосу. Джек начал было поворачивать влево к посетительскому шлагбауму, у которого в будке с кондиционером сидел охранник.

— Нет. — Аня протянула пластиковую карточку. — Въезжай в другие ворота, махни перед детектором.

Детектор представлял собой металлический ящик на кривом шесте. Джек махнул карточкой перед сенсорным устройством, полосатый шлагбаум поднялся.

— Как будто въезжаешь в какой-нибудь филиал ЦРУ, — буркнул он, — или пересекаешь границу.

— Добро пожаловать на Балканы для пенсионеров. А если серьезно, то в старости, когда мы слабее, чем смеем признаться, под такой охраной чувствуем себя увереннее, гася свет.

— Ну, как в песне поется, чего не случается ночью. Впрочем, не вижу, откуда тут взяться преступникам. Вокруг пустыня.

— Вот поэтому мы и решили поставить на въезде охрану и патрулировать территорию. — Она указала вперед. — До конца по этой дорожке.

Джек кивнул и последовал по асфальту мимо подобия поля для гольфа с коричневой редкой травой, твердой каменной почвой, что не останавливало заядлых игроков — с полдюжины тележек прыгали по кочкам.

— Разве нельзя поливать траву и деревья?

— При такой засухе запрещено. Во всей Южной Флориде поливка сейчас запрещается, даже из собственного источника.

Проехали мимо теннисных кортов пока еще с зеленой травой, мимо столов с досками для шаффл-борда¹, вокруг которых толпилось немало народу.

— Тут у нас хозяйственные службы, — указала Аня на трехэтажное здание в коралловых цветах, — тут дом для престарелых.

— Ничего не пойму.

— Насчет засухи?

¹ Шаффлборд — игра, в ходе которой фишки или монеты щелчком продвигаются по расчерченной на клетки доске.

— Нет. Зачем папа сюда пересхал.

— Ради тепла. В старости без конца мерзнешь. Но главным образом люди перебираются в такие места, как Врата, чтобы не обременять детей.

— Вы словно себя от них отделяете.

— Мне обременять некого, милый. Я здесь ради солнца. — Она вытянула руку, демонстрируя ватфельно-тонкую кожу цвета сырой говядины. — Люблю, как видишь, сидеть под лучами. Когда была помоложе, голышом принимала солнечные ванны. И сейчас принимала бы, если б не знала, что Совет раскаркается.

Джек постарался не представлять себе этой картины.

— Не знаю, как папа мог кого-нибудь обременить.

— Наверно, не знаешь, малыш, а *он* знает. Поэтому живет здесь вместо какого-нибудь кондоминиума в каком-нибудь Вест-Палме.

— Что вы имеете в виду?

— Южные Врата — вместе с Северными и Восточными, если на то пошло, — это, собственно, поселки для престарелых, где мы проводим последние годы жизни. Сначала в собственных маленьких бунгало, потом переезжаем в квартиры, где за нами ухаживают, кормят, убирают, а когда уже совсем не можем о себе позаботиться, перебираемся в пансионат.

— Наверно, это стоит денег.

Аня выпустила из ноздрей клочок дыма.

— Скажу тебе, немалых. Покупаешь жилье, выплачиваешь залог, оплачиваешь ежемесячные услуги, но твое будущее обеспечено. Это важно.

— Настолько, чтобы похоронить себя здесь?

Она пожала плечами, закурила очередную сигарету — третью после отъезда из больницы.

— Я просто тебе пересказываю то, что слышу от соседей. Сама здесь потому, что обо мне некому позаботиться, никого не осталось. А другие боятся оказаться в памперсах на руках у сына или дочери.

— Не все дети считают это обузой.

— А родители? Кому хочется, чтоб его таким помнили? Тебе хочется?

— Нет, пожалуй. Действительно нет.

Не хочется даже вспоминать отца, распластанного под больничными простынями. Еще меньше хотелось бы помнить его пустоглазым слюнтявым безумцем в пеленках. Воспоминания о достойной жизни испарились бы, словно деньги азартного игрока.

-- Стареть плохо, да? — спросил Джек.

— Для одних да, но отнюдь не для всех. Тело начинает то тихо, то громко напоминать, что ты уже не прежняя девчонка, не прежний мальчишка, но можно приспособиться. Главным образом, вопрос приспособления. — Она указала направо. — Сюда поворачивай.

Джек свернул на Уайт-Ибис-Лейн, судя по указателю. В конце короткой дороги стояли два одинаковых домика. Стоянка на четыре машины в маленьком тупичке пустовала. Он остановился, вышел, Аня открыла дверцу, чихуахуа Ирвинг спрыгнул на землю, немедленно засеменил к ближайшей пальме, пустил на ствол крошечную желтую струйку.

— Дерево совсем засохло. Должно быть благодарно, — улыбнулся Джек.

Аня рассмеялась, медленно вылезая с пассажирского сиденья и расправляясь.

— И правда. Оглядишься вокруг, пока я схожу за ключом от отцовского дома.

Он удивленно вздернул брови.

— Папа дал вам ключ?

— Ничего подобного, детка. Мы обмениваемся ключами ради предосторожности. Знаешь, на всякий пожарный случай.

Джек не удержался, подмигнул.

— И больше ничего?

— Ты о чем это? Разве Томас связался бы с костлявой старой ведьмой, когда за ним все женщины бегают? Не говори глупостей.

Он взмахнул руками:

— Ух! Чугочку отмотайте обратно. За папой бегают женщины?

— Кружат, точно стервятники. Скажу тебе, Томас любую может заполучить — *сколько душе угодно*.

Джек расхохотался:

— Ушам своим не верю. Папа — дамский угодник!

— Не в том дело. Просто здесь на каждого вдовца четыре вдовы. Томас дееспособный мужчина со здоровым умом и славным характером. И что еще важнее — умеет себя вести. Лакомая добыча, не веришь?

Он вдруг вспомнил Эйба.

— Кстати, о добыче, Аня. Если вдруг решите вернуться на север, у меня найдется для вас кавалер.

Она махнула на него сигаретой:

— Забудь. Я на балы уже не выезжаю.

Джек покачал головой:

— Мой папа — лакомая добыча. Ну и ну. — Он улыбнулся. — Если вы не из стервятников, о которых шла речь, расскажите, чем с ним занимаетесь.

— Это совсем тебя не касается, милый. Впрочем, скажу: в основном мы играем в маджонг.

Еще одно потрясающее открытие.

— Он играет в маджонг?

— Видишь? Я же говорила, что ты многого о нем не знаешь. Я его научила, он сделал большие успе-

хи. — Аня постучала себя по виску. — Понимаешь, бухгалтерский склад ума.

— Мой папа — любитель маджонга! Кажется, мне надо выпить.

— Мне тоже. Заходи, как устроишься. Опрокинем по рюмке, преподам тебе первый урок маджонга.

— Ну, не знаю...

Попробуй. Научишься, будет чем с отцом за-
питься.

Когда тыквы в аду померзнут, мысленно посулил
Джек.

Аня указала направо:

— Вот дом твоего отца. Оглядись пока. Через ми-
нуту вернусь.

И направилась в сопровождении Ирвинга к дому
слева... непонятного цвета. Если б дома красили в
цвет бело-розового зенфандела¹, о чем Джек нико-
гда в жизни не слышал, то это как раз он и есть. Па-
пин более мужественный, небесно-голубой.

Он сообразил, что стоит перед задней верандой
отцовского дома. Толкнул дверь с закрытыми жалюзи
заперта. Открыл бы за двадцать секунд, да не
стоит труда, раз у Ани есть ключ.

Прошелся по плиточной дорожке между домами.
Трава коричневая, мертвая, как повсюду в Южных
Вротах, растительность вокруг гладко оштукатурен-
ных стен жаждет воды, хотя не такая поникшая, как
по дороге. Видимо, папа тайком по ночам поливает.

Впрочем, нет. Он так твердо следует предписани-
ям, что дал бы скорее деревьям погибнуть, чем на-
рушил закон.

В окна сквозь закрытые жалюзи не заглянешь.
Джек отошел от окон, оглянулся на Анин дом, за-
мер на месте.

¹ З е н ф а н д е л — калифорнийское сухое виноградное
вино.

Не дом, а тропический лес. Боковая стена почти вся заросла роскошными зелеными, красными, желтыми тропическими растениями всевозможных видов, не просто живыми, а буйно растущими. На углу грейпфрутовое дерево, густо усыпанное плодами, трава... пышная, плотная... зеленое море.

Одно дело — слегка тайком вспрыскивать, только Аня, похоже, глубоко плюет на любые запреты.

На газоне стояли скульптурные украшения: неизменные гномы, розовые фламинго, разнообразные колессы, среди них необычные с виду вещицы — вручную раскрашенные жестяные банки, тряпочки на тонких воткнутых в землю ветках.

На именной табличке на боковой стене значится фамилия Манди.

Джек направился к парадной двери отцовского дома. Дворики перед двумя бунгало сбегали к почти круглому пруду футов пятьдесят диаметром. Когда он подошел посмотреть, лягушки из осторожности с плеском запрыгали с берега в воду. На дальнем берегу черная птица подставляла солнцу распростертые остроугольные крылья, словно накапливая солнечную энергию. Пруд, полный, чистый, обрамлен здоровой травой, тростником. За ним к северу и к югу бесконечно тянулось поросшее травой болото, заканчиваясь у высоких кипарисов приблизительно в миле на западе — судя по солнцу, уходящему за верхушки деревьев.

Джек оглянулся на отцовский дом. На открытой передней веранде под крышей стоит круглый столик с парой стульев. Мебель белая. По столбикам пытается виться цветущая лоза. Пол на веранде вымощен голубыми плитками. Почти всю стену слева от двери занимает эркерное окно, закрытое вертикальными жалюзи. Он толкнул парадную дверь. Заперта, как и задняя.

Вот ключи, — раздался голос Ани.

Он оглянулся, видя, как она в сопровождении Ирвинга шагает со своей зеленой лужайки на выгоревший отцовский газон с ключом в левой руке и с сигаретой в правой.

— Ваша фамилия Манди? — спросил Джек. — Тогобог вам, случайно, не родственник?

Писатель? Возможно.

Я в детстве обожал «Ружья царя Хиберы».

— Никогда не читала. Держи ключ.

Он широко развел руками:

— Похоже, местечко у вас первоклассное.

Вид чудесный! Конечно, я одной из первых здесь поселилась, могла выбирать. Как старожилку, меня по мере необходимости приглашают на временную работу. Чаще всего конверты заклеивать, рассылать рекламные брошюры... Деньги ничтожные, не разживешься, но есть повод выйти из дому. Ну и получаю возможность немножечко дергать за шночки. Помогла Томасу приобрести дом, выставленный на продажу.

— Правда? — Интересно, зачем хлопотать ради незнакомца, но вопрос не удалось сформулировать. — Наверно, он вам за это обязан.

— Он мне обязан гораздо больше, чем думает. — Аня указала на свои ручные часы с драгоценными камнями. — Не забудь, милый: через час у меня вынимаем.

— У меня неотложное дело, — отказался Джек.

— Не хочешь выпивать со старухой? Понятно.

— Что вы, дело вовсе не в том. Просто хочу пойти в полицию насчет несчастного случая с папой. Надо выяснить, как это было, не по его ли вине, и всякое такое.

— Зачем? — нахмурилась Аня.

— Хотелось бы знать.

— Завтра пойдешь.

Он потрянул головой:

— Прямо сейчас пойду.

— Почему?

— Просто хочется.

Она пожала плечами, собралась уходить.

— Ну, как знаешь.

— Можно вопрос задать? — спросил Джек. —
Даже два.

— Задавай, милый. Только не обязательно жди ответа.

— Хорошо. Во-первых, почему ваш пруд полный, а остальные пустые?

— Наш подпитывается через подземную протоку из Эверглейдс.

— Откуда?

Аня махнула рукой на поросшее травой болото и далекие кипарисы:

— Оттуда. Наши с Томасом дома выстроены практически на ближайшем допустимом законом расстоянии от Эверглейдс. Следующий вопрос? Не собираюсь тебя подгонять, малыш, но меня кличет охлажденная бутылка вина на кухонном столе.

— Извините. Просто интересно, почему у вас зеленая лужайка при такой засухе?

— Может быть, просто фокус. Скажем, у меня рука легкая.

— На полив?

Она нахмурилась, погрозив ему пальцем:

— Если и так, то что?

— Ничего, ничего. — Сдавшийся Джек поднял вверх руки. — Не хочу причинять неприятности лучшей папиной подруге.

Аня успокоилась, пыхнула сигаретой.

— Ну ладно. Конечно, все думают, будто я поливаю. В обратное никто не верит. Представляешь, яви-

лись два члена Совета, грозя меня выселить, если не прекращу поливать.

— И что вы им ответили?

— Если застанут со шлангом в руках, пусть защепают наручники. Если нет — поцелуют сморщенную задницу.

Ирвинг согласно твякнул, Аня повернулась и зашагала прочь.

Моя бабушка, решил Джек, глядя вслед.

13

Он отпер переднюю дверь, вошел в темный прохладный дом. Жалюзи спущены, видимо ради прохлады и сокращения счетов за электричество. Папа никогда не скаречничает, но и терпеть не может зря тратить деньги.

Закрыв за собой дверь, Джек стоял в темноте, прислушиваясь, принаравливаясь к дому. Где-то слева спереди гудит холодильник. Он принялся. Лук... остаточный запах жареного лука. Папа что-то готовил? Он всегда был, так сказать, шеф-поваром, больше по необходимости после маминой смерти, и питал пристрастие к луку, совал почти в каждое блюдо. Помнится, в детстве в воскресное утро нажарил целую кучу и вывалил на олады. Все было возмутилось, но вышло очень вкусно.

Джек шагнул к эркерному окну, поднял жалюзи, пуустив тускневший солнечный свет. В воздухе засверкали пылинки. Он открыл все окна и начал осматриваться.

Спереди располагалось просторное многофункциональное помещение — гостиная, столовая, — под углом примыкавшее к маленькой кухне. Вот что ему нужно. Он открыл холодильник, нашел упаковку из

шести банок пива и еще три бутылки красного гаванского эля. Взглянул на этикетку: сварен на Ки-Уэст. Еще один местный продукт. Почему бы и нет? Сорвал крышку, глотнул. Чуть горче, не так хорош, как «Ай-бор Голд», но сойдет.

Заметил на полочке в дверце холодильника бутылку лаймового сока «Роуз». По наитию заглянул в морозильник, и точно: замороженная бутылка «Бомбейского сапфира». Похоже, папа по-прежнему пропускает глоточек-другой.

Бродя по передней комнате, узнавал кое-какие картины из родительского дома в Джерси. Подошел поближе к выставочной полке на южной стене. Первое место по теннису в мужской паре — ничего удивительного. А вот это что? Медаль за второе место в мужском турнире по бочче?¹

Мой папа — чемпион по бочче. Господи Иисусе!

Он позвонил Джиа, сообщил о состоянии отца. Она огорчилась, желая услышать более добрые вести. Джек поприветствовал Вики, обещал потом позвонить.

Положив трубку, зашел в одну из спален. Нечто среднее между кабинетом и комнатой для гостей: кровать, платяной шкаф, письменный стол с компьютером и принтером. В корытце принтера лежал листок с подтверждением покупок-продаж. Видно, папа до сих пор играет на бирже. Вступил на этот путь до всеобщего помешательства в девяностых, заработал достаточно, чтобы выйти на пенсию. И Джека однажды старался завлечь, утверждая, что при осторожности и понимании, за какие ниточки дергать, деньги можно получать каждый день, независимо от роста или падения акций.

¹ Б о ч ч е — итальянский вариант боулинга на узкой травянистой площадке.

Нет, папа, если ты не имеешь настоящего номера социального страхования.

Пошел в другую спальню, явно папину, заставленную и заваленную всякими вещами. Остановился в дверях, ошеломленный множеством снимков на стенах. Главным образом мама, Том, Кейт в разном возрасте, присоленные немногочисленными детскими фотографиями Джека. А вот все впятером во время первого и последнего семейного путешествия... Которое обернулось ужасной бедой.

Нахлынули воспоминания, особенно о Кейт, старшей сестре, которая в детстве присматривала за ним, сама еще подросток, а став взрослой, умерла у него на глазах.

Он быстро отвернулся, заглянул в шкаф. Вот они — жуткие папины гавайские рубашки. Вытащил, пригляделся: огромные золотые рыбки с выпученными глазами плавают в желчно-зеленой воде. Попытался себя в ней представить, ничего не вышло. Люди обращали бы внимание.

Возвращая рубашку на место, заметил на верхней полке серый металлический ящичек. Нерешительно протянул руку, взял, поддел язычок, шкатулка была заперта. Встряхнул — внутри зашуршали бумаги, что-то загромыхало.

Запертая шкатулка разожгла любопытство. Вещь чужая, отцовская, наверняка заперта по веской причине. Пусть стоит, где стояла, действительно, но...

Что отец, живя в доме один, считает необходимым держать под замком?

Джек заглянул в маленькую замочную скважину. Полная чепуха. Надо только...

Нет. Занимайся своими делами.

Он поставил шкатулку обратно на полку, вернулся в переднюю комнату. Сдержал дрожь. Пора навестить копов.

Нашел телефонный справочник, отыскал адрес местного участка. Собирался звонить, чтоб спросить, как доехать, но, возможно, удастся узнать все, что требуется, по телефону. Лишь бы не переступить порог полицейского участка.

Набрал номер, его принялись перебрасывать от одного к другому, пока не ответила любезная секретарша Анита Несбит, пообещав помочь, чем сможет.

— Наверно, мне понадобится копия протокола о несчастном случае для страховой компании, — сказал Джек. — Знаете, чтобы машину отремонтировали.

— Хорошо, вот она. Я отложу, а вы заберете.

— Никак нельзя по почте послать?

— Можно. Адрес у нас есть. Кстати, как ваш отец себя чувствует? Я слышала, он тяжело пострадал.

— До сих пор в коме. — Тут его вдруг осенило.

— А еще кто-нибудь пострадал?

— Неизвестно, — сказала она. — Вторая машина после столкновения скрылась с места происшествия.

Джек тяжело сглотнул. От последних слов все внутри перевернулось в тревожном предчувствии.

— Скрылась после столкновения?

— Да. Ведется расследование.

— Сэкономьте марку и конверт, — решил он. — Я сам приеду за протоколом.

14

Стемнело, воздух охладился настолько, что вылетели москиты, когда Джек добрался до горчично-желтого здания с двухэтажным корпусом и одноэтажными крыльями, где располагался муниципалитет города Новейшн. Над центральным подъездом с вы-

сокими колоннами парила скелетообразная башня с курантами, чересчур современная по сравнению с остальным. Картину дополняла зеленая крыша, портик на фронте, навесы. Знак указывал, что полицейский участок находится сзади слева.

Набравшись духу, он вошел, спросил мисс Несбит. Дежурный сержант объяснил, как пройти в кабинет. Шагая по коридору мимо шмыгавших туда-сюда копов, чувствовал себя Малышом Херманом¹ на съезде Ку-клукс-клана. Если кто-нибудь заглянет под капюшон...

Будем надеяться, не попросят предъявить документы в подтверждение родства. Фамилия отца отнюдь не Тайлески.

Мисс Несбит оказалась милой пухленькой маленькой женщиной с лоснившейся черной кожей, короткими кудрявыми волосами, плотно облегающими голову, и лучистой улыбкой.

— Вот протокол, — протянула она лист бумаги.

Джек взглянул мельком, собравшись прочесть позже, но обратил внимание на план места происшествия.

— Где этот перекресток? — спросил он, ткнув в листок пальцем. — На пересечении Пембертон и Южной дороги?

Она нахмурилась:

— Они пересекаются в болотах на границе Эверглейдс, дорога оттуда никуда не ведет.

— Зачем мой отец ехал в никуда?

— Надеемся, что вы нам объясните, — произнес за спиной чей-то голос.

Джек, оглянувшись, увидел молодого мясистого копа, стриженного под ноль. Могучие бицепсы

¹ Х е р м а н Вудро Чарльз (1913—1987) — чернокожий джазовый музыкант, кларнетист.

распирали короткие рукава форменной рубашки. Выражение лица нейтральное.

— Офицер Эрнандес, — представила Анита. — Это он принял вызов и обнаружил вашего отца.

Джек протянул руку, надеясь, что ладонь не слишком вспотела.

— Спасибо. Вы, наверно, спасли ему жизнь.

— Очень рад, если так, — пожал полицейский плечами. — Но я слышал, он еще из чащи не выбрался.

— Следствие продолжается?

— Хорошо бы с ним поговорить, выяснить кое-какие детали. Не знаете, что он там в такой час делал?

— В какой час? — Джек заглянул в протокол.

— Около полуночи.

— Понятия не имею, — покачал он головой.

— Может, впутался в какое-то темное дело?

— Мой отец? В темное дело? Да ведь он настоящий...

Джек старался припомнить известную безупречно честную и законопослушную личность и потерпел поражение. Наверняка существует такая, просто не приходит на память.

— ...настоящий Каспар Милкост...¹

Судя по физиономии, Эрнандес ровно ничего не понял.

— ...нормальный простой обыватель, который занимается собственным делом и ни во что не впутывается. Мой отец *не рискует*. — Назвать его робким было бы несправедливо. Заняв позицию, он ее отстаивал, как бульдог. — Почти всю жизнь прожил в Джерси, милях в пятидесяти от Атлантик-Сити, и,

¹ К а с п а р М и л к о с т — персонаж комиксов, выходявших с 1924 г., робкий нерешительный мяля.

по-моему, за все это время ни разу не зашел в казино. Глупо думать, будто он впутался хоть в сколько-нибудь преступное дело.

— Не обязательно в преступное, — пожал плечами Эрнандес. — Может, спутался с женой кругого парня, или...

Джек вскинул руки:

— Обождите. Стойте. Только не он. Уверяю, это невозможно.

Эрнандес пристально посмотрел на него.

Так-так. Начинается.

— Вы живете поблизости?

— Нет, по-прежнему в Джерси. — Где живет Тайлесси? Попробуй заучи адреса каждого псевдонима... Сведения стремительно пронеслись в голове. — В Хобокене.

— Часто видите с отцом? Сколько раз в году его навешаете?

— Он здесь живет недолго. Меньше года.

— Ну?

— И я к нему впервые приехал.

— Часто беседовали?

— Гм... нет.

— Значит, фактически малознакомы со здешним образом жизни отца.

Джек вздохнул. Снова здорово.

— Пожалуй. Но знаю, что он не преступник, не лжец, не допускает таких людей в свою жизнь.

Что еще мне известно? — задумался он. Что знаешь о любом человеке, даже о том, кто тебя вырастил, кроме его поступков, рассказов о себе?

Вспомнились слова Ани: *поверь, малыш, ты многого не знаешь о своем отце.*

В тот момент он не обратил на них особого внимания, а теперь, когда папа стал жертвой наезда, второй участник которого скрылся...

— Скажем, он попал в аварию на пути неизвестно куда... — Джек обратился к Аните: — Вы говорите, о происшествии сообщили по телефону?

— Так сказано в протоколе, — кивнула она.

— Значит, был свидетель.

— Очевидное заключение, но... — Мачо Эрнандес заколебался. Почти незаметно.

— Что «но»?

— Ну, я добирался до перекрестка почти двадцать минут... Когда приехал, на месте происшествия была одна машина вашего отца, словно авария только что произошла. Автомобиль стоял поперек Пембертон-роуд. Судя по следам, я понял, что ваш отец ехал на запад по Пембертон. Там у Южной дороги знак «стой». Похоже, его сбили почти посреди перекрестка. Может, не обратил внимания, может, проехал на знак, может, плохо себя почувствовал. Скажу лишь, его кто-то так крепко стукнул, что автомобиль развернуло на девяносто градусов, а к моему приезду никого больше не было рядом.

— Кто звонил? — спросил Джек. — Мужчина, женщина?

— Тони, дежурный сержант, принимал сообщение. Я спрашивал, но он точно не понял. Очень быстро прошептали: «Серьезная авария на перекрестке Пембертон и Южной. Поторопитесь». И все.

— Установили номер?

Эрнандес взглянул на Аниту.

— Тоже ничего не дает. Звонили из таксофона у «Пабликса».

— Что такое «Пабликс»?

— «Уинн-Дикси»¹.

— Прошу прощения. — На каком языке они тут говорят? — Я с севера, и пока...

¹ «У и н н - Д и к с и» — сеть супермаркетов в южных штатах.

-- «Пабликс» -- сеть здешних продовольственных магазинов, — объяснила Анита.

— Ясно. Где этот самый «Пабликс»?

— В трех кварталах оттуда.

-- Что? Как же так? Это ведь...

— Невозможно? — договорил Эрнандес. — Не совсем. Допустим, водитель второй машины совершил что-то противозаконное и поэтому уехал. Допустим, его мучила совесть, он позвонил приятелю, попросил уведомить полицию из автомата, чтоб мы его не опознали.

— Остается благодарить Бога за совесть, — заметила Анита.

Аминь, — кивнул Эрнандес. — Одно скажу: хорошо, что нас предупредили, иначе ваш отец был бы трупом.

15

Джек лихорадочно думал, ведя машину в южный конец города.

Сообщив Эрнандесу, где он остановился, пообещав не уезжать без предупреждения — на случай, если у копов возникнут вопросы, — он покинул участок в каком-то тумане. Но все-таки расспросил, как отыскать стоянку, на которую отбуксировали машину отца.

Водитель второй машины чуть его не убил, однако оказался добрым самаритянином и уведомил копов. Смесь невезения и удачи.

И еще остается серьезный вопрос: что папа делал в такое время в болотах?

К тому времени, как он доехал до южной окраины города, почти стемнело. Следуя указаниям Эрнандеса, миновал старый известняковый карьер, стоянку

для трейлеров, за которой находилась эвакуационная стоянка Джейсона, предназначенная для разбитых и старых машин.

Она была закрыта. Можно перелезть через сетчатую ограду, но не хочется рисковать встречей со сторожевым псом, поэтому Джек побрел вокруг, разглядывая разбитые машины.

В протоколе записано — как же иначе? — серебристый «меркьюри-гранд-маркиз», неофициальный символ штата Флорида, и указан номер. Автомобиль нашелся у ворот. Джек вцепился в ограду, взгляделся. Бампера нет, от правого переднего крыла осталось одно воспоминание, ветровое стекло — сплошная паутина — вдавлено внутрь, двигатель скошен влево.

Он что, с танком столкнулся?

Пальцы со скрежетом впились в железную сетку. Кто это сделал и скрылся? Может быть, папа о чем-то задумался, не заметил знак «стоп»? Хорошо, предположим, что он виноват. Тем не менее куда другой-то несея, черт побери?

16

В животе начинало бурчать, когда Джек покидал стоянку Джейсона. Он сообразил, что ничего не ел после сэндвича с крабами у Джоуни. Заметил по пути «Тако-Белл»¹, остановился, съел пару буррито², запил «Маунтин Дью».

Перекусив и продолжив путь, решил завернуть в больницу по дороге к Южным Вратам, еще разок взглянуть на отца.

¹ «Тако-Белл» — сеть закусочных быстрого обслуживания.

² Буррито — мексиканский пирожок с начинкой из бобов под острым соусом.

На третьем этаже столкнулся с доктором Хуэргой, вышедшей из палаты в сопровождении рыжеволосой женщины. На красочной именной табличке последней значилось: «*К. Мортенсон, медсестра*».

— Как он? Состояние не изменилось?

Доктор Хуэрта покачала головой, откинула непослушную прядь волос. Вид у нее был усталый.

— По-прежнему семь баллов. Не лучше, но и, слава богу, не хуже.

Пожалуй, хорошо. Впрочем, он заехал не просто повидать отца.

— Где его личные вещи?

— Вещи?

— Ну, знаете, одежда, бумажник, какие-нибудь документы...

Доктор Хуэрта взглянула на сестру Мортенсон, и та сказала:

— Заперты в шкафу в дежурке. Сейчас принесу.

Доктор Хуэрта двинулась дальше, Джек вошел в отцовскую палату. Остановился у койки, глядя, как он дышит, чувствуя себя бессильным, растерянным. Все неправильно. Папа должен сидеть у Ани, выпивать, играть в маджонг, а не лежать без сознания с воткнутыми в тело трубками.

Пришла Мортенсон с планшеткой и пластиковым прозрачным пакетом.

— Вы должны расписаться, — сказала она и, пока Джек царапал на листке неразборчивую подпись, добавила: — Одежду нельзя было хранить. Понимаете, она залита кровью.

— Но из карманов все предварительно вынули, правда?

— Наверно, это сделали в «Скорой», задолго до того, как его доставили к нам.

Джек вернул ей планшетку, взял пакет. Вещей оказалось немного: бумажник, часы, ключи, мелочь примерно на доллар.

После ухода сестры он заглянул в бумажник: кредитки «Америкэн экспресс» и «Мастер-кард», пенсионная карточка, карточка Ассоциации спортсменов-любителей, карточка «Костко»¹, семьдесят с чем-то долларов, пара ресторанных счетов.

Бросил все это обратно в мешок. На что он надеялся? На зашифрованную записку? На клочок бумаги с поспешно нацарапанным адресом?

Насмотрелся детективных фильмов.

Может быть, *нет* ничего загадочного. Просто несчастный случай. Может, папа решил проехаться, очутился в неудачное время в неудачном месте... случайно столкнулся с кем-то, кто не совсем ладит с законом и не хочет попасть в руки полиции.

Все понятно.

Несчастный случай... дорожная авария...

Однако нутром не верится. Пока, по крайней мере.

Джек взглянул на отца:

— Продержишься ради меня, пап?

Разумеется, никакого ответа. Он похлопал по колену под простыней:

— До завтра.

17

К счастью, Аня оставила пропуск у него в машине. С помощью карточки открылся шлагбаум для жильцов. Когда Джек добрался до дома, света у ста-

¹ «К о с т к о» — сеть магазинов-складов, торгующих со скидкой, клиенты которых оформляют членство, делая вступительный взнос.

рушки не было. Декоративные украшения на ее газоне звякали, шелестели, вертелись во тьме.

Войдя в дом, он сразу направился к отцовской спальне, вытащил металлическую шкатулку, пробормотал:

— Прости, пап, — и пошел с ней на кухню.

Очень неприятно копать в папиных личных вещах, но в коробочке вполне может найтись объяснение, почему отец был в полуночный час не в постели, а среди болота.

Сначала надо выпить пива. Джек взял из холодильника очередную бутылку красного гаванского эля, поискал в ванной пинцет, нашел, через двадцать секунд запор на крышке шкатулки открылся. Он стоял в нерешительности. Вдруг в ящичке находится то, о чем никто знать не должен? Вдруг ему самому не захочется знать? Наверно, родители имеют право на тайну.

Безусловно, пока не становятся жертвой аварии, второй участник которой удрал.

Джек поднял крышку.

Ничего особенного. Пачка выцветших со временем черно-белых фотографий и какая-то маленькая коробочка вроде ювелирной. Сначала перебрал фотографии. Главным образом солдаты. В одном из них узнал отца — даже не помнится, чтоб у него было столько волос, — но в основном другие парни в форме, лет двадцати, неловко позируют перед камерой на фоне незнакомого ландшафта. На одном снимке виднелось строение в виде пагоды.

Должно быть, Корея. Известно, что папа был в армии во время войны, но никогда не хотел об этом рассказывать. Так и не удалось вытянуть из него хоть какие-нибудь военные воспоминания. «Не хочу вспоминать», — неизменно отвечал отец.

Последний снимок запечатлел восемь мужчин в солдатской форме, четверо спереди стоят на коленях, четверо высятся позади, ухмыляются в аппарат. Отец второй слева в заднем ряду. Видимо, в правом углу на фоне была именная табличка, но уголок оторван.

Джек разглядывал незнакомых солдат, ища связь с отцом. Кто они такие? Молодые, похожи на игроков баскетбольной команды средней школы. Выпускники. Из какого учебного заведения?

Может быть, никогда не узнаешь.

Он положил фотографии, взял коробочку. Внутри что-то громынуло. Открыв, увидел две медали. Не особенно разбираясь в военных наградах, одну узнал сразу.

«Пурпурное сердце»¹.

Папа был ранен? Куда? Насколько известно, у него единственный шрам после аппендицита. Может быть, это чья-то чужая медаль, друга-сослуживца, которая хранится на память?

Нет, «Пурпурные сердца» остаются родным.

Значит, папина.

Он взглянул на другую медаль: золотая звезда на красно-бело-синей ленте с серебряной звездочкой меньших размеров в центре. Кажется, «Серебряная звезда»². За выдающуюся отвагу на поле боя?

Поверь, малыш, ты многого не знаешь о своем отце.

По-моему, леди, вы правы. Надо было, наверно, чаще с ним общаться.

Забавно... несколько месяцев назад подобная мысль в голову бы не пришла. Но, связывая случившееся с папой и с Кейт...

¹ «Пурпурное сердце» — военная медаль за боевое ранение.

² «Серебряная звезда» — награда за отвагу, вторая по значению после медали «За выдающиеся заслуги».

С неутолимым зудом разочарования Джек уложил обратно содержимое приблизительно в том же порядке. Требовались ответы, а проклятый ящик задавал лишь больше вопросов.

Он поставил шкатулку на полку и пошел на кухню за пивом. По дороге заметил на столе отцовские часы. Забрав их в больницу, не обратил внимания на треснувшее стекло. Присмотрелся — старый «таймекс». Даже не старый — древний. Типично для папы: если старая вещь работает, зачем покупать новую? «Таймекс» разбился и больше не тикает. Стрелки остановились, показывая 12.08.

Постой-ка...

Джек выгнал протокол о дорожно-транспортном происшествии, развернул, внимательно просмотрел донесение офицера Эрнандеса. В участок позвонили... где оно... вот.

В 11.49.

Значит, сообщение сделано прежде, чем произошла авария. Немыслимо. Наверно, отцовские часы спешили. Бывает. Или он забыл их завести.

Только не папа. У него часы всегда шли точно до минуты. По утрам обязательно заводились. Миллион раз он на глазах у Джека проделывал это за завтраком.

Возможно, Эрнандес неправильно указал время звонка. Но при всей своей тупости коп внимательный и основательный. Кроме того, он заметил, что, когда прибыл на место аварии через двадцать минут после уведомления, у него возникло впечатление, будто она только что произошла.

Тряся головой, Джек пошел к холодильнику. Пиво не пойдет. В данный момент надо выпить чего-то покрепче.

Среда

1

Джек проснулся от гула в ушах. Сначала решил, что москит, но звук ниже. Возможно, последствия выпивки, хоть он принял всего две рюмки. Наконец, понял, что гул доносится из окна. Поднял голову, оглянулся, сразу же сбившись с толку в незнакомой комнате.

Ах да. Это ведь папин дом. Передняя комната. Видно, заснул на диване. Наткнулся на «Рио-Браво» на каком-то канале вроде ТНТ, начал смотреть в тринадцатый раз, не ради Джона Уэйна или Дина Мартина, разумеется, не ради Рики Нельсона — ради Уолтера Бреннана. Руки вверх! Слампи — его лучшая роль, пожалуй кроме старика Клэнтон в «Дорогой Клементине». Старик Уолт пристрастил его к кино.

Откуда этот гул?

Он сорвался с дивана, прошлепал на кухню, выглянул в окно.

Садовник вел газонокосилку по краю сгоревшей травы у посаженных возле дома деревьев. Неужели на нем фланелевая рубашка с длинными рукавами? В такую погоду? Видя летом кого-то в подобной рубашке, обязательно заключишь — ненормальный. Правой руки не видно даже на столь близком расстоянии. Газонокосилка как бы растет из рукава.

Вещи остались в машине, все равно надо выйти. Может быть, по пути удастся присмотреться поближе.

На улице Джек ощутил удар жаркой влажной волны. Еще нет половины девятого, а уже печет. Как только он завернул за угол, садовник прекратил работу, вытаращил на него глаза, выключил косилку.

— Ты не Том. Чего тут делаешь?

— Я его сын.

Действительно фланелевая рубашка, зеленые рабочие штаны, мягкая оливковая кепка в коричневатую кранинку. Джек протянул руку, приглядываясь:

— Меня зовут Джек.

В ответ садовник протянул левую руку:

— Карл.

Стратегический расчет провалился.

— Чего ты явился в такую рань? В засуху работы немного.

— Даже не поверишь, — возразил Карл. — Трава не растет, тропические растения сплошь засохли, шивиди, а сорнякам хоть бы что. Никогда не видел ничего подобного.

Может, лучше вообще сорняки выращивать, — предположил Джек.

Мне без разницы, — согласился садовник. — Зелень есть зелень. — Он взглянул на Джека. — Мисс Манди рассказывала про твоего отца. Как он там?

По-прежнему в коме.

Джек подавил желание шагнуть вправо, чтобы попасть в поле зрения левого глаза Карла.

— Правда? — покачал тот головой. — Плохо, плохо. Хороший у тебя отец. Был у нас одним из лучших.

— Был? Слушай, он *еще* не умер!

Ну да. Конечно, конечно. Выкарабкается, будем надеяться. Просто к Глейдс слишком близко живет...

К Эверглейдс? А что тут такого?

Парень отвел глаза:

— Ничего. Забудь.

— Слушай, не морочь мне голову. Начал — договаривай.

Тот по-прежнему смотрел в сторону.

— Примешь меня за чокнутого.

Видел бы ты таких чокнутых, какие мне встречались, мысленно заметил Джек.

— Давай попробуем.

— Ну ладно. Врата построили чересчур близко к Глейдс. Их уже много лет обижают. Знаешь, почти весь приток свежей воды из верхней части штата, из озера Окичоби, направляется на фермы и в такие залы ожидания перед кладбищем, как Врата. Куда ни глянь, кругом осушают болота, устраивают строительные площадки под новые дома и поселки. Глейдс давно страдают, а в этом году особенно, из-за засухи. Лето у нас всегда дождливое, а до сих пор ни капли не капнуло.

— Вода все-таки есть, правда?

— Есть, только низко стоит. Никто даже не помнит такого низкого уровня. Это плохо. Для всех плохо.

— Чем же?

— Ну, кое-что, прежде скрытое под водой, может выйти наружу.

Где это происходит? Вообще происходит ли?

Садовник оглянулся на Эверглейдс.

— Твоему отцу и мисс Ане в одном повезло, что живут у пруда, — не приходится им глядеть на чужой задний двор.

Джек взглянул на бесконечное поле травы.

— Вид действительно панорамный.

— Панорамный? — переспросил Карл. — Как это?

Он с трудом подыскивал объяснение, распростер руки.

— Ну, широкий... объемный.

— Панорамный... красиво.

— Конечно. Панорамный вид красивый, но, по моему, ты хотел сказать что-то другое.

— Правда. Плохо... что они совсем рядом с Глейдс... Глейдс сейчас сердятся. Можно даже ска-

зять, злятся. А раз так, всем надо держаться настороже.

Джек посмотрел на милую траву до деревьев. В последнее время он видел множество странных вещей, но разозлившееся болото...

Ты в самом деле чокнутый, Карл.

2

Семели стояла с Люком на берегу лагуны, глядя, как маленькая дренажная баржа выгребает сырой песок из воронки и нагружает в крошечные плоскодонки, хвостом тянувшиеся за ней. Избыточная вода текла на планшир и обратно в лагуну. Клану пришлось передвинуть плавучие дома, чтобы дать барже проход к отверстию.

— До сих пор не верю, Семели, что ты это сделала, — сказал Люк. — Не кто-нибудь, а именно ты.

Она сама себе удивлялась. Не любила, когда чужаки приближались к лагуне, особенно к воронке, но эти посулили столько денег, что невозможно было отказаться.

— Ты это уже две недели твердишь, Люк. Повторяешь одно и то же при каждом приходе баржи. И я тебе каждый раз отвечаю одно: нам нужны деньги. Может быть, ты заметил, что люди в последнее время каждый грош считают.

— Заметил, а как же. Наверно, потому, что и считать-то нечего. И все равно мне это не нравится, особенно в такое время года.

— Не волнуйся. Они уйдут до рассвета. По моему условию закончат работу до конца недели. Огни придут ночью в пятницу. Я сказала, что пятница — крайний срок. Сколько бы ни предлагали, в пятницу на закате должны уйти.

— Все-таки плохо. Это наш дом. Мы здесь родились.

— Знаю, Люк. — Она погладила его по спине, нащупывая острые плавники под рубашкой. — Только не забывай: отверстие воронки впервые на нашей памяти вышло из воды. Возможно, вообще впервые. Огни будут светить не сквозь воду, а прямо в ночь. Раньше подобного никогда не бывало... В любом случае никто такого не помнит.

— Это мне тоже не сильно нравится. — Люк потер щеку. — Папа говорил, огни нас изувечили вместе с деревьями, рыбами и насекомыми. При чем шли из-под воды. Что же будет теперь, без воды?

Семели встрепелась:

— Именно это мне хочется видеть.

Огни загораются дважды в год — в весеннее и осеннее равноденствие, — по словам мамы, с тех пор, как она появилась на свет, и ее мама тоже.

По свидетельству мамы Семели, со временем они стали гореть сильнее и ярче. Вскоре жившие вокруг лагуны люди заметили, что возле воронки меняется облик деревьев, рыб, всего прочего. Сначала появились лягушки без лап или с лишними лапами, потом рыбы изменились до неузнаваемости, деревья согнулись, скривились.

Нехорошее дело, но, когда рядом с лагуной стали рождаться мертвые и уродливые младенцы, люди начали переезжать. Не в одно место, а в разные стороны поодиночке. Одни поселились поблизости в Хомстедде, другие подальше, в Луизиане, Техасе. После отъезда на свет появлялись нормальные дети, и все были счастливы.

Не были счастливы только уже родившиеся ненормальные дети. Не потому, что люди плохо к ним относились — не только к Семели, — а потому, что

в сознательном возрасте поняли, что им чего-то не хватает.

Ненормальные дети один за другим возвращались к лагуне и там успокаивались, чувствуя себя нормальными, на своем месте, дома.

Дом там, где живет родная семья. Они назвали себя кланом, решили остаться в лагуне.

Но даже в этой большой семье Семели в душе ощущала тоскливую пустоту, желая — *требуя* — еще "чего-то.

— Зачем им понадобился *наш* песок? — не унимался Люк. — Кругом полно песка.

— Не знаю.

— Кто они вообще такие?

— «Благден и сыновья», как тебе отлично известно.

— Угу, название фирмы известно, и только. А что это за люди? Откуда?

— Не знаю, Люк, но платят хорошо. Задаток наличными. Лучше не придумашь.

— Про огни знают?

— На это я могу ответить: да, знают.

Парень по имени Уильям из компании под названием «Благден и сыновья» приплыл несколько недель назад в каноэ, спрашивая, не видел ли кто-нибудь в это время года необычный свет. Члены клана направили его к Семели, которая была как бы вождем. Не то чтоб стремилась когда-нибудь стать вождем, но так уж получалось, что решения принимала она.

Осторожно держалась с тем самым Уильямом, пока не убедилась, что он не экскурсовод из туристического агентства, не ученый и тому подобное, не стинет возить чужаков или отряды высоколобых для демонстрации или исследований членов клана и воронки. Нет, Уильям хотел только вычерпать грязь и песок из колодца, откуда шли огни.

Услышав от нее, что свет идет из отверстия, всегда скрытого под водой, а нынче вышедшего наружу, он страшно разволновался, захотел посмотреть. Семели притворно воспротивилась, стоя на своем, даже когда он стал сулить деньги. Предлагал все больше и больше, пока она не уступила. Может, даже еще продержалась бы, да не стоило слишком жадничать.

Приведя Уильяма к воронке, Семели побоялась, как бы от радости он не описался. Парень плясал вокруг, выкрикивал незнакомое слово — кеноте¹, — потом объяснив, что оно мексиканское. Семели сильнее заужала воронку.

О дренажных работах, естественно, надо помалкивать. Клан не имеет права жить в лагуне, на территории Национального парка, а «Благден и сыновья» не имеют права брать здесь песок.

— На самом деле, — призналась она Люку, — я уверена, что песок им нужен из-за *огней*.

— Даже страшно, правда? Эти огни неестественные. Искалечили нас, вообще все вокруг. Может быть, даже песок в дыре переделали.

— Может быть.

— Для чего он им, скажи на милость? — встревожился Люк. — Я хочу сказать, что они с ним собираются делать?

— Точно не знаю, и, собственно, знать не хочу. Это не наша забота. Знаю только, что маленькая воронка без песка станет гораздо глубже. А огни будут яркими, как никогда. Когда придет время, кто-нибудь даже заглянет в дыру и увидит, откуда идет свет.

— Кто? — спросил Люк.

Семели не сводила глаз с обнажившихся краев воронки.

¹ К е н о т е — подземное озеро или река в карстовых пещерах (исп.).

Я.

Люк схватил ее за руку:

— Нет! Что ты? С ума сошла? Я тебя не пущу!

Иногда, по мере необходимости, она позволяет Люку заняться с ней сексом, и, наверно, напрасно. Каждый раз спокойно объясняет, что это никакого значения не имеет, они просто спят по-приятельски, и больше ничего, но, наверно, не следовало начинать. Тем не менее порой надо расслабиться, а Люк не такой безобразный, как прочие члены клана. Проблема в том, что он счел ее своей собственностью, которую надо беречь, защищать и так далее.

Если кто-нибудь нуждается в защите, то только не Семели.

— Замолчи, Люк. — Она вырвала у него свою руку. — Пусти. Мне надо в город.

— Зачем?

— Поработаю медсестрой, — коротко улыбнулась она.

Что? — затряс он головой. — Зачем?

В приливе гнева улыбка погасла.

Чтобы довести до конца дело, которое ты в ту ночь не доделал, ослиная задница!

3

Остановившись в больничном лифте на третьем этаже, Джек увидел доктора Хуэрту, которая поджидала кабину.

— Что нового у отца?

— Состояние стабильное, но по-прежнему семь биллов, — покачала она головой.

— Долго это будет продолжаться? — спросил он. — Я имею в виду, прежде чем будем думать об искусственном питании и прочем.

Она шагнула в лифт.

— Пока еще рано. Понимаю, вам кажется долго, хотя даже семидесяти двух часов не прошло. Вполне достаточно внутривенных вливаний. •

— Я...

Дверцы лифта скользнули, закрылись.

Джек пошел по коридору к отцовской палате, гадая, найдет ли там Аню. Утром перед отъездом подошел к ее дому, петляя среди заполнявших газон безделушек, хотел предложить, если надо, подбросить к больнице. Дверь на стук не открылась.

В обычных обстоятельствах он бы не беспокоился, да со стариками не угадаешь. Вдруг ее удар хватил или еще что-нибудь? Заглянул в переднюю застекленную дверь, не видя безжизненной фигуры ни на полу, ни в кресле. Потом вспомнил про Ирвинга. Будь песик дома, лаял бы как сумасшедший.

Ани и в палате не оказалось — он на всякий случай заглянул во все углы и за ширму. Никого, кроме больного.

Подошел сбоку к койке, взял вялую правую руку.

— Я вернулся, папа. Ты здесь? Слышишь меня? Если можешь, сожми чуть-чуть пальцы. Шевельни хоть одним, чтоб я знал.

Ничего, как вчера.

Джек пододвинул стул, сел у койки, разговаривая с отцом так, словно старик его слышал. Тихо говорил, умолкая, когда туда-сюда шмыгали сестры, рассказывал, что удалось выяснить о происшествии, излагал противоречивую информацию, рассуждал о разнице во времени, отмеченном в протоколе и на отцовских часах. Надеялся при этом прояснить для себя дело, но остался в прежнем недоумении.

— Если бы ты мне только сказал, что там в такое время делал, разрешилось бы много вопросов.

Исчерпав тему аварии, не нашел темы для дальнейшей беседы. Потом вспомнил снимки на стенах и отцовской комнате, уцепился, как за спасательный круг.

— Помнишь наш семейный поход? Нескончаемый дождь...

4

После часовой болтовни во рту совсем пересохло, голосовые связки горели огнем. Джек пошел в ванную поить воды. Доживая вторую пригоршню, краем глаза заметил, как мелькнуло что-то белое. Оглянувшись, увидел сестру, подходившую к отцовской койке. Раньше ее здесь не было, иначе он обязательно обратил бы внимание. Хорошенькая, но внешность необычная. Очень худенькая, почти мальчишка, кожа темная — особенно по контрасту с белым халатом, — длинный нос, блестящие черные волосы, заплетенные в одну косу почти во всю спину. Видимо, отчасти индианка — не бомбейская, а американская.

Сестра держала руку в кармане форменного халата, который почти смахивал на сорочку, как бы что-то сжимая.

Он было собрался выйти, поздороваться, но заметил нечто странное. Девушка двигалась резко, порывисто, у кровати замедлила шаг, словно с трудом пробиваясь сквозь плотный воздух. На лбу выступил пот, лицо вспыхнуло, побледнело перед следующим трудным шагом, горло ходуном заходило, точно она удерживалась от рвоты.

Джек вышел, направился к ней.

— Мисс, что с вами...

Она вздрогнула, круто оглянулась, глядя широко открытыми растерянными глазами цвета оник-

са. Рука выскочила из кармана, вцепилась в шнурок на шее. Джеку показалось, что в кармане что-то шевельнулось.

Незнакомка затрясла головой, дергая тонкий кожаный шнур. Он лопнул, но она практически не обратила на это внимания, обливаясь потом.

— Вы кто?..

Прежде чем он успел ответить, она повернулась и нетвердой походкой пошла из палаты. Джек пристально посмотрел вслед и слышал стон с койки.

— Папа! — Он бросился к кровати, снова схватил отца за руку. — Папа, это ты?

Стиснул пальцы, сначала легонько, потом посильнее. Отец поморщился, впрочем, доктор Хуэрта сказала, что он на боль реагирует. Потряс за плечо, окликнул — безрезультатно — и сдался. Здесь ничего не будет.

Отправился искать ту самую девушку. Есть в ней что-то подозрительное... кроме явно нездорового вида.

За столиком в коридоре увидел крупную коричневую седовласую сестру, видно старшую в смене. На именной табличке с фотографией значилось «Р. Шок».

— Простите, — извинился Джек. — В палату к моему отцу заходила сестра, потом повернулась и убежала. Похоже, неважно себя чувствовала, я хотел справиться, все ли с ней в порядке.

Сестра Шок нахмурилась, вернее, сильнее помрачнела. Должно быть, привычное выражение.

— Неважно себя чувствовала? Мне никто не докладывал. — Она взглянула на доску. — Триста семьдесят пять, правильно? Как ее фамилия?

— Я не посмотрел на табличку. Если вспомнить, по-моему, у нее ее не было.

— Ох, обязательно должна быть. Как она выглядит?

Стройная, темноволосая, ростом около пяти футов трех дюймов.

Шок покачала головой:

У нас таких нет. Во всяком случае, в моей смене. Вы уверены, что это была сестра?

Я во многом не уверен, — пробормотал Джек, — и сейчас этот список пополнился.

Может, уборщица, хотя она была бы в сером халате, не в белом, и непременно с именной табличкой. — Она потянулась к телефону. — Вызову охрану.

Лучше не надо, подумал Джек, не желая вмешиваться в дело частных сыщиков, но не нашел убедительного для сестры довода.

— Ну ладно. Вернусь к отцу.

Он все время краем глаза наблюдал за дверью, следя, чтобы в палату никто не вошел. Вернувшись, проверил, не шевелится ли папа, — нет, — подошел к окну, выглянул на стоянку, увидел шагавшую по площадке стройную женщину в белом халате. В полуденной жаре фигура расплывалась, трепетала, как мираж.

Она. Длинную косу ни с чем не спутаешь. Садится на пассажирское сиденье старого помятого красного пикапа.

Джек выскочил в коридор в тот момент, когда двери лифта закрылись. Чересчур долго ждать. Отыскал лестницу и помчался на первый этаж. Пока добежал до стоянки, красный пикап исчез. Бросился к своему «бьюику», полетел стрелой по дороге. Мысленно подбросил монетку, повернул направо, пообещав уделить гонке десять минут и в случае неудачи признать поражение.

Проехав полмили, заметил фургон, остановившийся за два квартала впереди на красный свет.

Есть!

Сигнал светофора сменился, он тронулся за пикапом из города к болотам. Где-то по пути шоссе кончилось, сменившись песчаной колеей, заросшей по сторонам высоким колышущимся тростником. Временно потерял из виду машину, решив не беспокоиться, пока не попадется развилка. Лучше оставаться незамеченным. К счастью, никаких развилок не попалось, и вскоре Джек выехал на поляну на краю маленькой медленной речки.

Там праздно стоял красный пикап, а женщина в белом плыла в моторной плоскодонке, которую вел огромный неуклюжий мужчина в красной рубаше с длинными рукавами. Джек выпрыгнул из машины, выбежал на берег, замахал руками, закричал им вслед:

— Эй! Вернитесь! Хочу у вас спросить кое-что!

Женщина и мужчина оглянулись, с нескрываемым удивлением уставились на него. Женщина что-то сказала мужчине, тот кивнул, и оба отвернулись, продолжая движение. Джек прочел на корме название лодки: «Плавучий Цыпленок».

— Эй! — заорал он.

— Чего тебе тут надо? — раздался за спиной голос.

Он оглянулся на парня с головой неправильной формы, высунувшейся из водительского окна пикапа. Выступающий лоб, косые глаза, почти несуществующий нос напомнили ему Джека в исполнении Лео Кэрролла в первых эпизодах «Тарантула». Рядом с этим типом Рондо Хаттон — красавчик.

— Хотел с ней поговорить, задать несколько вопросов.

— Похоже, она не хочет с тобой разговаривать.

— Голос тонкий, гнусавый.

— Где она живет?

— В Глейдс.

— Как мне ее найти?

Пикап. Брось, мистер, оставь ее в покое, что в там ни было.

Вдруг другой парень, потоньше и с виду лишь условно лучше, вскочил в пассажирскую дверцу пикапа.

Откуда он взялся?

Повешский хлопнул водителя по плечу и кивнул. С виду оба не сильно сообразительные. Если предложить сыграть в русскую рулетку с полуавтоматическим пистолетом, наверняка охотно согласятся.

Водитель приветственно выставил два пальца:

— Ну, приятно было с тобой поболтать. А теперь надо ехать.

Прежде чем Джек успел вымолвить слово, парень рванул пикап с места и с ревом умчался. Он бросился к своей машине. Если нельзя преследовать девушку, сядем на хвост этой парочке. Рано или поздно придется им...

Он замер на месте, глядя на спущенную переднюю крышку «бьюика», проткнутую сбоку.

— Здорово, — пробормотал Джек. — Просто замечательно.

5

— Не пойму, — сказал Люк, ведя «Плавучего Цыпленка» в глубь болота, — что это за тип?

Семели сдернула черный парик, встряхнула собственными серебристо-белыми волосами. Разговаривать не хотелось. С желудком по-прежнему плохо.

— Он меня в палате застал. Думаю, какой-то родственник старика.

— Поэтому пустился вдогонку?

— Наверно. Не знаю. Знаю только, что очень плохо себя почувствовала в палате. Как только вошла в

дверь, сразу стало плохо, и дальше все хуже и хуже, чем ближе к кровати. Нахлынула тошнота, слабость, воздух сгустился, дышать невозможно. Скажу тебе, Люк, мне одного хотелось — убраться оттуда как можно скорее, убежать подальше.

— Думаешь, из-за этого самого типа?

— Возможно... но вряд ли.

Это не просто какой-то там тип, не просто кто-то из родных старика. Он особенный. Именно его прибытие она чувствовала два дня назад. Есть в нем что-то... судьбоносное. Непонятно что. Ясно только, что он особенный.

Я тоже, подумала Семели. Хотя в другом смысле.

Возможно, судьба предназначила их друг для друга. Было бы прекрасно. Он ей понравился — темные волосы, карие глаза, фигура не слишком крепкая, не слишком слабая, лицо с нормальными правильными чертами... В клане такое не часто увидишь.

Вдруг он к ней послан? Ради *нее* явился. Чтобы разделить с ней судьбу. Будем надеяться. Ей кто-нибудь очень нужен.

— Ну, если считаешь, что вряд ли, — продолжал Люк, — то тогда отчего тебе было плохо?

Семели через голову стащила с себя белое форменное платье, оставшись в одних белых трусиках. Опустила глаза на маленькие груди с темными сосками. Пускай по размеру не выигрышные, но хоть не обвисают. Один из парней, с которыми она трахалась в школе, называл их «нахальными». Должно быть, так и есть.

Держась спиной к Люку, чтоб на воде не расплился, натянула шорты, зеленую футболку.

— Не знаю. Даже не помню, чтобы когда-нибудь так жутко себя чувствовала... — Она содрогнулась, вспомнив ужасное тошнотворное ощущение, будто

ее целиком выворачивало наизнанку. — Надеюсь, больше никогда не почувствую.

Семели вдруг изо всех сил шнула Люка в ногу.

— Эй, ты чего? — отскочил он.

Во-первых, ничего не случилось бы, если б вы с Корли выполнили распоряжение!

Слушай, мы все выполнили. Ты же была на месте.

Меня там не было.

Ну, следила. Видела, как было дело. Жертвоприношение совершалось по плану, и тут, откуда ни возьмись, коп явился. Я всегда говорил, лучше было б прикончить старика в машине, и делу конец. Она его снова ударила. — Никогда не поймешь? Старик должен погибнуть в болоте, иначе это не жертвоприношение, а убийство. Мы никого не хотим убивать. У нас есть цель, долг. Тебе это известно.

Ладно, ладно, известно. Все равно не пойму, откуда явился коп. Мы его там раньше не видели.

Может быть, его прислали... — В голову неожиданно стукнула мысль.

Что ты имеешь в виду?

Возможно, старика сегодня спасло то же самое, что и ночью.

— Как это? Кроме нас, никто не знает о плане.

Как — не знаю, почему — не знаю, но кто-то старика охраняет.

Колдует?

— Наверно.

Многие думают, будто сама Семели колдует, почему бы кому-то другому не поколдовать? Может, кругом полно таких колдунов, которые никому и не снились.

— Пока не имею понятия кто, но обязательно выясню. А когда выясню...

Она полезла в карман снятого белого платья и вытащила уместившуюся на ладони жабу. Подняла, погладила по спинке. Маленькая зверушка — родственница больших африканских морских жаб, которых какой-то дурак завез в прошлом веке во Флориду. У нее были всего три лапы — левая представляла собой один шпенок — и набухшие железы, параллельно тянувшиеся вдоль спины от каждого глаза. Железы полны яда. Стоит собаке лизнуть или куснуть большую жабу, она тут же погибнет. Эта, поменьше, живет в лагуне, где многие поколения ее семейства купаются в сиянии огней, и яд у них еще сильнее. Достаточно маленькой капельки, чтобы остановить биение человеческого сердца.

Таков был план Семели: проникнуть в палату, прижать жабу к губам старика и скрыться. Через минуту он отправится к Создателю, и дело будет сделано.

Теперь надо придумывать другой план.

Посадив жабу на переднюю скамью, где та распласталась, глядя на нее большими черными глазами, Семели инстинктивно поднесла к груди руку...

...и окаменела. Где? Где они?

Вспомнила, как шнурок оборвался в палате. Прогоня страх, сообразила, что сунула его в карман.

Порылась в другом кармане формы и с облегченным вздохом нащупала тонкий шнурок. Вытащила, надеясь увидеть пару раковин униониды, которые носила на шее, и охнула, видя только одну.

— В чем дело? — спросил Люк.

Она не ответила, схватив форму, обшаривая оба кармана.

— Ох, нет! Пропала...

— Что пропало?

— Одна раковина...

— Посмотри под ногами. Может, выпала, когда ты переодевалась.

Семели принялась ощупывать скользкое дно, на дном залитое водой.

— Пропала! — панически прокричала она. — Ох, Люк, что я теперь буду делать? Она мне нужна!

Эти раковины Семели носила с двенадцати лет. Незабываемое событие. Мать повезла ее на похороны отца. Тогда она его впервые увидела... по крайней мере, в сознательном возрасте. Он ушел от мамы, когда Семели была еще младенцем, вскоре после переезда в Таллахасси. Отец был индейцем микасуки, изгнанным из племени по неизвестной маме причине. Она познакомилась с ним у лагуны, вокруг которой обилие множество бежавшего из других мест народу, и вскоре после рождения дочки они втроем оттуда уехали вместе со всеми прочими.

Отец, вернее, мужчина, разбивший жизнь мамы, был убит в драке в баре. Кто-то из родственников микасуки решил устроить ему достойные индейские похороны, пригласив жену и ребенка.

Семели даже смотреть на мертвеца боялась, поэтому пятилась, держась как можно дальше от трупа. За день до похорон у нее впервые начались месячные, тошнота и усталость осложняли дело. И тут она заметила старую индианку в расшитом бисером одеянии, пристально смотревшую на нее с другой стороны комнаты. Морщинистая, с черными птичьими глазками и такими же волосами, как у Семели. Помнится, старуха подошла, принялась. Семели испуганно и смущенно отпрянула. Может быть, выделения пахнут?

Старуха кивнула, обнажив десны в беззубой улыбке.

— Обожди здесь, детка, — шепнула она. — Я тебе кое-что принесу.

И исчезла. Семели надеялась, что навсегда, но старуха вернулась. Принесла две черные раковины

униониды, просверленные у створки и падающие на кожаный шнурок.

Старуха взяла ее за руку, разжала крепко стиснутые пальцы, положила раковины на ладонь.

— Ты обладаешь прозрением, девочка. Только без этого ничего не получится. Возьми и береги хорошенько. Всегда держи при себе. Когда придет время, а оно придет очень скоро, они тебе понадобятся.

И ушла.

Сначала Семели решила их выбросить, а потом передумала. Ей никто никогда ничего не дарил, поэтому она сберегла раковины. Не поняла, о каком «прозрении» говорила старуха, но почувствовала себя особенной. До той минуты не было никаких оснований так думать. Что касается «прозрения», возможно, когда-нибудь станет ясно, что это значит.

И однажды стало ясно. После чего жизнь полностью переменялась.

— Ну-ка, успокойся, Семели, — сказал Люк. — Где-нибудь отыщется. Выронила, наверно, в фургоне. Найдем.

— Обязательно надо найти!

Раковины необходимы для колдовства. Она их носила на шее, всегда при себе. А теперь...

Раковины спасли ей жизнь... вернее, не позволили с собой покончить.

В майский вторник, когда ей шел шестнадцатый год, на нее вдруг обрушились все мыслимые несчастья. Вечером в понедельник испробовала новую краску для волос. Раньше ничего не помогало, краска просто стекала с головы, как вода с воска. Реклама утверждала, будто эта краска другая, обещающая придать волосам роскошный каштановый цвет. И похоже, не зря — не стекла, в отличие от прочих.

Однако, взглянув утром в зеркало в ванной, Семели увидела вместо каштановых огненно-рыжие полосы. Хуже того — краска не смывалась.

Может быть, подходящий цвет для наркоманов и чокнутых, желающих привлечь внимание, продемонстрировать презрение к родителям, к обществу и всему прочему, но для нее чудовищная катастрофа. Она всю жизнь была изгоем, хотела стать *нормальной*.

Несколько минут поплакав — лучше бы завопить во все горло, да в спальне в другом конце трейлера мама со своим новым бойфрендом Фредди, — Семели призадумалась, что делать. Можно сказатьс большой, целый день отмывать волосы, только тогда придется остаться наедине с Фредди, который поглядывает на нее так, что по спине мурашки бегут. Она, конечно, не девственница, ничего подобного, всю жизнь занимается сексом, но Фредди... гнусный слизняк.

Поэтому она высушила ярко-рыжие волосы, натянула на голову кепку, отправилась в школу. День начался плохо, дальше дела пошли еще хуже. Она попала на глаза Сьюзи Леффертс, у которой с начальной школы был зуб на Семели. Никогда не упуская возможности ее помучить, Сьюзи просто ради забавы сорвала с нее кепку, увидела волосы, подняла шум, созвала других девочек, приглашая взглянуть на новоявленную Красную Шапочку.

Под хохот и вопли Семели побежала по коридору, понав прямо в объятия Джесси Баклера.

Она была последней подружкой Джесси, точнее сказать, он был ее последним дружком. Семели уже убедилась, что путь к сердцу парня лежит через ширинку. Пока ей не стукнуло пятнадцать, свидания у нее были редкими, как зубы у черепахи. Потом началась совсем другая история. Собственная репута-

ция была ей хорошо известна — ну и что из того? Трахаться очень даже приятно, вдобавок лишь в такие моменты парень уделяет внимание исключительно ей.

Джесси втолкнул ее в туалет для мальчиков, и она на мгновение подумала, что они сейчас займутся сексом — клево трахаться в школе! Там оказались Джоуи Сантос и Ли Риверс в расстегнутых штанах, с палками на изготовку. Семели испугалась, попыталась удрать, Ли схватил ее, заявляя, что хочет проверить, действительно ли она во всей школе лучшая мастерица, как утверждает Джесси. Она отказалась, пригрозила пожаловаться, они посмеялись — кто поверит известной школьной шлюхе? Обозвали ее «старой бабкой», а Джесси признался, до чего противно возиться со старухой.

Семели поразились. Считала себя славной девчонкой, пусть не сильно целомудренной, но все-таки не школьной шлюхой. В Джесси она не была влюблена и никогда не думала, будто он ее любит, но... он сейчас говорил о ней как о табачной жвачке, которой можно поделиться с друзьями.

Брыкаясь, кусаясь, удалось вырваться, убежать — не только из мальчишеской уборной, а вообще из школы. Нельзя пойти к директору — против нее, школьной шлюхи, выступят три свидетеля, футбольные звезды... Вдобавок ничего не случилось.

Поэтому она побежала домой. Где торчал сексуально озабоченный Фредди. Один. Пиво пил. Предложил ей глоток, начал лапать. Семели завизжала, принялась в него что-то кидать... Последнее, что запомнилось, — Фредди выскочил в дверь и направился к своей машине.

Наверно, настучал маме, потому что та через полчаса ворвалась, поколотила Семели, обругала хитрой маленькой шлюхой, соблазняющей Фред-

ди. Только посмотрите, что она натворила! Фредди ушел, говорит, что не может жить вместе с дриной, которая старается навлечь на него неприязни.

Мама слушать ее не хотела, Семели обиделась, что она приняла сторону Фредди, и тогда мама ее добила. Сказала, что лучше бы ей вообще не родиться на свет, лучше бы умереть, как другим девочкам, в то же время родившимся возле лагуны; с тех пор Семели камнем висит у нее на шее и тянет ко дну, отпугивая седыми космами интересующихся мамой мужчин.

Это была последняя капля. Она бросилась к двери, побежала, не зная куда. Прибежала на берег, упала на песок. Мама, лучший друг, единственный настоящий друг, ненавидит ее и всегда ненавидела. Хочется умереть.

Пришла мысль утопиться, не было только сил прыгнуть в воду. Был отлив, и Семели решила лежать на песке, пока ее не накроет приливом, не унесет в море, и все кончится. Никаких драк, никаких прозвищ вроде «старой бабки», никаких разрывающих сердце обид, вообще ничего.

Она лежала на спине с закрытыми глазами. Яркое солнце жгло сквозь веки, солнечных очков с собой не было, только две раковины висели на шее. Как раз такого размера, чтобы прикрыть глаза, как в солярии.

Сев, чтобы развязать шнурок, Семели увидела наливших над головой чайек, подумала — хорошо бы иметь крылья, улететь прочь отсюда.

Снова откинулась на спину, пристроив на глазах раковины.

Что?

Сбросила их, рывком поднялась.

Что это было?

Закрыв глаза ракушками, она очутилась вовсе не во тьме, а вместо того как бы сверху увидела... белый песок и лежащую на песке девушку... с раковинами на глазах.

Вновь положила на веки ракушки, вновь внезапно увидела сверху фигуру с огненно-рыжими волосами.

Это я!

Снова скинула раковины, глянула вверх. Летавшая чайка смотрела на нее сверху вниз, должно быть гадая, нет ли у нее бутерброда, надеясь перехватить крошку-другую.

Принявшись экспериментировать, Семели обнаружила, что может смотреть глазами любой птицы на берегу, парить, лететь вверх и вниз, видеть рыб под водой, нырять за ними. Потом выяснилось, что можно смотреть глазами рыбы, плавать между скалами и кораллами, сколько хочешь находиться под водой, не выныривая подышать воздухом.

Это было чудесно. Весь остаток дня она испытывала свои силы. Наконец, после захода солнца, отправилась домой. Не хотелось возвращаться, не хотелось смотреть в глаза маме, да больше идти было некуда.

Когда она открыла дверь трейлера, мама в слезах просила прощения, уверяла, будто не хотела ее обидеть, просто вышла из себя, обезумела. Только Семели знала, что слышала правду. Мама высказала таившееся глубоко в душе, сказала то, что думала.

Впрочем, теперь ее это не волновало. Она считала жизнь конченной, а сейчас поняла, что она лишь начинается. Пусть над ней потешаются, дразнят — больше ее никто не обидит.

Она особенная.

И вот одна раковина пропала. А с ней и особенность. Она вновь превратилась в ничто.

Смели в панике вцепилась в борта каноэ с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Люк, мне припала в голову жуткая мысль. Вдруг я ее обронила в больничной палате?

6

Почти через час после отлучки Джек вернулся в отцовскую палату в дурном настроении. Можно было бы выкинуть в контору проката, попросить приехать и сменить покрывало, но он оказался от этой идеи, не имея понятия, где находится. Как им объяснить, куда ехать?

Поэтому сам поставил другую покрывало. Не великое дело. За свою жизнь менял кучу покрывал, привада на мощеной дороге. Тут же домкрат скользил на песке, испытывая его терпение. Потом разошлись тучи, начало жарить солнце. Дела были бы не так плохи, если б на коже не устроили пикник москиты. Никогда в жизни не видывал столько москитов. Руки сплошь в розовых волдырях, чешутся до сумасшествия.

Глухо было позволять тем уродам выкинуть такой фокус.

В палате работал телевизор, заголовки новостей рассказывали о тропическом шторме «Элвис», который выпустил много пара в Северной Флориде, но, добравшись теперь до залива, снова набрался сил над теплыми водами. «Элвис» еще не сошел со сцены.

Джек подошел к постели, взглянул на отца. Никаких перемен не заметно. Шагнул к окну, посмотрел на стоянку. Кто та девушка и странные парни? Судя по тому, как она шла к койке, у нее была определенная цель. Какая?

Повернувшись обратно к кровати, он заметил на полу что-то блестящее, черное, продолговатое. Присел на корточки, прикидывая, не флоридское ли насекомое вроде таракана. Нет, похоже на раковину. Наклонился поближе. По форме как у мидии, только более плоская. Наверно, какой-нибудь местный моллюск.

Когда он потянулся за раковиной, в глаза бросился некий предмет под кроватью. Не совсем под кроватью, скорей за изголовьем. Вроде тонкой ветки, стоявшей на полу.

Джек подобрал с пола раковину, шагнул к кровати, заглянул за изголовье, увидел на верхушке ветки жестяную банку с выведенными краской непонятными завитушками. Подобное уже на глаза попадалось — во дворе у Ани.

Он улыбнулся. Должно быть, в прошлое посещение старушка принесла любимому соседу талисман удачи. Папе не повредит, а то вдруг и поможет, кто знает? В последние месяцы случались и более странные вещи.

Поднимаясь, мельком заметил на изголовье кровати рисунок. Чуть-чуть отодвинул ее от стены, присмотрелся. Доска расписана черными кругами и завитками. Кто автор, гадать не приходится — рисунок в точности повторяет роспись на жестянке. Как костлявая леди двигала адски тяжелую койку?

Ладно, можно потом расспросить. Джек подвинул кровать на место, положил раковину на тумбочку. Может, кто-нибудь из сестер обронил. Значит, придут искать. Так хотя бы никто на нее не наступит.

Почесывая руки, он попрощался с папой и пошел к машине. Будем надеяться, дома найдется цинковая мазь.

Вернувшись во Врата, Джек увидел на тупиковой стоянке другую машину. Видимо, у Ани гости. Но парадные отцовские двери стояли открытыми, изнутри слышались голоса.

Он вошел в переднюю комнату, обнаружив молодую женщину в блузке и юбке, которая водила по дому пожилую пару.

— Вы кто такие, черт побери? — воскликнул Джек.

Старики испуганно вздрогнули, женщина, защищаясь, прижала к груди отрывной блокнот. Он понял, что крик вышел грубым, да в таком уж был настроении.

— Я... член Совета Врат, — пробормотала женщина. — Показываю дом. — И решительно расправила плечи. — А вы кто?

— Сын хозяина. Что вы тут делаете?

Женщина заморгала.

— Соболезную вашему горю, но...

— Какому горю? Думаете, мой отец умер?

Она вновь заморгала.

— Разве нет?

— Нет, черт возьми. Я только что из больницы. В данный момент он не слишком хорошо себя чувствует, но не умер.

Старики смутились, глядя в потолок, на ковер, куда угодно, только не на Джека.

— О господи боже мой, — вздохнула женщина. — Мне сказали, что умер.

— Даже если бы так, что вы здесь делаете?

— Показываю...

В душе взорвалась ярость. Стервятники!

— Показываете чужой дом? Кто дал вам право? Дом принадлежит отцу, пока он его не продаст.

Она снова расправила плечи, на сей раз высокомерно вздернув подбородок.

— Очевидно, вы незнакомы с законами Врат.

— Очевидно, незнаком. Обязательно ознакомлюсь. А пока, — Джек ткнул пальцем через плечо, — вон отсюда.

— Но...

— Вон!

Женщина засеменила к дверям, высоко держа голову. Старики потащились за ней.

— Извините, — на миг задержалась старушка.

— Вы ни в чем не виноваты, — сказал Джек.

Она взяла его за локоть морщинистой рукой:

— Надеюсь, ваш отец скоро поправится.

— Спасибо. — Он вдруг успокоился.

Закрыв за ними дверь, привалился спиной. Перебрал. Слишком много безответных вопросов. И, проклятые, ни одного ответа.

Неудачный день. Впрочем, пока еще полдень.

Только оторвался от двери, послышался стук. Джек сосчитал до трех, пообещав себе быть на сей раз повежливее, послав агентшу по продаже куда следует, и распахнул створку.

На пороге стояла Аня. Со знакомой обклеенной липкой лентой коробкой «Федерал экспресс» в руках.

— Доставили в твое отсутствие, — объявила она. — Я расписалась.

Ах. «Глок» и запасное оружие. Он почувствовал себя человеком.

— Спасибо.

— Тяжелая посылка, — заметила она. — Чего у тебя там? Свинец?

— И так можно сказать. Заходите, тут прохладно.

— Не могу. В больнице уже был?

Джек кивнул:

Без перемен.

Подумал, не спросить ли насчет жестянки на палке на изголовье кровати, однако решил повременить с вопросом.

— Туда собираетесь?

— Пожалуй, посижу с ним немножко.

Великолепная старая леди.

— Давайте подвезу.

Она махнула на него рукой:

— Такси уже вызвала. — Аня собралась идти. — Потом загляну. Коктейль в пять, если будешь свободен.

Вторично не откажешься.

— Договорились. — Тут ему пришла в голову мысль. — Кстати, кто здесь заправляет делами?

— Во Вратах, ты имеешь в виду?

— Угу. Главный менеджер, директор, председатель Совета, еще кто-нибудь... Кто руководит представлением?

— Пожалуй, Рамсей Уэлдон. В муниципалитете сидит. Не перепутаешь. Сплошь стеклянный кубик у поля для гольфа. А что?

— Надо немножечко побеседовать с глазу на глаз.

8

Муниципалитет в точности соответствовал описанию Ани: маленькая кубическая постройка из зеркального стекла. Выходя из машины, Джек увидел высокого приличного мужчину, открывавшего дверцу классического седана. На вид за пятьдесят, длинные черные волосы с сединой на висках, легкий шерстяной костюм молочно-шоколадного цвета, в тон идеально отделанному двухцветному авто-

мобилью — белому с коричневым, — с широкими покрывками с белой боковиной.

— Я сплю и вижу сон, — обратился к нему Джек, — или это действительно «крайслер-краун-империал» пятьдесят шестого года?

Незнакомец толерантно улыбнулся, хотя в его тоне слышалось нетерпение.

— Действительно «краун-империал», но не «крайслер». «Империал» отделился от «крайслера» в пятьдесят четвертом, а этот малыш выпущен через два года.

— Прелесть, — восхитился Джек, не кривя душой.

Провел рукой по заднему крылу до подфарника, торчавшего вроде миниатюрного красного маячного фонаря. Хромовая решетка сверкала щербатой улыбкой, отразив его фигуру в своей безупречной поверхности.

Господи, самому бы хотелось такие колеса! Впрочем, машина слишком заметная. Меньше всего хочется, чтоб люди обращали внимание. Поэтому Джек в конце концов расстался с «Ральфом», старым «корвейром» 63-го года с откидным верхом. Его без конца останавливали и расспрашивали о машине.

— Сами отреставрировали?

— Да, это мое хобби. Два года возился. В пятьдесят шестом выпустили меньше одиннадцати тысяч «империалов». У этого, кстати, подлинный двигатель, 354 кубических дюйма.

— Стало быть, рукояткой заводится.

— Конечно, рукояткой. — Мужчина взглянул на него. — Вы, наверно, по делу?

— Пожалуй. Мой отец лежит в коме в больнице...

— Вы сын Тома? Бедняга. Как он?

Джек удивился мгновенной и точной реакции.

— Не очень. Вы его знаете?

Мужчина протянул руку.

Рамсей Уэлдон. Директор Южных Врат.

- Потрясающе. — Он ответил на рукопожатие. — И ведь к вам ехал.

- Наверняка догадываюсь зачем. Мне звонили из отдела продаж. Туда, видимо, поступила ошибочная информация о вашем отце. Из больницы сообщили, что он погиб. Извините за недоразумение.

-- Ничего. Ошибочная информация — это я понимаю, а кто позволил показывать дом потенциальным покупателям?

- Дело в том, что агентша решила — ошибочно, — что дом теперь принадлежит Вратам.

С чего это ей взбрело в голову?

Уэлдон поднял брови.

— После смерти владельца... владельцев дома переходят в собственность Врат.

-- Шутите.

Он покачал головой:

- Таково условие договора. Ничего особенного. Это выдвигают многие кондоминиумы для престарелых.

-- Никогда не поверю, что отец подписал подобный договор.

-- Почему? Покупка дома, оплата страховки гарантируют ему не только жилье, но и квалифицированный уход с момента заключения договора до кончины, независимо от того, сколько он проживет. Обитатели Врат не обременяют родных. Никому не придется ломать голову, как быть с папой, кто будет ухаживать за мамой...

Привычный уверенный тон прирожденного и убежденного торгаша. Ясно, какое влияние это оказывает на неизменно гордого и независимого человека вроде отца.

— Ваш отец, — продолжал Уэлдон, — ни в коем случае не станет детям обузой. Вы никогда не почувствуете себя перед ним виноватым, точно зная, что о нем позаботятся.

— Я не столько чувствую себя виноватым, сколько догадываюсь — не считайте меня параноиком, — что вы заинтересованы в быстрой перепродаже жилья.

— Знаете, — рассмеялся директор, — нас в этом без конца упрекают. Но мы живем в реальной жизни, а не в романе Робина Кука. Уверяю вас, все гарантировано, застраховано, перестраховано. Можете заглянуть в наши финансовые счета. Врата — открытая компания, каждый год выходит на высокое место.

Джек заметил, что Уэлдон вспотел. Впрочем, он тоже. На асфальте настоящая парилка.

— Значит, я не первый задаю подобный вопрос.

— Нет, конечно. Все кругом помешались на заговорах, везде видят черные умыслы. Поверьте, Врата превосходно заботятся о своих обитателях. Мы *действительно* обеспечиваем уход. И поэтому наши жильцы рекомендуют Врата родным и друзьям. И поэтому у нас список очередников со всей страны. Подобные кондоминиумы быстро не создаются. Приведу только один пример: в прошлом году я предложил проводить ежегодное обследование наших членов для своевременного выявления медицинских проблем, пока они еще поддаются решению.

— Правда? И где оно проводится?

— Вон там, в клинике. — Он указал на одноэтажное здание в сотне ярдов за выжженным потемневшим газоном. — Она пристроена к специализированному дому для престарелых.

— Можно мне поговорить с врачом об отце?

Пожалуйста. Хотя сейчас отправляйтесь. — Уэлдон взглянул на часы. — Ух! Опаздываю на совещание. — Он снова протянул руку. — Приятно было познакомиться, желаю вашему отцу всего хорошего. Мы все к нему привязались.

Директор сел в машину и тронулся с места. Джек прислушался к утробному реву мотора и вновь захотел стать хозяином такого автомобиля.

Посмотрел ему вслед. Во время беседы старался раскусить Рамсея Уэлдона, но не пробился сквозь гладкую деловую дружелюбную оболочку. Не трудился бы, если бы второй участник не скрылся с места происхождения, сбив папу. А с учетом этого факта...

Он тряхнул головой. Может быть, тут ничего и нет. Однако хорошо известно, сколько всяких событий творится вокруг незаметно. Воображать злые умыслы не приходится.

9

В клинике принимал нынче доктор по имени Чарльз Харрис, не сильно занятый делами, поэтому Джек увиделся с ним после краткого ожидания.

Сестра проводила его в приемную с ореховыми панелями, письменным столом вишневого дерева и множеством дипломов в рамках на стенах. На них значилась не только фамилия Харриса, но и предположительно прочих врачей, сменявшихся в клинике. Доктор Харрис оказался смуглым молодым кудрявым субъектом с яркими голубыми глазами. Джек представился под настоящей фамилией, которую не произносил так давно, что с трудом выговаривал, и добавил:

— Сын Тома.

Доктор Харрис не слышал о несчастном случае, пожелал пострадавшему скорейшего выздоровления, потом спросил, чем может помочь.

— Во-первых, хотелось бы знать, давно ли отец здесь обследовался.

— Пару месяцев назад, — сообщил доктор Харрис.

— Отлично. Доктор Хуэрта, больничный невропатолог...

— Я знаком с Инес. Ваш отец в хороших руках.

— Утешительно. Но меня интересует его состояние до аварии.

Доктор Харрис как бы шагов на пять отступил.

— А именно?

— Ну, не могло что-нибудь повлиять на случившееся, объяснить, куда он в такое время ехал...

— Можно взглянуть на ваши документы?

— Что? — Неожиданный вопрос. — Зачем?

— Убедиться, что вы тот, за кого себя выдаете.

Невозможно. Все документы на имя Джона Тайлески. Ничего на собственную фамилию.

— Я должен доказывать, что прихожусь сыном собственному отцу? Почему, скажите на милость...

— У пациентов свои привилегии. Я обычно ни при каких обстоятельствах не обсуждаю историю болезни без их разрешения, даже с женами. Сделал бы исключение для ближайшего родственника, *если* вы им являетесь.

Поскольку нельзя предъявить документы, надо попробовать уговорить доктора.

— Не будь я его сыном, зачем мне это было бы нужно?

— Может быть, вы адвокат или присланы адвокатом для возбуждения иска.

— Какого к черту иска?

— В пользу кого-нибудь пострадавшего в происшествии.

— Кроме отца, никто не пострадал.

— Не знаю, — пожал плечами доктор Харрис. — Вообще ничего не знаю о несчастном случае. Знаю, что здешний народ возбуждает иски из-за упавшей шляпы. Лотерейная психология. Фальшивых гарантий выше крыши. Даже люди, никогда не видевшие избирательного бюллетеня на президентских выборах, чертовски хорошо знают, какому адвокату звонить об ушибленном пальце.

Доктор Харрис начинал кипятиться.

— Говорю вам, я не адвокат. Даже не помню, когда в последний раз разговаривал с адвокатом, то есть не считая моего брата, судьи из Филадельфии.

Может быть, это его успокоит, понадеялся Джек. И напрасно.

— С другой стороны, — заявил доктор Харрис, — вы можете оказаться мошенником, преследующим темные цели.

— Например? — спросил Джек.

— Не знаю, — пожал он плечами, — но во Флориде на квадратную милю приходится больше мошенников, чем в любом другом штате.

— Я не мошенник — по крайней мере, в данный момент — и беспокоюсь лишь об отце. О каких неполодках с его здоровьем вы умалчиваете? Что скрываете?

— Ничего. — Доктор Харрис пошевелил пальцами протянутой руки. — Мы с вами зря тратим время. Предъявите документы, я все расскажу.

Вот дерьмо.

— У меня ничего с собой нет. Документы остались в отцовском доме.

Лицо доктора отвердело. Он покачал головой и поднялся.

— К сожалению, в таком случае ничем помочь не могу. — Харрис нажал на кнопку звонка. — Сестра вас проводит.

— Ладно, — сдался Джек, вставая. — Но хотя бы свяжитесь с доктором Хуэртой и расскажите ей все, что знаете.

Этого Харрис явно не ожидал.

— Э-э-э... конечно, обязательно. Сегодня же позвоню.

При всем разочаровании и огорчении надо уважать его этический кодекс. Джек выдавил улыбку, протянул руку:

— Спасибо. Приятно было познакомиться, док. Вас можно было б назвать настоящим занудой, но я рад, что именно вы оберегаете папины тайны. То же самое делает мой доктор дома.

Разумеется, доктор Харгес — совсем другое дело. У него отобрали лицензию, поэтому никто не догадывается, что у него вообще *имеются* пациенты.

Джек, не дожидаясь сестры, покинул полностью озадаченного доктора медицины Чарльза Харриса и направился к выходу.

По дороге пристально разглядывал окна и стены, особенно присматриваясь к верхним углам потолков и к раме дверей, в которые вышел. Никаких кнопок тревоги, пусковых устройств, детекторов, реагирующих на движущиеся предметы.

Хорошо.

10

— Получается? — спрашивал Люк. — Видишь?

Семели сидела на скамье вельбота «Плавучий Бык». Одни члены клана просили в городе милосердия, другие на берегу дремали в тени. На борту

были только они с Люком. Лучше бы он убрался, не торчал больше рядом, оставил ее в покое. Но он искренне переживает, поэтому она прикусила губу, прижав оставшуюся раковину к правому глазу, стараясь говорить потише.

— Дай мне просто посидеть минуточку, Люк. Дай немножечко времени, чтобы я поняла, получается что-нибудь или нет.

С единственной раковиной совсем другое дело. С двумя можно взгляд фокусировать, а с одной...

С единственной раковиной еще можно читать мысли высших существ вроде Доры, а с низшими даже с двумя тяжело. Они не сильно сообразительные, поэтому приходится особенно сосредоточиваться. Если б только отыскать вторую раковину...

-- Возьму с собой пару ребят, через забор перелезем, поищем...

— Помолчи, пожалуйста. Кажется, я кое-что придумала.

— Да ну? — В его тоне звучала надежда, волнение.

Нет никакого способа попасть в больницу на по-иски другой раковины, но если присматривать за сыном старика — особенным, тем самым, кого к ней прислали, — раковина, возможно, окажется у него.

Только все надо держать под контролем.

Под контролем... Девочкой она думала, будто обладает одной способностью видеть глазами других живых существ, однако вскоре выяснилось, что это лишь часть истории. Другая открылась, когда к ней на берег пожаловала Сюзи Леффертс.

Семели почти каждый день ходила к океану, если не было дождя, клала раковины на глаза и взлетала, парила, ныряла со стаями птиц, плавала, устремлялась в глубины с мальками, превращалась даже в краба, ползая по океанскому дну. Лишь в эти ми-

нуты жила полной жизнью... истинно свободной...
в *своей* стихии.

Спина прикипела к песку, когда позади раздавался слишком знакомый голос:

— Так вот где ты все время торчишь.

Видно, Сьюзи уже поняла, что больше не может обидеть Семели, приставания и оскорбления не дают прежнего результата, и выследила ее, чтоб узнать почему.

— А я думала, у тебя новый дружок или еще что-нибудь, — продолжала Сьюзи, — а ты просто сидишь с дурацкими ракушками на глазах. Семели, вечная неудачница, теперь уж ты все проиграла.

Она даже не потрудилась снять с глаз раковины или ответить, и Сьюзи взбесилась, схватила, сорвала ракушки.

— Что это вообще такое?

Ох, нет! Сейчас она увидит, узнает!

Сьюзи, впрочем, ничего не увидела, обозвала их мусором, дрянью, швырнула к набегавшей волне. Боясь, что они канут в воду, Семели с криком бросилась за ними. Кажется, отыскала — в любом случае, нашла раковины униониды, но свои ли, точно невозможно сказать. Хотела задушить шагавшую по дюне, хохотавшую Сьюзи, только нельзя пускаться в погоню, не убедившись, что раковины те самые и действуют по-прежнему...

Раковины оказались те самые. Семели приложила их к глазам, взмыла высоко над берегом, видя, как Сьюзи семенит к машине. Сука!

Она неожиданно устремилась к ней с птичьим криком, открыла клюв, вонзила сй в шею, пригвоздив суку. Принялась клевать в голову, разрывая скальп, выдирая клочки белокурых спутанных волос.

Сама так изумилась, что сбросила раковины, глядя, как кричавшая чайка вспорхнула с головы Сью-

зи и улетела, а та с визгом бросилась к машине. Тут ее осенило: она может не только проникать внутрь живых существ и смотреть их глазами, но и управлять ими, заставляя делать, что хочет.

На нее нахлынуло холодное сознание собственной силы. Она не просто немножко особенная, а в самом деле *необыкновенная*.

Не ослабеет ли сила с одной раковиной?

Семели прикрыла рукой левый глаз, полностью сосредоточилась, сконцентрировалась на правом. Что-то сфокусировалось. Представший перед глазами сухой потемневший стебелек травы разросся в древесный ствол.

— Есть! — воскликнула она. — Получилось... Попробую еще разок.

И еще получилось, еще и еще...

Нужно время и усилия. Немало усилий.

— Посижу возле дома старика, зайду, если удастся.

— Правда думаешь, что раковина у него?

— Не знаю. Но собираюсь узнать, черт возьми.

— А если у него, тогда что?

— До этого мы еще не дошли, Люк. Дойдем — придумаем что-нибудь.

Возможно, тем временем, подумала она, прощушаем изнутри того самого парня. Посмотрим, стоит ли он меня.

11

Голова у Джека шла кругом. Не от выпитого вина, а от дьявольских игр, которые он пытался понять.

Вторую половину дня провел в больнице с Аней и, разумеется, с Ирвингом. Состояние папы не изменилось — все те же случайные инстинктивные движе-

ния, неразборчивые звуки. Надеялся встретить доктора Хуэрту, спросить, звонил ли ей Харрис. Может, удалось бы выяснить, что тот скрывает по поводу здоровья отца до аварии.

Но она на глаза не попалась, и в конце концов он повез Аню с Ирвингом во Врата. Она вновь пригласила его вместе выпить, поэтому Джек, приняв душ, звякнув Джиа и убедившись, что она, Вики и будущий малыш в полном порядке, отправился к соседнему дому.

Аня ждала его на передней лужайке с сигаретой в одной руке и бокалом в другой, сидя в шезлонге, рядом с которым в ведерке со льдом охлаждалась большая полуторалитровая бутылка красного вина. На ней были огромные солнечные очки в черепаховой оправе, плоскую грудь обтягивал розовый лифчик над короткими черными шортами. Коричневая морщинистая загоревшая кожа, намазанная каким-то маслом для загара, лоснилась на солнце.

Ирвинг, свернувшийся рядом в клубок, разок гавкнул, когда Джек переступил границу между сухой сгоревшей травой и зеленой, и утихомирился.

— Я уже без тебя начала, милый, — объявила она. — Неси кресло, наливай себе.

— Красное вино во льду, — заметил Джек. — Пожалуй, никогда не пробовал.

— Только не говори, что относишься к винам как сноб.

Он отрицательно покачал головой:

— К пиву, может быть, отношусь, а каберне от мерло без этикетки не отличу.

— Очень рада. Ты, наверно, слышал, будто охлажденным пьют только белое и розовое вино. Поверь, малыш, каждый по-своему с ума сходит. Это «Кот-дю-Рон». Между прочим, французское.

— Правда?

— Думаешь, старуха вроде меня предпочитает виски или «Манхэттен», а я в жаркий летний день люблю опрокинуть бокал холодного «Кот-дю-Рон» или «Божоле». Попробуй, посмотри, понравится ли. Если нет, извини, но именно оно подается в доме Манди. Если хочешь пива, надо было с собой принести. Я не любительница пенного дрожжевого дерьма.

Джек налил бокал, очертя голову, опрокинул, по выражению Ани.

— Неплохо.

Подтащил другой шезлонг, сел напротив нее за столиком с набитым льдом ведерком.

— Почему отца одна вы навещаете? У него больше нет друзей?

— Очень много. Видно, не знают. Может быть, я одна знаю и мало с кем разговариваю.

— Как же вы узнали?

— Утром во вторник не увидела его машины, позвонила в полицию и спросила, не было ли серьезной аварии. Они отнеслись с подозрением, пока я не растолковала, почему звоню. Сообщили о твоём отце, я поехала прямо в больницу.

— Никому ничего не рассказывали?

— Зачем? Чтобы слали засохшие цветы, ходили на него смотреть? Тому этого не хотелось бы.

В самом деле. Джек понял, что Аня действительно хорошо знает отца.

Так они вдвоем и сидели, потягивали вино, глядя на садившееся на западе солнце.

— Не лучше ли в дом зайти? — спросил Джек, когда солнце ушло за верхушки далеких деревьев. Часы показывали 19.10. — Скоро вылетят эскадрильи москитного вермахта.

— Ну и что?

— Вы любите кусачих москитов?

— Хочешь лишить бедных девочек пропитания?

— Девочек?

— Кусаются только самки moskitov. Самцы сосут нектар.

— Не собираюсь открывать буфет ни для самцов, ни для самок.

Она махнула на него рукой:

— Не бойся. Тут они тебя не тронут.

— Почему?

— Я не позволю.

Замечательно, леди, подумал Джек. Как скажете.

Тем не менее, черт побери, пока сидели в темноте, никого не укусил ни один москит.

Покончив с «Кот-дю-Рон», Аня накинула на плечи блузку цвета фуксии и встала.

— Пойдем в дом, милый. Я тебя покормлю.

Он согласился, не видя альтернативы.

Переступив порог, замер. Если вокруг дома царила, по его мнению, настоящая роскошь, то внутри разрослись мини-джунгли из растений в горшках и деревьев вдоль стен, на полу, лозы вились, взбираясь к потолку. Джек узнал фикус, райское дерево, каучуковое, остальное осталось загадкой — не бананчики ли висят в углу на большом деревце? Что за растения поменьше с красно-желтыми и даже серебристыми листьями? Вспоминается цветочный магазин на Шестой авеню.

Аня на него оглянулась:

— Переоденусь во что-нибудь подходящее для обеда.

— А то, что на вас, почему не годится?

— Для подобного случая требуется *haute couture*¹, — подмигнула она.

Попшла между растениями к своей комнате, Джек решил оглядеться вокруг.

¹ Высокая мода (фр.).

Дом представлял собой зеркальное отражение отцовского — комнаты, располагавшиеся там справа, находились здесь слева. Только у папы на стенах висят фотографии и картины — главным образом изображения побережья Флориды, — а Анины стены пусты, кроме лозы. Ни ракушек, ни рыболовецких сетей, ничего.

Она обмолвилась, что не имеет родных. Видно, правда. С другой стороны, нет вообще *ничего*, что могло бы о ней рассказать. Скажем, Элвис, тигр на черном бархате...

Мебель — неопиcуемый ужас. Джек нисколько не переоценивал свой собственный талант декоратора, но вокруг стоит дрянь, перекупленная из вторых-третьих рук. Допустим, ей на это плевать — ее дело, — однако поражает отсутствие индивидуальности. Номера мотелей и то оригинальнее. Она как бы живет в пустоте...

Не считая растений. Может быть, в них отражаются ее личные вкусы? Они ее семья, дети...

Аня вышла, встала в позу с поднятой рукой:

— Что скажешь?

Завернулась в какое-то сумасшедшее кимоно, отчего костлявая фигура кажется еще худее. Смахивает на радужную форель, слишком долго лежавшую на солнце.

— Ух ты, — сказал Джек.

С первого взгляда больше ничего не выдумал.

Обед оказался не менее уникальным, чем повара. В котел были брошены грецкие орехи, арахис, горошек, перец ялала, кукуруза, и все это, приправленное упавшим с вечной сигареты пеплом, было завернуто в четыре большие тортильи¹. Сначала Джек дрогнул, но вышло очень вкусно.

¹ Т о р т и л ь я — пресная мексиканская лепешка.

— Я правильно догадался, что вы вегетарианка? — спросил он.

Они распатронивали вторую бутылку «Кот-дю-Рон». Аня все время ему подливала, причем он заметил, что сама без видимого эффекта всякий раз опережает его на два-три бокала.

— Боже упаси, — тряхнула она головой. — Я вообще не ем овощей. Только плоды и зерна.

— Тут присутствует кукуруза, — заметил Джек с полным ртом. — Это овощ.

— Прошу прощения, нет. Такой же плод, как помидор.

— Ну да. — Он вспомнил, что где-то это уже слышал. — А горошек?

— Горошек — это зерна. И орехи тоже.

— Ни салата, ни брокколи?..

— Нет. Для этого надо убивать растения. Я не одобряю убийства. Ем только то, что падает с растений.

— А Ирвинг? — Джек оглянулся на маленького чихуахуа, который ел что-то из миски. — Ему нужно мясо.

— Прекрасно обходится соевыми бифштексами. Фактически обожает.

Бедный песик.

— Значит, если мне захочется съесть чизбургер с беконом...

— На здоровье, милый. «Венди» рядом по дороге в город.

Джиа здесь чувствовала бы себя как дома, подумал Джек. Она не вегетарианка, но перестала есть мясо.

Тем не менее очень вкусная еда. Умял бы все четыре лепешки.

Он помог вымыть посуду, потом Аня принесла кости для маджонга.

- Давай я тебя научу.
- Ох, не знаю...
- Не бойся, это не трудно.

Врунья.

Маджонг рассчитан на четырех партнеров, играющих расписными костями. Аня его учила парному варианту. Перед глазами мелькали изображения на костях — круги, бамбуковые стебли, иероглифы, обозначавшие драконов или четыре ветра, — в голове вертелись непонятные китайские словечки... Ничего не разберешь в этой белиберде. Почему бы не нарисовать на костяшках бубны, пики, королей, дам и палетов?

Он шел на пользу и каминный дым, непрерывно выпускаемый Аней. И растения как бы следили за игрой наподобие толпы любопытных зрителей, струдившихся в Лас-Вегасе вокруг стола с очень высокими ставками. Ветвь лозы с широкими желто-зелеными листьями без конца падала с пальмы Джеку на плечо. Он ее сбрасывал, она не отступала.

Это Эсмеральда, — объяснила Аня.

— Что? — переспросил Джек, думая, что имеется в виду какая-то новая фишка или правило игры.

— Золотистая жимолость у тебя за спиной, — улыбнулась она. — Видно, ты ей понравился.

— Не люблю приставучих женщин. — Он было снова собрался скинуть лозу с плеча, но, видя, что Аня нахмурилась, передумал, оставил на месте. — Ладно, в данном случае сделаю исключение.

Она улыбнулась. Славная леди, хотя ненормальная, ненормальная, ненормальная.

Кроме отвлекающей лиственной зелени, не помогало учиться и выпитое вино. Аня взяла бутылку — третью, хотела налить, Джек прикрыл бокал ладонью:

— Даю отбой.

— Не валяй дурака, милый. Можно подумать, тебе надо ехать в машине домой.

— Кое-что вечером надо сделать.

— Да? Что же?..

— Просто получить кое-какие ответы.

— Ответы — это хорошо, — заметила она. Голос твердый, рука, дополна наливающая бокал, уверенная. Определенно крепкая женщина. — Главное — задать правильные вопросы.

12

Даже в легком подпитии Джек легко проник в клинику. Достаточно было поддеть оконный шпингалет плоской отверткой из отцовского ящика с инструментами.

От урока маджонга удалось ловко отделаться, пообещав вскоре вернуться к другому. Он не особенно разбирается в настольных играх, хотя в детстве часто играл в «Риск». Любит видеоигры. Не столько хорошо стреляет, для чего требуются в основном мышечные рефлексy, хоть и с этим неплохо справляется, просто предпочитает ролевые игры, где нужна стратегия. Вдобавок всегда приятно перекритить разработчиков.

Расставшись с Аней, Джек вернулся в отцовский дом, sprыснулся спреем против mosкитов, найденным на полке рядом с теннисными мячами и ракетками. Прогулялся, прочищая мозги и знакомясь с окрестностями. На улице в половине десятого ни души. Когда проезжала случайная машина, нырял в кусты, заметив свет фар. Одни фары принадлежали патрульному полицейскому джипу.

Пару раз просидел в кустах дольше необходимого, смутно чувствуя, что за ним наблюдают. Ника-

ких признаков слезки не видно; видимо, ощущение следует приписать незнакомому месту.

К клинике подошел сзади, где меньше света, зашил дыхание, поднимая оконную створку, готовый бежать при сигнале тревоги незамеченной охранной системы. Все было тихо.

Умно, если подумать. Зачем тратить лишние деньги на сигнализацию, когда настоящие живые охранники стерегут ворота с шлагбаумами и патрулируют улицы?

Джек залез внутрь, закрыл за собой окно, двинулся дальше на ощупь, мигая фонариком, обнаруженным у отца в ящике. Отыскал архивную комнату рядом с регистратурой. Надеялся, что она без окон, но ошибся — пришлось искать историю болезни с фонариком.

Снова почудилась слезка, хоть он тут один. Выглянул в окно, никого не увидел.

Через несколько минут нашел тоненькую тетрадку отца. Держа в руках, поколебался, прежде чем открывать. Какие дурные вести скрывает доктор Харрис? Вопрос известен — хочется ли получить ответ?

Вновь проблема папиной личной жизни. Может, в тетрадке содержатся глубоко интимные сведения. Вправе ли он заглядывать в жизнь другого мужчины?

Наверно, нет. Но отец лежит в коме, сыну нужны ответы.

Набрав в грудь воздух, Джек открыл тетрадку и начал листать. Наткнулся на две странички с результатами анализов. В цифрах не разбирался, однако заметил, что на обеих страничках колонка «Отклонения от нормы» пуста. Уже хорошо. На электрокардиограмме сверху напечатано: «Кардиограмма в состоянии покоя нормальная». Еще лучше.

Доктор Хуэрта сказала, что в больнице у отца сбился ритм. Возможно, от шока после аварии. То и дело слышишь, как у пациента с нормальной ЭКГ случается сердечный приступ по дороге к врачу.

Он попробовал прочитать рукописные записи, но не особенно разобрал каракули доктора Харриса. Только последняя запись внятная.

Лабораторные анализы в пределах нормы. Окончательная оценка: состояние здоровья образцовое.

Образцовое здоровье. Какое облегчение.

Черт возьми, док, почему вы сразу не сказали? Избавили бы меня от целой кучи хлопот.

13

Спускаясь по склону к отцовскому дому, Джек выуживал ключ из кармана. Хорошо, что здоровье у старика отличное. Плохо, что не обнаружилось ничего нового, черт побери, по сравнению с нынешним утром.

Ближе к дому в глубокой тени на траве у тупика стояла старая помятая ржавая «хонда-сивик». Раньше ее тут не было.

Насторожившись, он замедлил шаг. Сперва выглянул, прежде чем повернуть за задний угол, застыл, заметив чей-то силуэт, присевший за деревом между отцовским и Аниным домом. Тот, кто за ним следил?

Джек пригнулся, обогнул заднюю веранду с опущенными жалюзи, стал подкрадываться к фигуре. На тупиковой стоянке горел свет, бросал кругом длинные тени, но был слишком слабым, чтоб разглядеть лицо. Возможно, одна из фантастических личностей из утреннего пикапа.

Тут фигура сверкнула фонариком — на секунду, но этого было достаточно.

Он выпрямился и шагнул вперед.

В чем дело, Карл?

Парень вздрогнул, охнул. Он был в легкой камуфляжной форме с длинными рукавами, защищавшей, скажем, от moskitov. Из правого обшлага вместо руки торчала отвертка. Карл взглянул на него снизу вверх, левой рукой схватившись за сердце.

Ох, это ты... Сын Тома... — Видимо, принялся вспоминать имя.

Джек.

Точно, Джек. Господи боже мой, нельзя ж так на людей наскикивать. Напугал меня до смерти.

Джек заметил на траве перед Карлом металлический серебристый предмет. Не разглядел, но понял, что слишком крупный для пистолета.

— Насколько мне известно, пугаются люди, занятые нехорошим делом. Ты что-то дурное тут делаешь?

Тот, по-прежнему сидя на корточках, отвел глаза.

Ну, наверно... вроде того... хоть и не по-настоящему.

Наконец четкий ясный ответ, вздохнул Джек.

— Что же именно? — Садовник нерешительно заколебался, и он добавил: — Поделись, Карл. Надо делиться.

— Ну ладно. Вполне можно сказать, раз ты меня с поличным поймал. — Он поднял, наконец, глаза. — Выполняю поручение доктора Денгрова.

— Кто это? Твой личный врач?

— Нет. Живет в третьем доме отсюда возле туника. Попросил поймать мисс Манди за поливкой.

— Зачем ему это нужно?

— Затем, что он бесится из-за погибших цветов и травы, когда они у мисс Манди растут, зеленеют, как в джунглях.

— И ты собирался торчать тут всю ночь, чтоб ее уличить?

Карл покачал головой:

— Да нет. Он не одну неделю меня уговаривал, деньги сулил, а я отказался.

— Не хотел доставлять мисс Манди неприятности, да?

— Точно, и еще по утрам надо рано вставать на работу. Он деньги предлагал, я отказывался.

— Отказывался? — переспросил Джек. — Видя тебя сейчас здесь, я догадываюсь, что он сделал предложение, от которого ты не смог отказаться.

— Ну, в каком-то смысле. — Карл поманил его ближе. — Смотри.

Джек оглянулся, присматриваясь, не прячется ли поблизости еще кто-нибудь. Карл, похоже, именно тот, кто есть на самом деле: чокнутый садовник. Тем не менее после того, как другой ненормальный пропорол ему утром покрывшку, ничего не стоит оставлять на волю случая.

Рядом вроде бы никого не было, поэтому он присел рядом с парнем.

— Что там у тебя?

— По-настоящему клевая штука. — Он поднял металлический предмет, протянул. — Доктор Денгров на время дал. Это что-то!

Джек взял вещьцу, повертел в руках. Цифровая миниатюрная видеокамера. Из корпуса тянется пара тоненьких проводков.

— И что ты с ней должен делать?

— Снимать. Доктор Денгров велел снять кино, как мисс Манди траву поливает.

Джек покачал головой:

— Света мало. Боюсь, ничего у тебя не получится.

— Что ты, что ты, — уверенно возразил Карл, нажав кнопку на пистолетной ручке камеры. — Гляди.

Джек взглянул в объектив и сощурился: в глаза вдруг бросились стены Аниного дома, трава, окружавшие его растения.

— Ух ты, — пробормотал он. — Система ночного видения.

Видны были пальмы, крупные цветы, дурацкие безделушки на газоне — конечно, не краски, кроме зеленой и черной, а формы. Когда в объектив попало освещенное окно, очертания вспыхнули, все детали исчезли. Камера двинулась дальше, мерцающий свет из окна быстро померк, на крошечном экране снова нарисовались формы.

-- Угу, — хмыкнул Карл. — Я как будто участвую в шоу «Большой брат», правда?

-- Пожалуй.

Джек никогда не видел ни одной передачи. Своя жизнь гораздо интересней любого телешоу в прямом эфире.

— Не дешевая вещь, — констатировал он, опустив и вертя в руках камеру. — Зачем она доктору Денгрову?

-- По-моему, он купил ее, чтобы поймать мисс Мауди с поличным. Видно, денег не жалеет, а зеленому газону жутко завидует. — Карл издал хриплый смешок. — Прямо с ума сходит.

— Настолько, чтобы выложить кучу денег за видеокамеру ночного видения и отдать тебе?

— Вот именно, — ухмыльнулся садовник.

Джек покачал головой. Каких только людей не бывает на свете.

— По-моему, доктор Денгров неплохо живет.

— И ест тоже неплохо. Видел бы ты его панорамное брюхо и задницу. — Карл широко развел руками.

Панорамная задница... Джек открыл рот и снова закрыл. Ладно, проехали.

— Тут почти все такие. У них слишком много свободного времени, поэтому думают не о том, о чем надо. Вот почему мне так понравился твой отец...

— *Нравится*, Карл. Он жив, так что можешь по-прежнему им восхищаться.

— Ну да, верно. Так или иначе, он не сидит, не жалуется, занят делом. Всегда найдет себе занятие, ездит куда-то...

— Кстати, насчет поездок. Авария произошла глухой ночью на дороге в болотах. Не имеешь, случайно, понятия, что он там делал?

На физиономии парня ничего было прочесть невозможно.

— Нет. — Он отрицательно покачал головой. — Я вечером домой пришел и больше не выходил.

— Где твой дом?

— В симпатичном маленьком трейлере в парке к югу от города. Поставили вместе с соседом спутниковую тарелку. За тридцать баксов в месяц миллион разных каналов. Чего выходить? Даже если бы было зачем, ты меня ночью в Глейдс не увидишь. Я ж тебе говорил: они злятся.

— Действительно, говорил. Но сегодня ведь вышел... в очень милом камуфляже.

— Один корешок одолжил.

— Идет тебе, Карл. Значит, план такой: ты сидишь тут всю ночь, дожидаясь, пока мисс Манди выйдет, а потом начинаешь кино крутить?

— Ничего подобного. Сперва думал просто установить камеру, пускай крутится, но понял, что не выйдет. Даже если батарейка продержится, памяти не хватит. И тут мне пришла в голову по-настоящему умная мысль, которая все проблемы решила. Смотри сюда.

Он продемонстрировал маленькую схемную плату.

— Что это?

— Детектор движения.

Карл полон сюрпризов.

— Его тебе тоже доктор Денгров дал?

— Нет. Сам достал. Вытащил из поющей рыбы.

— Прощу прощения, — извинился Джек, прочищая правое ухо. — Мне послышалось, что ты его вытащил из поющей рыбы.

Так и есть, правильно. Точней сказать, вытащил из дощечки, на которой рыба сидит.

Ничего не пойму.

Большеперотый окунь Билли... поющая рыба. Сидит на дощечке и распевает «Не бойся, будь счастливым» и прочие песни, которых я никогда раньше не слышал.

А, ясно.

Джек однажды видел в магазине подобную вещь, не представляя, кому она может понадобиться. Продавец объяснил, что нельзя же держать их на складе.

— Конечно. Я ее давно купил. Одним из первых среди наших. Прицепил над дверцей, как кто-то заходит, заводится песня. Вскоре в трейлерном парке все их накупили, только я был первый. — Карл покачал головой. — Редко завожу в последнее время. Надоело каждый раз слушать одни и те же две песни. Поэтому не стал менять батарейки. А как-то ночью вспомнил, что внутри детектор движения, который механизм запускает, когдаходишь-выходишь. — Он махнул платой. — Вот это он самый и есть.

— Понятно, — кивнул Джек. — Приспособишь к камере детектор и поймаешь Аню, когда она пойдет поливать.

— Так и задумано. Динамик я, конечно, выдрал. — Он фыркнул. — Представляешь, как рыбий голос поет среди ночи «Не бойся, будь счастливым»?

— Нет, пожалуй. Думаешь, получится?

— Получится. Пробовал дома.

— Действительно надеешься ее застать? — Нехорошо, что Ане грозят неприятности.

— Нет. Только доктору Денгрову не рассказывай и ей не говори, чем я тут занимаюсь. Не хочу, чтоб она на меня разозлилась.

— Не хочешь, чтоб ей стало известно о слежке? — Он толкнул садовника локтем. — Стыдно будет накликать на нее беду?

— Еще бы! Хоть ничего не будет. Я и доктору прямо сказал: ничего не получится. Мисс Манди за поливом никто никогда не поймает.

— Почему?

— Потому что она этим не занимается. Просто сидит целый вечер у телевизора. Как все остальные. В сотый раз смотрит «Мэтлока», «Золотых девушек», погодный канал, у которого все тут торчат. — Он облизнул губы. — Хотя есть и еще кое-что.

— Что?

— Она похожа на мертвую у телевизора.

— Откуда ты знаешь?

— Заглянул вчера вечером, когда камеру устанавливал, и решил, что она умерла. Немало повидал мертвецов — недавно обнаружил умершего в кресле мистера Басса на задней веранде, — и мисс Манди выглядела точно как он. Господи, до чего я обрадовался, видя ее живой нынче утром!

— Куда-нибудь звонил?

— Эй, меня ж там не должно было быть. А если б она по правде умерла, никто бы уже не помог. Сегодня снова заглядывал несколько минут назад — опять то же самое. Жуть. Сам посмотри.

— Лучше не буду, — отказался Джек.

— Жуть. Посмотри. Я не вру. Говорю тебе: страх.

Меньше всего на свете хотелось, чтобы кто-то увидел, как он заглядывает в окна, но любопытство

пересилило. Джек подкрался к освещенному окну, выходявшему в передний двор, заглянул в нижний правый угол.

Аня, по-прежнему в кимоно, лежала на спине в шезлонге, приоткрыв рот, глядя прямо перед собой. Шел эпизод из «Закона и порядка» — он узнал музыку, — но она фильм не смотрела. Взгляд ее сосредоточился в какой-то точке над телевизором. Лежавший у нее на коленях Ирвинг тоже казался мертвым.

Джек пригляделся, дышит ли: женщина была неподвижной... как мертвая. Отец в коме подает больше признаков жизни. Он выпрямился, собравшись постучать в парадную дверь, но тут грудь шевельнулась, сделала вдох. И у Ирвинга в тот же самый момент. Всего один вдох. Потом оба вновь намертво замерли.

Ладно. Значит, жива. Может, дело в вине — угожила почти три литра, отсюда такой крепкий сон.

Качая головой, Джек вернулся к Карлу.

— В самом деле не врешь. Но я видел, она дышит. Все в порядке. — Он взял парня за плечо. — Ты еще не объяснил, откуда у нее такой свежий газон без полива.

— Колдует. — Карл оглянулся, словно его еще кто-нибудь мог услышать. — Считаю меня чокнутым, да иначе не объяснишь.

Джек вспомнил прошлогодние рассуждения Эйба о «бритве Оккама». Согласно этому правилу, верным обычно оказывается простейшее, наиболее очевидное объяснение, требующее наименьшего количества допущений. Для колдовства их нужно очень много. А для полива — нет.

— Предпочитаю объяснять поливом.

— Нет. Смотри, где кончается зеленая трава и начинается выжженная. Газон тянется ровно по прямой на двадцать футов вокруг дома. Когда я говорю по

прямой, значит, у него углы острые. Знаю — сам стри-гу. Пусть я во многом не разбираюсь, только точно скажу: не получится так поливать по углам.

В слабом свете границы газона не видно. Карл наверняка преувеличивает.

— По-моему, дело в тех самых хреновинах, что у нее натыканы по всему двору, — заявил садовник. — И в том, что на стенках намалевано.

— На стенках? — На Аниных стенах ничего не намалевано.

— Угу. Глазами не видно, а ты посмотри. — Карл снова сунул Джеку камеру. — Смотри, я посвечу фонариком. Включу на секунду, хорошо гляди.

Джек вгляделся через видоискатель в белую стену, отводя объектив от светившегося окна. В глаза бросилась часть стены, освещенная фонариком. На свету на ней ожили дуги, углы, завитки, очень похожие на символические кустарные безделушки на газоне.

И на рисунки на изголовье отцовской кровати.

— Видишь? Видишь?

— Да, вижу. — Что же это значит? Никогда не видел ничего подобного. Он по нантию повернулся на восемьдесят градусов. — Посвети-ка на отцовский дом.

Карл посветил — возникли те же знаки.

Озадаченный Джек опустил камеру.

— Там тоже.

— М-м-м, — промычал садовник. — А у него лужайка сухая. Интересно, для чего рисунки?

— Проведем небольшое исследование, — решил Джек.

С тащившимся следом парнем осмотрел стены трех соседних домов, ничего не увидел.

Вернувшись на изначальный наблюдательный пункт, вернул камеру Карлу. Ощущение слежки уси-

лилось. Джек огляделся, обратив внимание на охапку сухих листьев, разбросанных на остатках отцовского газона. Раньше не замечал. Впрочем, этого следует ожидать. Листья падают с деревьев в жаркую сушь.

Пока Карл приспособлялся к камере детектор движения — правой руки так и не видно, из общлага торчит только отвертка, — он смотрел на дом Ани.

Придется признаться в полном недоумении. Кругом натыкаешься на странную старую леди: живет рядом с отцом, ходит к нему в больницу, ее дом вместе с папиным расписан какими-то символами... По-настоящему, не папа нарисовал их на больничной кровати. Тем более в коме. Остается Аня.

Наверно, воспользовалась каким-то прозрачным невидимым лаком. Но что это означает? И чего она этим хотела добиться?

Может быть, надо просто спросить. Тогда придется объяснять, откуда ему это известно.

Джек снова огляделся — на газоне еще больше листьев, куча выросла вдвое-втрое. Откуда они берутся, черт возьми? Маленькие, длиной дюйма в три, блестящие, красновато-коричневые в свете с парковки. Удивительно... сухие листья не блестят.

Он поискал глазами дерево, не находя поблизости ни одного с подобными листьями.

— Готово. — Карл встал, отряхнул пыль с колен. Камера была приклеена пластырем к тонкому стволу молодой пальмы. — Порядок.

— Скажи, пожалуйста, — Джек ткнул пальцем через плечо, — откуда там столько листьев?

Карл, стоя к свету лицом, посмотрел, куда было указано. Любопытство на лице сменилось озадаченностью, а потом потрясением. Джек оглянулся и испытал то же самое.

Травы не было видно. Листья множились, покрывая газон до последнего дюйма.

— Это не листья, — с благоговейным ужасом прошептал Карл. — Пальметты!

— Что еще за пальметты?

— Насекомые! Флоридские тараканы... Только даже не помню, чтоб когда-нибудь видел их больше пяти в одном месте!

Живя в Нью-Йорке, Джек повидал на своем веку достаточно тараканов, но не таких размеров. Эти явно росли на стероидах. По коже побежали мурашки. Вообще-то он не из робких, однако когда тысячи огромных тараканов совсем рядом, в нескольких футах... Если преградят дорогу...

— Что они тут делают? — спросил он.

— Ничего. На этой лужайке точно есть нечего. — Карл глянул через плечо. — Знаешь, я, пожалуй, пойду. Оставил машину в укромном местечке с той стороны от дома твоего отца. Обойду спереди и доберусь.

— Может, просто посветить фонарем? Тараканы света не любят. Включишь — разбегутся.

— Только не пальметты. Свет их вообще не пугает. Фактически, они *любят* свет. — Он повернулся, отступил на шаг. — Завтра вернусь.

Движение словно подало насекомым сигнал. Треща крылышками, они тучей поднялись в воздух.

— *Летят?* — воскликнул Джек, шарахнувшись назад. — Тараканы не летают!

— Пальметты летают! — Садовник бросился бежать.

Джек почему-то почувствовал прилив страха. Это просто тараканы, живьем его не съедят. Но адреналин кипел и подстегивал сердце. Он ускорил отступление.

В тот же миг шелестевшая масса насекомых слилась воедино, клубящейся тучей ринулась на него. Джек повернулся, кинулся следом за Карлом.

Догоняют! — крикнул он.

Карл даже не повернул головы, напротив, наклонил ее и набрал скорость.

Никому не удалось бы обогнать насекомых. Пальметты слишком быстро летели, окружили, поглотили Джека, тычась в лицо, в руки, в волосы, жужжа в ушах, царапая веки, щекоча ноздри усиками-антеннами, ползая на губах. Шелест крыльев напоминал аплодисменты миллиона крошечных рук. На всей коже чувствовались легкие уколы. Кусаются? У них есть зубы?

Он смахивал бесчисленных тараканов с лица, они вновь налетали, ослепляя, не позволяя открыть рот, чтоб вдохнуть, грозя забиться в горло. Джек сметал и сметал их со щек, поспешно озираясь. Сейчас абсолютно не хочется наткнуться на стену или на дерево и глупо отключиться.

Оказалось, что он на углу дома. Садовник по-прежнему бежал вперед, бешено работая руками, едва различимый в туче насекомых. Джек прикрыл рот ладонью, быстро вдохнул и крикнул:

Карл! Забудь о машине! Беги в дом!

Но тот либо не слышал глухого совета, либо проигнорировал. Вынужденный закрыть глаза под натиском пальметты, Джек повернул направо — парадная дверь где-то тут, — надеясь не споткнуться о какой-нибудь стул на веранде.

Наткнулся на стену, услышал, как насекомые стучаются об обшивку. Протянул руку влево, нашарил ручку жалюзи, дернул. Заперта ли передняя дверь? Будем надеяться, нет. В конце концов, квартал охраняется, чего бояться? Впрочем, он живет в Нью-Йорке, а ньюйоркцы никогда...

Отыскал на ощупь круглую ручку, повернул, распахнул створку, шмыгнул внутрь. На бегу придумывал способ уничтожения насекомых, которые вслед

за ним влетят в дверь, и вдруг понял, что в этом не будет необходимости. Они слетели с него на пороге, как вакуумная оболочка с куска мяса. Он остановился в двух шагах от дверей, оглядел свои руки, одежду — ни единого таракана.

Оглянулся на дверь, на плотно закрытые жалюзи. Кругом жужжали пальметты, осыпаясь, как... листья, за которые он их принял.

Что за чертовщина?

14

— Семели, Семели, ответь! Что с тобой?

Она открыла глаза, увидела перед собой... нет, над собой... лицо Люка. Встряхнула головой, приподнялась на локтях, оглянулась вокруг.

— В чем дело?

— Ты положила на глаз раковину, улыбнулась, засмеялась, вдруг вскрикнула, упала... Что случилось?

Действительно хороший вопрос. События постепенно припомнились.

Она заметила сына старика — особенного — неподалеку от отцовского дома, проследила за ним глазами тараканов до какого-то здания в квартале для престарелых. Надеялась увидеть у него свою раковину, удивилась, глядя, как он лезет в окно. Попыталась последовать за ним, однако он слишком быстро закрыл ставню. Заглянула в окно: он просматривал какие-то бумаги. Что за бумаги — неясно и неинтересно. Ей нужна раковина.

Вскоре он снова вышел, она его проводила до дома, возле которого он с кем-то встретился. Неизвестный мужчина казался знакомым, только она никак не могла его вспомнить.

Тяжело управлять насекомыми с одной раковиной. Надо как-то заставить особенного зайти в дом, чтоб отыскать другую.

Поэтому Семели собрала как можно больше пальметты и пошла в атаку. С наслаждением его преследовала, собираясь проникнуть с ним в дом и как следует припугнуть — пусть тараканы соберутся в воздухе и чего-нибудь прожужжат, — выгнав его на улицу, пока она проведет обыск. Но, приближаясь к передним дверям, почувствовала что-то странное, тошнотворное. Попытавшись войти за ним следом, как будто наткнулась на стену, отлетела в сторону, и все вокруг скрылось в тумане.

— Это из-за него, — сказала она Люку. — Из-за него мне утром было плохо в больничной палате.

— Откуда ты знаешь?

Ясно — он в самом деле особенный, она просто не понимала насколько.

— Думаешь, у него твоя раковина?

... Могу поспорить.

— Что делать?

— Не знаю. — Семели перевернулась лицом вниз, положив голову на руки. — Дай подумать.

У нее нет опыта в подобных делах. Иногда не хочется постоянно принимать решения. Ей ведь всего двадцать три. Разве мало быть не такой, как все, иметь предначертанную судьбу? Надо еще быть главной?

Хуже всего то, что этот мужчина — особенный, — может быть, послан не *для* нее... Остановившись сегодня перед его дверью, она заподозрила, что он действует *против* нее.

Люди, которые действуют против нее, дорого за это расплачиваются.

Что хорошо известно Сюэзи Леффертс. В полной мере.

Испытав свою силу, Семели решила привести ее в действие. На школьном балу. Конечно, никто ее не приглашал. Ничего удивительного. Догадайтесь, кого пригласил Джесси Баклер: пышноволосую Сьюзи Лефферте.

Поэтому Семели, сядя у себя в комнате — выяснилось, что для полетов с птицами не обязательно ходить на берег, — собрала стаю крупных жирных чашек и полетела за машиной Джесси от дома Сьюзи на бал. Как только они вылезли из машины, птицы низко закружили над ними, пуская в обоих крупные комья помета. Сьюзи взвизгнула, когда белый птичий помет упал на волосы, на платье, Джесси тоже. Оба снова прыгнули в машину, поехали прочь. Скорей всего, домой. Сьюзи наверняка не явится на бал в таком виде.

Семели лежала на кровати, чуть не лопааясь со смеху, потом сообразила, что не все еще чайки сделали свое дело, поэтому догнала машину, сплошь заляпав новенькую полировку огромными белыми пятнами. Джесси прибавлял скорость, безуспешно пытаясь обогнать птиц. Особенно крупный кусок попал в ветровое стекло, он пропустил поворот, врезался в столб. Слишком спешил спастись от бомбардировки. Джесси погиб на месте, Сьюзи сломала шею. По словам врачей, никогда больше не сможет ходить.

Семели стряхнула с себя неприятное ощущение, отложила на время раковины. Не могла слишком долго без них обходиться, но пользовалась исключительно для того, чтоб летать и нырять. Больше не пробовала управлять живыми существами.

По крайней мере, пока жила в Джэксонвилле.

Впрочем, это было давно. Теперь ясно, что тогда она была дурочкой. Почему не использовать волшебные силы? Если их не демонстрировать, особенной не будешь. Останешься такой же, как все.

Вдобавок люди должны получать по заслугам.

Семели еще полежала на палубе, пока запах от досок — пролитое спиртное, оброненные за много лет объедки, — не стал нестерпимым. Она вскочила на ноги.

— Ну? — спросил Люк. — Готов план?

— Нет, — честно ответила она. — Пока нет. Что-нибудь придумаю. С ним сегодня вечером кто-то был. По-моему, я его уже видела.

— Кто?

— Если б знала, сказала бы. Хотя я его точно видела. Вспомню.

— Ну а дело пока не доделано. Старик...

— Да. Пора с ним покончить. Первый номер в списке.

Но как? Вот что хотелось бы знать.

— Если его сын стоит на пути, я могу разобраться. Пойдем с Корли, застанем его одного...

— Нет! Его даже пальцем не трогай!

— Почему, черт возьми? Он мешает, из-за него тебе было плохо... — Люк прищурился. — Эй! Может, он тебе приглянулся?

— Нет, конечно. — Нельзя признаваться, что она ощущает какую-то связь между собой и особенным. Вдруг Люк взбесится и наделает глупостей. — Я тебе уже говорила, мы не убийцы. Делаем, что от нас требуется, но не больше того. Парень просто охраняет отца. Кого за это можно винить?

...Охраняет отца...

Разумеется. Он не борется против нее, а исполняет сыновний долг. Мысль внушала надежду. Семели вдруг стало лучше.

— Я серьезно обвиню, если он встанет у нас на пути, найдет на тебя дурноту, швырнет на пол!

— Только ничего не делай без моего приказа, ладно? Слышишь, Люк? Пока я не скажу.

Он отвел глаза.

— Ладно.

Она не знала, верить ему или нет. Люк всеми силами будет ее защищать, независимо от того, нуждается ли она в защите. Это ее тревожило.

15

Проследив, как пальметты, похожие на грозовую тучу, исчезли в ночи, Джек захлопнул дверь, бросился в дальнюю спальню. Выглянув в окно, увидел, как избавившийся от насекомых Карл сел в старую «хонду» и с ревом сорвался с места. Видно, тараканы и к нему утратили интерес.

Он вернулся в переднюю комнату, почесывая лицо и руки. Казалось, насекомые до сих пор по нему ползают. Почему вдруг напали? Почему неожиданно отступили?

Что тут вообще происходит? Причудливые безделушки на лужайках и за кроватями, невидимые символические рисунки на стенах, летающие тараканы-убийцы... Куда он попал? Иным не пахнет, что, впрочем, не означает, будто оно не маячит за всей этой фантастической белибердой.

Серьезный вопрос: как Аня вписывается в картину? Она в нее обязательно вписана. Непонятно, с краю или в центре. Хотя, похоже, стоит на стороне отца, что слегка утешает. Слегка. Если она по старости не глуха ко всему миру, надо пойти, попросить объяснений.

Что сказать? На меня набросились тараканы пальметты. Что вам об этом известно?

Возможно, кое-что известно, а возможно, и нет. Наверняка не ее рук дело. Ну, как минимум, объяснит, что это за символы и зачем они нарисованы на стенах ее и отцовского дома.

Джек решил отложить беседу до завтра.

Прошелся туда-сюда по комнате, ощущая последствия прилива адреналина во время нападения насекомых. В нем сгорело выпитое вино, и он чувствовал жажду. Надо пива хлебнуть.

Вытащил из холодильника пару бутылок — мало-мало осталось, завтра следует прикупить, — уселся перед телевизором. Прослушав последнюю новость об «Эдвесе», который кочевал теперь к югу, к заливу, грозя превращением в ураган, принялся переключать каналы, пока не повезло наткнуться на любимый фильм «Зелиг» Вуди Аллена. Его всегда восхищала способность Зелига приобретать облик любых людей, с которыми он в данный момент общается. Она ему самому очень бы пригодилась дома в наладческом деле.

Сидел и смотрел, не выключая свет, чтобы больше не налетело никаких насекомых.

Четверг

1

Джека разбудил тихий стрекот. Он поднял голову с подушки в гостевой комнате и прищурился на часы. Красные цифры на циферблате поплыли, потом четко сфокусировались: 8.02.

Он скатился с кровати, шагнул к окну, выглянул. Карл был во вчерашней рубашке, рабочих штанах, однако на сей раз из правого обшлага торчал электрический секатор, которым он стриг сухие, не нуждавшиеся в стрижке кусты.

Джек вытащил из спортивной сумки шорты, вышел на улицу.

Карл оглянулся на него и вздрогнул. Покачал головой, выключил инструмент.

— Утро доброе, — поздоровался он. — Слушай, старик, вчерашняя банда пальметт — это что-то. Сроду ничего такого не видел. И никогда не слышал. Как ты от них в конце концов отделался?

— Как только в дом зашел, они вдруг улетели. А ты?

— Точно так же. На полпути к машине вдруг потеряли ко мне интерес. Бред, правда?

— Полнейший.

— Я еле-еле заснул после этого. Все казалось, будто они по мне ползают. — Фланелевая рубашка содрогнулась. — Как вспомню, сразу дрожь пробирает. Потом нынче утром машина не завелась. Панорамно не везет в последнее время.

Джек оглянулся туда, где Карл вчера вечером установил свою камеру. Теперь там было пусто.

— Что показала видеозапись?

Карл покачал головой:

— Ничего. Понимаешь, пораньше встал утром, чтоб забрать камеру, пока никто на нее не наткнулся. — Он сморщился и ткнул пальцем в висевший у него на спине рюкзак с инструментами. — Быстро отмотал пленку, а там только я сам, цепляю эту самую камеру. В любом случае ясно — детектор работает. Рассказал доктору Денгрову, тот разозлился, но велел сегодня еще раз попробовать.

— Попробуешь?

— Конечно, — ухмыльнулся садовник. — Пока он платит, буду пробовать. Попользуюсь его деньгами.

— Ладно, пока не поймаешь мисс Манди на том, что навлечет на нее неприятности.

— Говорю тебе: не беспокойся об этом.

— Кстати, насчет мисс Манди... — Джек оглянулся на Анин дом. Никаких признаков жизни. Учтывая, как она выглядела вчера вечером... — Пожалуй, пойду посмотрю, как она.

— В полном порядке. Встала утром рано, поймала такси, уехала, семи еще не было.

— Да? Отличная новость.

Интересно, куда она в такой час отправилась. Все еще закрыто, кроме круглосуточных магазинов.

Подумав о круглосуточных магазинах, Джек вспомнил про кофе. Хорошо бы выпить пару чашек, только не хочется дважды колесить по Вратам, мотаться туда-сюда через шлагбаум, заскочив по пути в магазин. Да, в Верхнем Вестсайде завернешь за угол, выбирай кофе, какой пожелаешь.

Вспомнилось, что папа всегда был большим любителем кофе. В холодильнике стоит банка.

— Я бы кофе выпил, — сообщил он Карлу. — Не хочешь?

Тот отрицательно покачал головой:

— Дома пил. Вдобавок надо делать вид, что я работаю, чтоб не уволили. Дел немного, пока ничего не растет.

Уходя, Джек опять взглянул на секатор, торчавший из правого обшлага. На чем он держится? Возможно, ответ знать не захочется.

2

Дома Джек вытащил из холодильника банку кофе «Браун Голд», стопроцентного колумбийского. Звучит неплохо. А кофейника не нашел, только маленькую французскую кофеварку. Помнится, видел большую подобную, работая в ресторане официантом, хоть никогда ею не пользовался.

Кофе хочется прямо сейчас.

Он сел за отцовский компьютер, заскакал с сайта на сайт, пока не наткнулся на нужный: две чай-

ные ложки кофе засыпать в стаканчик, залить почти кипящей водой с температурой 195—200 градусов — они что, смеются? — помешать через минуту, через три минуты закрыть крышку и до конца нажать рычажок.

Джек выполнил все инструкции, используя кипятилок — кто бы стал мерить температуру? — получив, наконец, чашку кофе. Дьявольски вкусный, но у кого есть время каждый раз возиться?

У пенсионеров, вот у кого. В том числе у отца.

Он включил погодный канал, выжидая требуемые три минуты, узнал, что «Элвис» по-прежнему перемещается к югу в заливе. Скорость ветра достигает семидесяти восьми миль в час. Значит, он уже классифицируется не как тропический шторм, а как ураган первой категории. Ничего себе.

С чашкой кофе в руках порывлся в письменном столе, отыскав карты Флориды — дорожную карту штата и карту одного округа Дейд, которая ему и требовалась.

Нашел Пембертон-роуд, проследовал до пересечения с Южной... к месту происшествия. Полный ноль.

Пора отправляться в дорогу.

Почти свернул карту — они никогда по-прежнему не сворачиваются — и отвлекся, слыша стук в дверь. На пороге стояла Аня в ярком красно-желтом домашнем платье, держа на руках Ирвинга.

— Доброе утро, — сказала она, окутанная жарким клубившимся паром.

Джек жестом пригласил зайти.

— Входите, остыньте. Если есть полчаса, сварю вам чашку кофе.

— Нет, милый, спасибо, — отрицательно покачала она головой, переступив порог.

— Точно? Кофе настоящий. — Он ей подмигнул. — На этикетке указано, что ни одно растение не погибло в процессе приготовления кофе «Браун Голд».

Аня подмигнула в ответ.

— В другой раз попробую. — Она кивнула на карту у него в руках. — Собрался в поездку?

— Да. Туда, где папа пострадал.

— Я с тобой.

— В этом нет необходимости. — Планируя осмотреть перекресток, бесцельно чего-нибудь поискать, вряд ли стоит брать с собой старую леди с голосистой собачкой.

— Мы тебе не помешаем, — сказала она. — Вдобавок ты тут новичок, а я давно живу. Не дам заблудиться.

Что ж... в таком случае, правда, не будет обузой.

— Ладно, спасибо. Только заскочим в больницу, навестим папу перед поездкой в болота.

— Лучше на обратном пути, — возразила Аня. — Я только что оттуда.

— Правда? — Трогательная верность. — Чертовски мило с вашей стороны. Как он там?

— Когда я уходила, чувствовал себя точно так же, как вчера и позавчера.

— Не лучше? — Досадно. — Долго это будет продолжаться?

— Не очень, милый, — улыбнулась Аня. — Предчувствую, что он скоро оправится. Дай немножечко времени. Что касается поездки в низину, давай двигаться, пока не слишком жарко.

Здравая мысль.

— Хорошо. Кое-что соберу, и поедем.

— Будем с Ирвингом ждать у машины.

Джек решил захватить с собой 38-й калибр — на всякий случай. И репеллент от moskitov, несколько баночек.

Голос пробудил его от долгого сна о войне. Он откликнулся. Приятно проснуться — слишком много убитых с простреленным черепом, с разорванной грудью смотрели на него мрачным взглядом...

Вынырнув из сновидения и проснувшись, он сел, оказавшись на койке в бараке. Где же остальные койки, другие солдаты? Никого нет, кроме него.

Где я, призадумался он.

И увидел маленькую женщину, худенькую птичку, в каком-то форменном халате, мывшую пол. Заговорил с ней, не целенаправленно — слова как бы сами выскакивали изо рта. Он их даже не слышал. А женщина слышала, вскинула голову, вытаращила глаза, потом выскочила из помещения.

Где я, гадал он.

Или это по-прежнему сон? Если нет, как я сюда попал?

По пути Джек старался разговорить Аню, которая отвечала не слишком охотно. Рассказал о вчерашней атаке пальметт — она не встревожилась, даже не обратила внимания. Обронила только «очень странно».

— Что о себе расскажете? — спросил он, переключая беседу с себя на нее. Надо о ней побольше узнать. — Вы откуда?

— Приехала из Куинса.

— А я думал, с Лонг-Айленда.

— И там тоже жила.

— А в детстве? Где выросли?

— Кажется, везде, — вздохнула она. — Это было давно, как во сне.

Никакой ниточки.

— Где вы *не жили*?

— На Луне, — улыбнулась Аня. — К чему эти вопросы?

— Просто интересно. Похоже, вам много известно обо мне, о папе, с которым вы, видно, близки... Наверно, естественно, что и мне хочется вас лучше знать.

— Не беспокойся. Между нами ничего нет и не было. Просто дружим. Довольно с тебя?

— Пожалуй, — согласился Джек.

Будем надеяться, что довольно.

Он ехал на юго-запад по Пембертон-роуд по штурманским указаниям Ани, сверявшейся с картой. Ирвинг растянулся на солнышке под задним окном. Параллельно дороге то слева, то справа тянулась дренажная канава, наверно в обычное время представлявшая собой канал, а теперь в основном превратившаяся в отдельные лужи стоячей воды.

— Называется «грунтовый карьер», — объяснила Аня, как бы читая его мысли. — Прокладывая дороги, использовали грунт, известняк. В такое время года их всегда заливает вода с черепахами, маленькими аллигаторами, прыгучей рыбой, а в последнее время...

Видно, что добавилось в последнее время, — пивные банки, бутылки из-под лимонада, старые автомобильные покрышки, огромные куски пенопласта.

С обеих сторон от дороги лежала сухая коричневая трава. Джек заметил троицу белохвостых оленей — самку и двух самцов, — которые паслись у купы деревьев. Завидев приближавшуюся машину, они прыгнули в кусты, исчезли из вида.

В глаза бросился знак: «ОСТОРОЖНО, ПАНТЕРЫ».

— Пантеры?

— Пока еще встречаются, — подтвердила Аня.

Мысль о разгуливающих вокруг диких пантерах несколько обеспокоила Джека даже в машине. А если увидишь такую табличку, прохаживаясь пешком?

— Я сюда пару раз ездила с твоим отцом. Каждый раз, видя этот знак, он рифмовал «пантера» — «холера».

— Огден Нэш!¹ — рассмеялся Джек.

— Кто?

— Очень умный поэт-реалист. Без какой-нибудь зауми. Часто писал для детей. Нравился папе.

Вспомнился вечерний ритуал, когда отец читал детям стихи о животных.

Он почти забыл об этом. Напомнил себе, вернувшись домой, заглянуть в магазины, посмотреть, что еще издается. Вики понравится Нэш, играющий словами.

Джек мигом вернулся к действительности, проезжая мимо выжженного участка, куда, видно, какая-то задница швырнула из окна машины окурки. Высоко висевший знак с изображением глуповатого аллигатора уведомлял, что они въезжают на территорию водохозяйственной системы Южной Флориды.

— В данный момент в хозяйстве не слишком-то много воды, — заметил он, когда шюссе кончилось, сменившись пыльной, покрытой грязной коркой проселочной дорогой.

— Все равно умудряются бесхозяйственно с ней обращаться. А строительство к северу отсюда губит Эверглейдс — с королевским размахом.

¹ Н э ш О г д е н (1902—1971) — американский поэт, юморист, автор сатирических стихов с необычными рифмами и каламбурами.

В голосе Ани слышалась злость... и еще что-то.

— Кажется, вы принимаете это очень близко к сердцу.

— Правда, малыш, принимаю. Как и любой порядочный человек.

— Извините меня, но ведь это на самом деле просто большое болото.

— Вовсе не болото. Болота стоячие, а в Эверглейде воды проточные. Это прерия — сырая, заросшая меч-травой прерия. Вся эта часть штата спускается вниз от озера Окичоби к морю. Вода из озера образует многомильные протоки, которые не дают прерии высохнуть. Мы сейчас рядом с Тэйлоровой протокой. Индейцы микасуки называют Эверглейде «па-хай-оки» — травяная река. И посмотри, чего тут наделали за последние пятьдесят лет: прорыли каналы, настроили ферм, сливают в воду химикаты, куда еще доходит вода. Фермы воду не получают, потому что «водохозяйственная система» устроила столько каналов, запруд, плотин, дамб и шлюзов, что вода не может течь естественным путем. Удивительно, что тут вообще хоть что-нибудь осталось. Просто повезло дуракам, что весь район не превратился в пустыню. — Она взглянула на него. — Прости, малыш. Лекция кончена.

— Нет, я кое-что понял. Но по-моему, раз уж Флорида представляет собой одну большую песчаную дюну, вода из проток может просто сквозь землю просачиваться.

— Песчаную дюну? Откуда это пришло тебе в голову?

— Слышал от кого-то.

Аня погрозила пальцем:

— От ослиной задницы. Во Флориде главным образом известняковые почвы. Это вовсе не песчаная дюна. Скорее, если на то пошло, гигантский риф.

Песок, конечно, есть, но копни, и наткнешься на окаменевшие трупки бесчисленных организмов, которые строили эту машину, когда все здесь было покрыто водой. Вот почему вода течет вниз в Эверглейдс: потому что так надо.

— Откуда вам столько об этом известно?

— Это не секрет. Надо просто газеты читать. Говорят, правительство выделит миллиарды и поправит дело. Посмотрим. В первую очередь, не надо было доводить до беды. — Она взглянула на карту. — Скоро приедем.

— Куда?

— На перекресток. — Аня указала пальцем в ветровое стекло. — Вон. Должно быть, он и есть.

Джек увидел висевший знак «стоп», замедлил ход, остановился в десятке футов перед перекрестком. На другой дороге никаких знаков не было. Он взял у Ани карту, сверился.

— Как узнать, то ли самое место?

— То, — заявила она.

— Нигде не сказано, что это Южная дорога.

— Поверь, малыш. Она самая.

Он снова посмотрел на карту. Не так много на ней перекрестков. Наверно, тот.

Оставив мотор включенным, Джек вылез, направился к знаку «стоп». Он был пробит парой выстрелов — кажется, 45-й калибр, — но, судя по заржавевшим рваным краям дыр, давно. С запада дул резкий бриз. Джек вышел на перекресток, глянул влево и вправо, осмотрел землю. В пыли сверкали крошечные осколки. Здесь произошло столкновение.

— Что надеешься найти?

Он оглянулся на подходившую Аню с семенившим за ней Ирвингом, который рыскал по сторонам, приносиваясь к земле.

— Не знаю. Просто очень многое не укладывается в картину, особенно время и предположение, будто папа проехал на знак «стоп».

— По-мосму, очень многие сделали бы точно так же. Смотри, мы стоим тут утром в четверг и не видим ни одной машины. Думаешь, ночью во вторник их было больше?

— Нет, наверно. Но он такой... законопослушный, никогда не рискует... не представляю, чтобы нарушил правила. И в первую очередь не представляю, что он тут делал.

— Это я тебе могу сказать: ехал в машине.

Джек постарался не выдавать раздражения.

— Знаю, что ехал в машине. Куда?

— Никуда. Давно плохо спит, решил проехаться.

— Откуда вы знаете?

— Он сам рассказывал. Спрашивал, не хочу ли я как-нибудь с ним прогуляться. Я велела меня вычеркнуть. Незнакома с бессонницей, сплю как мертвая.

Я заметил, подумал Джек.

— Где он ехал?

— Здесь. Говорил, всегда ездит одной дорогой. С открытыми окнами. Говорил, что любит тишину, останавливается, смотрит на звезды — их тут очень много, — наблюдает за приближением грозы. Конечно, когда у нас грозы бывали, — вздохнула она. — Давно уж мы не слышали грома.

— Хорошо. Значит, он совершал еженощную прогулку...

— Не еженощную. Ездил два-три раза в неделю.

— Ладно. Значит, ночью в понедельник или ранним утром во вторник приехал сюда и почему-то выскочил на перекресток, когда мимо еще кто-то ехал. В довольно большой машине, которая сбила его автомобиль и поехала дальше. Наверно, грузовик. Похоже, он выскочил перед грузовиком.

Джек оглядел дорогу в обе стороны. Отцовский «маркиз» получил удар в правое переднее крыло. Выходит...

— Выходит, — подхватила Аня, — грузовик шел с запада... из Эверглейдс. Может, он на секунду сознание потерял, перенес легкий инсульт или еще что-нибудь.

— По словам доктора Хуэрты, сканирование мозга не показало никаких повреждений.

— Тогда остается загадка.

— Не люблю загадок, особенно когда они касаются близких людей. Кстати, о загадках: интересно бы знать, кто сообщил о несчастном случае из бизнес-центра...

— Из какого бизнес-центра? — переспросила Аня.

— Ну, из местного супермаркета... причем раньше, чем произошла авария.

Она пристально в него взгляделась сквозь огромные солнечные очки.

— Откуда ты знаешь, когда она произошла?

— По отцовским часам. Они треснули, разбились, стрелки остановились минут через двадцать после звонка в полицию. Как такое возможно?

— Часы, — пожала Аня плечами. — Кто им верит? Одни спешат, другие отстают.

— У папы всегда пунктик был насчет точного времени.

— Был, — подчеркнула Аня, цыкнув и наставив на него корявый палец. — Что тебе известно об *этих* часах?

Джек отвел глаза. Тут она его поймала.

— Не много.

— Правильно. А...

Ирвинг залаял, стоя на краю канавы, опустив голову, прижав уши.

— Что, мой сладенький? — спросила хозяйка. — Что ты там нашел?

Джек следом за ней направился к лаявшему псу.

— О боже, — пробормотала она.

Он шагнул ближе:

— Что?

— Посмотри на следы.

Джек увидел в грязи на дне канавы пятипалые отпечатки приблизительно на расстоянии в фут друг от друга. Ноги, чьи б они ни были, большие, с птичьими когтями.

— Должно быть, крокодил.

Аня с гримасой глянула на него:

— Крокодил? Флоридские крокодилы предпочитают соленую воду. Это следы аллигатора. Видишь между ними волнистую линию от хвоста? Видишь размеры лап? *Большой* аллигатор.

Джек медленно огляделся. Вполне может где-нибудь прятаться в зарослях тростника и меч-травы.

Ясно теперь, как себя чувствовал капитан Кук.

— Очень большой?

— Судя по отпечаткам, я сказала бы, футов двадцать в длину, если не больше.

Джек не имел понятия, на чем основана оценка, но не собирался спорить. Леди дьявольски много знает о Флориде.

— Двадцать с лишним? Может, вернемся в машину?

— Не бойся. Следы старые. Видишь, грязь высохла? Наверняка оставлены несколько дней назад.

Это вовсе не означает, что тот, кто их оставил, не сидит поблизости.

Крошечный чихуахуа прыгнул в канаву, нюхая следы, без каких-либо признаков страха. Джек ждал, что он сейчас заворкует: *вылезай, ящерка, ящерка...*

Правая рука потянулась к пояснице, где в кобуре под футболкой покоился маленький автоматический пистолет. Интересно, остановит ли разрывная пуля 38-го калибра аллигатора таких размеров? Возможно, отскочит от головы. Хотя в обойме есть и другие патроны, покрепче.

— В любом случае я увидел все, что нужно.

— А именно?

— Ничего особенного. Просто решил поехать посмотреть на место происшествия.

На что надеялся? Найти ключ к разгадке, как в кино? Не нашел. И не найду. Просто глупый несчастный случай.

И все же... хотелось бы знать, кто несся из болот по Южной дороге в большом тяжелом автомобиле рано утром во вторник.

Вернувшись к машине, Джек изобразил джентльмена, открыв перед Аней и Ирвингом дверцу. Когда она уселась на пассажирском сиденье, направился на свою сторону. Физически шел к водительской двери, а мыслями унесся за мили, думая о гигантских аллигаторах и мощных тяжелых средствах передвижения. Взялся за ручку дверцы, и тут Ирвинг снова задаял. Он поднял глаза и увидел, как *на него* летит красный фургон.

Не успев сесть в машину, упал спиной на капот, подтянув ноги в тот самый момент, когда грузовик промчался совсем рядом с «бьюиком».

Сердце тяжело колотилось. Сукин сын чуть не...

Фургон... старый красный пикап Джек уже видел. Сейчас не разглядел, кто сидит за рулем, но точно не красавец. Кашляя в туче поднятой пикапом пыли, он spryгнул с капота, распахнул дверцу, шмыгнул в машину.

— Что это такое? — спросила Аня под лай Ирвинга.

Спасибо, малыш, мысленно поблагодарил его Джек. Лай, сколько твоей душе угодно.

— Попытка совершить наезд и скрыться.

Он рванул с места, взвизгнув покрышками, и пустился в погоню.

Аня забеспокоилась:

— Что ты делаешь?

— Догоняю.

— А если догонишь, то что?

— Как говорится, надеру задницу и запишу фамилии — в самом буквальном смысле.

Вчерашняя липовая медсестра из отцовской палаты уехала из больницы в этом фургоне, теперь он же самый пытался его переехать. Не такой большой, чтобы разбить папин «гранд-маркиз», а самому остаться целым, но связь существует. Да, определенно.

Джек следовал за пикапом в туче пыли по Пембертон-роуд, только стал догонять, как фургон неожиданно тормознул, резко свернув вправо. Он рывком остановился, чуть не пропустив поворот, свернул в песчаную колею, прибавил скорости, в густой пыли промахнулся и въехал в кусты. Пришлось побуксовать, и, когда машина вновь выбралась на дорогу, верней, в колею, которая дугой тянулась к Южной дороге, грузовика нигде не было видно.

Джек выехал на перекресток и вылез. Внимательно осмотрел дорогу вверх и вниз в поисках красноречивого пыльного следа, ничего не увидел. Пикап либо притормозил, либо свернул с дороги и спрятался в кустах.

Скрипя зубами от огорчения, он снова сел в машину.

— Не беспокойся, — сказала Аня. — У меня такое ощущение, что ты снова увидишь этот фургон.

— У меня тоже, — согласился Джек. — В том и проблема.

Джек хотел прикупить пива и закусок, Ане тоже требовались продукты. Поэтому он по ее указаниям поехал в «Пабликс» в деловом центре Новейшна, видя по пути массу бездомных, кланчивших на тротуарах милостыню. Прежде на глаза не попадались.

Парень с носом вроде цветной капусты и пухлой физиономией, будто набравший в рот гальки, стоял у дверей с небьющейся миской, громыхая мелочью и выпрашивая еще.

Джек замедлил шаг, стараясь не таращить глаза, гадая, не связан ли парень с парочкой из пикапа, Аня схватила его за руку, втокнула в автоматические раздвигающиеся створки двери.

— Ничего не давай. Дурной малый.

В магазине расстались, она покатила тележку к продуктовому отделу, а он направился в кулинарию, где обнаружил немыслимое разнообразие жареной свинины и шкварок. Слышал, но никогда не пробовал. Прошел мимо к более здоровой пище — к сырным чинсам «Принглс», одному из главных продуктов питания дома. На обратном пути мимо шкварок поддался внезапному побуждению и приобрел пакетик. Один раз можно попробовать. Только Джиа не надо рассказывать, а то рассердится.

Пивной отдел занимал целую стену с левой стороны. Однако «Айбор Голд» на стене не нашлось. Джек заметил продавца, слишком молодого, чтобы выпить засунутые в холодильник упаковки по дюжине банок светлого «Будвайзера», с юношескими прыщами и молодой козлиной бородкой. Темные волосы чем-то намазаны, торчат колючими прядями.

— Где тут прячут «Айбор Голд»? — спросил Джек.

— А мы его больше, по-моему, не получаем, — сказал продавец.

Проклятье. Чудесное пиво.

— Почему? Это ж местная марка.

— Не местная. Его варят в Тампе.

Джек безнадежно махнул рукой.

— Если вы получаете «Саппоро-драфт»¹ с другого конца света, почему нельзя получать с другого конца штата?

— Минуточку, — спохватился парень, — вспомнил...

Он направился к импортной секции, немного повозился, вытащил упаковку из шести бутылок «Ай-бор Голд» и с ухмылкой продемонстрировал.

— Вспомнил, что где-то видел.

— Настоящий герой, — похвалил его Джек.

— Тут еще одна есть. Берете?

— Продано!

Парень погрузил упаковки в тележку, Джек протянул пятерку.

— Не надо, все в порядке, — отказался он. — Это моя обязанность.

Джек засунул бумажку в нагрудный карман паренька.

— Да, но ты заслужил премию.

Отыскав Аню, он тащился за ней, пока она закупала продукты, ощупывая практически каждый фрукт в магазине. Наконец, набрала, пошли к кассе. Джек расплатился карточкой «Экспресс-лейн», топчась на пороге, пока ее покупки проходили через кассу.

Укладывая все в багажник на стоянке, он заметил вдаль у бортики тротуара приблизительно за полквартала красный помятый пикап. Аня с Ирвингом уже сидели в машине с включенным мотором. Джек наклонился к водительской двери.

¹ «Саппоро-драфт» — марка японского пива.

— Есть пара минут? — спросил он. — Хочу кое в чем убедиться.

Аня глянула на часы:

— Только недолго. Надо к твоему отцу заглянуть, прежде чем возвращаться домой.

Он и сам собирался, но первым делом...

Свернул со стоянки, перешел дорогу, приближаясь к пикапу — тому самому, нет вопросов, — увидел стройную смуглую молодую женщину с дико взлохмаченными волосами ошеломляющего серебристого цвета, стоявшую у ближайшей стены в белых джинсах «Ливайс» и черном облегающем пиджаке поверх белой рубашки с длинными рукавами, застегнутой по горлышко.

Джек пристально смотрел на нее. Что-то знакомое. Не волосы, а лицо и черные глаза...

И тут понял. Спрячь волосы под черным париком, натяни на нее санитарную форму, получишь неизвестную женщину, которая убежала вчера из отцовской палаты.

В больнице была брюнеткой, а теперь блондинкой торчала на улице. Что за чертовщина?

Рядом с ней стоял горбатый громада, в котором он узнал лодочника, увозившего загадочную медсестру.

Женщина встретила с Джеком взглядом, мгновенно узнала, сразу отвела глаза в сторону.

Он отступил назад, повернул к фургону, к которому привалился спиной парень с выпирающим лбом. Такого не забудешь. Именно этот тип сидел за рулем пикапа, когда «бьюику» пропороли крышку. А час назад не он вел грузовик?

Пора выяснить. Пора посмотреть, нельзя ли как-нибудь спровоцировать этого придурка.

Джек прикусил губу, сдержав злость, и подвалил к нему. Тот не сводил косых глаз с толпы. Джек не-

вежливо толкнул его правым плечом. Парень шарахнулся о пассажирскую дверцу пикапа, рванулся к нему:

— Эй! Ты чего это... — и больше ничего не сказал. Вытаращил глаза, узнав Джека. Все ясно.

— Чуть-чуть не пришил меня, да? — начал он, шагнув ближе, уставившись парню прямо в лицо.

— Люк! — пискнул тот тонким дрожащим голосом. Джек отвесил очередной тычок.

— Кому принадлежала блестящая мысль? Тебе? Или кому-то другому?

— Люк! — громче выкрикнул парень, кося глазами в разные стороны. — Люк!

Джек собирался опять его двинуть, когда возник крупный здоровенный тип, стоявший рядом с женщиной. Пороссячьи глазки остановились на Джеке.

— В чем дело?

— Это твой грузовик?

— Предположим, и что?

— Полчаса назад он меня чуть не сбил.

Люк покачал головой:

— Быть не может. Целый день тут стоит. Правда, Корли?

Корли пропустил подачу, потом кивнул бесформенной головой:

— Точно, угу, целый день.

— Неужели? — Джек шагнул к переднему правому крылу, провел рукой по бежевой вмятине. — Могу поспорить, когда полиция сравнит краску на этой царапине с краской с моей машины, результат совпадет полностью.

Абсолютно не собирался связываться с полицией, о чем собеседники не догадывались.

Глаза Люка перебегали с царапины на Корли, на Джека.

— Ну и что? Ничего не докажешь.

— Думаю, копы посмотрят на дело с другой стороны. Наверняка не мне одному захочется выяснить, зачем вы хотели меня переехать.

— Кто-то пытался вас сбить? — прозвучал за спиной женский голос.

Это была та самая девушка.

— Мы знакомы? — хмыкнул Джек.

Она протянула руку:

— Меня зовут Семели. А вас? — Темные глаза с интересом его разглядывали.

— Джек. — Он ответил на рукопожатие — кожа мягкая, как у младенца, — кивнул на Люка и Корли: — Вы их знаете? — Ответ известен, хотелось увидеть реакцию.

— Это мои родственники. Считаете, они хотели вас сбить?

— Не знаю, кто сидел за рулем, но на меня летел именно этот фургон.

Она помрачнела.

— Ах вот как... — Бросила негодующий взгляд на «родственников». — Сядьте в машину.

Люк протянул руку:

— Семели...

— В машину, — сквозь зубы приказала она. — Сейчас же.

Оба парня выполнили приказание, как побитые собаки. Теперь хотя бы ясно, кто главный в курятнике.

Девушка с широкой улыбкой повернулась к нему. Симпатичная улыбка. Джек видел ее впервые. Лицо осветилось, стало почти красивым.

— Я уверена, это просто недоразумение. Мальчики порой теряют рассудок. Давай угощу тебя выпивкой, и мы все обсудим. Может быть...

— Что ты делала в палате моего отца?

— В палате твоего отца? — нахмурилась она. — По-моему...

— В больничной палате. Ты там была вчера в парике и в форме медсестры.

Она щелкнула пальцами:

— *Точно*, я тебя раньше видела.

Еще бы. Узнала с первого взгляда.

— Что ты там делала?

— А, хотела поработать санитаркой, надела форму и пошла в больницу попробовать. Ничего не вышло. Глупо. Видимо, это не для меня.

— Пожалуй.

Неплохая история. Тому, что он видел, вполне соответствует, только ни единому слову не верится.

Она вновь улыбнулась:

— Так как насчет выпивки?

Джек заколебался. Немножко поговорить наедине, и, может быть, выяснится, что происходит между отцом, Семели и ее «родственниками». Однако в машине сидит Аня, надо ехать к папе. Позже встретимся.

— У меня неотложное дело, — отказался он. — Мне надо в больницу.

— Ну да, к отцу. Ему плохо?

— Становится лучше.

Еще один побитый пикап, на этот раз синий, затормозил перед красным. Джек на секунду подумал, что он набит сезонными рабочими, потом разглядел бесформенные головы и фигуры. Такие работнички годятся лишь в статисты, которых Уэс Крейвен набрал для продолжения «Глазастых холмов»¹. Он узнал во втором фургоне парня с раздутыми щеками из «Пабликса» и прочих попрошайек с городских улиц.

— Что ж, — сказала Семели, — тогда в другой раз.

¹ «Г л а з а с т ы е х о л м ы» — фильм ужасов, где американская семья, выехав за город, подвергается нападению мутантов-каннибалов.

Джек отвел взгляд от синего фургона.

— Непременно. Когда?

— Когда пожелаешь.

— Как тебя найти?

— Не трудись. — Она улыбнулась еще шире, открывая пассажирскую дверцу пикапа, садясь на сиденье. — Скажи только словечко, и я отзовусь.

У Джека по спине побежали ледяные мурашки.

6

Джек шагнул в больничную палату и застыл на пороге. На краешке кровати сидел отец в больничной, застегивающейся на спине рубашке, обутый в маленькие тапки, ел из тарелки зеленое желе «Джелло».

— Господи боже мой! Папа... очнулся!

Отец посмотрел на него, свежий, отдохнувший, как будто сидел за стаканчиком у себя на передней веранде.

— Джек? Ты здесь? Это ты?..

Голубые глаза ярко вспыхнули за стеклами очков в стальной оправе. Волосы влажные, спутанные, щеки только что выбриты. Если бы не синяки на лице да забинтованная голова, никаких признаков серьезных повреждений.

— Я... — Джек замотал головой. — Глазам своим не верю. Вчера вечером у тебя была кома семь баллов, а сейчас...

— Мне сообщили о приезде сына. Я решил, это Том. Хотя, если подумать, вспоминаю твой голос.

— Я все время с тобой разговаривал.

— Правда? Может, поэтому я и очнулся — не мог поверить, что ты здесь, захотел убедиться собственными глазами. — Он со вздохом посмотрел на сына. — Надо было попасть в катастрофу, чтобы ты явился?

— Что ты мелешь! — возмутилась Аня, которая, задержавшись в дверях, поудобнее устроила Ирвинга, а теперь направлялась к кровати, поманив за собой Джека. — Будь полюбезнее, Томас.

— Аня! — воскликнул отец с загоревшимся взглядом. — Что ты тут делаешь?

— Меня Джек привез. Мы сразу подружились. — Она обеими руками схватила его за правую руку. — Ну, как ты?

— Отлично. Лучше с каждой минутой, особенно после того, как вытащили катетер. — Он передернулся. — Врагу не пожелаешь...

— Вот она! — прозвучал женский голос с сильным акцентом. Джек, оглянувшись, увидел маленькую худенькую испанку в халате уборщицы, стоявшую рядом с могучей сестрой Шок, указывая пальцем на Аню. — Я вам про нее рассказывала.

Неизменно суровая сестра Шок сверху вниз взглянула на уборщицу и пророкотала:

— Расскажите еще раз, что видели.

— Я в ванной мыла раковину. Она зашла, протянула руку и говорит: «Хватит, Том. Хорошо поспал. Теперь вставай». Прямо так и сказала.

Аня от нее отмахнулась со смехом:

— Может быть, я это каждый день говорю?

Женщина покачала головой:

— Как только она вышла, он сел и спрашивает, не проспал ли завтрак.

— В самом деле? — улыбнулся отец. — Не помню. Проснулся в тумане, а сейчас уже много лучше. — Улыбка погасла. — Говорят, я попал на дороге в аварию, но ничего не помню.

Уборщица по-прежнему тыкала пальцем в Аню.

— Бруха!

Познания Джека в испанском позволяли понять, что это значит «ведьма».

— Ну, хватит, Гита, — приказала Шок, — принимайтесь за дело.

Та, бросив на Аню последний опасливый взгляд, быстро выскочила. Сестра Шок подошла к отцу, измерила кровяное давление, кивнула, что-то записала в планшетку.

— Как дела? — спросил он.

— Прекрасно, — улыбнулась Шок, сохранив, как ни странно, мрачное выражение. — На удивление хорошо. К вам зайдет доктор Хуэрта.

— Кто он такой?

— Она. Ваш лечащий врач с той минуты, как вас доставила «скорая помощь».

— Ну, пускай поторопится. Я отправлюсь домой, как только доем желе.

Джек с сестрой одновременно начали возражать, заявляя, что со столь серьезными травмами этого делать не следует, и так далее и тому подобное. Безрезультатно.

— Не люблю больницы. Чувствую себя прекрасно. Поеду домой.

Джек уловил в отцовском тоне знакомую с детства окончательную решимость. Значит, папа настояит на своем.

— Никто вас не пустит, — отрезала Шок.

Он взглянул на нее через очки:

— Может быть, я слегка не в себе, но с каких пор стал собственностью больницы?

Сестра заморгала. Видно, никогда не слышала такого вопроса.

— Вы, конечно, не собственность больницы, однако с той минуты, как вас вкатили в дверь, находитесь на ее ответственности.

— Понимаю и ценю, — кивнул он. — Судя по тому, как сейчас себя чувствую, вы замечательно поработали. В больнице мне больше нечего

делать, поэтому я собираюсь домой. В чем проблема?

— Папа, проблема в том... — начал Джек, чувствуя, что его терпение лопается. Отец изображает глухого. — Дело в том, что ты попал в серьезную катастрофу...

— Слышал. Ничего не помню, поэтому вынужден полагаться на чужие свидетельства.

— Это правда, — заверил Джек. — Я сам видел твою машину. Разбита в лепешку.

Отец сморщился, покачал головой:

— Куплена меньше года назад. Надо бы вспомнить.

Джек наблюдал за выражением его лица. Что в глазах — страх? Папа боится? Чего?

— Не в том суть. Ты три дня пролежал в коме и через минуту или через час, через день снова можешь потерять сознание.

Отец напряженно улыбнулся:

— Тогда вы меня опять сюда привезете. — Он протянул к сестре Шок руку с иглой от капельницы. — Вытащите, пожалуйста.

— Без распоряжения доктора не могу, — отказалась она.

— Ладно, сам вытащу. — Он дернул прикреплявший иглу пластырь.

— Господи боже мой, папа, — охнул Джек.

— Хорошо, хорошо, — уступила сестра. — Только обождите, поднос принесу.

Когда она вышла, Джек взглянул на Аню, которая до сих пор не сказала ни слова, потом на отца, который, спустив с плеч больничный халат, срывал с себя провода и присоски кардиомонитора.

— Может, вы его уговорите? — обратился он к ней. — Мне явно не по силам.

Аня покачала головой, Ирвинг высунулся из большой соломенной сумки.

— Я должна принимать за него решения? Он вполне нормален.

— Ведет себя как ненормальный.

— Хочет уйти из больницы, поскольку прекрасно себя чувствует. Что тут ненормального?

Спасибо за помощь, мысленно поблагодарил Джек. Папе лучше еще хоть денек полежать, убедиться в стабильности состояния. Надо как-нибудь преодолеть непреодолимое упрямство.

Аня пристально взглянула на него:

— Поставь себя на его место. Что б ты сделал?

Удрал бы отсюда домой ко всем чертям, подумал Джек, хотя вслух ничего не сказал.

— Я гораздо младше и...

Ирвинг юркнул обратно в сумку, в палату с озабоченным видом вошла сестра Шок с подносом, остановилась в ногах кровати, качая головой при виде брошенных на покрывало датчиков монитора.

— Я догадывалась, что сбой на мониторе возникли оттого, что вы их срывали, но точно не могла сказать.

Через несколько минут след от внутривенной иглы был перевязан марлевым бинтом, отец встал, огляделся.

— Теперь только одежду верните.

— Ее пришлось выбросить. — У Джека возникла надежда. — Она была залита кровью. Слушай, может, переночуешь здесь еще разок, а я утром пораньше приеду с вещами. Что скажешь?

— Ничего. Так посу.

Можно было бы отказаться везти его домой, но чего этим добьешься? Вызовет такси.

Перед глазами на секунду мелькнули под больничным халатом белые худые ягодицы отца, направившегося к крошечному платяному шкафу.

— Ну, смотрите-ка! — воскликнул он, открыв дверцу, вытаскивая белую рубашку гольф и светло-коричневые бермудские шорты. — То, что доктор прописал.

— Сомневаюсь, — пробормотал Джек, покосившись на Аню. — Откуда взялись вещи? Вы тут утром были, не видели?..

— По-твоему, я лазаю по шкафам?

Отец пошел в ванную.

— Я на минуточку.

— Папа, это не твоя одежда.

— Ненадолго присвою. Завтра привезу.

Сдаюсь, решил Джек. Он обыграл меня — едет домой.

Пока он переодевался, Аня расхаживала по палате, выдвигала и задвигала ящики, собирая в пластиковый пакет мыло, полоскание, зубную пасту, другие принадлежности, выданные больницей.

— Нечего зря добро тратить, — заметила она. — В конце концов, за все втридорога заплачено, насколько я знаю больницы.

Быстро сунула руку за изголовье кровати, что-то вытащила, мигом бросила в пакет. Джек не разглядел, но догадался — раскрашенная жестянка-тотем.

Отец в больничных шлепанцах вышел из ванной, распростер руки, демонстрируя новый наряд.

— Смотрите-ка, идеально сидит.

— Ну, еще бы.

Джек покосился на Аню, которая отводила глаза. Какова ее роль во всем происходящем? Не права ли уборщица? Не внесла ли старушка вклад в чудесное воскрешение папы? Очень странно, хотя он уже привык к странностям.

— Готовы? — спросил отец. — Поехали!

На обратном пути к Вратам — Джек за рулем, отец рядом на переднем сиденье, Аня с Ирвингом позади — он изложил все, что знал об аварии, включая анонимный звонок в полицию, сделанный, кажется, до происшествия.

— Хотелось бы вспомнить, — вздохнул Том. — Помню, как выехал из дома, проехал через центральный шлагбаум, и все. Что было по дороге... почему-то не могу припомнить.

— Называется ретроградная амнезия, — объяснил Джек. — Не возвращаются воспоминания о событиях перед аварией. Вполне возможно, мозг их со временем выдаст.

Отец пристально посмотрел на него:

— Откуда тебе столько об этом известно?

Ух ты!

— Слышал нечто вроде лекции. Очень интересно.

Лекцию читал док Харгес. Джек однажды замертво расшибся, упав с пожарной лестницы. Оклемавшись настолько, чтоб добраться до Харгеса, зашившего рану на голове, он никак не мог вспомнить, что вообще делал на пожарной лестнице. Доктор рассказывал о посттравматической потере памяти, антеградной и ретроградной. В конце концов через несколько дней вспомнилось, как он там очутился. И кто его оттуда толкнул.

— Ну, надюсь, скоро выплывет. А насчет предупреждения, сделанного до аварии... — Отец покачал головой. — Невозможно. Придется забыть. У кого-то часы не в порядке. Единственное объяснение. Разве не Шерлок Холмс говорил: «Исключи невозможное, и останется истина, пусть даже самая невероятная».

Джек сотню раз это слышал.

— Да, наверно.

Впрочем, последние несколько месяцев жизни продемонстрировали, что исключить невозможное не так просто, как он раньше думал.

Когда машина остановилась в тупичке, отец, не слушая протестов сына, понес Анины покупки к ее дому. Там они с ней расстались, пообещав зайти на коктейль.

Том первым вошел в переднюю комнату.

— Наверно, надо бы сказать, господи, как приятно вернуться домой. А я не могу. Не один день пролежал в больнице, а кажется, будто вышел отсюда пару часов назад.

Он опустился в шезлонг, глядя куда-то вдаль. Наблюдая за ним, Джек понял, что он чем-то испуган. Никогда не видел, даже не представлял папу испуганным. Нельзя оставлять его в таком состоянии.

— Я пробуду еще несколько дней, — сказал он. — Если не возражаешь.

Отец посмотрел на него:

— Ты? Ведешь себя как член семьи? Что стряслось?

Видимо, на лице сына отразилась реакция на язвительный вопрос, ибо тон отца вдруг смягчился.

— Извини. Зря я это сказал. Рад твоему приезду. Даже не представляешь, как рад. Просто...

— Что?

— Почему тебя не было на похоронах Кейт? Мне до сих пор не верится, что ты не приехал.

— Не мог.

— Черт побери! Сто, двести человек собрались, матери с детьми, которых она вылечила, те, кого она малышами лечила, своих детей привезли. Чужие явились на похороны, а родной брат не мог. Она очень многим в жизни помогала, а тебе осо-

бенно, Джек. Растила, кормила тебя, одевала, пела колыбельную на ночь. Только что не дралась с матерью, чтобы с тобой понянчиться.

— Знаю, — шелшул Джек с перехваченным горлом. — Неужели ты думаешь, я не приехал бы, если б нашлась хоть какая-нибудь возможность?

— Почему ж не нашлась?

Как объяснить, что на похоронах, кроме прочих, присутствовали агенты ФБР, сотрудники Бюро по контролю за продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия, без конца шелкая фотоаппаратами. В связи с обстоятельствами смерти Кейт, с событиями, которые к этому привели и были с этим связаны, засели с телеобъективами вокруг похоронной конторы и кладбища. Джек их заметил в тот самый момент, когда собирался свернуть на стоянку у похоронной конторы. И проехал мимо. Нельзя, чтобы его сфотографировали и припилили снимок к стене с вопросительным знаком. Не хочется даже слышать, тем более отвечать на вопрос, кто он такой.

— Просто... никакой возможности не было.

— Почему? Ты в тюрьме сидел? В больнице лежал без сознания? Такие объяснения я бы понял. А прочие...

— Я там был. Не мог прийти на похороны, а потом на могилу ходил.

— Если ходил потом, то почему не раньше?

Джек вспомнил, как злился, видя у похоронной конторы агентов. Впрочем, к злости примешивалось виноватое облегчение. Их присутствие означало, что ему не придется встречаться лицом к лицу с детьми сестры, бывшим мужем, собственным отцом. Последние дни жизни Кейт поставили слишком много вопросов, а ей не хотелось, чтоб близкие знали ответы, поэтому он не мог ничего рассказать. А главное — в каком-то смысле чувствовал себя виноват-

тым в ее смерти. Держал сестру в объятиях, истекавшую кровью, не выпускал холодевшую руку...

— И пока длился этот кошмар, — продолжал отец, — все без конца приставали, появится ли давно пропавший Джек, я уверял, конечно, тем более что она недавно за тобой ухаживала во время болезни...

— Ты знаешь?

— Она звонила Рону в последний вечер перед смертью... рассказывала. По-прежнему заботилась о тебе, хотя ты уже вырос. — Глаза его наполнились слезами. — В прошлом году на Пасхальной неделе приезжала с Кевином и Лиззи. Не думал, что в последний раз ее вижу живой. Сам хотел к ней поехать в июле. Вместо этого отправился на похороны. — Голос чуть не сорвался в рыдание. — Мне ее не хватает, Джек. Даже когда сюда переехал, мы с ней разговаривали... Перезванивались раза по три в неделю.

Джек шагнул, протянул руку к плечу старика, колебался — не сбросит ли? — переборол сомнения, легонько стиснул костлявое плечо.

— Кейт была замечательной личностью, папа. Ты всегда можешь ею гордиться. Она делает вам с мамой честь.

Отец посмотрел на него:

— Конечно... Кейт была замечательная. А вы с Томом... кстати, где он?

Джек вспомнил: надо позвонить брату, поставить в известность, что папа вышел из комы. Не похоже, чтобы он особенно беспокоился. Сам пока не звонит, не расспрашивает.

— Не смог приехать. Занят в Филадельфии какими-то юридическими делами.

Отец покачал головой:

— Отговорки. Том вечно занят делами, да мы ведь все знаем, кто в его жизни стоит на первом

месте. И ты... сбежавший сын. Наверно, вы оба тоже делаете нам с мамой честь.

Горькие слова. Вероятно, он прав. Джек снял было с плеча руку, но отец удержал ее и пожал.

— Прости, Джек. Мне надо было высказаться. Это с самых похорон меня гложет. А поскольку ты не перезваниваешь...

— Правда, извини, пожалуйста. — Опять не знаешь, что сказать.

— ...камень так и лежал на душе. До сих пор не понимаю, видно, никогда не пойму. Ты от меня все скрываешь. А я почему-то надеюсь, что расскажешь когда-нибудь настоящую правду. — Он выпустил его руку, хлопнул себя по ляжкам. — До тех пор покончим с этой темой. Она меня угнетает.

Он минуту посидел в молчании, Джек стоял рядом с креслом, пытаясь найти слова. И не нашел. Отец встал, направился на кухню.

— Пива выпью. Будешь?

— Думаешь, тебе можно? Ты еще утром был в коме...

— Будешь или нет? — оборвал он его.

Не можешь отговорить — присоединяйся, решил Джек.

— Ладно, давай.

Том открыл холодильник, вытащил янтарную бутылку.

— Это что такое?

— «Айбор». Я тут наткнулся на такое флоридское пиво.

Отец сурово взглянул на него:

— Въехал ко мне в дом, пока я лежал запертво?

— Аня сказала, что тебе хотелось бы этого.

— Неужели?

Скачки от дружелюбия к враждебности начинали действовать на нервы.

— Слушай, если хочешь, я переселюсь...

— Не хочу даже слушать.

Он откупорил две бутылки, передал одну сыну. Чокнулись.

— Не будем поминать старое? — предложил Джек. Пока, по крайней мере.

— Не всегда так просто, как кажется, но я выпью за это. — Отец сделал глоток, взглянул на этикетку. — «Айбор Голд»? Мне нравится.

Джек сделал долгий глоток.

— Угу. Только следовало бы назвать его «Голдфингер»¹. Можно было бы нарисовать на этикетке коварного злодея. Здорово бы получилось.

Том вытаращил на него глаза:

— Как тебе это в голову только приходит? Знаешь, я всегда боялся, что бесконечные страшилки, которые ты смотрел в детстве, превратят тебя в какое-нибудь чудовище. Теперь вижу, так оно и есть. Могу поклясться.

— Я и лирических фильмов кучу пересмотрел, пап, а лириком не стал. Видел сотню, тысячу комедий, они не сделали из меня комика. В разговорном жанре не работаю, никто не назвал бы меня душой общества, уверяю тебя.

Отец рассмеялся впервые с тех пор, как очнулся от комы. Хороший знак.

8

Они просидели в передней комнате минут двадцать, попивая пиво, беседуя, потом отец задремал в шезлонге. Джек сначала забеспокоился, что он вновь погрузился в беспамятство, встряхнул за пле-

¹ «Г о л д ф и н г е р» — фильм из эпопеи о Джеймсе Бонде.

чо, тот отреагировал. Тогда он его оставил и вышел из дома.

Заметил сквозь дневную дымку Карла, работавшего за три дома отсюда. Увидев Джека, он заторопился к нему по высохшей траве. Из правого рукава торчала маленькая садовая лопата.

— Слышал про твоего отца, — сверкнул он желтой улыбкой. — Очень рад, что с ним все в порядке. Панорамно!

— Как?

— Да мне просто слово нравится, — пожал Карл плечами. — Так или иначе, здорово, что он очнулся.

— Спасибо. Он сейчас спит.

— Хорошо, хорошо, в самом деле. Видно, список панорамней не станет.

Позабыл бы он это самое слово!

— Какой список? — спросил Джек.

— Список жителей Врат, умерших раньше времени... Конечно, тут не про всякого можно сказать «раньше времени». Зал ожидания при похоронной конторе, вот что это такое.

— Не понял.

— У нас тут в последнее время куча ни на что не похожих смертей.

В душе у Джека что-то дрогнуло.

— Например? Наедет машина и скроется?

— Нет, ничего подобного. Я имею в виду по-настоящему странные случаи. Скажем, перед Рождеством на миссис Боргер напал десяток пеликанов. Заклевали до смерти. Говорят, один клюнул в шею, кровь рекой полилась. Всю жизнь живу во Флориде и никогда не слышал, чтобы хоть один пеликан на кого-то напал. Потом в марте мистера Лео всего пауки искусили. Бурые отшельники. — Карл передернулся. — Если б я когда-нибудь участвовал в

«Факторе страха», то вот от кого убежал бы. Док Харрис сказал, что они не кусаются, да поди ж ты. Бедный старик умер в больнице.

— Господи!

— В июне мистер Нойснер попал в целое гнездо коралловых змей. Еще один мертвец. Если подумать, твой папаша единственный вышел живым из больницы после несчастного случая. По-моему, добрый знак.

— Будем надеяться.

— Интересно насчет мистера Нойснера и коралловых змей. У нас тут есть поговорка: «желтый рядом с красным — до смерти опасно».

— Что это значит?

— Ну, бывают коралловые змеи с красными, желтыми и черными полосами, ядовитые, как не знаю что. А еще есть алый уж и алый королевский уж точно с такими же полосами, но совсем безобидные. Отличаются по порядку полос.

— То есть при встрече стой рядом, разглядывая полосы?

— Ну да. Если желтая полоса рядом с красной, значит, коралловая змея. Если нет — все в порядке. Не умрешь, даже если укусит.

— Я парень городской, — заметил Джек. — Увижу змею, полосатую или простую — бегу.

Гораздо предпочтительнее иметь дело со змеями в людском обличье, чем с безногими.

— Только дело-то в том, — продолжал садовник, — что я видел одну из тех змей, на которых наступил мистер Нойснер. Насчет других не знаю, а у нее рядом с красной не было желтой полосы. Не должна была быть ядовитой, а оказалась. — Он потрянул головой. — Даже страшно становится, когда то, чему точно верил, оказывается неправдой.

Можешь мне не рассказывать, мысленно буркнул Джек. В последнее время с изнанки многих беспрекословных истин выскакивают булавки.

— Целое гнездо, говоришь? Прямо здесь, во Вратах? Откуда? Все кругом выстрижено, вычищено...

— Я и сам не пойму. Каждую неделю прохожу то самое место с косилкой, никогда змеиноного гнезда не видел. По-моему, просто свернулись там ночью в клубок и лежали, пока мистер Нойснер не вышел на утреннюю прогулку. — Карл бросил взгляд в сторону Эверглейдс. — Почти как бы...

— Что?

— Почти как бы его поджидали.

Джек опять содрогнулся.

— Неужели действительно думаешь?

— Просто показалось.

— Мне тоже одна мысль пришла в голову, — сказал Джек, еще сильнее передернувшись. — Декабрь, март, июнь... каждые три месяца с кем-то что-то случается. А через три месяца после июня наступает...

— Сентябрь, — подсказал Карл. — Это ты отца имеешь в виду? Только другие-то умерли тут, во Вратах, вроде как бы естественно... от птиц, змей, пауков. А твоего отца машина сбила, и не во Вратах.

Однако регулярность фатальных несчастных случаев среди жителей Врат с постоянным трехмесячным интервалом обеспокоила Джека. Тем более что папа едва не стал очередной жертвой в конце цикла.

Определенно что-то происходит, хотя, черт возьми, это никак не месть обиженных Эверглейдс.

К несчастью, возможно, за происходящим стоит нечто менее материальное, но гораздо более реальное.

Том проснулся, огляделся. Где Джек? Или сын ему только приснился? Может, кома — тоже сон.

Тут Джек вошел в переднюю комнату, и его охватили смешанные чувства: радость, что блудный сын вернулся, пускай всего на несколько дней, и огорчение, что авария и кома были на самом деле.

— А, — сказал Джек, — проснулся. Маловато поспал.

— Короткий сон самый лучший. После него тебя не шатает, как пьяного.

Джек пошел на кухню.

— Еще пива выпью. Хочешь?

— Нет, спасибо. Сам пей.

Глядя, как он откупоривает бутылку «Айбор Голд», Том видел, до чего сын похож на мать. Темные волосы и глаза Джейн, те же грациозные скупые движения.

Он больше года не видел младшего сына, после теннисного матча, на который уговорил его прошлым летом. Джек изменился за это время. С виду старше не кажется, а взгляд другой. Не преследующий, а преследуемый. Его преследует мысль о смерти Кейт? Или что-то другое? Чувство вины, может быть. Что ж, он *должен* себя чувствовать виноватым, не явившись на похороны. Чертовски виноватым.

Не знаешь, что и думать о младшем сыне. Том стремился с ним сблизиться. Специально проводил время с Джеком, пока тот рос. Незапланированное дитя. У них уже был сын и дочка, вполне довольно. Джек неожиданно появился на свет через восемь лет после Кейт, когда у родителей уже не было таких сил, какие тратились на старших. Но очень хотелось приручить мальчишку, поэтому Том нарочно стался.

Не прошло и года после гибели Джейн, как Джек исчез. Однажды позвонил домой, сказал, все в порядке, велел не беспокоиться, и больше ничего. Меньше чем за год Том потерял жену и одного сына. Никогда даже не представлял себе таких бед. Мир рухнул.

Сначала он винил себя в бегстве сына — чего-то не сделал, где-то ошибся. Потом понял: такой уж у Джека характер, он должен был исчезнуть.

В мальчишке рано проявилась сообразительность, он был способнее Томми и Кейт, но старался держаться особняком, одиночкой. Неплохо учился, хотя, по общему утверждению учителей, постаравшись, добился бы больших успехов. Его все время упрекали в школе в отсутствии прилежания и в том, что он «никогда не играет с другими».

Будучи прирожденным атлетом, Джек не увлекался спортом, по крайней мере командным. Отнюдь не по собственному желанию, а по отцовскому настоянию занялся в колледже легкой атлетикой, хотя, бегая кросс, состязался не столько с командой противника, сколько с собой и с дистанцией. Два года состоял в команде пловцов. Оба вида спорта для одиночек.

Даже впервые взявшись за летнюю работу, выбрал стрижку газонов, которая делается в одиночку. Взял семейную газонокосилку, самостоятельно принялся за дело. В колледже требовалось больше денег, поэтому он нанялся в помощники к местному садовнику-декоратору.

Больше всего любил читать фантастику — покупал каждую книжку с чудовищем или космическим кораблем на обложке, — смотреть старые фантастические фильмы, страшилки.

Том за него беспокоился, уговаривал чаще бывать в компаниях. Чудесная суббота! Пошел бы ты в парк

да побегал с мячом. Джек неохотно садился на велосипед, нажимал на педали. Потом, проезжая по городу, Том видел велосипед на цепи у колонки за кинотеатром, где днем по субботам крутили двухсерийные фильмы ужасов.

Он тогда беспокоился и сейчас беспокоится. Насколько ему известно, Джек зарабатывает на жизнь наладкой электроприборов. При редких встречах за пятнадцать последних лет, которые можно пересчитать по пальцам одной руки, Том, расспрашивая, как дела, неизменно получал уклончивые ответы. Возможно, Джек чувствовал отцовское разочарование. В самой по себе профессии ничего нет плохого, миру необходимы люди, способные налаживать технические и электронные приспособления, без которых немыслима современная жизнь. Хорошо. Но он ждал большего от своего сына. Джек три с половиной года проучился в колледже, не используя полученных знаний. Что будет делать, когда ослабнет зрение, руки от артрита распухнут? Надеется на схему Понци¹, именуемую социальным страхованием? Лучше не надо.

Самое огорчительное, что Джек не пустил корней, не завел связей, плывет по течению. Не совсем неудачник, однако...

В чем дело? Почему он так секретничает, когда дело касается его жизни? Разумеется, каждый имеет право на личную тайну, но на самом деле почти кажется, будто Джек что-то скрывает...

В этом году Том набрался храбрости, спросил, может, он гей? Джек с искренним смехом заверил, что любит только женщин. Похоже на правду. Нечего отрицать, он почувствовал облегчение. Впро-

¹ С х е м а П о н ц и — финансовая пирамида, впервые построенная итальянским эмигрантом в 1920-х гг.

чем, если бы сын сказал «да», постарался бы с этим смириться. Хорошо, что не возникло подобной необходимости.

Если дело не в этом, то в чем? Может, он пристрастился к наркотикам? Хуже того, торгует? Том взмолился — только не это — и почему-то понял, что нет.

Пожалуй, больше всего его угнетает, что Джек не воспользовался полученным образованием. Том высоко ценит образование. Сам бился за него смертным боем.

Он мысленно вернулся в собственное детство. Родился во время Великой депрессии в семье фермера-овощевода под Кэмденом, который и до экономической катастрофы, и после еле сводил концы с концами. У них всегда была хотя бы еда на столе, пусть даже только собственноручно собранные овощи.

Отец Тома застал Первую мировую войну, к началу Второй был уже староват для призыва, что не остановило его от попытки записаться в добровольцы, услышав, что японцы натворили в Пёрл-Харбор. Том в то время страшно боялся вскоре увидеть бешено бегущие по американским улицам орды желтолицых людей. Читал в конце тридцатых в позаимствованных у школьного приятеля журналах «Оперейтор-5» многочисленные сценарии подобного развития событий.

Отца в добровольцы не взяли, японцы не ступили ногой на землю Северной Америки. Страхи оказались напрасными.

Когда Тому стукнуло восемнадцать, денег на колледж не было. Он хорошо закончил среднюю школу, однако не настолько, чтобы получить стипендию. Поэтому пошел в армию. Время было мирное, армия казалась вполне надежным местом: заработаешь немного денег, по возможности накопишь, может, мир

между делом посмотришь. Самое главное — она дает шанс выбраться с фермы.

Через год он действительно повидал мир. Отправился в Японию, потом в Южную Корею, участвуя в «полицейской операции» ООН. Прошел с боями от солнечного Сеула до ледяных гор Северной Кореи, где стал очевидцем смертоносных налетов красных китайцев. С тех пор много лет просыпался в поту, содрогаясь от воспоминаний. Кошмары, по крайней мере, снились ему живому, в отличие от многих сослуживцев, вернувшихся домой в гробах.

В Штатах нашел дневную работу, поступил в вечернюю школу, воспользовавшись «солдатским биллем о правах»¹, получил диплом бухгалтера, а вскоре и квалификацию ревизора. Начал работать в фирме «Прайс уотерхаус», где и прослужил до конца. Сумел обеспечить жену и детей всем, чего ему не мог дать отец. Самое главное — дал детям высшее образование. Том-младший и милая Кейт отлично им воспользовались. В результате в семье появились юрист и врач.

А Джек...

Объект его раздумий сел в кресло напротив.

— Папа, можно тебя кое о чем спросить?

— Ну конечно.

— Как ты в такое время оказался на проселочной дороге?

Том едва не ответил, что это его не касается, но прикусил язык. Надо спрятать гнев, забыть прошлое, радоваться настоящему.

Получится ли? Следует постараться.

— Просто ехал. Плохо сплю в последнее время. Лежу в постели с закрытыми глазами, а сон не идет.

¹ «Солдатский билль о правах» — ряд законов об обеспечении демобилизованных солдат, которые, в частности, предусматривают оплату образования.

Говорят, не можешь заснуть, не лежи, поэтому решил проехаться.

— И что делал?

— Да ничего. Много раз останавливался, сидел на капоте, на небо смотрел. Не поверишь, Джек, ночью можно колесить по тем самым дорогам и ни души не встретить. Останавливаешь машину, выключаешь фары, выходишь, над головой звезды, каких я никогда не видел, только в детстве в Джерси, воздух такой чистый, что Млечный Путь виден. Дух захватывает.

— Всегда едешь одной дорогой?

— Почти. Не так-то тут много дорог на выбор.

— Значит, маршрут постоянный.

— Наверно. Почему ты спрашиваешь?

Джек сделал глоток из бутылки.

— Пытаюсь сложить вместе кое-какие кусочки. Если там никто не ездит, ты останавливаешься перед знаками «стоп»?

— Разумеется. Может быть, смысла нет, но... Наверно, по привычке. Вдобавок я никуда не еду, поэтому не тороплюсь.

— Копы думают, будто ты проскочил знак и на тебя налетела машина, мчавшаяся по Южной дороге. Какая-то большая машина.

Том покачал головой:

— Хотелось бы вспомнить.

Его бесконечно мучил выпавший кусок жизни — важный кусок, из-за которого он несколько дней пролежал в коме. Немного... нет, сильно пугало, что не вспоминаются никакие детали. Именно поэтому он не мог оставаться в больнице. Если уж суждено, лучше жить в темноте и неведении о случившемся здесь, в знакомой обстановке, где он чувствует себя хозяином, распоряжается собственной жизнью. По крайней мере, думает, будто распоряжается, пусть даже это иллюзорное ощущение.

— Помнишь женщину, на которую в прошлом году напали пеликаны?

— Конечно. Адель Боргер. Жуткое дело. Я слышал, она шла с двумя другими женщинами, на которых пеликаны не обратили внимания. На нее одну набросились. Говорят, в клочки разорвали.

— А мужчину, которого ужалили змеи?

— Эд Нойснер. Кто тебе о них рассказывал?

— Карл, садовник.

Том не сдержал улыбки.

— Телеграф, телефон. Собирает во Вратах все сплетни. В голове не особенно яркая лампочка, но человек хороший, работник усердный. Хотя бывают у него дикие идеи. Он уже знакомил тебя с теорией обозлившихся Эверглейдс?

— Угу, — кивнул Джек. — Возможно, не так уж далеко от истины. Еще кого-то пауки закусали...

— Джо Лео... И что?

— Никто в этих смертях ничего общего не заметил? Скажем, что между всеми случаями промежутков в три месяца.

— Нет. — Действительно? Промежуток в три месяца? — Никому даже в голову не пришло. С чего бы? Простое совпадение.

— Не видишь, что несчастный случай с тобой укладывается в ту же картину?

Боже милостивый, и правда. Мышцы спины скрутил спазм, но всего на секунду. Совпадение, и больше ничего быть не может.

Том натужно улыбнулся:

— Вот чем ты занимаешься в свободное время — изобретаешь заговоры?

— Фактически да. — Джек пристально смотрел на него.

— Только, пожалуйста, не рассказывай, что веришь в НЛО.

— С инопланетянами? Нет, пожалуй. А с верой в совпадения пришлось расстаться.

Его удивил мрачный тон сына.

— Что это значит?

— Ничего, — покачал головой Джек. — Может, начитался лишнего. На минуту возникла безумная мысль, что заправляющие Вратами шишки убирают самых здоровых и крепких жителей, возвращая себе их дома.

— Мысль в самом деле безумная.

— Уже понял, — вздохнул он, — тем более что дома остаются супругам. Исчез мотив для сценария.

— Но... — пробормотал Том, у которого по спине сильнее забегали мурашки, — Адель была вдовой, а Джо с Эдом вдовцами.

— Господи Иисусе, — охнул Джек, и они уставились друг на друга.

10

В мысленном представлении, глядя хотя бы одним накрытым раковиной глазом, Семели мчалась прыжками, подскакивая на фут-другой от земли. Перед лицом мелькали пучки меч-травы, потом она плюхнулась в мелкий пруд, вновь нырнула в траву. Продвижение давалось тяжелей прежнего. Каждый год в сентябре она — верней, Дьявол — продельвала весь путь под водой. Теперь дело другое. Тем не менее засуха не мешала ей направлять Дьявола туда, куда нужно.

Труднее по другой причине: приходится прокладывать путь, отыскивать вехи всего одним глазом.

Наконец, искомая заводь. Уровень воды упал, хоть не так низко, как в прочих местах. Скользну-

ли над водой, глубоко нырнули. Дьявол видел под водой отлично, лучше всякого человека, и вскоре нашел вход в туннель.

Проникли в темную дыру, столь темную, что даже глаза Дьявола не справлялись. Давным-давно при сотворении этой земли под действием каких-то неведомых сил в известняке образовался туннель. Ширина позволяла проплыть Дьяволу, хоть и с трудом. Действуя вслепую, Семели на развилке туннеля направила Дьявола влево.

Казалось, прошла целая вечность; со временем над головой забрезжил свет. Дьявол рванулся вперед. Она чувствовала, как он изголодался, однако придержала, замедлила ход, остановила в нескольких футах от поверхности, потом позволила медленно всплыть, высунув только глаза и кончик носа. Шагавшая в пруду цапля взлетела. Умная птица. Пока Дьявол дышал ноздрями, Семели сосредоточилась на доме старика.

Встретившись нынче в городе с его сыном лицом к лицу, жаждала его снова увидеть. Чувствовала, что между ними щелкнул какой-то контакт. Чудо. Судьба. Несомненно.

Стала следить за домом глазами лягушки, поджидая его возвращения, и пережила настоящее потрясение, видя, как он подъезжает со старой каргой из соседнего дома и со *своим отцом*! От ужаса чуть раковину не уронила, но потом опомнилась. Поняла — что-то ей помогает, большое, могучее, может быть, сами Глейдс руководят событиями. Старика теперь легче достать, чем в больнице. Дом в пределах досягаемости.

И она привела к дому Дьявола, чтоб нанести удар. Дело надо закончить. А оно связано именно со стариком. Он должен быть принесен в жертву и умереть до прихода огней.

В награду со смертью отца исчезнут все преграды между ней и сыном. По велению судьбы они сойдутся.

Семели наблюдала за передней дверью. Когда же старик выйдет? Вообще выйдет ли?.. Может быть, долго придется ждать.

Послышались голоса. Хорошо, что ушки у аллигатора на макушке, прямо над глазами, иначе не расслышала бы. Дьявол всплеснул хвостом, развернулся по направлению к голосам, и...

Семели заморгала, вытаращив собственные, а не Дьяволовы глаза. Вот они: старик в неслыханно жуткой гавайской рубашке сидит вместе с сыном в переднем дворе у соседки. Замечательно, даже не верится.

Она заставила Дьявола нырнуть на дно, снова направила к дальнему берегу. Он должен разогнаться как следует, на полной скорости выскочить из воды, кинуться прямо на старика. Гигантский аллигатор голоден, нельзя позволять ему отвлекаться на прочих — на костлявую старуху, тем паче на сына. Им надо управлять. А это нелегко: когда Дьявол разинет пасть, она перед собой ничего не увидит. Вдобавок эта самая пасть от природы устроена так, что, как только что-нибудь касается нижней челюсти, обе захлопываются медвежьим капканом. Значит, следует направлять его точно, чтоб на пути ничего не попало, ни предметы, ни животные, ни люди.

Когда Дьявол вцепится в старика, хватки зубов ничто не ослабит. По ее приказу он уволочет его на дно пруда. В узком туннеле не пройти с добычей, поэтому можно позволить Дьяволу перекусить под водой перед обратной дорогой в лагуну.

В противоположном конце пруда они снова выглянули. Да... вон они, выпивают, беседуют... если чуть правей повернуться, можно выстрелить прямо в старого пьяницу. Нырнем, чтобы мощный хвост

изнес Дьявола из воды на землю. Старик не поймет, кто нанес удар. А Семели наконец доделает дело, которое другой ночью должны были сделать Люк с Дьяволом.

11

Том смотрел на закат. Они с Аней часто сидели, смотрели. Не каждый вечер, но все-таки это стало традицией. Он был в своей любимой рубашке с изображением извержения Мауна-Лоа¹ на спине, откуда на грудь вытекал поток ярко-оранжевой лавы. Аня, как всегда, потягивала вино. Он принес несколько бутылок пива. Нередко захватывал металлический шейкер для коктейлей, ставил в ведро со льдом, однако запасы «Сапфира» существенно сократились. Может быть, Джек приложился?

Джек позвонил брату, сообщил, что папа очнулся, потом передал ему трубку. Старший сын силился изобразить непомерную радость, хотя разговаривал отсутствующим тоном. Заверил, что у него все прекрасно, но Том-старший почувствовал, что его что-то тревожит.

Неужели оба сына что-то скрывают?

Джек тоже пошел смотреть на закат; Тому стало известно, что и вчера вечером он сидел с Аней.

Кажется, в самом деле друг с другом поладили. Том почувствовал легкий укол... чего?.. Ревности? Просто смех. Ему нравится Аня, он ее любит — по-братски. Никакого сексуального влечения. Подруга, доверенное лицо, собутыльница. Можно поговорить, поделиться секретами. Она выслушивала его рассуждения, жалобы на своевольных детей, утешала, когда он ры-

¹ Мауна-Лоа — действующий вулкан на Гавайях.

дал, получив известие о смерти Кейт. Любые его сексуальные нужды, которые вроде бы возникают все реже, с лихвой удовлетворяет парочка озабоченных местных вдов. Им не требуются долгосрочные отношения — вообще понятие чужеродное во Вратах, — ему тоже. Дело подогревает «виагра», но главное удовольствие доставляет возня, объятия, ощущение, что ты не один в постели.

Том включил приемник на батарееках, который всегда носил с собой, но вместо обычной тихой музыки из динамика раздался треск.

— Что за черт? — Проверил настройку — стоит на нужной волне. — Что случилось?

— Сменили диапазон, пока ты в больнице был, милый, — объяснила Аня.

— Быть не может!

— К сожалению, так. Сочувствую.

Он выключил приемник.

— Что в мире творится? Раньше я видел, как женщины передо мной в машинах подкрашивают ресницы, причесываются, глядя в зеркало заднего обзора, теперь мужчины с себя глаз не сводят, прихорашиваются. Господи помилуй, все катится к черту в кошелку.

— Угу, — подтвердил Джек, — причем на ней наверняка стоит фирменный знак «Фенди» или «Гуччи».

— Очень смешно. — Том ткнул пальцем в футболку сына. — На себя посмотри, «Хилфигер» во всю грудь. Продали тебе рубашку да еще превратили в ходячую рекламу своей продукции. Самим следовало бы приплачивать за то, что ты в ней ходишь.

— Так уж устроен мир, папа, — заключил Джек. — Все так делают.

— И поэтому это правильно? Ты-то сам с каких пор не хочешь от других отличаться?

— Долгая история, пап.

— Не сомневаюсь.

Что со мной, думал Том. Чего я ворчу, как сварливый старик?

Черт возьми, улыбнулся он про себя, я и *есть* сварливый старик. Впрочем, из ума не выжил, нет...

Анин пес залаял на воду, стоя на краю пруда. Ненормальная собачонка. Несколько секунд назад там была белая цапля, теперь улетела, видно испугалась. Ничего не видно, кроме тихой воды.

Тут раздались другие звуки. Все задребезжало, застучало вокруг. Самодельные безделушки — раскрашенные жестянки на палках среди эльфов с кошельками, кроликов и фламинго — тряслись, громыхали. Странно... ветра нет.

Пес лаял все громче, визгливее.

— Что это с ним? — спросил Том у Ани. — Он почти никогда не лает.

— Должно быть, чувствует что-то необычное, — объяснила она. — Ирвинг! Отойди отсюда и прекрати лай. У меня уже мигрень. Иди сюда...

Вода вдруг всплеснулась, и что-то огромное с ревом выскочило из пруда. Том выронил пиво, застыв на мгновение в шоке. Что за чертовщина? Сначала увидел широко распахнутые челюсти с кинжальными зубами, нежно-розовую оболочку пасти, дрожащий внутри длинный острый язык чуть темнее, потом разглядел чешуйчатые темно-зеленые лапы и толстый виляющий хвост позади.

Аллигатор, крупнее любого другого когда-либо виденного в крокодильих заповедниках, бежал прямо к ним.

Между ним и Томом стоял только Анин чихуахуа. Песик секунду держался на месте, потом с лаем бросился на аллигатора. Сокрушительные челюсти подцепили его и закрылись щелчком.

— Ирвинг! — крикнула Аня.

— Будь я проклят! — воскликнул Джек, вскакивая и хватаясь за поясицу.

Не замедляя бега, аллигатор сделал один конвульсивный глоток, пес исчез, как проглоченный пирожок.

Чудовище по-прежнему несло вперед. Том начал подниматься, поскользнулся на траве, неожиданно вновь упал в кресло. Прежде чем аллигатор опять открыл челюсти, он успел мельком заметить на голове за большими коричневыми глазами с вертикальными зрачками два чешуйчатых нароста, тоже серо-зеленых, как тело, каждый длиной дюймов шесть. Похоже на рога.

В груди у него екнуло... в этом аллигаторе что-то знакомое. Что? Разве можно позабыть подобную тварь?

Упав вместе с креслом на землю, он перевернулся, принялся вставать на ноги. Слышал, как Джек бормочет проклятия, видел, как он выдернул руку из-под рубашки, схватил свой стул за спинку, выставлял перед собой вперед ножками, словно щит, и, к ужасу Тома, быстрыми кошачьими прыжками выскочил между ним и аллигатором.

— Папа, назад!

Том вскочил, повернулся к дому, Джек остался на месте лицом к лицу с аллигатором.

— Джек! Аня! — закричал Том. — В дом бегите!

— Не волнуйся, — ответила Аня.

Он оглянулся, видя, что она по-прежнему сидит в шезлонге. Выпрямилась, не прислоняясь к спинке, но так и держит в руке бокал вина.

— Аня, вставай! — крикнул он.

Она бросила на него непонятный взгляд с непонятым выражением на лице, голос звучал спокойно, почти сурово.

— Здесь ничто на свете не причинит вам вреда.

— Скажите это Ирвингу, — посоветовал Джек, пятась от набегавшего аллигатора, но прикрывая от него отца и Аню.

Храбрость вставшего на их защиту сына изумила Тома. Он встречал таких ребят в армии — к сожалению, большинства из них давно нет на свете, — но практически не видел ничего подобного в современном мире, где каждый сам за себя.

И вдруг — невозможно поверить — аллигатор остановился. Только что на всех парах мчался и словно на стенку наткнулся. Замер на границе изумрудного газона и коричневой травы, типичной для Врат, закрыл пасть, завертел головой, как бы сбитый с толку. Снова сунулся, пытаясь пересечь границу, и сразу отступил, свернул влево, побрел в поисках прохода вдоль зеленой черты, потряхивая длинным хвостом. Том заметил что-то торчащее из правого бока, прищурился в меркнувшем свете, разглядел лишнюю ногу, кажется рудиментарную: она не двигалась, не касалась земли, просто висела.

Когда аллигатор развернулся, направился в другую сторону, стало видно, что и из левого бока торчит рудиментарная лапа. Самое удивительное, что он не может ступить на Анин газон... Дичь какая-то!

Тут Тому пришло в голову, что ситуация может измениться. Будь у него ружье...

— Вызывайте полицию, — крикнул он, — охрану! Пускай его прогонят или убьют, пока он никого не убил!

— Нет необходимости, — ответила из шезлонга Аня. — Он скоро уйдет.

Аллигатор прекратил расхаживать, взрвел, затряс головой, завилял хвостом по сторонам, ничего не понимая, снова рыкнул, на этот раз как бы от боли, повалился на бок, на спину, болтая в воздухе лапами. С очередным утробным рычанием перевер-

нулся, встал на ноги, но не продолжил атаку, медленно и неуверенно направляясь обратно к пруду. Глядя вслед, Том увидел на левом боку вздувшуюся прямо перед рудиментарной ногой шишку размером с кулак. Шишка росла, пульсировала.

Аллигатор снова взревел, шишка лопнула, брызнула кровью, пустив алые струйки по серо-зеленой чешуе. В отверстии шевельнулось что-то красное, с длинным носом. Отверстие расширилось и...

— Господи помилуй! — крикнул Джек. — Ирвинг!

Боже, действительно! Маленький чихуахуа прогрыз бок аллигатора, выскользнул из отверстия, как новорожденный младенец. Сначала вылезла передняя половина, потом задняя. Пес приземлился на четыре лапы, встряхнулся, принялся гавкать на отступавшего аллигатора, погнался за ним, покусывая за хвост, пока тот не плюхнулся в воду, скрывшись в глубине.

Пес нырнул следом, описал небольшой круг, окуная голову, вылез, смыв с себя кровь, отряхнулся в подобии эпилептического припадка и засеменил к Ане, виляя хвостом, высоко держа маленькую головку, сверкая черными глазами. Гордый и очень довольный собой.

— Хороший мальчик, — похвалила Аня, похлопав себя по колену. — Иди к маме.

— Что это... — с истерической ноткой расхохотался Джек. — Что это такое... Немыслимо! Абсолютно... — голос его стих до шепота, — невозможно.

Он пристально смотрел на Аню, а она на него. Надо бы выяснить, что между ними происходит, но Том не мог говорить. Лучше сесть. Он быстро поднял кресло и рухнул в него, тяжело дыша сжавшейся грудью.

Вспомнил, где раньше видел чешуйчатого аллигатора.

Семели сбросила с глаза раковину, упала на пол, схватившись за левый бок, как копьем проткнутый. Никогда в жизни не испытывала такой боли.

— Больно, Люк! Ох, боже, как больно...

Он наклонился, протянул к ней руки, отдернул.

— Что случилось? В чем дело?

— Не знаю... — Боль уже отпустила. — Не знаю, как это могло случиться, только Дьявол ранен. Серьезно.

— Со стариком покончено?

— Нет. Невозможно добраться.

— Он ранил Дьявола? — спросил Люк, судя по тону не веря собственным словам.

— Нет-нет. Произошло то же самое, что в больнице, но в десять раз хуже. Пытаясь переступить черту, я чувствовала, что меня сейчас стошнит или разорвет на части... Не смогла провести Дьявола. — Собственно, не смогла себя заставить пересечь границу. — Потом бок Дьявола как бы пронзили кинжалом... изнутри.

— Сын старика?

— Не думаю. Это было перед домом старухи соседки. Наверняка она нам мешает.

— Что будем делать?

— Не знаю. Потом подумаю. Надо сначала Дьявола домой отвести. Ему очень больно, он не знает дороги. Я должна его проводить.

Семели посмотрела на раковину. Как только прижмешь к глазу, вновь почувствуешь боль. Но это необходимо. Нельзя бросать Дьявола. Надо вернуть его в нору, пусть спокойно лежит, выздоравливает.

Как костлявой карге удалось пробить его стальную броню?

Неизвестно, но обязательно выяснится. А когда выяснится, старуха расплатится за Дьявола. Суке будет точно так же больно. Может быть, даже больнее.

13

— Пала, тебе плохо?

Том, сидевший в кресле, открыл глаза. Сын озабоченно смотрел на него.

Вид у меня, наверно, чертовски поганый, подумал он, попытался ответить, но сумел лишь покачать головой, обливаясь потом.

— Сердце?

— Нет. — Наконец вернулся дар речи. — Не сердце. Голова. Вспомнил, что было в понедельник ночью.

— То есть во вторник утром?

— Когда произошла авария. Там... был тот самый аллигатор.

— Тот самый? — переспросил Джек.

— Думаешь, я бы забыл рога и лишние ноги?

Аня наблюдала за ним из шезлонга.

— Сколько раз я тебе говорила, не выходи ночью из дому.

— Даже не сосчитать. — Том вздохнул. — Надо было слушаться.

Джек сел напротив него на свой стул.

— Какое отношение аллигатор имеет к несчастному случаю? Или не имеет?

— Имеет. Теперь помню. Я ехал к югу по Пембертон, не спеша...

Некуда было спешить, поездка не имела цели, время не подгоняло теплой, хоть не по сезону прохладной ночью. В такую прохладу вполне можно ехать с

открытыми окнами, не думая о москитах, которым не по силам даже столь невысокая скорость. Помнится шорох покрывшек на дороге, мягкий ветерок в машине, смешанные запахи: резкий дух меч-травы, изголодавшейся по воде, сладкие ароматы цветущих кустов вдоль дороги.

— ...подъехал к знаку «стоп» у Южной, замедлил ход, остановился... ну, может быть, не совсем, но практически затормозил. Выехал на перекресток, снял ногу с тормоза и, не успев снова нажать на газ, увидел, как передо мной что-то выползло на дорогу. Я изо всех сил ударил по тормозам, встал посреди перекрестка как вкопанный.

— Аллигатор? — уточнил Джек. — Тот, которого мы только что видели?

Том кивнул:

— Никаких сомнений. Дальше нельзя было ехать. Препятствие такого размера — футов двадцать длиной — не объедешь. Да и не хотелось, по правде сказать. В машине я себя чувствовал в безопасности, особенно когда поднял стекла. Он не нападал, просто смотрел. Я включил верхние фары, чтоб лучше было видно, и, наверно заглядевшись на рогатого аллигатора, не услышал грузовика, пока он на меня практически не налетел. К тому же у меня окна были закрыты, а у него фары выключены.

— Обожди, — сказал Джек. — Шофер вел грузовик без фар в темноте? Даже без ходовых огней?

— Без всего. Я услышал справа шум, оглянулся, вижу — темная громада мчится на меня с запада, уже почти налстает. Не успел среагировать... или просто в шоке замер. Так или иначе, не мог убрать с пути, и он меня здорово стукнул. Видно было, как в правое переднее крыло врезался большой бампер, потом грузовик шарахнулся в сторону, будто... не знаю... Бог его отшвырнул. Я головой ударился,

в глазах потемнело. Сколько времени прошло, не помню. Очнулся в тумане, в облаке пара... наверно, из разбитого радиатора.

— Ты разглядел грузовик? Скажи, пожалуйста, это, случайно, не старый красный пикап?

Том отрицательно покачал головой:

— Нет. Большой грузовик в хорошем состоянии. По крайней мере, бампер, который в меня врезался, крепкий, как стенка, блестящий, хромированный. Почему ты решил, что пикап?

— Просто подумал. — Джек почему-то был недоволен.

— Наезд — не самое страшное. Дальше было хуже. Лежу я с тошнотой, с болью, обливаясь кровью, не в силах пошевелиться, но живой, благодаря пристегнутому ремню безопасности, слышу приближавшиеся голоса. Помню, кто-то бешено ругался, мол, слишком сильно стукнули, вдруг убили? Потом дверца распахнулась, я чуть не вывалился из машины. Кто-то говорит: «Смотри! Он шевелится. Благодарю Бога, что живой остался!»

— Похоже, тебя сбили намеренно.

— Конечно. — Том, сдержав дрожь, посмотрел на Аню, которая бесстрастно наблюдала за ним с нейтральным выражением на лице.

— Ты уверен? — переспросил Джек. — Почему...

— По тому, что дальше было. Они расстегнули ремень, вытащили меня, бросили на дорогу. Обращались, по-моему, дьявольски грубо, зная, что у меня спина может быть сломана. Тут я увидел большой грузовик, стоявший на обочине Южной дороги.

— Стой, — опять перебил Джек. — Грузовик стоял? По утверждению полиции, он после наезда скрылся с места происшествия.

— Действительно, только не сразу. Дашь договорить?

— Конечно, просто хочется, чтобы все в голове улеглось.

— Забудь пока про грузовик. Аллигатор пополз ко мне, и я понял, что это конец. Точно не могу сказать, может быть, показалось, что его поманили вытаскившие меня мужчины. Как будто хотели, чтоб он меня съел... убил... — На этот раз не удалось удержаться от содрогания. — Он был от меня и десяти футов, когда послышалась сирена. Мигалки я не видел, но слышал, как мужчины осыпают проклятиями полицейскую машину, удивляются, откуда она тут взялась, и так далее.

— Офицер Эрнандес, — кивнул Джек.

— Ты его знаешь?

— Встречались. Помнишь, я рассказывал, что за двадцать минут до аварии в полицию сообщили по телефону о несчастном случае? — Он взглянул на Аню, не добившись реакции. — Он поехал разбираться на место. Похоже, тот звонок спас тебе жизнь.

Какая-то бессмыслица, думал Том. Кто мог знать об аварии до аварии? Тем не менее какая-то сирена выла на дороге.

— Не знаю, кто это ехал. Знаю лишь, что сирена спугнула мужчин, они заговорили с аллигатором, как с человеком. Один крикнул: «Коп едет! Прячься. Встретимся в лагуне!» Потом оба бросились к грузовику.

— Ты их разглядел? — спросил Джек. — У одного голова исковеркана?

— Голова? Почему...

— *Ничего* необычного не заметил? — быстро спрашивал он.

— Нет. Не помню. Не сводил глаз с аллигатора, который уползал с дороги в траву, а они тем временем уж почти добежали.

— А грузовик помнишь? Какой модели? Полуфургон, фургон?

— По-моему, полуфургон... без обычного прямоугольного кузова. Кузов особый, в каком возят гравий или еще что-нибудь.

— Никаких эмблем, надписей?

— Не видел, света не было, кроме луны и звезд... — Что-то мелькнуло в памяти.

— Что? — Джек придвинулся ближе.

— Кажется... на задней стенке что-то вроде цветка, сплошь черного. По крайней мере, в лунном свете выглядел черным. Потом помню вспыхнувший свет, и больше ничего, пока нынче утром не пришел в себя.

Внезапная мысль ударила, как... наехавший грузовик. Том посмотрел на Джека, на Аню.

— Меня кто-то хотел убить.

— Не обязательно, — возразил Джек. — Судя по замечанию «благодари Бога, что живой остался», они тебя убить *не хотели*.

Видно было, что Джек не верит ни единому своему слову, просто хочет его успокоить. Не вышло.

— Машину *хотели* сбить. И по-моему, хотели скормить меня аллигатору.

— Может быть, просто ты оказался в неудачное время в неудачном месте.

Тоже не помогло. Кто-то, несомненно, хочет его убить.

От этой мысли Тому стало плохо. В Корее его хотели убить северные корейцы и красные китайцы, но тогда шла война, этого следовало ожидать. А здесь Флорида, где он прожил чуть больше года. Завел много новых друзей и не может поверить, что нажил врага.

Тем не менее его кто-то пытался убить.

Том вдруг почувствовал себя мишенью на Аниной лужайке. Лучше сидеть в четырех стенах. Он уверенно поднялся с кресла:

— Пожалуй, домой пойду.

— Как ты? — спросил Джек.

— Ничего. Все в порядке. Пойду лягу. Извини, Аня.

— Иди, Том, — сказала она, сидя в шезлонге с мокрым псом, свернувшимся в клубок у нее на коленях. — Тебе надо отдохнуть.

— Я с тобой, — вызвался Джек.

— Ни к чему. Найду дорогу.

— Не в том дело, — ответил сын, вставая и беря его под руку. — Пошли. Я тебя провожу. Понимаю, как ты себя чувствуешь.

Нет, не понимаешь, подумал Том. И, надеюсь, никогда не поймешь.

Хороший мальчик Джек. Впрочем, не мальчик — мужчина, и очень отважный. Бросился между злобным аллигатором и стариками с одним легоньким стульчиком вместо оружия. Только не понимает, что значит страх перед тем, кто жаждет твоей смерти. Это хуже войны. Том всей душой надеялся, что его сыновьям никогда не придется идти на войну и узнать такой страх. Теперь с этим покончено. Оба были слишком молоды для Вьетнама, а в Заливе воевали добровольческие отряды.

— Постой, — оглянулся он. — Надо позвонить в полицию или в природоохранный контроль...

— Зачем? — спросила Аня.

— Предупредить, что в нашем пруду чудовищный аллигатор.

Она махнула рукой:

— Не волнуйся. Он исчез и, по-моему, вряд ли вернется после нынешнего приема.

— Как он мог исчезнуть? — любопытствовал Джек.

— Через подземный туннель, который ведет из пруда в Эверглейде.

— Правда? — удивился Том. — Я не знал.

Джек внимательно посмотрел на нее:

— А вы откуда знаете, Аня?

— Я здесь давно, — пожала она плечами. — Было время узнать кое-что.

Том заметил, что Джек снова к ней пригляделся, махнул рукой:

— Нам надо поговорить.

Она подняла бокал.

— Я здесь посижу.

Обмен репликами озадачил Тома. Как только они вошли в дом, он обратился к Джеку:

— Зачем тебе это надо?

— Что?

— Разговаривать с Аней. О чем? Что это означает?

— У меня к ней несколько вопросов.

— Каких?

— Разных. Я тебе потом расскажу.

Почему-то не особенно верится... Что между ними происходит? Том собрался было поднажать, но Джек схватил с телефонной тумбочки блокнот и ручку.

— Кое-что вдруг пришло в голову. Назови мне фамилии троих погибших людей.

— Зачем? — Он сразу сам понял. — Ох, нет. Неужели ты думаешь...

— Я не знаю, что думать, пап. Когда мы говорили об этом, Карл верно заметил, что других убили птицы, пауки, змеи, а ты, попав в автомобильную аварию, не укладываешься в картину. Но если ты все правильно вспомнил, то стал бы не жертвой

поезда скрывшегося грузовика, а был бы съеден аллигатором. Это *укладывается* в картину.

Том покачал головой:

— Ты недавно намекал, будто бы во Вратах осуществляется коварный план по возврату недвижимости. Теперь на что намекаешь? Разве можно заставить птиц, змей на кого-то напасть?

Джек посмотрел на него:

— Разве можно заставить напасть аллигатора? Дважды. Папа, он направлялся к тебе. Нацелился на тебя, словно стрела из лука.

Том хотел — пытался — возразить и не мог. Сын прав. Открытая пасть целилась прямо в него.

— Дичь какая-то, — пробормотал он. Причем самое дикое то, что аллигатор остановился на краю Аниного газона. Он вдруг почувствовал себя слишком усталым, чтобы сейчас об этом раздумывать. Есть еще один более важный вопрос. — Почему на меня?

— Вот это я и намерен выяснить, — сказал Джек.

Том заметил сверкнувшую в его глазах ярость. Никак не ожидал увидеть в своем сыне-наладчике огонь, пыл, решимость...

...и что-то еще. Кажется, будто Джек уже знает ответ, знает хотя бы, где его искать. Тоже невероятно. Он тут и двух дней не пробыл.

— Диктуй фамилии, — велел тот, поднося ручку к бумаге.

14

Папа пожелал доброй ночи, ушел к себе в спальню. Послышался шум воды в душе, бормотание телевизора за закрытой дверью. Может быть, смотрит, может быть, дремлет перед экраном.

Джек с большим удовольствием остался в одиночестве. Есть время подумать. Вытащил из холодильника пиво, зашагал по передней комнате, пережевывая случившееся и едва не случившееся. Он был без оружия. Ну и что? Пошел к соседке поболтать и выпить на закате. Кому нужно оружие?

В другой раз будет умнее. Если другой раз настанет. Несколько выстрелов между глаз и в открытую пасть остановили бы аллигатора. Почти наверняка.

Пистолет не потребовался — аллигатор не смог переступить границу Аниного двора.

Он успел привыкнуть к сверхъестественным явлениям, однако...

Кто или, того хуже, *что* способно держать под контролем жизнь здешней дикой природы? Кругом написано крупными буквами — *Иное*. Несомненно, Иное отняло у него Кейт, покусилось на Джиа и Вики, на еще не родившегося младенца. Теперь ринулось на отца?

Джиа и Вики...

Джек вытащил сотовый телефон, набрал номер. Она обрадовалась, что отец вышел из комы, он придержал другие детали, включая две неудачные атаки аллигатора, предупредил, что задержится на несколько дней, пока не убедится, что с папой все в порядке.

К телефону подскочила Вики с просьбой привезти ей маленького аллигатора. Джек содрогнулся, но пообещал постараться поймать. Только маленького.

Опять заговорила Джиа. Чувствует себя хорошо, младенец вроде толкается, хотя точно не скажешь. На Саттон-сквер тихо-спокойно.

Обменявшись признаниями в любви и пожеланиями спокойной ночи, Джек разъединился и снова позвонил в Манхэттен. На этот раз Эйбу.

Услыхав голос в трубке, сказал:

— Привет, это я.

За его мобильным «тракфоном» проследить невозможно, но Бюро по контролю над продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия всегда может заинтересоваться Эйбом в связи с незаконной торговлей оружием и установить прослушивание. Ради всеобщей безопасности он никогда не произносит ни своего, ни прочих имен, даже самого Эйба не называет по имени.

— Добрый вечер. Как отпуск проводишь?

— Можно бы и получше. Знаешь, думал развешаться во время турнира. Не вышло. Противники гораздо сильнее, чем ожидалось.

— Правда? Насколько я помню, ты не ждал особой конкуренции.

— Представь, оказалось, ошибся. Дело вот в чем. Мне нужна хорошая дополнительная экипировка. Точней, новые теннисные костюмы. Большого размера.

— Какого?

— Самого большого. На слона.

— На слона?

— На мастодонта. И пожалуй, несколько ракеток.

— Какой-нибудь особой модели?

— Сам выбери. С красивыми наклейками и гораздо прочнее моих.

— Значит, против тебя выступает могучий игрок?

— Да. Сегодня впервые вышел на корт. По-моему, лучших приемов еще не демонстрировал, поэтому хочу подготовиться.

— Правильно. Пришлю чудесную коллекцию ракеток на выбор. Может, струны еще положить про запас, на случай, если лопнут?

— Конечно. Чем больше, чем лучше. Ты же знаешь, как у меня рвутся струны.

— Еще бы. Больше ничего?

— Теннисные мячи.

— Мячи? Не понимаю. Разве там нельзя купить теннисные мячи?

— Такие, как у тебя, всегда новые — нет. Обязательно пришли желтые. Светло-желтые.

— Светло-желтые...

В тоне Эйба послышалась неуверенность.

— Да, светло-желтые. Цвета моего любимого фрукта.

— Лимона?

— Нет, старик, ананаса. Помнишь, как я люблю ананасы?

— Ну конечно. Как можно забыть! Хорошо, посмотрю, найдутся ли на складе. Сколько прислать?

— Дай подумать... Надо запастись. Пожалуй, десяток.

— Десяток? Видно, много у тебя будет матчей.

— Надеюсь, что нет. Чем больше играешь, тем больше шансов получить травму. Предпочитаю играть без ушибов и растяжений, однако наперед не угадаешь. Лучше подстраховаться, правда?

— Безусловно. Прислать на тот адрес, что ты мне оставил?

— На тот самый. И поскорей, хорошо? Кто знает, с кем я завтра буду встречаться.

— Прямо сейчас упакую, вечером отправлю. Со спецкурьером. Если ничего не случится, завтра днем получишь.

— Отлично. Запиши за мной, расплачусь по возвращении. Я твой должник.

— Припишу к сумме долга.

— Давай. Ох, кстати, я тут девчонку тебе приглядел. Старушка, которая может стать задушевной подружкой.

— С каких пор ты стал сводником?

— Просто стараюсь скрасить тебе жизнь, дружище.

— Ладно. Сейчас я тебе прочишу мозги. Первый вопрос: скорей толстая или скорей худая?

— Олив Ойл рядом с ней — чемпион по сумо.

— Извините, не интересуюсь. Мне нужна женщина в теле, полная, чтобы мы рядом не напоминали толстого и тонкого, которая не покосится на лишний намазанный сливочным сыром рогалик, а предложит другой, даже, может быть, третий. Для чего мне женщина без аппетита?

— Ладно. Я ведь только предложил.

— Найди пампушку, тогда побеседуем. Возвращаясь к теннису: будь осторожен. Смотри под ноги. Чуть оступишься — вылетишь из игры.

— Сушая правда. Потом поговорим.

— Не пропадай. Сообщай счет.

— Непременно.

Джек с улыбкой разъединился — улыбка погасла при взгляде на отцовскую спальню. Он тихонько стукнул в дверь, не получил ответа, приоткрыл, заглянул. Папа лежал в постели, тихонько похрапывал с пультом дистанционного управления в руке, с включенным погодным каналом.

Джек повернулся, направился к парадной двери. Пора нанести визит мисс Манди. Получить ответы на несколько вопросов. Черт возьми, у него куча вопросов, и на некоторые у нее наверняка есть ответы.

15

В переднем саду у Ани было пусто. Мебель стояла на своих местах, а она с Ирвингом исчезла. Равно как бокалы, вино, пиво, которое принесли Джек с отцом.

Он постучал в дверь. Аня, в другом пестром кимоно с плывущими на плоской груди красочными

китайскими лодками-сампанами, открыла почти сразу.

— Вернулся? Значит, с отцом все в порядке.

— Пережил потрясение, но, по-моему, ничего. Надо поговорить.

— Если хочешь. — Она посторонилась. — Входи. Джек вошел в оранжерею.

— Пиво я поставила в холодильник, чтобы не согрелось, — объяснила Аня по дороге на кухню. — Будешь?

— Нет, спасибо. Я не затем пришел.

Она остановилась у кухонного буфета, где стояли в ожидании бутылки вина, пустой бокал рядом с наполовину полным. Не изящные бокалы для кларета, а огромные стеклянные шары вместимостью в восемь—десять унций. Наполнила оба, один протянула.

— Попробуй. Итальянское. «Вальполичелла».

— Правда не хочется. Я...

Она посмотрела ему в глаза:

— Не люблю разговаривать с теми, кто отказывается со мной выпить.

Джек, пожав плечами, принял бокал, пригубил. Приходилось делать кое-что похуже, чтоб кого-нибудь разговорить.

— Неплохо. — Ну, теперь она довольна? — Можно задать вам несколько вопросов?

— Если угодно. — Аня села на диван, над которым висели растения, лозы, закурила, принялась тасовать карточную колоду. Указала ему на шезлонг: — Садись. Хочешь спросить о русской женщине с эскимосской лайкой-маламутом?

У него отвисла челюсть.

— Я... я...

— Об индианке с немецкой овчаркой? О той, что советовала держаться подальше от дома в Астории, что ты глупо проигнорировал.

— Откуда вы знаете? — пробормотал Джек, обретая дар речи.

Она выпустила струю дыма, начиная раскладывать на столике классический пасьянс.

— Случайно догадалась.

— Я с июня наталкиваюсь на женщин, которым слишком много известно... На женщин с собаками. Вы третья. Две — еще не правило, а три...

— Не волнуйся. Тебе нечего их опасаться. Меня тоже.

Он глубоко вдохнул и выдохнул. Надеялся на зашифрованное, на уклончивые ответы. Прямота, подтвердившая подозрения, полностью сбила с толку.

Джек хлебнул вина. Может, поэтому Аня настаивала на выпивке.

— Кто вы такие?

Она разложила карты, начала игру, открывая их звучными короткими шелчками.

— Да, собственно, никто.

— Не верю. Слишком много знаете. В июне во время болезни ко мне пришла русская дама, — он мысленно увидел ее: волосы цвета соли с перцем, серый спортивный костюм для пробежек, крупная белая лайка-маламут, — и начала толковать о войне, в которой я будто бы принимаю участие. «Идет война, ты — боец», — объявила она. Не помню, прямо высказалась или нет, только наверняка имела в виду так называемое Иное...

Аня оставила карты, глядя на него.

— Об Ином ты к тому времени уже слышал.

— Угу.

Хотя лучше б не слышал. Впервые услышал в этом году, как ни странно, на конференции, посвященной разоблачению заговоров. И с тех пор уже как бы не распоряжался собственной жизнью.

Услышал, что две колоссальные непостижимые космические силы вечно ведут войну. Борьба идет за все миры, измерения, за само бытие. Земля с человечеством в глухом уголке Вселенной — малая пешка на игровой доске, не имеющая большого значения. Но чтобы объявить себя победителем, надо завладеть всем до последней крохи. На одной стороне стоит нечто враждебное людям. Эта стихия, сущность, сила не имеет названия. Те, кто знает о ее существовании, испокон веку зовут ее «Иное». Если победит Иное, Земля превратится в гиблое место для любой известной формы жизни. К счастью, она пока находится под опекой другой стороны, которую именуют Союзником. Не совсем точно, насколько можно судить. Эта сила не дружелюбная, а просто враждебная врагу человечества. Самое большее, чего Земля от нее может ждать, — милостивое пренебрежение.

— В ту минуту я принял русскую женщину за лихорадочный бред, но потом она вновь появилась и предупредила...

— Что совпадений в твоей жизни больше не будет.

Джек кивнул. От такого предупреждения до сих пор мороз прохватывает. Катастрофический смысл.

— Она была права?

Аня вернулась к игре, передвигая на столике карты, выкладывая на базу тузы и двойки.

— Боюсь, да, милый.

— Значит, кто-то руководит моей жизнью. Зачем?

— Затем, что ты принимаешь участие.

— Не по своей воле.

— Воля в таких делах не имеет значения.

— Ну, если кто-то или что-то видит во мне своего знаменосца, пусть еще раз хорошенько подумает.

— Ты не знаменосец. Пока.

Уже легче. Немного.

А кто?

Аня увлеклась раскладкой. Джек невольно обратил внимание, как ловко карты ложатся на столик.

— У тебя был предшественник, — объявила она. — Тот же самый, что у Близнецов. Не забыл Близнецов?

Перед глазами Джека мелькнули двое мужчин в одинаковых черных костюмах и темных очках, с идентичными бесстрастными бледными лицами.

— Разве можно забыть?

— Им предстояло заменить предшественника. А когда ты отправил их...

— Не оставалось особого выбора. Либо они, либо я. Я потом попытался помочь, но они отказались.

— Они сделали свое дело, однако с их исчезновением образовалась брешь. Которую ты должен заполнить.

— Вы же сказали, еще кто-то есть?

Аня кивнула, положив на столик последнюю карту. Все открылись. Пасьянс сошелся. Не трудясь перекладывать карты на базу, она собрала колоду, перетасовала.

— Есть. Мужчина из мужчин. Только он уже стар и может умереть, прежде чем снова понадобится.

— Снова?

— Он давно сражается на стороне Союзника.

— Сколько лет?

— *Очень* давно. Так давно, что ты не поверишь. Теперь его дни сочтены. После многовековой службы Союзнику — по-моему, слишком долгой, да кто прислушивается к старухе — его освободили. Впрочем, кажется, преждевременно. Несмотря на возраст, он может еще пригодиться. А если не доживет до того дня... — Она взглянула Джеку в глаза.

— Тогда я?

— Тогда ты.

Против всякой вероятности Джек поверил. С усилием прогнал мрачные мысли. Может быть, этот день никогда не наступит. Или к тому времени *он сам* умрет от старости.

Ладно. Он ведь пришел к Ане не ради себя — ради папы.

— Иное причастно к несчастному случаю с папой?

Аня кивнула, закончила тасовать, начала раскладывать другой пасьянс.

— И Союзник тоже, хоть скрытно.

— Вы с подругами, как я догадываюсь, стоите на стороне Союзника?

— Нет, — покачала она головой. — Я противница Иного, но не сторонница Союзника.

— На *чьей* же вы стороне?

— На *твоей*.

— Если я связан с Союзником, значит...

Аня раздраженно поморщилась и прервала игру.

— Я говорю, что не стою на стороне Союзника. Я сказала, что стою на *твоей* стороне. Значит, ты действуешь отдельно и независимо от Союзника.

— Почему?

— Потому что Союзник бывает таким же безжалостным, как Иное. Он противостоит Иному по собственным соображениям, ни одно из которых не связано с нашим благополучием и безопасностью. Использует в борьбе с Иным тебя и любого другого, не заботясь о том, что с тобой будет. Процветание человечества не входит в его планы. А в мои входит.

— Почему? Что вам до этого?

Аня вновь принялась перекладывать карты на столе.

— То же, что и тебе. Мы все в одной лодке на этой планете. Земля и есть лодка, если подумать. Люди заслуживают освобождения от обеих агрессивных сил. На нашей планете, в нашем уголке мироздания оби-

ниют разумные существа, поэтому она играет в борьбе столь важную роль. Это не просто собственность, которую можно выиграть, проиграть, обменять по собственному желанию. Если она должна достаться одному из двух, я предпочла бы Союзника, чем Иное. Хотя зачем кому-нибудь доставаться? Почему не избавиться от обоих?

— Согласен, — кивнул Джек, откинувшись на спинку стула, стараясь разобраться в ее словах, в их смысле. — Однако из всего вами сказанного следует... что тут замешана и третья сила?

— Пожалуй.

— В том числе вы... и те женщины?..

— Получается так.

— Разве можно соперничать с двумя другими участниками?

— Я обязана.

— Но *кто* вы такая? Откуда?

— Мы отовсюду. Повсюду, кругом. Ты нас просто не замечаешь.

Джек затряс головой, разгоняя туман. Не хотелось сейчас разбираться. Без того трудно верить в сценарий космического перетягивания каната, а теперь выясняется, что в потасовке участвует третья сила или всегда участвовала, да никто ему не рассказывал. В любом случае потом можно об этом подумать. Сейчас надо сосредоточиться на отце.

— А папа тут при чем? Почему...

В голове возникла леденящая мысль. Что Аня сказала в первый день в больничной палате?

Поверь, малыш, ты многого не знаешь о своем отце.

— Ох, нет! Неужели тот самый «предшественник» — мой отец?

— Том? — расхохоталась Аня. — Что за бред! Думаешь, будто в волшебной сказке живешь? Это надо ж такое придумать!

— Вы фактически не говорите «нет».

— Хорошо. Хочешь услышать «нет»? Пожалуйста — нет. Твой отец не имеет непосредственного отношения ни к Союзнику, ни к Иному. Никогда не имел и никогда не будет иметь.

Она вновь рассмеялась и вернулась к картам.

Джек тоже вынужден был улыбнуться. Ладно, мысль, конечно, смешная. Перо бывает сильнее меча, но бухгалтер в роли защитника человечества от Иного? Безумная идея.

И все-таки... был момент...

— Вы сказали, непосредственного отношения не имеет. А *косвенное*?

— Разумеется. Разве не видно?

— Потому, что он мой отец?

— Кровный родственник, — кивнула Аня.

Джек закрыл глаза. Вот что он подозревал, чего боялся.

— Значит... аллигатора прислало Иное.

— Прислало? Нет, это чья-то чужая инициатива. Могу подтвердить — эту тварь породило Иное, но специально или случайно, трудно сказать.

— Почему? Вы ведь все знаете.

— Я не все знаю, малыш. Иначе мы с тобой поставили бы Иное и Союзника собирать чемоданы.

— Я почему-то не могу отделаться от ощущения, что вы что-то скрываете. Не все знаете? Хорошо. Всего никто не знает. Но почему не расскажете *все*, что знаете?

— Потому что порой предпочтительно узнавать самому. Впрочем, могу рассказать о связи Иного с тем самым аллигатором.

Джек развалился на стуле, хлебнул вина.

— Внимательно слушаю.

— Он появился на свет вблизи от узловой точки.

— Что это такое?

— Совершенно особое место. В разных местах темного шара завеса между нашим миром и Иным утончается. А иногда разрывается в точке, где к нам слегка, ненадолго просачивается Иное. Существа редко проникают с той стороны. А влияние — дело другое.

— Я, кажется, догадываюсь, где находятся такие точки, — вставил Джек. — В Вашингтоне, округ Колумбия... Скажем, возле Капитолийского холма или Белого дома...

Аня улыбнулась, собирая карты. Пасьянс опять сошелся.

— Боюсь, действия этих мошенников не объяснить подобной причиной, малыш. Одна точка находится неподалеку отсюда, а другая поблизости от вашего старого дома.

— Где? — Он почему-то не удивился.

— В лесных пустошах Нью-Джерси. В местечке под названием Рейзебэк-Хилл.

Прошлой весной Джек отправился в пустоши и чуть там навсегда не остался.

— Должно быть, очень хорошо спрятана. Я имею в виду, кто-нибудь уже наткнулся бы.

— В лесных пустошах есть места, где не ступала нога человека. Даже если б ступала, узловые точки открываются только дважды в год, в дни равноденствия. Хотя косвенное влияние постоянно заметно.

— Например?

— По мутациям. Во время равноденствия что-то просачивается с другой стороны, изменяя клетки живых существ — растений, животных, деревьев... людей.

— Кто-то должен обратить внимание!

Аня покачала головой:

— Узловые точки расположены в безлюдных местах.

— Очень удачно.

— Да нет. Все правильно, если припомнить, что протечки случаются сотни лет и люди рядом с точками тревожно себя чувствуют. Не точки возникают в местах, откуда ушли люди. Ровно наоборот: люди — в большинстве своем — инстинктивно бегут от точек.

Узловые точки... мутации... рогатый людоед-аллигатор...

— Узловая точка не здесь, а в болоте.

— Говорю тебе, не в болоте, а...

— В травяной реке. Правильно. Ладно. Я ведь все-таки прав, что узловая точка находится в Эверглейдс?

Аня кивнула:

— В лагуне, рядом с пригорком, поросшим деревьями.

— Откуда вам известно?

— Я уже говорила, милый, что живу здесь дольше, чем ты.

— Как долго?

— Вполне достаточно.

— Ну хорошо. — В Ане чувствовалось нечто вечное, наверняка она гораздо старше, чем кажется. Воспользовавшись моментом, Джек прямо спросил: — Сколько лет вы и другие женщины здесь живете?

— Интересуешься моим возрастом?

Она закурила другую сигарету, собрала карты. Очередной пасьянс сошелся. Третий подряд. Определенно, не просто удача. Либо фокус показывает, либо... Ну, бог с ней.

— Не хотите говорить — не надо. Может, снова индианку встречу, — он вспомнил оранжевое сари, длинную косу, немецкую овчарку, — у нее спрошу. Она молодо выглядит.

— Никогда не спрашивай женщин о возрасте, — рассмеялась Аня.

Подумав о других женщинах с собаками, Джек кое-что припомнил.

— Русская говорила о каком-то Противнике. Кто это? По ее словам, я с ним встречался.

Аня откинулась на спинку дивана, глядя на него.

— Встречался. Помнишь, я тебе рассказывала о старике, некогда защищавшем Союзника? И у Иного есть свой боец. Очень опасный. Древний. Не однажды его убивали, а он всякий раз возрождался.

— И я с ним встречался? Однако...

Он вдруг понял. Удивительный, странный мужчина, который впервые ему рассказал об Ином и в котором он заподозрил окончательного виновника смерти Кейт.

— Рома, — шепнул Джек. — Сол Рома. По крайней мере, так он мне представился. Потом оказалось, что это неправда.

— От него всегда жди неправды, кроме случаев, когда правда причиняет боль. Он черпает силы в чужих страданиях.

— Да. Ваша русская подруга тоже сказала: питается человеческим горем, бедами, раздорами. Кто же он на самом деле?

— Скорей *что*. Был таким же, как ты, человеком, теперь больше чем человек. Ему суждено стать совсем иным, только он пока не достиг этой стадии. Способен на то, о чем люди только мечтают, но все еще переживает процесс становления. Враги Иного зовут его «Противником», союзники — «Тем Самым».

— Зачем люди помогают Иному, зная, что оно с ними покончит?

— Разве людей можно понять? — передернула Аня плечами. — Одни, полные ненависти, согласны увидеть всеобщую гибель, другие надеются получить награду за приближение апокалипсиса, третьи доверчи-

во кушают бочки вранья, есть просто сумасшедшие... Противник издали ими руководит.

— А как его *зовут*?

— У него много обличей, много имен, только Истинным Именем он никогда не пользуется.

— Оно вам известно?

Аня кивнула:

— Тебе не скажу.

— Почему, черт возьми?

— Потому что он услышит. Не стоит привлекать к себе его внимание.

— Скажите! — вскричал Джек, чувствуя прилив гнева, зревшего в душе уже несколько месяцев. — У меня с ним свои счеты...

— Нет! — Аня подалась вперед, сверкая глазами. — Держись от него подальше! Ни в коем случае не связывайся. Если он пожелает, задует тебя, словно спичку.

— Это мы еще посмотрим. Назовите имя, об остальном я сам позабочусь.

— Как только прозвучит его имя, он явится сюда за мной.

— За вами? Зачем?

— Чтобы меня убить.

Джек был ошеломлен. Ответ звучал так прозаически, словно она давным-давно свыклась с угрозой, отчего дело выглядело тем более убедительным.

Неужели это правда? Если да, не стоит из нее вытягивать настоящее имя Ромы.

— Потому что вы против Иного?

— Больше того. Я вдобавок стою на пути — у *него* на пути.

Джек собрался спросить, каким образом маленькая старушка может стоять у кого-нибудь на пути, однако не забыл аллигатора, не сумевшего попасть

к ней во двор. Может быть, она вместе с другими точно так же удерживает Иное на гораздо более почетительном расстоянии.

Бабушка намного влиятельнее, чем кажется. Откуда у нее сила?

Не будем тратить время на расспросы. Она уже чертовски ясно дала понять, что не собирается разглашать кое-какие подробности о себе и о своих друзьях.

— Стоите на пути... к чему?

— К вратам в Иное. Пока он их открыть не может. До этого Противник еще не созрел. Если удастся, он преобразится, покончив с жизнью, реальностью, знакомым нам существованием. В начале этого года ему показалось, будто можно срезать путь. Ты очутился рядом...

— Откуда вы знаете? Одна из ваших подруг была свидетелем?

— И так можно сказать.

Джек вспомнил, как заглядывал в бездонную дыру, в бездну, мерцавшую необычным светом... в неуклонно расширявшуюся дыру, опасаясь, что она поглотит его вместе с миром.

— Противник тогда проиграл, — продолжала Аня, — так как действовал преждевременно. Отсюда мне стало ясно — он стремится скорее преобразиться. С тех пор вместе с приспешниками удвоил, утроил усилия, чтобы открыть врата. Но для достижения окончательного успеха должен меня убить или так искалечить, чтоб я больше не могла помешать.

Джек напрягся. Если Противник... Рома... Тот Самый... как его там, черт побери, столь силен, как утверждает Аня, значит, она в серьезной опасности. Несмотря на недавнее знакомство, он проникся к старушке искренней симпатией.

— Не зная, где вы находитесь, он ведь не может причинить вам вред?

— Может, — тряхнула она головой. — Постоянно причиняет боль.

— Каким образом?

Аня замерла, скривилась, со свистом втягивая воздух сквозь зубы, выгнула спину, протянула руку к правой лопатке. Ирвинг вскочил, начал гавкать.

— Видишь? — охнула она. — Даже сейчас снова сделал мне больно!

Джек вскочил, осмотрел ее спину.

— Что случилось?

— Ох! — Она быстро неглубоко дышала. — Ужасно! Ох, больно...

— Чем я могу помочь?

— Ничем. Пройдет.

Показалось, будто на кимоно на спине расплылось красное пятнышко — пятнышко красной крови, но на фоне красных сампанов точно не скажешь.

— Кровь течет?

Аня откинулась на спинку кресла.

— Все будет в порядке.

Цвет лица улучшился, дыхание пока не нормализовалось, но все-таки стало легче.

— Вызвать врача?

— Тут никакие врачи не помогут. Все будет хорошо. Не первый и не последний удар. Он продвигается все ближе к цели. У нас выдался необычный сезон, и он станет еще необычной.

— Черт возьми, Аня, скажите мне имя. Я с этим покончу.

— Нет, Джек. Твоими методами с ним не справиться.

— Как же нам его остановить?

Аня подняла глаза, Джек заметил в них страх.

Не знаю. Можно только надеяться на роковую ошибку с его стороны — знаешь, он не идеален — или на помощь Союзника. В любом другом случае не знаю, *можно* ли его остановить.

16

Боль отпустила, Аня потащила его провожать. Следовало бы остаться, но ей явно хотелось побыть одной.

Джек остановился среди безделушек на ее переднем дворе, глядя на всходящую луну, удивляясь переменам в собственной жизни с лета, после согласия на простую, с виду безопасную просьбу отыскать украденное ожерелье. С тех пор на него при каждом взгляде по сторонам обрушивается нечто новое, выхватывается рваный клочок из защитных покровов, разрушается привычный мир, в котором он прожил тридцать пять лет.

Год назад записал бы Аню в сумасшедшие. А теперь не записывает.

Заскочив в папин дом, заглянул в спальню — старик по-прежнему мирно спит, телевизор работает, — нашел отвертку и фонарик, которыми пользовался прошлой ночью, вышел и направился к клинике.

Несмотря на первый успех, нет никакой гарантии, что второй раз пройдет гладко. Джек с обычными предосторожностями крался к зданию, держась в кустах и высматривая патрули. Прodelав почти половину пути, спохватился, что забыл репеллент от moskitов, устроивших на руках и на шее круглосуточную закусочную, заказывая деликатесы на вынос.

Шлепая себя и почесываясь, прибавил шагу, добравшись до клиники быстрее, чем вчера. Снова поддел отверткой шпингалет, влез в окно, закрыл створ-

ку, убил пару впившихся в кожу москитов и принялся за дело.

Прошел прямо в архив, начал перебирать карты, захватив с собой список продиктованных папой фамилий, которые следовало проверить, хотя последнее обследование проходило давно.

Спускался вниз по алфавиту, поочередно вытаскивая нужные карты: Адель Боргер... Джозеф Лео... Эдвард Нойснер...

Все тут.

На сей раз не возникало сомнений насчет этической допустимости вторжения в частную жизнь. Раньше речь шла о папе, теперь не просто о чужих, но к тому же и о мертвых людях.

Зная уже, что и где надо искать, сразу заглядывал вниз последней страницы с данными полного медицинского обследования. Везде одно и то же: *окончательное заключение: состояние здоровья образцовое.*

По шее побежали мурашки. Кажется, не к добру жить одному пенсионеру в Южных Вратах, проходя обследование с развевающимися знаменами. В данных случаях это смертный приговор.

Картина очевидная: самые крепкие одинокие жители Южных Врат случайно умирают. Ранняя кончина означает, что менеджменту не приходится долгие годы ждать естественной смерти здоровых людей, получая возможность немедленно перепродать их дома.

Кто и зачем — вполне ясно, насчет *как* существует безумная мысль.

Интересно, замешан ли доктор. Вероятно, нет. По всему судя, честный стрелок.

Кроме того, как подтверждает практика, в карты можно заглянуть и без доктора. Есть способ попроще. Занимая официальное положение в Южных Вратах,

имея ключ от клиники, можно прийти вечером, выяснить, кто недавно проходил обследование, и сколько лучше угодно изучать их карты.

Джек решил завтра же поговорить по душам с директором Южных Врат Рамсеем Уэлдоном.

Пятница

1

Джек трусил по асфальтированной велосипедно-беговой дорожке, вьющейся среди сосен на восточных границах Южных Врат. Между стволами кружился редкий утренний туман, дорожку усыпали рано опавшие в засуху коричневые иголки. В воздухе стоял густой сосновый аромат.

Проснулся для разнообразия в тишине. Наверно, этим утром Карл косил чью-то другую высохшую траву. Папа только собирался вставать, поэтому он отправился на пробежку. Чересчур засиделся в последние дни, надо кровь разогнать. Думал проведать Аню, но было слишком рано. Завернет на обратном пути.

Бежал в футболке и спортивных трусах, начиная потеть; под широкими трусами надет кожаный пояс с маленькой кобурой для «глока-19», которая раздражала, болтаясь на бегу на пояснице, но здесь больше ни в коем случае нельзя выходить без оружия. Справа Южные Врата огораживал восьмифутовый забор из железной сетки, слева тянулось поле для гольфа в три пара¹. Заметил одинокую, смутно знакомую фигуру, согнувшуюся на пригорке с клюшкой, подбежав поближе, узнал Карла.

¹ П а р — в гольфе количество ударов по мячу, необходимое опытному игроку для проведения мяча в лунку.

Вильнул влево, направился к нему, стоявшему на траве возле лунки с торчавшей из правого рукава клюшкой. Считал его правой, но садовник стоял в левосторонней стойке.

Джек обождал, пока Карл ударит по мячу — обещавшему лунку по краю, — прежде чем заговорить.

— Когда это ты в гольф-клуб вступишь?

Карл вздрогнул, оглянулся:

— Ох, это ты! Опять меня испугал. Научись шуметь по сильнее, когда к людям подходишь.

— Извини, постараюсь. Скажи, пожалуйста, поймала твоя камера мисс Манди за поливом газона?

— Снова пустой номер, — ухмыльнулся парень. — Надеюсь, никогда не поймают. Готов продолжать это дело до конца года, пока док Денгров платит.

Джек взглянул на мячи, выстроившиеся в линию на траве перед Карлом в ожидании удара.

— Членство в гольф-клубе — одна из наград за работу?

Тот покачал головой:

— Никакой я не член. Играю только в свободное время по выходным, при условии, что никому не мешаю. С дальними ударами плоховато, счет на восемнадцать лунок просто панорамный, а закатывать мячики в лунку люблю. В общем, я неплохой игрок в миниатюрный гольф.

— Ну, еще бы. — Потрясающе, восхитительно. Джек махнул рукой, повернулся. — Побегу дальше. Удачи. Закатывай в лунки, сажай птичек в гнезда.

Но так никуда и не побежал. Замер на месте при виде курсирующего по проселочной дороге с другой стороны ограды красного помятого пикапа. Грузовичок притормозил — в Джека из-под козырька грязной кепки «Джон Дир» впились косые глаза — и вновь набрал скорость.

Потрясенный Джек оглянулся на Карла, намереваясь спросить, знает ли он, кто это такие, но все понял по болезненному выражению лица садовника, смотревшего вслед прыгавшему среди деревьев пикапу.

— Тебе эти ребята знакомы.

Карл, тяжело сглотнув, отвел глаза.

— Почему ты так думаешь?

— Вижу. Кто они такие?

— С ними никто не связывается. Сам не пожелаешь.

— Пожелаю. — Особенно после вчерашнего рассказа отца о происшествии. Джек сурово посмотрел на него. — Кто они, Карл?

Тот, похоже, собрался молотить чепуху, потом его плечи поникли, и он покачал головой:

— В Глейдс живут. На лесистом пригорке в лагуне.

— Я думал, там жить запрещается, кроме каких-нибудь местных индейцев.

— Тебе наверняка известно, что запрет далеко не всегда исполняется на самом деле.

Конечно, известно.

— Знаешь, где эта лагуна?

— Пожалуй, — кивнул садовник.

— Как мне туда добраться?

— Никак, если дороги не знаешь.

— Можешь показать по карте?

— Она на карте не отмечена. Хорошо спрятана.

— Откуда же ты знаешь, где она находится?

Карл потупил взгляд:

— Я там родился.

Джек не удивился. Видел, как выглядят седоки красного пикапа, догадывался, что с правой рукой Карла что-то не в порядке. Добавим рассказ Ани о мутациях в результате протечек Иного в узловой точке в Глейдс, и вывод очевиден.

Припомнились другие уродцы, встреченные раньше в этом году. Мелани Элер, Фрейн Кэнфилд приписывали свои увечья «прорыву Иного» в момент их зачатия. Наверняка с Карлом та же история.

— Ну тогда, — сказал он, — проводи меня.

Парень попятился, махнул рукой:

— Н-нет... ни за что. Я удрал оттуда много лет назад и больше никогда не вернусь.

— Да ведь если лагуны нет на карте, ты не можешь объяснить, где она, не хочешь проводить, как мне ее найти?

— Ни за что не найдешь. В том-то все и дело.

И как бы в знак того, что разговор закончен, он склонился над лункой, готовясь к удару. Стукнул по мячу — тот полетел далеко в сторону.

— У меня есть основательный повод считать, что они подстроили несчастный случай с отцом, собирались отдать его на съедение аллигатору, если б не помешала полиция.

Карл выпрямился и взглянул на него:

— Аллигатору? Тогда твой отец погиб бы точно так же, как другие, убитый болотной тварью.

— Ну, это не обычная болотная тварь. — Господи боже, подумал Джек, еще пара бесед с этим типом, и я заговорю его языком. — Гигантский аллигатор с какими-то рогами на голове.

Карл заметно передернулся:

— Дьявол. Никто другой, кроме Дьявола.

— Что за Дьявол?

— Огромный бешеный самец из лагуны. Только, скажи на милость, как им удалось перетащить его из болота?

— Не знаю. Но Дьявол выбирается. Вчера вечером посетил Врата.

— Не может быть!

— Может.

Джек кратко рассказал историю нападения, опустив чудесное спасение Ирвинга и остановку чудовища на границе двора, помня, что папа назвал садовника главным разносчиком сплетен.

— Я хочу посмотреть на лагуну, Карл. Уже встречался с ее обитателями, теперь хочу увидеть, где они живут.

— Встречался?

— Вчера в городе. И с женщиной с белыми волосами.

— Семели.

— Верно. Что ты о ней знаешь? Не страшнее, чем с виду?

— Точно не могу сказать. Я вышел из клана примерно...

— Ух ты! Неужели тут есть Ку-клуks-клан?

— Нет. Это мы себя так называем. Родня в каком-то смысле.

— Да? В каком?

Нормальный глаз Карла снова ушел в сторону.

— Конечно, не кровные родственники, просто все как бы в одном положении. Так или иначе, к ее появлению пару лет назад оставалось нас там человек двадцать, одних парней. Я все равно собирался уйти, принял ее приезд за знак свыше и наострил лыжи.

— За какой знак?

— После этого в клане у всех скоро крыша поехала. Я имею в виду, двадцать парней и одна женщина, вот в чем проблема.

— Вчера в городе они казались вполне здравомыслящими.

— Ну что ж, может быть. Я пару раз их издали видел. Мы всегда попрошайничали, а теперь они настоящие профессионалы. Держусь от них подальше... Честно говоря, у нас не очень-то хорошие отношения.

— Почему?

— Они вроде бы обозлились, что я ушел. Люк — можно сказать, вожак — обозвал меня предателем и всякое такое. Да только мне плевать. Хорошо, что ушел. Не хочу больше жить как они. Знаешь, словно цыгане. Живут в лодках, в старых индейских лагунгах на берегу, ни водопровода, ни электричества, ни телевизора... — Он покачал головой. — Люблю телик, старик. В любом случае хочу иметь свой дом, не спать вповалку с другими.

— Свою комнату, — пробормотал Джек, зная, что это такое.

— У меня не просто комната, будь я проклят, — ухмыльнулся Карл. — Целый трейлер.

— А деньги в банке есть? — спросил Джек, осененный некой мыслью.

— Нет. Почти весь заработок проживаю.

— Хорошо. Что скажешь, если я заплачу тебе тысячу долларов, а ты меня проводишь к лагуне?

— Тысячу? — рассмеялся Карл. — Разыгрываешь?

— Нет. Пятьсот, когда выйдем, пятьсот по возвращении. Честно?

Садовник облизнулся.

— Да, но...

— Что?

— Они взбесятся, если узнают, что я чужака привел.

— Не беспокойся об этом. — Джек вздернул на спине футболку, продемонстрировав «глок». — Я тебя доставлю обратно домой. Обещаю. Все равно, если днем пойти, они же будут в городе, правда?

— Если подумать, правда. Особенно в пятницу.

— Что в пятницу такого особенного?

— Тут многим зарплату выплачивают по четвергам, в пятницу отмечают конец рабочей недели,

просто деньги на ветер швыряют. И в субботу почти то же самое. А в воскресенье, как правило, полный ноль.

— Слишком много потрачено субботним вечером, да?

— Угу. Или просто выходят из церкви и там подают. В понедельник еще хуже. — Карл поскреб подбородок. — Ну да. Нынче днем лагуна почти в полном нашем распоряжении.

— Сегодня и отправимся. Быстренько дойдем, быстро взглянем. Туда и обратно. Когда ты еще так легко зарабатывал тысячу?

Карл набрал в грудь воздуха.

— Ладно. Только моя машина не ходит, подбросишь меня до воды. — Он принялся собирать мячи для гольфа. — Пожалуй, лучше поторапливаться. Надо до дому добраться, лодку найти...

— Как же ты сюда без машины добрался?

— На велосипеде. А как еще?

Много сил тебе надо, приятель, подумал Джек. Может, починешь на тысячу старушку «хонду».

Получив указания, как найти трейлерный парк, уже виденный между стоянкой для битых машин и известняковым карьером, он продолжил пробежку.

2

Семели с Люком стояли футах в двадцати от норы Дьявола, смотрели на него. Крупный аллигатор лежал на дальнем краю, наполовину погрузившись в воду, закрыв глаза. Вода у раненого левого бока была окрашена красным. Сперва Семели подумала, что он умер, потом заметила чуть раздувшиеся при вдохе бока.

— До сих пор кровь течет, — буркнул Люк.

— Вижу, — выдавила она сквозь зубы. — Не слепая.

Нынче утром дошла до предела, готова была кого-нибудь укусить.

Невиданно большой аллигатор, естественно, устроил самую большую в Глейдс нору. Подобно сородичам, в начале зимнего сухого сезона выгреб растительность с низкого участка известняковой почвы, вырыл огромную грязную яму. Туда пробиралась рыба, черепахи, лягушки, даже птицы заглядывали наскоро перекусить, сами порой превращаясь в закуску для Дьявола.

В дождливое лето аллигаторы выбирались из нор, расползались по Глейдс, но не в этом году. В засуху норы особенно необходимы.

Яма Дьявола была окружена высокими краями из раскопанной грязи, служившей питательной почвой для рогозы, болотных кувшинок, папоротника, остролиста. Желтые цветы кубышки плавали на поверхности окрашенной кровью воды.

Дьявол поднял голову, издал хриплое раскатистое рычание, вновь уронил ее в воду, словно никак не мог удержать.

— Он ранен, Люк. Тяжело ранен.

Из-за меня, подумала Семели.

Ее терзало чувство вины. Она считала Дьявола неуязвимым, непобедимым, почти сверхъестественным. Оказывается, нет. Это просто огромный уродливый аллигатор, который с удовольствием жил бы как все: нежился в своей норе, ел что попадется, ждал дождей.

Но она ему этого не позволила. Вытащила из уютной норы, вытолкнула из Глейдс в чужой внешний мир. В результате он пострадал. Сильно пострадал.

— Он не может умереть, — пробормотала она. — Не может!

У нее возникло ужасное предчувствие, что со смертью Дьявола отчасти умрет и дух Глейдс. Во всем будет она виновата.

— Это сделал тот самый тип, — заявил Люк, — с которым ты болтала в городе, улыбалась.

— Нет, не он. Я тебе уже говорила. Он не причинил Дьяволу никакого вреда. Это ведьма-старуха... И ее собака.

Семели втайне радовалась, что талисманы старой ведьмы прогнали со двора аллигатора. Видела, как ее мужчина — особенный — встал между своим отцом и Дьяволом. Пришлось бы мимо него добираться до старика, ранить или даже убить, чего ей решительно не хотелось. Впрочем, стало ясно, что он скроен из доброго материала. Это важно.

— Я сказал, мы разберемся со всеми — со старухой, с отцом и сыном — и покончим дело.

— Нет, я тебе говорю: сына трогать нельзя.

— Ладно, — проворчал Люк. — Еще раз сходим к старику... А со старухой что делать?

— Не знаю пока. До нее еще надо добраться, прежде чем что-нибудь делать. Придумаю. Только после огней. Ничто не должно помешать им прийти ко мне.

— Хорошо. А до пришествия что будем делать? Милостыню собирать?

— Нет. Просто будем сидеть и ждать. Зачем нам подаяние, если землеустроители заплатят кучу денег, кончив в полночь работу?

— Вдруг обманут?

— Не обманут. Не уйдут из лагуны, пока не расплатятся.

Не хотелось думать ни о землеустроителях, ни о деньгах, ни о чем, кроме огней. В душе Семели гитарной струной трепетало предчувствие. Огни придут сегодня и будут гореть три дня. Причем в этом

году не под водой, значит, ярче, сильнее, лучше прежнего.

С сегодняшней ночи жизнь полностью переменится. Наверняка. Точно.

3

Том смотрел на погодном канале репортажи об урагане «Элвис», продвигавшемся к югу вдоль западного побережья Флориды. Хотя скорость ветра усилилась до 90 миль в час, его по-прежнему причисляли к первой категории. В данный момент никакой угрозы для Флориды.

Когда он допивал чашку кофе, в дверь ввалился вспотевший Джек.

— А я думаю, куда ты дела. — Он немного встревожился, проснувшись в пустом доме, но, увидев стоявшую во дворе машину, предположил, что сын отправился на пробежку. — Горячего кофе, наверно, не хочешь сейчас?

— После душа с удовольствием выпью. От кофе никогда не отказываюсь.

Джек нырнул в ванную, Том сполоснул колбочку французской кофеварки, стал заваривать вторую порцию. Насыпая ложечкой молотый кофе, заметил легкую дрожь в руке. Ощупал чистый бинт на голове. Швы под ним саднят до сих пор. Утром его потрясло отражение в зеркале собственного лица в синяках, с подбитыми глазами. Он так хорошо себя чувствовал, что почти позабыл о наезде.

А теперь не может выкинуть мысли из головы. Кто-то хочет его смерти. Почему?

На прошлой неделе шла спокойная, здоровая, прозаическая, может быть, даже немножечко скучная жизнь. А теперь...

Что стряслось? При таком образе жизни врагов не наживают. Может, произошла ошибка? Его приняли за кого-то другого? Господи помилуй, кому надо его убивать?

Том ломал голову над безответными вопросами до возвращения Джека в свежей футболке и шортах, с гладко зачесанными назад мокрыми волосами.

— Ох, хороший кофе, — вздохнул он, выпив налитую чашку.

— Колумбийский. Думаю приготовить болтунью. Будешь?

— Конечно. И хаш на тосте, и грите¹ с маслом. Не забудь бисквиты и подливку.

Отец строго взглянул на него.

Джек с улыбкой пожал плечами:

— Слушай, мы же на Юге... По-моему, традиционный здешний завтрак, закупоривающий сосуды, в порядке вещей.

— Что тебе известно о южной кухне?

— В нескольких кварталах от моего дома стоит заведение под названием «Даун-хоум». В Нью-Йорке можно отведать любые блюда.

— Мне сейчас вообще есть не хочется, — проворчал Том. — Когда тебя кто-то преследует, аппетит пропадает. Если бы знать, кто и по какой причине, может быть, было бы лучше. Я до сих пор боюсь...

— Пожалуй, я сумею помочь, — тихо вымолвил Джек.

— Ты? Каким образом?

Зазвонил телефон. С центрального пропускного пункта спрашивали, ожидается ли какая-нибудь посылка.

¹ Х а ш — смесь жареного рубленого мяса с овощами и пр.; г р и т с — традиционное южное блюдо вроде мамалыги из кукурузы крупного помола.

— Ничего не знаю, — ответил Том. — Минуточку. — Он оглянулся на Джека. — Ждешь посылку?

— Угу, — ухмыльнулся тот. — Уже прибыла? Здорово. Молодец старина Эйб.

Том велел охране пропустить фургон, снова повернулся к сыну:

— Так как же...

Джек прокашлялся.

— Я вчера вечером просмотрел медицинские карты Боргер, Лео и Нойснера...

— Господи, как же это тебе удалось?

— Забрался через окно в клинику.

— *Что?*

— Ерунда. Подцепил шпингалет и залез. Не волнуйся. Следа на головке снизу никто не заметит.

Том ушам своим не верил. Родной сын взламывает окно, совершает незаконное проникновение... не куда-нибудь — в клинику!

— Ради всего святого, зачем?

— Успокойся. Надо было выяснить, проходил ли кто-нибудь недавно медицинский осмотр, — выяснилось, между прочим, что проходили все трое, — и каковы его результаты.

— Вдруг сработала бы сигнализация или видеокамера засекла? За такие дела в тюрьму можно сесть!

— Если бы меня застали на месте. А я позаботился, чтобы этого не случилось. Сначала проверил — ни камер наблюдения, ни сигнализации. И нашел, что искал: все трое прошли обследование на ура.

— Что толку, когда все умерли?

— По-моему, именно *потому*, что прошли на ура.

— Неужели ты снова толкуешь о заговоре во Вратах?

— Надо следить за деньгами, пап. Как только заметишь что-нибудь непонятное, следи за деньгами. А деньги ведут во Врата.

Неужели родной сын отъявленный параноик?

— Постой...

— Подумай. Нападению подвергаются самые молодые, здоровые вдовцы и вдовы, которые наверняка долго жили бы в собственном доме. Совпадение?

— Речь идет о корпорации с капиталом в миллиард долларов. Она не занимается грошовыми делами. Представь себе, что значат четыре перепродажи в год при девятизначном доходе. Бессмысленно!

— В глобальном смысле, возможно, бессмысленно, а в локальном? Вдруг кто-нибудь в Южных Вратах захотел заработать и среди многих прочих способов выбрал именно этот?

Том не знал, что сказать. Джек влез в официальное учреждение, ища ответ на вопрос... Потрясающая инициативность, трогательная забота, однако... Видно, вообразил себя каким-нибудь Филиппом Марлоу, Сэмом Спейдом. Но ведь он не великий детектив, а наладчик электроприборов. Пытаясь прыгнуть выше головы в том же духе, накличет на себя большую беду.

— На косвенных свидетельствах можно, наверное, построить версию, хотя она не складывается. Неужели Рамсей Уэлдон или другой менеджер его уровня нанял тех самых парней, приказав разбить мою машину, а меня скормить аллигатору? Бред.

Джек почесал макушку.

— Понимаю, как выглядит дело, но пока, насколько я вижу, твоя смерть выгодна одному руководству Южных Врат. Разберусь с Уэлдоном, когда выдастся время.

Кислая волна всплеснулась у Тома в желудке.

— То есть как разберешься? Что это значит?

— Ну, не знаю. — сказал Джек с улыбкой, от которой отцу вовсе не полегчало. — Поговорим с глазу на глаз или что-нибудь в этом роде.

— Нет. Пожалуйста, не надо. Только сам навлечешь на себя неприятности.

— Не беспокойся. Я осторожно. Я вообще образец осторожности.

Почему-то Том усомнился, но сказать ничего не успел — в дверь звонили.

— Я открою, — сказал Джек.

В дверях стоял посыльный с картонной коробкой.

— Четыре посылки на имя Джека, — объявил он. Тот взял у него коробку, поставил на пол.

— Помогу другие принести.

Он последовал за посыльным к фургону, а Том наклонился взглянуть на адрес отправителя: компания «Игрушки Баммо».

Игрушки?

На адресной карточке было указано: «Джеку» — и стоял здешний адрес. Просто Джеку, без фамилии. Странно.

Занеся все четыре коробки, Джек дал посыльному чаевые и поднял одну.

— Если не возражаешь, в свободную комнату отнесу.

— Конечно, давай.

Когда он направился в комнату, Том, желая помочь, взял другую коробку. Тяжелей, чем он думал.

В дверях чуть не столкнулся с сыном, перехватившим у него посылку — довольно поспешно, по мнению Тома.

— Нет, пап, спасибо, не надо. Не надрывай спину.

— Не говори глупостей. Вовсе не тяжело.

Он вернулся в гостиную, поднял другую коробку. Джек суетливо топтался вокруг, как наседка.

— Правда, папа...

Том его проигнорировал, понес коробку в комнату.

Все четыре встали у стены.

— Тут написано, игрушечная компания. Что это за игрушки? Игрушечные роботы? Я имею в виду, умные.

— Просто игрушки, — коротко объяснил Джек.

— Не покажешь?

— Ну что же, — кивнул он после секундного колебания. — Только нужен нож, чтобы вскрыть.

— Принесу.

Том нашел в кухонном ящике старый мясной нож-пилу, но к его возвращению Джек уже распечатал самую маленькую коробку. Показал складной нож с кривым лезвием.

— Забыл, что у меня есть ножик в кармане.

В коробке оказалась необычная с виду мягкая игрушка — неизвестное животное чуть больше футбольного мяча.

— Что это?

— Покемон. А это Пикачу. Несколько лет назад все дети на них были помешаны.

— Зачем ты их купил?

— Здешним ребятишкам решил подарить.

Том покачал головой. До чего удивительный человек его сын.

4

Карл ждал на улице у трейлерного парка в зеленых резиновых сапогах до колен, с торчавшим из правого рукава коротким зеленым веслом.

— Где лодка? — спросил Джек, когда тот устроился на пассажирском сиденье.

— На месте. Знакомый парень одолжил. Где мои деньги? — Он протянул руку.

Джек вручил ему конверт:

— Как и было обещано.

У него с собой было наличными около тысячи. После сделки с Карлом оставалось всего ничего, поэтому он остановился у банкомата, снял в кредит деньги с карточки «Виза» на имя Джона Л. Тайлесски. Другой конверт с остатком гонорара лежал в заднем кармане.

Карл быстро пересчитал пять бумажек, прикасаясь к ним с таким почтением, что Джек призадумался, видел ли он когда-нибудь столько денег сразу.

— Надеюсь, я не совершаю серьезной ошибки, — сказал Карл, по-прежнему глядя в конверт.

— Не бойся. Через несколько часов будешь сидеть перед своим телевизором с таким же вторым конвертом в кармане.

По пути Джек заметил скрытую в листве высокую, закрытую на цепь ограду. Между приоткрытыми створками на ржавой цепи висела облезлая табличка «Проезд запрещен».

— Тот самый карьер, о котором я слышал?

Карл кивнул:

— Какая-то компания вырубил кучу известняковых плит, потом прикрыла дело.

— И что там теперь?

— Просто большая дыра в земле, — пожал плечами садовник. — На дне вечно воды полно, кроме этого года.

— Охраны много?

— Я вообще никого никогда не видел. Дыру в земле не украдешь. Ребята шмыгают по ночам, пьют, травку курят, трахаются. Не видел, чтоб кто-нибудь их выгонял. Почему ты спрашиваешь?

— Просто из любопытства.

Будем надеяться, что не придется, но в самом худшем случае можно будет воспользоваться этим карьером.

Свернув по указанию Карла, Джек взял курс на северо-запад. Увидел черную птицу с красной головой, что-то клевавшую на обочине.

— Боже, что за безобразная птица!

— Гриф-индейка. Правда, некрасивая. Однако делает доброе дело, подъедает раздавленных на дороге животных.

Вокруг чаще мелькал тростник. Наконец, Карл указал на небольшое строение с крупной надписью «ПЛОСКОДОНКИ». Рядом висела другая табличка на тонкой дощечке, на которой от руки было написано: «*Закрито в засуху*».

Интересно, задумался Джек, чем хозяева занимаются в свободное время. В скрэббл играют?

— Поплывем в плоскодонке с воздушным винтом? — Он видел в кино, как они носятся по Эверглейдс, и всегда хотел прокатиться. — Здорово.

— В сушь на плоскодонках не плавают. В крупных протоках воды еще хватит, а в малых думать нечего.

Джек проследовал за садовником к задней стене домика, где в грязи на берегу стояло каноэ.

— Это?

— Это, — усмехнулся Карл. — Выглядит не слишком панорамно, но зато с мотором.

Джек взглянул на крошечный кусок железа необычной формы, прицепленный справа к задней корме.

— Это ты называешь мотором? Я видел взбивалки для яиц покрупнее.

— Не обижай его. Все лучше, чем грести всю дорогу.

Карл шагнул в воду, вытащил каноэ из грязи, вскочил на кормовую скамью, уравновесил лодку торчавшим из правого рукава веслом. Не имея выбора, Джек, как был, в мокасынах и прочем, последовал за ним.

- Сапоги не взял?
- У меня нет сапог.

Добираясь до лодки, пришлось зайти в воду по шиколотку. Джек устроился на передней скамье, Карл заправил мотор, пару раз быстро дернул шнур, вылетело облако дыма, раздалось стрекотание — поехали.

Джек взглянул на промокшие джинсы, на некогда белые мокасины, покрытые коричневой грязью. Ступни в них скользили и чавкали.

Замечательно.

— Обычно эта протока гораздо глубже и шире в такое время года. Почти вся меч-трава наполовину уходит под воду. — Карл покачал головой. — Господи боже, нам действительно нужен дождик.

Джек поднял глаза к небу. Пелена туч надвигалась, закрывая солнце и небо, но ни одна не похожа на дождевую.

— Вам нужен настоящий ливень, ураган, проливающий море воды. Может быть, «Элвис» о вашей засухе позаботится.

— На тропический ливень согласен. Знаешь, ветер тридцать пять или сорок миль в час и тонны воды. Это я могу пережить. А ураган нет, спасибо. Я тут был при «Эндрю», надеюсь больше никогда не увидеть ничего подобного.

Скользя по воде, Джек слышал с обеих сторон призывный и ответный рев.

- Аллигаторы?
- Угу. Самцы режут в норах.
- А кто хрюкает? Самки?
- Нет, — рассмеялся Карл, — свиные лягушки.

Их так и прозвали за то, что хрюкают, как свиньи.

У поверхности воды плавала масса улиток в раковинах длиной в дюйм и шириной в полтора, заползавших на подводные растения, высывая спинки.

Заметив на стеблях меч-травы маленькие, чисто белые бусинки, Джек любопытствовал, что это такое.

— Яйца улиток. Бакланы любят улиток, вытаскивают из ракушек специальным крючком на конце клюва.

Черепаша с гусиной шеей, гладким коричневым панцирем и тупым носом высунула из воды голову, посмотрела на них.

— Привет, — поздоровался Джек.

Черепаша нырнула.

— Мягкотелая черепаха. Аллигаторы их обожают ловить. Только хруст стоит, как в забегаловке, где подают тако¹.

Джек шлепнул себя по шее. Не стал надевать рубашку с длинными рукавами, щедро обрызгавшись репеллентом, который не особенно помогал.

— Как вы терпите тучи moskitov?

— *Тучи?* Шугишь! В смысле moskitov год выдался очень удачный, просто потрясающий. Высохли почти все лужи, где они плодятся.

Если этот год удачный, не забыть в неудачный держаться отсюда подальше.

Джек протянул руку к длинным тонким стеблям травы, шуршавшей по бортам каноэ, и сразу отдернул, почувствовав резкую жгучую боль. На ладони остались длинные царапины.

Карл рассмеялся:

— Теперь будешь знать, почему ее меч-травой называют. — Он взмахнул веслом, описав широкую дугу. — Па-хай-оки.

Это слово Джек слышал от Ани.

— Индейское выражение, да? Травяная река?

— Эй, а ты кое-чему научился, — усмехнулся Карл.

¹ Т а к о — мексиканские кукурузные пирожки с разнообразной начинкой.

Травяная река... скорее травяное море. Океан коричневатой меч-травы расстилался со всех сторон, усеянный там и сям кочками-островками с кипарисом, дубом, сосной, похожими на огромные зеленые мухоморы, выросшие на мертвой лужайке. Будем надеяться, что она не мертва. Просто спит.

Идеальная гладь, канзасская равнина, как Джек ее себе представляет. Слишком открытая, по его мнению, местность. Он привык жить в железобетонных каньонах. Горизонт широкий, далекий. Да кому он нужен? Его от горизонтов мороз по спине пробирает. Вполне можно прожить вообще без всякого горизонта, как дома.

Господи помилуй, как здесь вообще можно жить? Ни деликатесных, ни пиццы с доставкой, ни электричества, чтобы пиво было холодным. Средние века.

— Знаешь, — сказал Карл, — во мне течет кровь индейцев микасуки. Так, по крайней мере, мама моя говорила. У них резервация к северу отсюда за 41-м шоссе, там даже казино есть, хоть я и никогда не бывал. Предки микасуки по маминой линии. Про отца не знаю. Мама с ним познакомилась на лагуне. Я слышал, он быстро смотался, увидев меня. Просто удрал, мы о нем никогда больше не слышали.

Джек покосился на его невидимую правую руку. Спросить?

Как-нибудь в другой раз.

И спросил вместо этого:

— Значит, многие поколения выросли вокруг этой лагуны?

— И да и нет. Сейчас здесь живут только дети тех, кто жил раньше. Все уехали, когда мы еще были грудными младенцами, думали, будто лагуна нас изувечила. А потом мы, дети, вернулись. Зуд какой-то почуяли.

-- Почему?

— Наверно, потому, что нигде больше нам места нет.

Джек постарался выразиться поделикатнее.

— Из-за внешнего вида?

— Отчасти, — пожал Карл плечами. — Главным образом потому, что в лагуне нам хорошо. Как дома.

— Но ты все же ушел.

— Угу. Только недалеко. Поэтому не слишком хочу возвращаться. Боюсь, как бы снова не засосала.

— И сколько человек тут живет?

— Приблизительно двадцать. Все мы к тому же примерно ровесники плюс-минус пара лет.

Джек пригнулся — над ними порхнула большая птица с огромным размахом крыльев.

— Что это, черт побери?

— Обыкновенная цапля.

— Ох.

Он на секунду принял птицу за птеродактиля... или за птерозавра. За того, который с хвостом.

Стали появляться аллигаторы разнообразных размеров, гревшиеся на кочках, но ни один близко бы не сравнился со вчерашним чудовищем.

Под днищем каноэ что-то заскрежетало.

— С мотором на время покончено, — объявил Карл.

Взялись за весла, потом протока слишком обмелела даже для гребли.

— Что теперь будем делать?

— Поташим, пока глубже не станет.

Хорошо тебе говорить в сапогах, мысленно заметил Джек.

Сама по себе буксировка особой проблемы не представляла — до глубокой воды ярдов тридцать, — но мысль об аллигаторе, который в любую секунду может выскочить из зарослей, заставляла ускорить шаг. В конце концов Джек буквально тащил за собой садовника.

— Жалко, здесь «Выживание»¹ никогда не снимают, — посетовал Карл. — «Выживание в Эверглейдс»... Меня никогда бы не взяли, но я точно выиграл бы миллион.

Очередное реалити-шоу. Парень действительно любитель телевидения.

Джек оглянулся через плечо:

— Если бы выиграл, что первым делом сделал бы?

— Новый телевизор купил, — ухмыльнулся Карл. — Большой, в шестьдесят дюймов. И такой электрический стульчик, который массирует спину, пока ты сидишь. Машину бы починил...

— Не хочешь отправиться в путешествие?

— Зачем? Я уже побывал во всем мире с «Выживанием», «Вокруг света», «Дискавери» и прочим.

— Самому поехать — совсем другое дело.

Слушай меня, советчика, никогда не выезжавшего из Нью-Йорка.

— Для меня — то же самое, — возразил Карл. — Ох, еще денег бы дал миссис Хансен. Ей сейчас нелегко. Может лишиться трейлера.

— Хорошая мысль.

— Да просто по-соседски, — пожал он плечами.

Вернувшись на воду, снова слушая стрекот мотора, Джек смотрел, как крупные растения постепенно теснят с берегов меч-траву, папоротники и деревья отвоевывают себе место. Промелькнуло фруктовое дерево.

— Это что?

— Анона. Болотная яблоня. Даже не думай пробовать, если ты не большой любитель керосина.

Дальше Карл указывал на ивы, непохожие на ивы, на дубы, непохожие на дубы, на деревья с экзотиче-

¹ «В ы ж и в а н и е» — телешоу, по образцу которого на российском телевидении создается программа «Последний герой».

скими названиями вроде кокосовой сливы и бразильского перца.

Джек ткнул пальцем в маячившие впереди высокие тощие сосны, смахивающие на кедры с обвисшей хвоей.

— А это что такое?

Карл взглянул на него с таким выражением, будто он спрашивал, где встает солнце, на востоке или на западе.

— Кипарисы.

— Похожи на сосны.

— Пожалуй. Только зимой хвою сбрасывают, в отличие от сосен.

Пошли дубы с покрасневшей и пожелтевшей осенней листвой, видимо из-за засухи.

Ближе подплыв к кипарисам, Джек заметил длинные серо-коричневые бороды мха, обвивавшиеся вокруг ветвей, шевелясь на ветру.

Разглядывая другие деревья, узнал сосну Нельсона, королевские пальмы с отличительным гладким зеленым рукавом на верхнем конце ствола, кокосовые и банановые пальмы по плодам. Остальное осталось загадкой.

Карл указал на пару стрекоз; одна из них оседлала другую.

— Смотри, маленьких стрекозок делают.

— Причем на людях, — добавил Джек. — Стыда у них нет.

— Эй, ты их не обижай, — засмеялся садовник. — Стрекозы поедают тонны крошек москитов.

— Да? — Джек приветственно взмахнул кулаком. — Делайте свое дело, ребята!

Карл заглушил мотор.

— В чем дело? Снова мель?

— Нет. Просто мы уже близко. Видишь прямо впереди большой лесистый пригорок?

Джек видел холмик, заросший деревьями всевозможных размеров и видов, почти совсем закрывшими с запада горизонт.

— Там лагуна. Теперь надо двигаться тихо.

— А я думал, там нет никого.

— Как знать. Иногда кто-то болеет, не может ехать в город.

Джек вытащил из кобуры «глок», передернул затвор, послав пулю в патронник, и сунул обратно.

Погребли вперед, туда, где протока ныряла в густой зеленый туннель из листвы. Карл шептал про ветвистые бамии, надземные растения, орхидеи, папоротники, баньяновые деревья с висевшими в воздухе перепутанными корнями, кофейные деревья, лозы, вьющиеся вокруг стволов, всевозможные разновидности пальм.

— Похоже на тропический лес, — шепнул Джек.

— Угу, — кивнул Карл. — Даже сейчас, когда нет дождя. Тут больше влаги — солнце не пробивается.

Пройдя еще несколько извилин протоки, Джек стал подмечать легкие отклонения от нормы, особенно заметные в королевских пальмах. Все до сих пор виденные стояли на идеально прямых стволах, а у этих стволы искривлялись под необычными углами.

Что это — первый признак мутаций в узловой точке, упомянутой Аней?

Карл оглянулся, приложил к губам палец, кивнул, махнул рукой.

Ясно: почти дошли... за следующим поворотом.

За поворотом правый берег ушел назад, открылось обширное озеро шириной футов полтора-двадести. Поверхность воды гладкая, тихая, чего никак не скажешь об окружающей растительности.

Ивы, дубы, кипарисы и пальмы искривлялись в причудливых неестественных формах, словно засты-

ли на полушаге в каком-то эпилептическом балете. В одном месте деревья как бы шарахались назад от берега.

Здесь и должна быть узловая точка, где пару раз в год понемножку просачивается Иное. Аня не преувеличила насчет мутаций. Похоже, у создателя этих деревьев большое количество пи-си-пи¹ в крови.

Для полноты картины не хватает лишь вынырнувшей головы чудовища из «Голубой лагуны».

Большая лодка типа плоскодонки с надписью «Плавучий Бык» на корме тихо покачивалась у дальнего берега. Неуклюжую громоздкую надстройку срубил явно неопытный плотник. Справа от нее стояла другая плоскодонка поменьше под названием «Плавучий Конь». Должно быть, плавучие дома.

Выплывая на середину лагуны, Джек высматривал на берегах членов клана. Как и ожидалось, кругом было пусто.

Кажется пусто. Хотя почему-то *не чувствуется*.

— Странно, — шепнул Карл, указывая на каноэ, вытасценные на дальний берег. — Все лодки тут. Если они отправились в город...

— Так-так-так, — проворчал позади справа голос. — Смотрите-ка, кто к нам пожаловал.

Джек вздрогнул, быстро оглянулся на пятерых мужчин, стоявших на палубе «Плавучего Коня». Пока он их разглядывал, из надстройки вышла Семели с белоснежными волосами и улыбнулась ему.

— Привет, Джек, — сказала она.

С лица Карла схлынули краски.

— Ох, черт!

Джек снова глянул вперед на другую пятерку мужчин на «Плавучем Быке».

¹ П и - с и - п и — получаемый из ветеринарного препарата наркотик, вызывающий галлюцинации и нарушающий координацию.

— Гребь! — крикнул Карл, дергая стартер маленького мотора. — Бежим отсюда!

Неплохая мысль. Джек начал разворачиваться, но мужчины шестами погнали «Плавучего Коня» к выходу из лагуны, преградив путь к отступлению.

Он положил руку садовнику на плечо:

— Забудь. Видимо, мы тут немножко задержимся.

— Давненько не виделись, Карл, — со злобной усмешкой сказал крупный парень, которого Джек встречал в городе. — Я знал, что ты когда-нибудь вернешься.

— Привет, Люк, — тихо пробормотал Карл с поникшими плечами, с отчаявшимся выражением на лице.

Джек чувствовал надежную тяжесть «глока» на поясице. В данный момент, тем более сидя, как утка, в воде, не стоит обнажать оружие. Лучше потерпеть, посмотреть, как будут развиваться события... Пусть ребята подойдут поближе, начнут безобразничать.

Может быть, артиллерия и не понадобится, кто знает... Может быть, прозвучат даже кое-какие ответы. Люк, что ты имеешь против моего отца? Кто тебе заплатил за убийство?

— Так я и знал, не надо было сюда идти, — пробормотал садовник. Нормальный глаз метнулся вправо, а левый заметался, как испуганный кролик.

— Спокойно, — шепнул Джек. — Я обещал вернуть тебя к трейлеру и верну. Просто немножечко пообщаемся с ними.

— Что еще остается?

Люк кивнул на ряд каноэ на берегу.

— Ставьте свое туда же! — крикнул он. — Потом вместе дружбу сведем.

— Послушаемся. — Джек принялся грести.

Карл секунду колебался, застыв на месте, встряхнулся и заработал веслом.

Когда они доплыли до другого берега, несколько парней с «Плавучего Быка» помогли загнать каноэ носом в грязь. Джек узнал плоскодонку-моторку, на которой уплыла Семели, — «Плавучий Цыпленок». Рядом лежало каноэ под названием «Неплавучее». В клане имеется истинный нонконформист.

Удалось выйти на берег, не промочив мокасины; Карл шагнул из лодки прямо в воду.

Садовника, видно, все знали. Некоторые искренне рады были его видеть, большинство держалось равнодушно, кое-кто даже враждебно.

Стоя рядом с ним в ожидании «Плавучего Коя», Джек огляделся вокруг. Вблизи растительность выглядела еще уродливей. Футах в ста от берега пяток хижин без стен, по три шатких столба с двух сторон под двускатной кровлей из сухих пальмовых листьев. Между двумя ближайшими дымился костерок. Наверно, живут тут, выходя из лодок, решил он.

Скрюченные люди в скрюченных домишках. В каждом непременно имеется, как минимум, одна скрюченная мышка.

— Старые индейские лачуги, — подтвердил Карл, проследив за его взглядом. — Всегда тут стояли.

С подошедшей лодки первой сошла Семели, за ней Люк, лобастый Корли и прочие. Вскоре у нее за спиной собрался весь клан, выстроившись полукругом перед Джеком и Карлом.

Цирцея со свиньями.

Одна женщина и — быстро подсчитано — восемнадцать мужчин.

Страшноватая компания... бесформенные головы, разномастные руки и ноги, кривые тела. Можно подумать, у них в генофонде водоросли цветут

пышным цветом. Впрочем, как и с деревьями, это наверняка объясняется узловой точкой. Деревья не выбирают, где им расти, а зачем людям здесь жить?

Относительно нормально выглядят только Люк и Семели, не считая буйных белых волос Медузы. Насланная экспериментальными монстрами буря — ничто по сравнению с этими волосами. Девушка была в тех же «ливайсах» с черным облегающим пиджаком, только на этот раз в красной рубашке с длинными рукавами, с двумя расстегнутыми сверху пуговицами.

— Кто это? — кивнула она на Карла. — Один из наших, правда?

Люк зловеще улыбнулся:

— Конечно. Просто хочет жить иначе.

— Почему я его никогда раньше не видела?

— Наверняка видела, только забыла. Сразу после твоего появления он собрался уйти. Видимо, посчитал нас неподходящей компанией. — Он шагнул ближе к садовнику. — Правда, Карл? Правда? Ну ладно. За это в тюрьму не сажают. Иди куда хочешь. — Он взглянул ему прямо в лицо. — Хотя это не позволяет тебе приводить чужаков. Знаешь на этот счет правило.

Люк протянул к Карлу руку, которую Джек мягко, но решительно перехватил. Не хочется вступать в драку при немыслимом вражеском преимуществе, однако и Карла нельзя дать в обиду.

— Не надо, — сказал он.

Рука остановилась в нескольких дюймах от ворота рубашки садовника.

— Что?

Джек говорил тихо, твердо глядя на Люка в надежде, что тот хорошенько подумает. Никаких планов нет — ожидалось, что в лагуне никого не будет, — не-

обходимо выкинуть какой-нибудь фокус, быстрый, впечатляющий, заявив о себе и выведя компанию из равновесия.

— Просто... не надо.

Люк сверкнул на него глазами, оглянулся на воду.

— Отойди, а не то искупаешься.

— Не возражаю.

— Да? — ухмыльнулся парень. — Тогда взгляни, с кем будешь купаться.

Джек увидел гигантскую черепаху, скользившую к берегу, держа под водой голову. Длинный, обросший водорослями панцирь длиной в четыре фута напоминал рельефную карту Гималаев.

Потом поднялась голова... а за ней и другая. Господи помилуй, вынырнули две гигантских корявых безобразных головы, разинули челюсти с острыми клювами, демонстрируя огромные пасти, куда свободно вошел бы стандартный футбольный мяч, и еще место осталось. Четыре черных глаза-бусины неотрывно смотрели на Семели. Чудовище приплыло к берегу, остановилось в ожидании, колотя в воде длинным змеиным хвостом.

Люк схватил упавший сук и крикнул:

— Представление начинается! — Подошел ближе, сунул сук в поджидавшие челюсти. — Перед тобой грифовая черепаха. Когда будешь купаться, — а мы обязательно это увидим, — вот что станет с твоими руками-ногами.

Когда сук оказался в футах от левой головы, шея молниеносно телескопически выдвинулась, челюсти щелкнули, перекусили его пополам с громким хрустом и с такой же легкостью, с какой Джек сломал бы зубочистку. Одна половинка попала в зону досягаемости правой головы, ее постигла та же участь. По воде поплыли три обломка.

У Джека пересохло во рту.

— *Когда* буду купаться? — переспросил он, понимая, что парни без труда швырнут его в воду. — Ты хотел сказать, *если*?

Люк шагнул к нему:

— Нет. Я хотел сказать...

— Ну, хватит, — перебила Семели, вклинившись между ними. — Успокойся. Разве так гостей принимают? — Она повернулась к Джеку, глядя прямо в глаза без враждебности, исходящей Люком. — Что ты тут делаешь?

Ответ был наготове.

— Ты предлагала выпить, вот я и явился.

— Дерьмо собачье! — рявкнул Люк.

Заводной малый, черт побери.

Семели, проигнорировав замечание, улыбнулась:

— Вижу. Только я предлагала в городе выпить.

— Я, наверно, неправильно понял. Упомянул случайно при Карле...

— Правда? — Лицо ее озарилось, сияя улыбкой. — Упомянул обо мне?

Джек пришел в полное недоумение, заподозрив, что девушка им очарована. Почему — непонятно. Всего пару раз мельком виделись, парой фраз обменялись... Она его совсем не знает.

Или, может быть, знает?

На ее чувствах можно было бы сыграть, но он отверг эту мысль. Слишком легко попасть под ответный удар, особенно от ревнивого Люка, которому явно хочется, чтоб Семели смотрела на него такими же глазами.

— Ну, отчасти, — нейтрально промямлил Джек. — Оказалось, Карл знает, где ты живешь, согласился меня проводить.

— И ты приехал.

— Хотя не ждал такого приема.

— Не принимай всерьез Люка. Он немножко не в себе в последнее время. — Она потрепала парня по плечу. — Правда, Люк?

Крупный малый только зыркнул на Джека.

— Эй. — Карл ткнул веслом на берег. — Неужели это световая дыра?

— Конечно, — кивнула Семели. — Хочешь посмотреть?

Что еще за световая дыра, не понял Джек.

Семели направилась к голому участку, лишенному всякой растительности. Джек последовал за Карлом. Остальные расступились, пропуская их.

В центре голого участка зияло овальное отверстие шириной футов восемь, уходившее в известняк, как колодец. Джек даже вспомнил название: кеноте.

Остановился на краю рядом с Карлом, заглянул вниз. Глубоко. Глубже, чем ожидалось. Вода на дне едва видна.

Карл охнул.

— Тут никогда не было так глубоко. Где песок?

— Семели продала, — буркнул Люк. — Приехали ребята, все выкачали. Вы с ними чуть-чуть разминуйтесь.

— Хорошо заплатили, — добавила девушка.

Карл перевел взгляд с Люка на нее:

— Похоже, я не первый нарушил правило насчет чужаков.

Заработал очко, Карл, мысленно похвалил Джек.

— Это другое дело, — возразила Семели.

Садовник словно не слышал, не сводя глаз с отверстия.

— Вот чего я боялся при такой засухе, — пробормотал он. — Раньше дыра из воды не показывалась. Уже плохо, что вышла наружу, а вы еще песок выгребли...

— Чего тут плохого? — спросила Семели. — Помоему, хорошо.

— Хорошо? Что может быть хорошего? Свет всегда шел сквозь песок и воду и даже при этом вон что с нами сделал. Теперь ничего не стоит у него на пути.

— И прекрасно, — усмехнулась она.

— Ничего прекрасного. Страшно.

Опустившись на колени, Джек всматривался в глубину. Не нравятся ему глубокие дыры, по крайней мере с нынешней весны, после нехорошей встречи с одной на Лонг-Айленде. Впрочем, та была бездонной, а эта...

Он нашел камень размером с указательный палец и бросил. Услышал успокоительный плеск, увидел далеко внизу рябь на воде.

Определенно есть дно.

Однако надолго ли?

— Что за свет? — спросил он.

Девушка присела рядом. Он быстро оглянулся, заметив, что остальные побрели прочь. Они остались у дыры вдвоем.

— Ты ничего подобного в жизни не видел, — с благоговением прошептала она. — Я хочу сказать, кто когда-нибудь слышал, чтобы из-под земли шли огни?

Минувшей весной он видел бивший из-под земли свет.

— Какого цвета?

— Как бы розовато-оранжевого. Но как только подумаешь, что угадал, цвет обязательно переходит в другой, изменяется, хоть и самую чуточку. Не поверишь, пока не увидишь.

Джек поверил — уже видел свет, отвечающий описанию.

— Часто он появляется? — спросил он, заранее зная ответ.

— Дважды в год.

— Шутишь? Когда следующее представление?

— Нынче ночью.

— Но... — Джек прикусил язык. По словам Ани, ушловые точки открываются в дни равноденствия, а равноденствие наступит будущей ночью. Точно, сам проверял. Если проговориться, Семели поймет, что он знает больше, чем нужно.

— Что «но»? — нахмурилась она.

Что сказать?

— Но это слишком скоро, — пробормотал он. — Не успею привезти аппаратуру...

— Какую аппаратуру?

— Да разве не ясно? Сфотографируем тот самый свет, продадим снимки в газеты, в «Нэшнл джио-график»...¹

— Стой-стой-стой, — замахала она руками. — Почему ты решил, что будешь фотографировать? Огни никто никогда не сфотографирует.

— Без исключений?

— Абсолютно. Собственно, я тебе даже не дам посмотреть — разболтаешь.

— Не разболтаю.

Джек не испытывал никакого желания смотреть на огни, но и не хотел, чтобы она подумала, будто он спешит уйти. Возможно, для этого лучше всего притвориться, что хочешь остаться.

Семели покачала головой:

— Возможно, но рисковать не стану. По крайней мере, пока. Может, когда познакомимся лучше...

«Когда», не «если», отметил Джек.

— Можно прямо сейчас познакомиться. Поедем в город, выпьем, поговорим серьезно.

¹ «Н э ш н л д ж и о г р а ф и к» — ежемесячный научно-популярный журнал, посвященный географии, путешествиям, научным достижениям и открытиям.

— Не сегодня, не завтра и не послезавтра, если на то пошло.

— Почему?

— Огни идут три ночи. Поэтому я должна быть здесь. А после воскресенья... — она придвинулась ближе, он уловил приятный мускусный запах, — все время будет в нашем распоряжении.

Как тебе угодно, сестричка.

Поосторожнее... не дергай черта за хвост и так далее.

Тут он заметил черную раковину, висевшую у нее на шее на шнурке. Таких же размеров и формы, как найденная в отцовской больничной палате. Даже с просверленной в створке дырочкой. Наверняка та самая.

— Откуда у тебя эта раковина?

Семели изумленно вытаращила глаза, схватилась за ракушку. Судя по взгляду, досадует, что он увидел. Значит, еще раз побывала в палате, что ему абсолютно не нравится.

Если не хочешь, чтоб кто-нибудь видел, зачем носить под растянутым воротом?

— Что за вопрос?

— Я нашел эту раковину в больнице у койки отца после твоего визита. Когда ты ее забрала?

— Я... ее не забирала. — Семели по-прежнему сжимала раковину в кулаке. — У меня было две.

— А. — Джеку стало немного легче, если это правда. — Значит, наверно, я нашел другую.

— Где? — Она схватила его за руку. — Где ты в последний раз ее видел?

Он хотел вырвать руку, сказать, что оставил ракушку на тумбочке и, по всей вероятности, ее выкинули уборщицы, но передумал, чувствуя крепкую хватку, видя напряженный взгляд девушки.

— Точно не помню. Надо подумать...

Что такого драгоценного в проклятой ракушке?
Он оглянулся — садовника нигде не было.

— Карл! — Джек стряхнул с себя руку Семели, вскочил на ноги, осматривая берега лагуны. — Эй, Карл! Где ты?

— Забудь о нем, — сказала Семели, тоже поднявшись. — Где раковина?

Он отошел от нее, от дыры и направился к хижинам. Вокруг маленького костра сидели мужчины, пиливали, курили, Карла среди них не оказалось.

Черт возьми, куда он делся?

Джек окликал парня, не получая ответа; спросил сидевших у огня, не добившись внимания.

В душе зашевелилась тревога. Если с Карлом что-нибудь случится, он будет виноват, уговорив его ехать в лагуну.

К костру подошел Люк. Мужчины вопросительно подняли косые глаза, он ответил кивком.

— Где Карл?

Люк не посмотрел на Джека, даже не оглянулся, словно его тут не было.

Беспокойство переросло в ярость. Он выхватил «тлок» и выстрелил в костер. Мужчин осыпало пеплом и углями, они завертелись, попадали, Люк прыгнул.

Теперь на него обратили внимание.

— Еще раз повторю, и на сей раз надеюсь услышать ответ. Где Карл?

— Там, где должен быть, — сказал Люк. — С нами.

— Он не хочет быть с вами. Ушел от вас, помнишь?

— Возможно. Теперь передумал и хочет остаться.

Джек почуял движение за спиной, разглядел красн глаза с десятков членов клана, направлявшихся к нему с ружьями и обрезами. Следовало догадаться,

что у них есть оружие — в здешних местах без охоты не проживешь.

Впрочем, подмога не сильно обнадежила Люка под нацеленным в грудь «глоком».

— Я от него хочу это услышать.

Люк стрелял глазами по сторонам. Хотел было что-то сказать, но тут прозвучал голос Семели:

— Не бойся, он тебя не убьет.

Она стояла слева в нескольких шагах, улыбаясь Джеку.

— Разумеется, мистер, — облизнулся Люк. — Ведь тогда тебя самого продырявят.

— Ну, ты тоже умрешь.

— Нет, — возразила Семели. — Я знаю, и ты это знаешь.

Она права. Не время убивать. Джек слегка опустил пистолет.

— Возможно, и нет. Но ты даже не представляешь, в какую кашу пуля разнесет колено.

Люк вспотел. Видимо, пуля в колено страшила его больше выстрела в грудь.

— Семели...

— И этого ты тоже не сделаешь. Потому что мы не причиним вреда Карлу, продержим его только несколько дней.

— Не имеете права держать ни минуты.

— Нет, имеем, — осмелел Люк, видя, что Джек не взводит курок. — Мы родня. Кровная.

— Я обещал вернуть его домой. И сдержу обещание.

— Он пробудет здесь всего три дня, — сказала Семели. — Мы хотим, чтоб он видел огни. Но вот что я предлагаю: найди мою раковину, мы ее обменяем на Карла.

— Семели, — крикнул Люк, — нельзя это делать! Карл наш.

Она сверкнула на него глазами.

Что важнее, устроить для Карла световое шоу или вернуть мою раковину?

Он молча отвел глаза.

Семели повернулась к Джеку:

— Таковы условия сделки. Согласен?

— Леди, я не знаю, где раковина.

Она кивнула на каноэ:

— Иди ищи.

По-прежнему целясь в Люка, Джек перебрал несколько вариантов — ни один не понравился.

Стрельба непродуктивна. Равно как и поиски Карла, спрятанного людьми, которым известна каждая норка и щелка в неведомом ему месте. Можно было бы взять заложника, а потом обменять на садовника, но его нигде спрятать.

Или вернуться, найти драгоценную раковину.

Вернуться... Еще одна проблема. Он не лесной житель. С жизнью дикой природы знаком исключительно по журналам.

— Да ведь я заблужусь в Эверглейдс.

— Не заблудишься, — мелодично, без грубости, без презрения рассмеялась Семели. — В засуху остается не так много проток. Сворачивай на каждой развилке в восточную. Тут близко.

— Если найду раковину, как тебе сообщить?

— Очень просто. Встань перед отцовским домом и скажи, что нашел. Я услышу.

Джек не заподозрил обмана, и его по коже мороз прохватил.

— Ладно, поеду. — Страшно не хочется оставлять Карла, но придется вернуться. И не хочется уезжать без ответа на главный вопрос, ради которого затеялась поездка. — Перед отъездом позвольте спросить, что вы имеете против моего отца?

Семели отвела глаза, потом снова на него взглянула:

— Ничего.

— Какого черта! То пытались убить его ночью, то вчера аллигатора на него натравили... Скажите, что он вам плохого когда-нибудь сделал?

— Он нам не нужен, — сказала Семели.

Люк быстро на нее покосился, чего она не заметила.

— Что-то не верится, — хмыкнул Джек.

— Твое дело, — пожала она плечами. — Честно скажу: твоему отцу нечего нас бояться.

— А мне? Что будет, если я повернусь спиной к клану?

— Ничего. Ведь если ты умрешь, то не сможешь найти мою раковину. Правда, ребята? — Семели оглянулась на молчавших членов клана и злобно оскалилась. — *Правда?* Даже думать не хочется, что будет с тем, кто ему мешает найти нужную вещь.

Мужчины испуганно неуверенно закивали, опуская оружие.

Откуда у нее власть над ними? Чем маленькая хрупкая женщина грозит сильным ребятам?

Набирая в грудь воздух и надеясь, что не совершает ошибку, Джек направился к каноэ, сунув «глок» в кобуру. Шагнул в воду, столкнул лодку, запрыгнул, двумя рывками запустил мотор и поплыл, чувствуя, как десятки глаз смотрят в спину.

6

— Зачем ты егопустила? — спросил Люк.

Семели стояла на берегу, глядя на уплывавшего Джека, который повернул каноэ налево и скрылся за поворотом.

— Я уже объяснила зачем.

— Ты ему веришь?

В тоне сквозила сильная злость. Ясно — парень решает, однако и гордость его пострадала под дулом пистолета.

— Да, верю.

Почему-то чувствуется, что Джек не знал о существовании другой раковины, пока не увидел оставшуюся.

— Ты глупо поступила, Семели. Мы сами могли найти раковину.

— Да? Где? И как? Нельзя же идти в больницу расспрашивать, когда меня там вообще не должно было быть. Ему, кроме того, удобнее обыскать дом отца.

— Сами могли попробовать. А теперь никогда уже не увидим ни его, ни твоей раковины.

— В любом случае... его увидим.

— Почему?

— Ты же слышал — он обещал вернуть домой Карла. Если найдет раковину, приедет, обменяет. Даже если не найдет, все равно приедет за Карлом. Вернет его обратно домой любой ценой, всеми силами.

Люк хмыкнул.

— Откуда ты так хорошо его знаешь? Разговаривала всего пару раз.

— Позволь кое-что сказать тебе, Люк. — Семели повернулась к нему. — Он выполняет свои обещания.

Это читалось в глазах особенного мужчины. Когда все пошло на него, в них не было никаких признаков страха, одно упрямство. Храбрость и верность — вот чего ищет в мужчине каждая женщина. Хотя Джек другой женщине не достанется. Будет принадлежать ей, Семели.

Все укладывается на свои места... по плану. Его отец должен был умереть, но остался в живых, и

поэтому сын приехал сюда, познакомился с ней. они будут жить вместе. Найденная раковина их еще больше сблизит.

— Кстати, зачем тебе та самая раковина? — проворчал Люк. — Ты и с одной прекрасно обходишься.

— Нет. Совсем другое дело. С одной гораздо труднее управлять животными, видеть дорогу. Мне нужны обе.

— Ладно, ладно. Ты в шутку пообещала оставить старика в покое, правда?

— Неправда. Старика больше трогать не будем.

— Как же...

— Найдется другая жертва.

Джек по какой-то причине винит в несчастном случае с отцом ее и других членов клана. Если старик погибнет, он вопреки судьбе ее бросит. Нет, есть жертва получше, которую *необходимо* убить.

— Какая? — Люк пристально посмотрел на нее.

— Старуха.

7

Где искать распроклятую раковину? — гадал Джек, мчась в машине к Новейшну.

Семели оказалась права: обратный путь в реальный мир отыскался легко. Он оставил каноэ на берегу у станции проката плоскодонок с воздушным винтом и направился к городу. Тучи не расходились, но не пролили ни капли дождя.

С чего начать? Очевидно, с больницы, хотя папа выписался почти сутки назад. С тех пор палату наверняка вымыли, вычистили, может быть, положили нового пациента. Значит, надо расспрашивать больничных уборщиц.

Джек покачал головой. Будь у него пяток помощников, может быть — *может быть*, — раковину удалось бы найти. И то сомнительно.

Надо искать сперва в папином доме, потом уж в больнице. Вдруг по счастливой прихоти судьбы найдется. Впрочем, шансы, опять же...

Ладно, можно будет хоть сбросить промокшие мокасины.

Он остановился на красный свет перед шедшим навстречу грузовиком. Не обратил бы на него внимания, если бы не эмблема на дверце кабины. Похожа на черное солнце... или на головку черного цветка.

На левой полосе можно было бы развернуться на сто восемьдесят градусов, а на правой пришлось пилить до разворота через две парковки. Когда Джек повернул на север, грузовик скрылся из вида. Поддерживая максимально возможную в пятничном графике скорость, он чуть не пропустил его на стоянке у «Бургер-Кинг».

Тормознул рядом, вылез. Машина занимала по диагонали два места на краю стоянки, никому не мешая. Кабина была пуста, мощный дизельный мотор работал. На логотипе точно черное солнце. Под ним надпись: «У. Благден и сыновья, инкорпорейтед».

Джек обошел вокруг грузовика. Черт побери, такая машина вполне способна причинить серьезные повреждения любому автомобилю, даже «гранд-маркизу». Интересно, как выглядит левый передний бампер.

Он пристально рассматривал вмятину в крыле, серебристые царапины на черной поверхности.

— Чем интересуетесь? — проговорил сзади голос.

Джек оглянулся на типичного водителя грузовика — большая ковбойская шляпа, большой живот, большая пряжка на брючном ремне, большие ботинки, — шагавшего к нему с пакетом гамбургеров в одной руке и картонкой с кофе в другой.

— Любуюсь на поцелуй на крыле. — Эвфемизм «поцелуй» означает глубокую вмятину. — Кажется, совсем свежий.

— Точно. Получен ночью в понедельник, когда фургон угнали.

— Угнали? Не шутите? Кто?

Водитель открыл дверцу кабины, положил пакет, кофе и пожал плечами.

— Не знаю, будь я проклят. — Он потер обветренную щеку. — Никогда такого со мной не бывало. Отвез вечером в понедельник первую партию груза, запер машину, отправился спать. Утром встаю — ее нет. Заявил об угоне, копы через пару часов отыскали фургон на стоянке у винного магазина. Я до того обрадовался — даже не представляете, какого дерьма бы накушался, если бы он исчез навсегда, — что вмятину не сразу заметил.

— Полиции сообщили?

— Зачем?

— Возможно, на вашем фургоне был совершен наезд.

Водитель прищурился:

— А ты коп или кто?

— Нет. Заинтересованная сторона. — Водитель вопросительно взглянул на Джека. — Машину моего отца сбили рано утром во вторник.

— Он в порядке?

— Да, к счастью.

— Хорошо. — Шофер полез в кабину. — Некогда мне возиться со следствием. Я не скрываюсь, не уклоняюсь, просто должен работать по графику.

— Слышу, — сказал Джек.

Думал было его задержать, а потом передумал. Если правду говорит — похоже на то, — то зачем? Если не заявлял об угоне, можно звякнуть Эрнандесу, и копы из Новейшна прищучат шофера.

Конечно, он мог сообщить об угоне для отвода глаз, только как-то не верится.

Под крепкий хлопок дверцы грузовика он спросил:

— Что возите?

— Песок.

— Куда?

— В Джерси, на север.

В Джерси? Там полно песку.

— Зачем, черт побери?

Шофер пожал плечами:

— Я не выбираю ни груз, ни работу, вожу туда, куда скажут.

Вспомнились слова Люка о продаже песка из кепоте...

— А где песок берете?

— Везут в лодках откуда-то из болот. Больше ничего не знаю.

Грузовик на первой скорости рванул к выходу со стоянки.

Глядя вслед, Джек запомнил название фирмы: «У. Благден и сыновья». Вернувшись на север, надо будет разведать, что это за компания, на кого работает, зачем возит в Нью-Джерси песок из узловой точки во Флориде... Наверняка не к добру.

Он пошел назад к машине. Теперь хотя бы известно, какой грузовик сбил отцовский «маркиз». Есть уверенная догадка, кто сидел за рулем.

Хотя по-прежнему неизвестно зачем. На этот счет тоже имеется неплохая идея, которую, будем надеяться, нынче удастся проверить.

8

Доехав до Южных Врат, Джек остановился у местного хозяйственного магазина, купил рулон пластыря, звякнул Аните Несбит в полицию. Та быстро на-

вела справки и подтвердила: действительно, утром во вторник было заявлено об угоне грузовика, который вскоре отыскался.

Хорошо, значит, «У. Благден и сыновья» чисты.

Он поставил машину в тупичке и побежал к отцовскому дому.

Папа смотрел телевизор. Классический спортивный канал передавал решающий поединок Борга с Макинроем на Уимблдонском турнире 1980 года. Макинрой вопил во все горло, пропустив пушечный удар.

Том-старший взглянул на грязные мокасины, на мокрые джинсы.

— Где ты был?

— В лодке катался.

— Отправился в лодочную прогулку? Почему не сказал? Я бы...

— Не совсем на прогулку. Слушай, пап, ты не видел в больничной палате маленькую черную раковину?

— Нет, — нахмурился Том. — Когда я мог ее видеть?

— Я нашел ее за день до того, как ты пришел в себя. Черная, продолговатая, с крошечной дырочкой, просверленной в створке.

Пожалуйста, вспомни. *Пожалуйста...*

Отец покачал головой:

— Очень жаль. Никогда не видел ничего подобного.

Джек подавил стон. Придется отправляться в больницу.

В больницу... Помнится, пока папа выписывался, Аня совала вещи в пластиковую сумку. В машине ее точно нет.

— А где сумка с вещами? Зубная паста, полоскание...

— Ах да. Я ее выбросил.

— Не заметил там раковину?

— Да я, собственно, и не смотрел. Заглянул — все не то, чем я пользуюсь, и поэтому выкинул.

Возможно... возможно... Не хочется расставаться с надеждой.

— Куда? В кухонное ведро?

— Да, сначала. Нынче утром высыпал мусор из кухонного ведра в бак на заднем дворе. А почему ты...

Джек, не выслушав до конца, выскочил, побежал к задней веранде. Зеленый пластмассовый мусорный бак стоял слева на маленькой бетонной плите. Сейчас, на его счастье, окажется, что баки забирают по пятницам и раковина — если она там была — находится на пути к городской свалке.

Нет. Бак был пуст, кроме единственной белой плаستيковой сумки. Он ее развязал, покопался, отыскал больничный пакет, открыл рывком, перебрал туалетные принадлежности, молча вознося молитву святому покровителю мусора, чтобы найти раковину, впрочем, видно, без всякого толку...

Добрался до дна, наткнулся на что-то твердое с неровными краями. Вытащил...

...Есть!

Нашел. Теперь Карл вернется домой. Только надо сначала как следует организовать обмен. Джек встряхнул головой. Раковина за человека... необычная сделка.

Семели велела встать у отцовского дома и объявить о находке. Ничего себе. Обещала услышать — возможно, услышит. Кончились времена Фомы неверующего. Все возможно.

— Хорошо, — вслух сказал он, совершая над собой усилие и чувствуя себя идиотом. — Я нашел раковину. Слышишь? Нашел. Давай меняться.

Дальше что? Наверно, надо ждать ответа.

Засовывая в карман раковину и оглядываясь, Джек увидел отца, изумленно смотревшего на него через жалюзи задней веранды. На лице его было такое же озадаченное выражение, как в момент распаковки мягких игрушек от Эйба.

Должно быть, считает сына наркоманом.

— Привет, пап.

— С тобой все в порядке, Джек?

Нет, мысленно признался он. Со мной все не в порядке. Хочется, чтобы когда-нибудь было иначе, но в данный момент...

— Абсолютно.

Отец открыл дверь веранды:

— Сюда иди. Тут ближе.

Джек шагнул к веранде, вновь вспомнив, что сумку собирала Аня. Может быть, знала о раковине?..

Оглянувшись на дом, перед которым в шезлонге лежала она.

— Через минуту приду. Поздороваясь с Аней.

Как только ступил на лужайку, навстречу выбежал Ирвинг, приветственно виляя хвостом, повел его к хозяйке, но он притормозил, видя, что она до пояса голая.

Аня лежала лицом вниз на полотенце в шезлонге в одних зеленовато-желтых бермудских шортах, поджаривая обнаженную спину на дневном солнце. Джек было собрался повернуть назад, но заметил красные пятна на коже, шагнул еще ближе...

...и закусил нижнюю губу. Что-то вроде ожогов... кожа между ними исполосована злобными красными рубцами, будто кто-то прижигал спину сигаретой и хлестал тонким крепким кнутом.

Невозможно уйти. Он стоял и смотрел в благоговейном страхе.

— Карта моих страданий, — проговорила Аня, не глядя на него. — Видишь, что он со мной сделал?

— Кто?

— Противник. Тот Самый.

Ах, Тот Самый... настоящее имя которого ему знать не положено.

— Каким образом? И почему?

— Я объясняла тебе почему. Потому, что стою у него на пути. Каким образом? У него много способов, и все они написаны у меня на спине.

— Но откуда ожоги, рубцы?

— Просто появились, и все. Отмечают его старания уничтожить меня.

Джек затряс головой, чтоб ее прояснить.

— Ничего не пойму. Что он *делает*, чтобы вас уничтожить?

— Помоги с полотенцем, — велела она. — Завяжи сзади концы.

Он выполнил просьбу, и Аня, прикрытая полотенцем, села.

— Расскажите, пожалуйста.

Она помотала седой головой:

— У тебя своих забот полно. Есть о чем беспокоиться. Кроме того, чем ты можешь помочь? Ничем. Я сама должна справиться.

— Давайте попробуем.

Ему нравится старая леди. Хочется как-нибудь облегчить ее тяготы.

— Все в порядке, Джек. На солнце становится лучше. Лучи не исцеляют, но боль облегчают. — Аня поднялась. — Пойду прилягу.

— Как себя чувствуете?

— Лучше, чем утром, а к вечеру будет совсем хорошо.

— Зайдете выпить попозже? На этот раз у нас.

— Не сегодня, — покачала она головой. — Завтра обязательно.

Джек проследил, как Аня с Ирвингом входит в дом, полный листвы, потом с чувством горечи, злобы, бессилия повернул назад.

9

Посидели с отцом, мусоля вопросы об игрушках и раковине, пока тот не стал клевать носом в шезлонге. Соснуть после еды — величайшее удовольствие в жизни, но сегодня этого себе позволить нельзя. Надо ждать весточки от Семели.

Впрочем, это не единственный пункт в нынешней повестке дня.

Джек зашел в отцовскую комнату, набрал номер офиса Рамсея Уэлдона. Услышал от секретарши, что мистер Уэлдон говорит по другому телефону. Не желаете ли передать что-нибудь?

— Нет. Когда можно перезвонить?

— Ну, приблизительно через полчаса.

Он поблагодарил, положил трубку, направился к машине. Купленная недавно липкая лента лежала на переднем сиденье в белой прозрачной пластиковой упаковке с логотипом хозяйственного магазина. Джек взял ее, сумку и прочее. Захлопывая дверцу, увидел на полу у пассажирского сиденья конверт, поднял, заглянул.

Пятьсот долларов Карла.

Садовник так ему верит, что оставил в машине конверт на хранение. Верит также, что он вернет его домой.

— Я нашел твою чертову раковину, — снова вслух сказал Джек. — Готов меняться.

Посмотрел на часы — больше ждать невозможно — и направился к административному зданию.

На сей раз можно идти открыто, здороваясь с прохожими, не ныряя всякий раз в кусты. У стоянки сердце екнуло — «краун-империала» Уэлдона не видно, — потом отпустило. На отведенном ему месте стоял «де-сото» 1957 года. Неплохие у этого типа машины.

Джек подошел к автомобилю. Четырехдверный, с гладким бирюзовым корпусом, белым верхом и боками, большими хромированными бамперами, колесами с белыми ободками и торчащими клиновидными килевыми ребрами с тремя вертикально расположенными красными подфарниками, которые придавали машине вид космического корабля. Внутри бирюзово-белая обивка, зеркало заднего обзора встроено в панель управления...

Что стряслось с Детройтом или, если на то пошло, с Германией и Японией? Почему они, черт возьми, больше не выпускают такие машины?

Он целую вечность торчал у «де-сото», разглядывая под разными углами, пока не появился Уэлдон, сегодня в светло-бежевом, почти белом шелковом костюме.

— Еще один красавец, мистер Уэлдон.

— Сын Тома, верно? — усмехнулся тот. — Джек.

— Хорошая у вас память.

— А вы отлично разбираетесь в автомобилях. Как ваш отец?

— Превосходно. Вчера домой вернулся.

Щека директора дернулась.

— Правда? А я и не знал. Почему мне никто не сказал?

— По-моему, никто больше не знает. — Джек легонько провел пальцами по правому переднему крылу «де-сото». — Не разрешите немножко просхаться в этой конфетке?

Уэлдон покачал головой:

— Я бы с удовольствием, но должен ехать прямо домой.

Джек открыл дверцу, сел на пассажирское сиденье.

— Годится. Довезите меня до шлагбаума, я оттуда пешком дойду, разомнусь.

Уэлдону это большой радости не доставило, но и особого выбора не было.

Чувствуя себя в машине как в печке, Джек опустил стекло, пока хозяин задом выезжал со стоянки.

— Ход гладкий, — оценил он.

— Подвески «торшн-эйр».

Задавая следующий вопрос, Джек внимательно смотрел на него.

— Вы когда-нибудь слышали о женщине по имени Семели?

Руки стиснули руль так, что побелели костяшки. Правая щека снова дернулась.

— Нет, не помню. Она у нас живет?

— Слишком молодая для Врат. Она живет в Глейдс с компанией ребят очень странного вида. У нее белоснежные волосы. Как увидишь, уже не забудешь. *Точно* не знаете?

— Вполне уверен.

— Действительно уверены?

— Да! Сколько раз повторять? — Уэлдон затормозил. — Ну, вот и шлагбаум. Надеюсь, вам понравилось...

— Едем дальше.

— Я же сказал, мне надо...

Джек вытащил «глок», положил на колени, нацелив в живот директору.

— Если случайно выстрелить, раны в живот чрезвычайно болезненные. Вспомните «Бешеных псов»¹.

¹ «Бешеные псы» — фильм Квентина Тарантино.

Поезжайте. Мы еще беседу не закончили. Улыбнитесь и помашите охраннику. Правильно. Теперь... поедem на то место, где с моим отцом произошел несчастный случай.

— Где это? — Уэлдон вспотел по-настоящему.

— Вы не в курсе? На пересечении Пембертон-роуд и Южной дороги.

— Но там нет ничего.

— Знаю.

— Это противозаконно, угон машины, похищение...

— Это настоящее приключение. Успокойтесь, не брыкайтесь, и мы очень приятно проедемся.

— Если вам нужна машина, берите.

— Мне не нужна машина.

— Тогда... зачем вы это делаете?

Джек дал ему повариться в собственном соку, прежде чем ответить.

— Просто хочу спросить, что вам известно о людях, которые умерли в Южных Вратах. — Уэлдон открыл было рот, но он предупредительно махнул рукой. — Не желаю выслушивать дерьмо собачье типа того, будто от стариков больше нечего ждать. Я имею в виду трех человек, одиноких, с отменным здоровьем — по свидетельству вашего доктора, — случайно погибших за последние девять месяцев. С интервалом ровно в три месяца. Вы безусловно их знаете по именам: Адель Боргер, Джозеф Лео, Эдвард Нойснер.

Уэлдон побледнел. Казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Конечно, знаю. Ужасная трагедия.

— Мой отец должен был стать четвертым, причем точно по расписанию. Что вам об этом известно, мистер Уэлдон?

— Разумеется, ничего не известно. Откуда?

Это решило дело. Джек оглянулся, других машин не увидел. Место ничем не хуже любого другого.

Он велел остановиться, вышел из машины, заставил директора перебраться на пассажирское сиденье.

— Заложите руки за спину.

— Что в-вы собираетесь делать?

— Я хочу вас связать.

— Нет!

Джек схватил его за длинные темные волосы.

— Слушайте. Можно покончить миром, если будете выполнять мои распоряжения, или силой... Тогда я прострелю вам бедро, колено, еще что-нибудь столь же болезненное и кровоточивое, пока не станете отвечать. Не люблю в крови пачкаться. Предпочитаю чистые легкие способы грязным и кровавым. А вы?

Уэлдон, всхлипнув, заложил руки за спину.

Джек замотал липкой лентой запястья, колени и шиколотки. Сел за руль, тронул с места «де-сото», направился к городу, продолжая допрашивать Уэлдона про троих погибших, отца и Семели. Тот продолжал отпираться. Наконец «де-сото» остановился перед закрытыми воротами известнякового карьера.

— Стало быть, — заключил он, — вам ни о чем ничего не известно, так?

— Прошу вас... Правда, поверьте, ничего не знаю.

Джек не поверил.

— Мне это не менее неприятно, чем вам.

С такими словами он разогнал машину и бросил ее на ворота. Под вопль Уэлдона цепь лопнула, а створки распахнулись.

— Бамперы! Хром!

Джек свернул влево на узкую тропку, шедшую вниз под легким уклоном. Слева тянулась грубая известняковая стенка. Ненавидя себя, он с усилием вывернул руль, ободрав левый бок автомобиля о камень.

— Боже мой, нет! — крикнул Уэлдон.

— Очень жаль. — Чистая правда.

Добравшись до дна карьера, Джек не совсем влился в поворот, грохнув передом в каменный выступ. От удара машина остановилась, директора бросило на приборную доску. Непристегнутый, не имея возможности вытянуть руки, он сильно ударился и отлетел на спинку сиденья.

— Ух ты, — посочувствовал Джек. — Больно, наверно. Хотя это лишь малая доля того, что испытал мой отец, когда на него на Южной дороге налетел грузовик. — Он прищурился. — Поглядим. Левую сторону мы переделали, посмотрим, что можно сделать с правой.

С трудом сохраняя легковесный тон, он подвергал директора тем же страданиям, которым подвергся отец при наезде, сознательно калеча прекрасный классический, ни в чем не повинный автомобиль.

— Нет, прошу вас! — завопил Уэлдон.

Джек прибавил скорости и въехал правым боком в другой выступ. Сосед вновь налетел на приборную доску, и на этот раз головой в ветровое стекло. Обратно свалился не на сиденье, а на пол.

Потом принялся всхлипывать.

— Хорошо, хорошо... Я вам все расскажу, только вы не поверите.

— Попробуйте, — предложил Джек, ставя автоматический пистолет на предохранитель, а машину на ручной тормоз. — Вы даже не представляете, до чего я доверчив.

Уэлдон с трудом взобрался на сиденье. Под свесившимися на лоб волосами набухла сине-черная шишка величиной с гусиное яйцо. Он повернулся спиной, подставил связанные руки.

— Пожалуйста...

Джек вытащил складной нож, разрезал липкую ленту. Открытый нож не спрятал.

— Без глупостей. Говорите.

Директор Южных Врат откинулся на спинку, уткнулся в подголовник затылком, глядя в крышу.

— В прошлом году приблизительно в это же самое время упомянутая вами женщина с белыми волосами, Семели, позвонила мне, наговорила какого-то бреда, потребовала, чтобы Врата принесли Эверглейдс жертвы. Приняв ее за местную сумасшедшую, я спросил какие. Она ответила — человеческие.

Он покосился на Джека. Если ждал потрясения, недоверия, то жестоко ошибся. Собеседник практически ждал чего-то подобного.

— Вы над ней посмеялись?

— Конечно. А вы что бы сделали? Смехотворно. То есть мне тогда так показалось. Она не отступилась, без конца названивала в офис, домой, по соловому, твердя, что Южные Врата подбираются слишком близко к какой-то лагуне — я до сих пор не знаю к какой, — Эверглейдс сердятся, требуют жертв... Четырех ежегодно. Смешно, да? Тем не менее она меня преследовала, настаивала, чтобы я, глава кооператива, внес предложение... То есть выбрал жертву среди местных жителей, остальное делает лагуна. Иначе лагуна сама выберет... кого-нибудь из членов моей семьи.

— И вы согласились.

— Нет. По крайней мере, в то время. Как только она пригрозила семье, обратился в полицию. Но слышал лишь голос по телефону, никогда не видел ту женщину, не знал, где она живет... Полицейские только пообещали ее отыскать, регулярно направлять мимо нашего дома патрульные машины...

— Не помогло, как я понимаю.

Уэлдон покачал головой:

— В тот же вечер моего сынишку укусил коричневый паук-отшельник. Его пришлось срочно дос-

тавить в больницу. Трехлетний малыш чуть руки не лишился. Прямо в палату Кевина позвонила на со-
товый женщина... Поинтересовалась, не передумал
ли я после первого предупреждения. Я дал отбой,
она перезвонила и спрашивает, не боится ли змей
моя дочь. Если нет, то скоро испугается. — Уэлдон
растер рукой лицо. — Признаюсь, я перепугался.
Непонятно, откуда ей стало известно о паучьем уку-
се. Не понимаю, как она могла насрать паука, уку-
сившего сына, но по-настоящему перепугался.

Джек не мог его упрекнуть, зная, как сам себя
чувствовал, когда что-нибудь грозило Вики.

— Снова пошли в полицию?

— Зачем? Ничего нового не сообщил бы. Взял дело
в свои руки. Отправил жену и обоих детей к тестю и
теще в Вудсток под Атлантой. Думал, будут в безопас-
ности за сотни миль, в другом городе, в другом шта-
те. — Он потрянул головой. — В первый же день по
приезде Лори щитомордник ужалил, она едва не
умерла. Проведя неделю на севере в ожидании, пока
дочку выпишут из больницы, я, наконец, вернулся
домой — один, потому что не мог даже думать везти
их сюда, пока не договорюсь с мерзавкой.

— Очевидно, не добились успеха.

— Хотя очень старался. Вернувшись домой, вижу
женщину с белыми волосами, поджидавшую меня
на заднем дворе. Она сидела спиной ко мне, закрыв
лицо руками, но я мгновенно понял, кто это такая.
Схватил револьвер в спальне в ящике комода, на-
правился к ней, собрался застрелить, и застрелил
бы, господи помилуй, но, как только прицелился,
на меня ринулась туча пчел...

— Ядовитых?

Директор кивнул:

— Они не закусили меня насмерть, облепили
лицо и руку с пистолетом... пришлось его бросить.

Тут она оглянулась, я ее впервые увидел. Удивился, какая она молодая. Из-за белых волос думал встретиться со старой ведьмой, а это юная девушка и...

— Недурна собой. Знаю.

— Значит, вы с ней встречались?..

— Поговорим о вас. Что вы сделали?

— Что я мог сделать? Она объявила, что уже нанесла два удара. До сих пор помню ее слова: «Третий прикончит твою жену». Что бы вы на моем месте сделали?

— Мой подход к решению проблем несколько отличается от общепринятого.

— Не знаю, каким образом, но эта женщина командует змеями, насекомыми, птицами, бог знает, чем еще. Понимаете мое положение?

Джек задумчиво смотрел на Уэлдона. Безусловно, он оказался перед ужасающим выбором: принеси в жертву чужого или лишись члена семьи. Ситуация головомная, хоть и не безнадежная.

— Я понимаю, что члены семьи для мужчины дороже чужих. К сожалению, это вполне объяснимо. Но когда одним из тех самых чужих оказывается мой родной отец, у нас возникает проблема. — Джек сунул нож в лицо Уэлдону, сдержав руку в дюйме от носа. — Которая осложняется тем, что вы чертовски удачно воспользовались возможностью с легкостью заработать лишние баксы.

— Ничего подобного!

Директор шарахнулся, прижался спиной к дверце, когда острое ножа коснулось кончика носа.

— Не время врать, приятель. — Джек изо всех сил сдерживал кипевшую ярость. — Я бы еще мог смириться, если бы ты выбирал самых слабых, которых ждет смерть со дня на день. А ты вместо этого предпочитал не просто здоровых, но и одиноких,

выставляя дома на продажу на годы, на десятки лет раньше естественной смерти хозяев.

— Нет!..

— Да! — прошипел он сквозь зубы. — Да, сукин сын! Смерть людей принесла тебе прибыль! И одним из них должен был стать мой отец!

Лицо Уэлдона сморщилось, глаза крепко зажмурились, он заплакал.

— Виноват... виноват...

— Трое невинных людей мертвы, мой отец лежал в коме, а тебе сказать больше нечего? — Бросить бы нож и придушить его. — Вылезай!

Директор взглянул на него:

— Что?..

— Вылезай, гад. Ну, быстро, пока я тебя не зарезал!

Тот начал на шаривать ручку дверцы, открыл, Джек размахнулся и сильно пнул его правой ногой.

— Пошел!

Он рухнул на спину в известняковую пыль. Не потрудившись закрыть дверцу, Джек сорвал «де-сото» с места, дал газ, с визгом развернулся, нацелился на вскочившего Уэлдона, успевшего метнуться в сторону. Ради темного желания сбить, может быть, даже убить его не стоит трудиться. Вылетел на шоссе по пологой дороге, зная, что Уэлдон не пойдет в полицию, побоится привлечь нежелательное внимание к смертям во Вратах. Пускай сам домой добирается.

Проезжая мимо трейлерного парка, импульсивно свернул, заметил годившуюся только в металлолом машину Карла рядом с поросшим плесенью трейлером, вылез, толкнул дверцу — заперто. Поднял крышку мусорного бака у лесенки, увидел пакеты из-под бутербродов. Оглядевшись, вытащил бумажник. Поскольку поблизости никого не было, открыл замок с язычком кредиткой «Мастер-кард».

Вошел, закрыл за собой дверцу, глядя по сторонам. Сам не знал, зачем пришел. Просто хочется знать побольше о Карле.

Кондиционер выключен, в трейлере слабо пахнет остатками еды и потом. Слева кухня, ванная, спальня, справа гостиная. На кухонном столе аккуратно сложены в коробочку разрозненные останки Большеротого окуня Билли, поющей рыбы. Удивительная чистота и порядок. Парень действительно любит свой маленький трейлер.

В гостиной телевизор с хорошим экраном, как минимум, двадцать семь дюймов — можно сказать, панорамный. Рядом обшарпанный шезлонг, на сиденье раскрыта толстая программа на сентябрь с пометками желтой ручкой. Интересно, что он смотрит. «Выживание», «Фактор страха», «Дискавери», «Вокруг света», «Большой брат»... жизнь из вторых рук.

Впрочем, кажется, его это устраивает.

Джек передернулся. Ночной кошмар...

О самом садовнике ничто в трейлере не говорило. Ни семейных фотографий, никаких свидетельств прошлого. Видно, не хочет помнить о прошлом.

Он вышел, запер дверцу трейлера, направился к Вратам. Свернул с дороги, поставил машину в деревьях у ограды рядом с другими следами шин. Протер рулевое колесо, приборную доску, дверцы, оконные ручки, пошел вдоль ограды.

Просто. Слишком просто. Члены клана Семели вполне могли сделать то же самое со своим пикапом.

Семели... Направляясь к отцовскому дому, Джек по-всякому прокручивал в голове проблему, отыскивая решение.

С Уэлдоном он согласен в одном: девушка каким-то образом управляет живыми болотными тварями. Как — неизвестно, но можно поклясться, что дело не обходится без узловой точки в лагуне. При

ее содействии Семели открыто совершает идеальные убийства — жертвоприношения, которых она требовала от Уэлдона, — и никто даже не подозревает, что несчастные случаи продиктованы человеческой волей. Нет вопросов — нашествие тараканов пальметт, нападение аллигатора — ее рук дело.

Одно ясно: ее надо остановить. Способ можно потом придумать. Надо сначала вернуть Карла в трейлер... домой.

10

— Вот и ты, — приветствовал отец вошедшего сына, видимо только встав после дневного сна, приняв душ и побрившись. — Где был?

— В разных местах. Никто в мое отсутствие не заходил, не звонил?

— Никто. Все тихо. Кого-нибудь ждешь?

Джек постарался скрыть огорчение.

— Отчасти.

— Слушай, надо продуктов купить. Отвезешь меня в «Пабликс»?

— Может быть, дам ключи от машины, а сам здесь посижу? На случай, вдруг кто-нибудь позвонит или явится.

— У тебя неприятности, Джек? Если так, то давай помогу.

Он посмеялся в надежде, что вышло не слишком натужно.

— Неприятности? Только не у меня. У одного знакомого возникли небольшие проблемы.

— Какие?

Разумеется, он ведет себя странно — в отцовских глазах, — но не привык, чтоб ему задавали вопросы, отмечали и комментировали уходы-приходы.

Вот почему я живу один.

— Можно сказать, семейные.

— Твои игрушки имеют к этому отношение?

— Возможно.

Том со вздохом опустил плечи в шезлонг.

— Мне ни с кем не было так тяжело разговаривать, как с тобой. Ты был замечательным мальчиком, а потом стал чужим. Кажется, обо мне ничего знать не хочешь, не желаешь, чтоб я о тебе что-то знал... Отгородился стеной. Это моя вина? Что я такого сделал?..

Больно слышать и видеть страдание в озабоченном папином взгляде.

— Ты тут абсолютно не виноват. Просто такой уж я есть.

— Но ведь ты таким не был.

— Знаешь, люди меняются, — пожал Джек плечами.

— Нет, не знаю. Большинство не меняется. Кейт не изменилась, Томми тоже, хотя ему, может быть, не помешало бы. А ты... стал совершенно другим человеком.

Он только снова пожал плечами, стараясь сменить опасную тему:

— Довольно обо мне. Поговорим о тебе, пап. Как ты тут живешь?

Отец долго смотрел на него озадаченным и расстроенным взглядом, потом встряхнул головой.

— Я? По-моему, отлично. Климат нравится... впрочем...

— Что?

— Не знаю. Иногда кажется, что я сделал ошибку, перебравшись сюда. Порой не понимаю, зачем вообще уехал из Джерси.

— Я тоже удивился. И Кейт.

— Никогда не совершал импульсивных поступков, а тут вдруг внезапное побуждение. Получил однажды

по почте рекламный проспект Южных Врат и с первого взгляда попался. Подумал о квалифицированном уходе, о том, что никому не стану обузой... и мысль превратилась в навязчивую идею. Я все время твердил себе, что мое место здесь. Продал старый дом, купил этот...

— Я так понял из рассказов Ани, пока ты лежал в коме, что ты вел тут довольно активную деятельность.

— Правда. Думал, Кейт с Томми воспользуются случаем, будут ездить с детьми во Флориду. А приехала только Кейт. И всего один раз. Нынче все жутко заняты. Поэтому пришлось выбирать: либо сидеть у телевизора, понемножечку костенея, либо пойти и заняться делами, пока силы есть. Решил лучше быть ходячей мишенью, чем неподвижной.

Мишенью, мысленно повторил Джек. Чертовски удачное слово, папа. Если бы ты только знал...

— Но как бы хорошо тут ни было, — покачал отец головой, — до сих пор не верю, что продал родной дом, бросил на севере детей и внуков ради того, чтоб сюда переехать. Конечно, не быть никому в тягость — великое дело, но, собственно... о чем я думал?

Джека от этих слов мороз прохватил. Папа сделал нечто ему самому непонятное... по внезапному побуждению переехал сюда, именно в этот конкретный поселок, рядом с Эверглейдс, рядом с лагуной, где живет Семели со своим кланом...

...рядом с узловой точкой.

И Карл говорил, что у него возникло стремление — «зуд», по его выражению, — вернуться туда, где родился, в лагуну...

К той же самой узловой точке.

Совпадение?

Было сказано, что совпадений в его жизни больше не будет.

Может, кто-то или *что-то* передвигает шашки на доске — на *его* собственной?

Ну-ка, стой... Аня упоминала, что подрабатывает, рассылая проспекты. Не она ли отправила рекламную брошюру папе? Не она ли внушила ему желание сюда приехать? Зачем? Чтобы его охранять?

У Джека голова шла кругом. Одно точно ясно: папа должен уехать отсюда, из Врат, вообще из проклятого штата.

— Ничто тебе не мешает вернуться. Фактически, я считаю, что так и надо сделать. В Джерси наверняка куча пансионатов с квалифицированным уходом, если тебе это требуется.

Том секунду помолчал.

— Не знаю. Должно быть, я старый дурак.

— Что глупее: признать и исправить ошибку или по-прежнему жить в нелюбимом месте?

— Ну, если так ставить вопрос... — Он покачал головой. — Я подумаю. — Том взмахнул руками. — В любом случае надо ужинать. Поеду за яйцами, куплю сыр, ветчину, сооружу грандиозный омлет. Пойдет?

— Замечательно.

Джек неохотно протянул ключи от взятой напрокат машины. Следовало бы ехать вместе, не оставлять его без присмотра, но Семели заверила, что отцу ничего не грозит, и он ей поверил. В тот миг был у нее в руках — один против двадцати, — лгать ей не было никакого резона.

11

Оставшись один, Джек первым делом вытащил игрушки, отыскал на каждой свежие швы, распорол, вытащил разнообразное оружие от Эйба, рассовал

по дому с помощью отвертки и гаечного ключа, по-
твонил Джиа. У нее, Вики и будущего младенца все
было прекрасно.

— Когда домой приедешь? — захныкала Вики. —
Я соскучилась.

— Я тоже по тебе соскучился, Вик, и приеду, как
только смогу. Как только мой папа придет в полный
порядок.

Кажется, он уже почти в полном порядке, толь-
ко надо чуть-чуть постараться, чтобы так оставалось
и дальше.

От клана все еще ни слова. Джек вышел из дома,
огляделся вокруг. Солнце низко стояло над Эвер-
глейдс, касаясь кромки далекого лесистого пригор-
ка. Интересно, тот ли это пригорок в лагуне, где
находится узловая точка? Если так, ночью, может
быть, будут видны загадочные огни.

— Я нашел твою чертову раковину! — крикнул он
в слабеющем свете. — Давай меняться!

Постоял, ничего, собственно, не ожидая, питая
надежду. Минуту послушав сверчков и лягушек, по-
вернул назад. Заметил свет у Ани. Не пригласить ли
ее пообедать?

На стук никто не ответил, даже Ирвинг, поэто-
му он подошел к боковому окну. Аня с Ирвингом
спали перед телевизором точно в тех же позах, как
вечером в среду. Как мертвые. Джек присматривал-
ся, пока не заметил, что Аня дышит.

На полпути к дому увидел подъехавшую к стоян-
ке прокатную машину.

— Прихватил еще зеленого лука, — сообщил
отец, пока они разгружали пакеты. — Придаст боль-
ше вкуса.

— Теперь ты стал настоящим шеф-поваром.

— Пришлось *как-нибудь* научиться готовить. Ког-
да живешь один, до чертиков надоедает заморожен-

ная и готовая еда. Вдобавок есть чем заняться по вечерам. — Он взглянул на сына. — По вечерам хуже всего.

Джек не знал, что сказать. Хотел выразить сочувствие, но папе наверняка жалость не требуется. Он просто констатировал факт.

Лучше увильнуть.

— Эй, хочешь, я лук нарежу?

— Конечно, — усмехнулся Том. — Сумеешь красиво и тонко нарезать?

Он сполоснул лук, вручил сыну тонкий нож, доску, тот расположился с другой стороны стола и принялся резать.

— А ты ловко с ножом обращаешься, — заметил отец.

— Отменный подручный шеф-повара.

— Ну, открою пока бутылку шардоне. Берегу в холодильнике для особого случая.

— Омлет — особый случай?

— Компания — особый случай, тем более когда ее составляет один из моих сыновей.

Джек с болью понял, как одинок отец.

— Папа, можно задать тебе один вопрос?

— Разумеется. — Он вытащил из холодильника светлую бутылку, принялся вкручивать в пробку штопор. — Спрашивай.

— Почему ты снова не женился?

— Хороший вопрос. Кейт тоже всегда спрашивала и советовала вступить в новую связь. Но... — Он взял два бокала, налил до половины. — Бутылка, кстати, не единственная.

Отец как бы пытался оттянуть ответ, вообще от него уклониться. Не выйдет.

— Мы говорим о повторной женитьбе...

Том вздохнул:

— Твоя мать сидела рядом со мной в машине, вдруг залилась кровью, никто не мог спасти ее от гибели... Ты при этом присутствовал, знаешь.

Джек кивнул. Нож крошил лук тоньше, быстрее, сильнее.

— Я так и не смирился. Она была особенная, Джек. Мы с ней составляли команду. Все делали вместе. Нас связывала не только любовь... — Том покачал головой. — Не знаю, как сказать. «Родная душа» — избитые слова, но иначе не скажешь. — Он вытащил из ящика буфета мясной нож, принялся отрезать толстые ломти от купленного куска ветчины. — И позволь сказать тебе, боль от потери близкого человека не проходит. По крайней мере, для меня. В таких случаях люди по-всякому стараются тебя утешить... дошло до того, что я с радостью дал бы пинка в зад любому, кто скажет, мол, она в лучшем мире. Однажды за это кого-то едва не убил. Или: «вы все-таки столько лет с нею прожили»... Мне ее не надо на несколько лет. Она мне нужна навсегда.

Джека тронуло его глубокое чувство. Папа в этом смысле был скрытным.

— Если позволишь употребить столь же избитую фразу, ей не хотелось бы, чтобы ты прожил жизнь в одиночестве.

— Я живу не в полном одиночестве. Позволял себе краткие связи, что меня вполне устраивало. Но прочные отношения... все равно что сказать твоей матери, будто кто-то способен ее заменить. А это невозможно.

Тяжесть сгущается. Джек допил остатки из своего бокала, долил оба, пытаясь придумать тем временем адекватный ответ.

Отец вырубил, наставив в грудь сыну мясницкий нож.

— Ты ведь из-за нее сбежал? — сказал он. — Я всегда подозревал, что ты после ее гибели слегка обезумел, теперь хочу получить подтверждение. Помню тебя в церкви, на кладбище — истинный зомби, словом ни с кем не обмолвился. Ты никогда не был маменькиным сынком. Ничего подобного. Самой близкой тебе была Кейт. Но после насильственной смерти матери у тебя на глазах, когда она истекла кровью, умерла в твоих объятиях, не стыдно потерять рассудок. Никто не пережил бы подобного. Никогда.

Джек еще хлебнул вина, чувствуя его действие. Ничего не ел с самого завтрака, алкоголь поступал прямо в кровь. Ну и что? Почему бы и нет?

— Согласен, никто. Но я ушел не из-за маминой смерти. А ради другой.

— Чьей?

— Я тогда обозлился на всех и каждого за то, что так и не нашли гада, уронившего ту самую шлакоблочную плиту. Полиция штата зорко следит за нарушителями скоростного режима, но с большим трудом выслеживает человека, случайно совершившего преступление. У них есть дело поинтереснее — штрафовать водителей за превышение скорости на автомагистрали. Бог простит, мы превысили скорость... Ты... ничего не делал, только рассуждал, что будет с погатым убийцей, когда его поймают. А вопрос стоял по-другому: не «когда», а «если», и это самое «если» навсегда зависло в воздухе.

Он допил бокал, еще налил, прикончив бутылку.

Отец поднял на него глаза от стола:

— Что я должен был делать, черт побери?

— Что-нибудь. Что угодно.

— Например? Самому отправиться на поиски?

— Почему бы и нет. Я отправился.

Ох, проклятье, мысленно спохватился Джек. Что это я сболтнул?

— *Что?*

Он поспешно перебирал варианты. Сказать «ничего» и на том стоять мертво? Или дальше пойти и все выложить. Об этом на всем белом свете знает только один человек — Эйб.

Вино и отчаянное — гори все синим пламенем — настроение подстегнули его. Он глубоко вдохнул сквозь зубы.

Ну, поехали.

— Я его выследил и разобрался.

Том положил нож. Джеку показалось, что руки его задрожали, лицо напряглось, глаза вспыхнули и расширились за стеклами очков.

— Как же... Не уверен, хочу ли услышать, но... как же ты с ним разобрался?

— Позаботился, чтобы он никогда больше не сделал ничего подобного.

Отец закрыл глаза.

— Скажи, что переломал ему руки, раздробил локти...

Сын молчал.

Том пристально посмотрел на него, понизив голос до шепота:

— Джек... Неужели ты...

Он кивнул.

Отец рухнул на стул, стоявший у стола слева, обмяк, обхватил руками голову, глядя на горку резаного зеленого лука.

— О боже, — простонал он. — Ох, боже мой...

Сейчас начнется, думал Джек. Шок, бешеный гнев, отвращение, осуждение. Хорошо бы взять свои слова обратно, однако не получится, значит...

Он обошел стол за спиной у отца, открыл холодильник, вытащил другую бутылку вина.

— Как ты его узнал? Я имею в виду, как сумел точно выяснить, что это он?

Не трудясь снимать с пробки черную фольгу, Джек вкрутил в пробку штопор.

— Он мне сам рассказал. Его звали Эд. Сам похвастался.

— Эд... У этого дерьма было имя.

Джек заморгал. Кроме «чертей» и проклятий, папа весьма скрупулезно относился к бранным выражениям. По крайней мере, так помнилось с детства.

Том поднял голову, не глядя на сына. Облизнул губы.

— Как... ты это сделал?

— Связал и подвесил за ноги на том же переезде вроде пиньяты¹ для проезжающих внизу грузовиков.

Пробка выскочила из бутылки с таким же звучным хлопком, как удар первого, а потом и второго грузовика по висевшему телу Эда.

Музыка. Тяжелый металл.

Отец наконец посмотрел на него:

— Значит, вот для чего ты ушел. Для того, чтоб совершить убийство. Надо было остаться, Джек. Надо было прийти ко мне. Я бы тебе помог. Не пришлось бы жить с чувством такой вины столько лет.

— Вины? — переспросил Джек, наливая бокалы. — Я за собой никакой вины не чувствую. В чем моя вина? Никакой вины, никакого раскаяния. Если б вернулся тот вечер, сделал бы то же самое.

— Почему тогда, скажи на милость, ты исчез без следа?

Он пожал плечами:

— Ждешь пространного, обдуманного, выстраданного душой ответа? У меня его нет. В тот момент показалось, так надо. С маминой смертью весь мир

¹ П и н ь я т а — горшочек со сладостями, который подвешивают к потолку в первое воскресенье поста и стараются разбить палкой (исп.).

стал другим, незнакомым, чужим, все мне стало противно, хотелось уйти. Я ушел. Конец истории.

— А тот самый подонок Эд... Почему ты не обратился в полицию?

— Я так не работаю.

Том прищурился:

— Не работасшь? Что это значит?

В эту тему углубляться не хочется.

— Потому что его взяли бы, потом выпустили под залог, предъявив обвинение в халатном обращении с грузом.

— Ты преувеличиваешь. Ему пришлось бы нелегко.

— «Нелегко» недостаточно. Он заслуживал смерти.

— И поэтому ты убил его.

Джек кивнул, хлебнул вина.

Отец всплеснул руками:

— Ты вообще подумал, что с тобой могло случиться? Вдруг тебя кто-то увидел бы? Вдруг поймали бы?

Он открыл было рот, чтоб ответить, но что-то в отповских словах и тоне остановило его. Кажется... его больше тревожат возможные последствия для убийцы, чем само убийство. Где же бешеный гнев, где типичное для представителя среднего класса отращение к сознательному убийству?

— Папа, скажи, что тебе не хотелось бы его смерти.

Том закрыл глаза рукой, губы его дрожали, Джек ждал, что он сейчас заплачет.

Положил руку ему на плечо.

— Я не должен был тебе рассказывать.

Отец взглянул на него полными слез глазами:

— Не должен? Лучше бы сразу сказал! Я пятнадцать лет думаю, что он еще где-то ходит, безымянный неизвестный призрак, который никогда не по-

падется мне в руки. Ты даже не представляешь, сколько ночей я пролежал без сна, воображая, будто задушил его насмерть!..

Джек не сумел скрыть изумление.

— Я думал, ты ужаснешься, узнав, что я сделал.

— Было ужасно не видеть тебя столько лет. Даже если бы тебя поймали, можно было б сослаться на временное умопомешательство или что-нибудь в том же роде, отделаться коротким сроком. Я, по крайней мере, знал бы, где ты находишься, мог бы тебя навещать.

— Для тебя, может быть, было бы лучше.

Отсидка в тюрьме, даже краткая... Немыслимо.

— Извини. Я что-то плохо соображаю.

Джек до сих пор ушам своим не верил.

— Я убил человека, и ты с этим согласен?

— Насчет *этого* человека согласен. Более чем согласен. Я... — отец протянул к нему руки, — горжусь тобой.

Ничего себе.

Джек не любил обниматься, но принял к нему, мысленно повторяя: гордишься? Гордишься? Господи Иисусе, как я мог в нем так ошибаться?

Снова вспомнились сказанные в первый день слова Ани:

Поверь, малыш, ты многого не знаешь о своем отце.

Они разомкнули объятия.

— Если б я знал, что ты к этому так отнесешься, позвал бы на помощь. Она мне не мешала бы. И ты что-нибудь *сделал* бы, не дожидаясь, пока полиция за тебя это сделает.

Том возмутился:

— Откуда ты знаешь, что я ничего не сделал? Откуда ты знаешь, что я не сидел с ружьем в кустах у переезда, следя, не попытается ли кто-нибудь снова это проделать?

Джек сдержал смешок, но от улыбки не удержался.

— Папа, у тебя ружья никогда не было. Даже пистолета.

— Сейчас, может быть, нет, а тогда было.

— Ну ладно.

Они стояли друг перед другом, отец смотрел на него как на нового незнакомого человека. Наконец, протянул руку. Джек пожал ее.

— Не знаю, как ты, — сказал Том, — а я с голоду умираю. Покончим с омлетом.

— Займись яйцами, я нарежу ветчину.

Славный вечер. Удивительный, потрясающий вечер открытий. Ничего подобного не предвиделось.

Было бы еще лучше, если бы удалось вернуть Карла домой. Интересно, как там бедный парень.

12

Карл смотрел на звездное небо, на бесформенные тени деревьев, на воды лагуны, на все, кроме огней. Впрочем, как ни старался, глаза все время возвращались к дыре... и к огням.

Его посадили на землю, спиной к одному из опорных столбов индейской хижины. Хотели связать за спиной руки, потом вспомнили, что у него только одна рука, поэтому крепкой веревкой примотали к столбу туловище.

Он слышал, как Семели сказала, что Джек нашел ее раковину, но дело обождет до завтра. Нынешняя ночь важнее.

Воздух теплый, влажный, плотный — лягушка задохнется. Может, они поэтому и не высовываются. Даже сверчки умолкли. В лагуне и окрестностях тишина, как в могиле.

Вскоре после наступления темноты замерцали огни необычных смешанных цветов, каких он никогда в жизни не видел. Вокруг дыры собралась настоящая толпа. Предварительно много чего было сделано. Люк и Корли, Юдолл и Эрик установили над отверстием какую-то стальную треногу. В центре сверху, где штанги сходились, находился шкив. Через него пропустили прочную длинную веревку, привязали нечто вроде стула.

Карл без конца повторял про себя: нет, она на это не пойдет. Не сумасшедшая же, в самом деле.

Но когда совсем стемнело и свет фантастических красок заиграл на воде и деревьях, Семели действительно забралась на сиденье, повисла над дырой, отблески на серебряных волосах приобрели совсем необычный оттенок, потом Люк с каким-то неопознанным парнем загородили картину панорамными спинами, спуская ее вниз.

Она скрылась из вида, прокричала снизу:

— Чего остановились? Спускайте!

— Ты и так уже глубже, чем следует, — крикнул в ответ Люк. — Сколько до воды осталось?

— Воды не видно. Похоже, вся высохла.

— Тогда где дно?

— И дна тоже не вижу, один свет.

— Ладно, — решил Люк. — Сейчас я тебя вытащу.

— Если ты это сделаешь, никогда больше не буду с тобой разговаривать! Слышишь? Никогда! Мне даже не снилось ничего подобного. Яркий свет окружает... пронизывает меня... Потрясающе! Трави веревку. Я хочу посмотреть, откуда он идет.

Карл многого в жизни не понимал, но был чертовски уверен, что это неудачная мысль. Хорошо, что он здесь, подальше от огней. С удовольствием оказался бы еще дальше, скажем перед телевизором

в своем трейлере. Пропустил все вечерние шоу по пятницам. Сейчас, впрочем, нечего переживать по этому поводу. Надо выбираться отсюда.

Он попытался одной рукой развязать на спине узел, а тот не поддавался. Живя в дикой глуши, особенно на воде, обучаешься вязать крепкие узлы. Тем не менее садовник не прекращал попыток.

— Спускайте! — слабым эхом послышался из дыры голос Семели.

— Почти всю веревку вытравили, — сообщил Люк.

— Спускай до конца! Сколько можно!

Хорошо, решил Карл. Всеобщее внимание сосредоточено на ней.

Если бы только ослабить узел, можно было бы тихо-нечко броситься в воду, угнать каноэ, тайком смыться. Пока заметят, он будет уже далеко...

Тут он вздрогнул от вопля, от долгого страдальческого крика, словно с кого-то сдирали кожу — не просто кусочек, а всю целиком.

Столпившиеся вокруг дыры парни разом загомонили, засуетились, забегали туда-сюда, принялись бешено крутить веревку. Среди мельтешивших фигур Карл разглядел Семели на сиденье, вялую, как наживка для рыбы, неподвижную.

Будто мертвая.

Суббота

1

Семели услышала крик и очнулась, разбитая, обливаясь потом.

— Где я?

— Семели, что с тобой?

Голос Люка... наклонившееся над ней лицо...

Она села, сообразив, что находится на «Плавучем Быке», снова упала на спину.

— На, выпей.

Люк поднес к ее губам бутылку, она глотнула. Вода. Господи боже, как вкусно.

Вновь огляделась.

— Как я тут очутилась? Не помню, чтобы ложилась в постель.

— Ты спускалась в дыру, — напомнил Люк.

— К огням! Конечно.

Вспомнила. Она спускалась в дыру, купалась, как солнцепоклонница, в чужом, удивительном до безумия свете. Причем сама была не чужой, а скорее желанной, больше, чем в родном доме. Вспомнилось стремление сорвать одежду, чтобы лучи проникли сквозь кожу. Не успела...

...послышались голоса.

Сначала еле слышный шепот. Фактически даже не звук. Голоса раздавались как бы в голове, словно у сумасшедшей. Точно даже не скажешь, с ней ли они говорили. Может, просто болтали друг с другом, слова летели в уши, однако казалось, они обращаются к ней. *Хотелось*, чтобы обращались.

— Что там с тобой случилось? — спросил Люк. — Никогда в жизни таких воплей не слышал, мы тебя вытащили в полной отключке. Я уж думал, ты мертвая.

Мертвая... Семели лихорадочно потирала виски. Проклятье, надо вспомнить, что было, о чем голоса говорили... Настойчиво твердили — «Тот Самый»... Вновь и вновь повторяли. Что это значит?

Вдруг ее осенило — это человек. Тот Самый готовится в путь, все зависит от Того Самого, потому что Тот Самый — особенный.

Стой, подумала она, замерев от волнующего предчувствия. Это я особенная. У меня есть чудесная сила, какой ни у кого больше нет. А зовут меня...

Она села, по-индейски скрестив ноги.

— Да!

— Что?

— Люк, знаешь, что значит мое имя?

— Семели? Просто... Семели. Точно так же, как Люк значит Люк.

— Все имена что-то значат. Не имею понятия, что значит Люк, но мама говорила, что Семели значит «одна-единственная». Она назвала меня так потому, что я у нее первая, роды были по-настоящему трудные и больше она не рожала. Я стала первым и последним ребенком, одной-единственной.

— Ну и что? — нахмурился Люк.

— Я слышала внизу голоса, которые говорили о ком-то особенном. Наверняка обо *мне*. — Она закрыла глаза, содрогаясь от волнения всем телом, словно под электрическим током. — И еще что-то без конца повторяли...

Что? Вертится в памяти, и никак не поймашь... начинается на «р», а дальше?

Вдруг вспомнилось. Имя выскочило, будто она всегда его знала.

Странное имя. Никогда такого не слышала. Может быть, так голоса называют ее, Ту Самую, единственную? Наверно.

Что это были за голоса, что значит «готовится в путь»? Что зависит от нее, Той Самой?

Надо выяснить. Может быть, нынче ночью. Только прежде следует кое-что сделать. В том числе получить другую раковину. Но сначала...

— Я сменю имя, Люк.

— С ума сошла? — рассмеялся он. — Имя просто в любую минуту не сменишь по собственной прихоти.

— Нет. Так надо. Поэтому меня сюда позвали. Я думала, что лагуна говорит со мной, требуя жертв, оказалось, что нет. Это были огни или те, кто живет среди них.

— Ложись, хватит болтать.

— Нет. — Семели оттолкнула его. — Разве не понимаешь? Меня нарочно привели сюда, в это место, в это время, чтобы я узнала свое Настоящее Имя. Теперь я его знаю и буду носить. — Она встала, глядя на огни, еще сверкавшие в дыре в ранних утренних сумерках. — Грядут большие перемены, Люк, и я буду в этом участвовать, находясь в самом центре событий. Если ты вместе с другими членами клана присоединишься ко мне, то наступит наш день. Да, Люк, придет великий день.

— Семели...

— Говорю тебе, я больше не Семели. С этой минуты зови меня...

Имя замерло у нее на губах. Ясно — Настоящее Имя нельзя никому называть. Оно предназначено исключительно для нее и для самых близких людей. Люк близкий, но не настолько. Пожалуй, особенному мужчине по имени Джек можно сказать, хотя не сейчас. Пусть сначала докажет, что он того стоит.

— Как тебя называть? — спросил Люк.

— Семели.

Он вытаращил на нее глаза:

— Ты ж только что сказала...

— Теперь передумала. Сама для себя сменю имя, а ты зови меня по-прежнему. У нас еда есть какая-нибудь?

Люк встал:

— Пойду к костру, посмотрю.

Как только он ушел, Семели вышла на палубу, посмотрела на звезды.

— Расалом, — проговорила она, наслаждаясь раскатистым звучанием. — Расалом.

2

Человек — больше чем человек — открыл в темноте глаза.

Имя... кто-то произнес его имя. Не одно из многих, которыми он пользовался в разных обличьях для разных целей. Настоящее Имя.

Он наслаждался физическими страданиями девочки-подростка по имени Сюзанна и моральным разложением мучившей ее семьи.

Бедняжка Сюзанна уже одиннадцать дней была прикована цепью к стене этого коннектикутского дома с другой стороны. Ее насиловали и развращали, подвергали невыносимым пыткам и мукам. Рассудок не выдержал. Она больше не реагировала. Она умирала. Мозг не работал, выполняя лишь самые необходимые функции. Она даже не чувствовала, как в бедро ей вкручивают штопор.

Особенное наслаждение доставлял тот, кто его вкручивал, — восьмилетний мальчик. Ибо этого человека — больше чем человека — питали не только боль и страдания, но и нравственная деградация.

Он возвращался к этому дому, купаясь в янтарном свете юной, безвременно угасавшей жизни.

Но вот все пропало, дивный свет померк, задутый нараставшим гневом и — надо признать — беспокойством.

Кто-то назвал его Настоящее Имя.

Кто? Здесь имя знают лишь двое: тот, кто хочет услышать, и тот, кто не смеет произнести.

Вот! Опять!

Зачем? Его кто-то зовет? Нет. На сей раз чувствуется, что кто-то не просто называет Истинное Имя, а хочет присвоить.

Гнев расцвел в душе ярко-красной розой. Это недопустимо!

Откуда оно донеслось? Он встал на ноги, описал широкий круг — раз, другой, — остановился. Имя звучит оттуда... с юга. Надо найти нечестивого узурпатора.

Все планы гладко движутся к завершению. Через столько веков, тысячелетий, эпох цель все ближе и ближе. Не пройдет и двух лет, настанет его час, минута, время — с помощью тех, кто знает, что он и есть Тот Самый.

И вдруг кто-то присваивает себе Настоящее Имя...
Никогда!

Человек — больше чем человек — зашагал прочь от дома в рассеивающейся темноте. Нельзя терять ни минуты. Надо немедленно отправляться на юг, отыскать произнесшие Истинное Имя губы, закрыть их навсегда.

Он задержался у бровки тротуара. Вдруг кому-то только того и надо?

Может быть, это ловушка, подстроенная единственным в этом мире человеком, которого он боится, от которого должен прятаться до Моменты Перемен.

В своей первой жизни, когда он был ближе к источнику, у него была огромная власть, он мог насылать тучи, метать громы и молнии. Даже во второй насылал и исцелял болезни, заставлял ходить мертвецов. А в третьей власти меньше. Впрочем, он не беспомощен, нет, далеко не беспомощен. Нико-

му не позволит воспользоваться своим Истинным Именем.

Надо действовать осторожно, но действовать. Этого нельзя позволить.

3

Джек вошел в переднюю комнату, где отец возился с французской кофеваркой.

— Не трудись, пап. Я прихвачу в городе кофе и пончиков.

Заметил как-то кондитерскую Данкина и проснулся с мечтой о пончиках в глазури.

— Пончиков? Неплохо звучит. Кофе мне приготовить нетрудно. В конце концов, любое дело — заделье.

Джек застонал.

— Что предпочитаешь?

— Парочку в шоколадной глазури было бы замечательно.

Джек вышел из дома, стараясь сосредоточиться на пончиках, надеясь, что это поможет выбросить из головы Карла и поиски способа вернуть его домой. Воздух стал суше. Кажется, приближается холодный фронт.

Давно пора. Беспощадно жаркие дни измотали его. Может быть, поработает «Элвис». Если так, то спасибо.

Над морем меч-травы стлался туман, простираясь до далекого пригорка. Цапля вернулась в пруд, глубоко утопая в воде у берега, выжидая, как снежная скульптура, не шевельнется ли завтрак.

Он направился вокруг дома к машине. За углом остановился. На капоте автомобиля сидела женщина в коротких брюках и зеленом топе. Белые воло-

сы заплетены в одну косу. На шее висела двойняшка найденной раковины.

Семели.

— Наконец-то, — проворчал он, осторожно шагая к ней и оглядываясь вокруг. Одна ли явилась? — А то я стою тут, как чокнутый, объявляя в воздух, что нашел твою раковину. Ты вроде бы обещала услышать.

— И услышала, — улыбнулась она. — Поэтому пришла.

Непонятно, в чем дело, но выглядит она по-другому. Те же белые волосы, а взгляд странный, точно она заглянула в чужое окно и увидела то, чего не должна была видеть.

Вот именно. Словно открыла секрет, который никому больше неведом. Или думает, будто открыла.

— Долго добиралась.

Она все улыбалась.

— Были другие дела.

Джек напрягся:

— Какие? Надеюсь, Карлу не причинили вреда?

— С Карлом все в полном порядке. — Она протянула открытую ладонь.

— Давай раковину.

Он в свою очередь улыбнулся:

— Шутишь?

— Нет. Отдай раковину, я пришлю Карла обратно.

— Не пойдет.

Улыбка исчезла.

— Ты мне не доверяешь?

— Вот что я тебе скажу: верни его, я отдам тебе раковину.

— Ни за что.

— Как? Ты мне не доверяешь?

Семели сверкнула на него глазами.

— Та Самая не обманывает.

Джек замер. Та Самая? Она только что назвала себя Той Самой?

— Что ты сказала?

— Ничего.

— Ты сказала, Та Самая. Что это значит?

— Я тебе говорю, ничего. Оставим эту тему.

Аня упоминала Того Самого, но имела в виду Сола Рому. Неужели он принимает участие в здешних событиях?

— Знаешь мужчину по фамилии Рома?

— Никогда не слышала, — покачала она головой.

— Он велел тебе приносить жертвы болоту?

Семели широко открыла глаза, соскользнула с капота, шагнула к нему:

— Откуда ты знаешь?

— Не важно. Просто скажи: это Рома?

— Я тебе говорю, не знаю никакого Ромы.

Джек поверил.

— А кто? Кто подсказал тебе эту безумную мысль?

— Никто. Сама лагуна. Она говорит с тобой, если прислушаться. Со мной, в любом случае. Во сне мне сказала, что сердится, Врата должны расплатиться. Сказала, цена равняется четырем жильцам в год...

— Стой, стой. Так и сказала «равняется»?

Слово не из словаря Семели, по крайней мере как глагол.

— Да, «равняется». Дурацкое выражение, правда?

Джек призадумался, действительно ли это был сон. Похоже, кто-то или что-то оказывает на нее влияние, только очень сомнительно, чтобы это была лагуна. Скорее узловая точка в кеноте.

— Ты когда-нибудь что-нибудь слышала об Ином? — спросил он.

— По-моему, нет, — покачала она головой. — А должна была?

— Не имеет значения. — Если даже не слышала, вовсе не исключается, что девушка вольно или невольно работает на Иное. — Почему должны расплачиваться обитатели Врат? Люди живут и ближе к лагуне.

— Живут, но лагуна требует жителей Врат. Не спрашивай почему, просто требует.

Джек ткнул большим пальцем через плечо:

— Один житель Врат исключается. Договорились?

— Конечно, — кивнула она. — Лагуне уже хватит жертв. Счет еще, может, придется сравнять, но с жертвоприношениями покончено.

— Какой счет?

— Между мной и лагуной. Не бойся. Это твоего отца не коснется.

На сей раз Джек поверил, утешившись тем, что клан больше не будет охотиться за папой. Если бы не догадка, что кто-то займет его место.

— Дай Бог. И лучше покажи мне Карла, пока я не потерял раковину. Вдруг на переходе улицы выпадет из кармана. Машины быстро в пыль размелют.

Семели побледнела под загаром.

— Не шути.

— Что в ней такого особенного?

Ее рука потянулась к единственной раковине, висевшей на шее.

— Я их с детства ношу. Просто хочу вернуть.

— А я хочу вернуть садовника.

— Что ж, нам есть чем меняться, — вздохнула она. — Привези раковину в лагуну...

— Нет, — тряхнул Джек головой. — Привези сюда Карла.

Семели разжала пальцы и стиснула в крепкие кулаки.

— Ты чертовски осложняешь дело. — Она посмотрела в туманное небо, потом на него. — По-

жалуй, сойдемся где-нибудь посередине. У тебя есть идеи?

Джек воскресил в памяти путь, проделанный с Карлом, и припомнил мель, через которую они тащили каноэ. Описал ее, и Семели решила:

— Ладно. Встретимся там через час.

Он оглянулся на Эверглейде в сгущавшейся дымке. С ней еще можно договориться, а с остальными членами клана — неясно. Нужна полная ясность.

— Может быть, в полночь?

— Зачем так долго ждать?

— Мне требуется время.

— Хорошо. В полночь. Только не опаздывай.

И направилась прочь, колыхая бедрами. Джек смотрел вслед, тоскуя по Джиа, гадая, как Семели выберется из Врат... Его отвлек отцовский голос:

— Надеюсь, ты не собираешься на эту встречу?

Он оглянулся, увидев отца на веранде, смотревшего на него сквозь жалюзи.

— Ты все слышал?

— Последние фразы. Достаточно, чтобы понять ее причастность к моему несчастному случаю и, возможно, к убийству других. Что за проблема с Карлом? Речь идет о садовнике?

— О нем самом.

Джек быстро рассказал о случившемся — о поездке в лагуну, о Семели с ее кланом.

Том покачал головой:

— Ты ведь только что сюда приехал, Джек. Как умудрился за пару дней вляпаться в такое дело?

— Наверно, повезло.

— Я серьезно. Надо пойти в полицию, в Управление Национального парка...

— Я так не работаю.

— Что это значит? Второй раз повторяешь.

— Очень просто, папа. Я обещал вернуть Карла домой в целости и сохранности. Я — а не копы, не лесничие. Так и будет.

— Но ведь ты же не знал, чего это тебе будет стоить, когда обещал. Он не может требовать исполнения обещания.

— Он и не требует, — сказал Джек. — Ты не понял. Том поскреб подбородок.

— Отлично понял. И знаешь... чем больше я тебя узнаю, тем больше ты мне нравишься. Исполнения обещания требует вовсе не Карл... а ты сам. Я за это тебя уважаю. Дьявольски глупо... но уважаю.

— Спасибо.

Что сказать? Папа понял.

— Только тебе нельзя идти одному. Необходимо прикрытие.

— Рассказывай! Знаешь, где его найти?

— У себя перед глазами.

Джек рассмеялся. Отец промолчал.

— Без шуток.

— Папа, ты на эту роль не годишься.

— Почему ты так уверен? — Он распахнул дверь веранды. — Заходи. Расскажу кое-что, чего ты не знаешь.

— О чем?

Что бы он ни рассказывал, не стоит прибегать к помощи семидесятилетнего бухгалтера, тем более что этот семидесятилетний бухгалтер его отец.

— О себе.

4

Дома отец протянул ему чашку кофе и, прежде чем Джек успел спросить, в чем дело, скрылся в своей спальне. Через минуту вернулся с серой ме-

таллической шкатулкой в руках, которую он обнаружил во вторник. Не ожидал ее снова увидеть, но еще больше его удивила одежда отца.

— Папа, ты для смеха нарядился в кофту?

Тот плотней запахнулся в старый коричневый мохеровый кардиган.

— Холодно! На градуснике за окном шестьдесят девять градусов¹.

Джек не удержался от смеха.

— Ты настоящий снежный человек, пап.

— Не обращай внимания. — Том поставил шкатулку на кофейный столик. — Садись.

Сын уселся напротив него.

— Что у тебя там? — спросил он, заранее зная ответ.

Отец отпер шкатулку и откинул крышку. Вытащил старую фотографию, передал Джеку: он сам и шестеро молодых парней в форме.

Джек внимательно всмотрелся, прикинувшись, будто в первый раз ее видит.

— Эй, это ж ты в армии!

— В армии? — Том скорчил гримасу. — Эти дурни из морской пехоты. «Всегда верны»² и так далее.

— Армия, морская пехота, — пожал Джек плечами, — какая разница?

— Попади ты на службу, не спрашивал бы.

— Но ведь вы же сражались с одним врагом, правда?

— Да, но мы его крепче били. — Отец постучал пальцем по снимку. — Мои однополчане. — Выражение его лица смягчилось. — Остался только я один.

Джек посмотрел на юные лица.

¹ 69 градусов по Фаренгейту — около 22 по Цельсию.

² «В с е г д а в е р н ы» — девиз Корпуса морской пехоты США.

— Чему вы улыбаетесь?

— Только что вышли из снайперской школы.

Сын взглянул на отца:

— Ты был снайпером? — Он научился верить невероятному, только это уж слишком. — Неужели мой папа снайпер?

— Ты произносишь это как ругательство.

— Вовсе нет. Я просто... потрясен.

— Многие снайперов ненавидят, даже военные. А после того, как пара психопатов поубивала недавно в округе Колумбия столько народу, почти все последовали их примеру. Но те двое не снайперы. Наемные убийцы. Даже рядом не стояли со снайперами. Снайпер стреляет не по всякой движущейся цели, он преследует конкретную цель, *стратегическую*.

— И ты это делал в Корее.

Отец медленно кивнул:

— Я многих там перестрелял, Джек. Наверняка нынче бродит по свету немало солдат, которые за время службы поубивали гораздо больше врагов — немцев, японцев, северных корейцев, китайцев, вьетнамцев, — но они просто стреляли в безликих незнакомцев, старавшихся убить их самих. Снайперы — дело другое. Мы прятались в укрытии, выбирали конкретную цель. Нас не интересовали мельтешившие в пятистах ярдах сотни, тысячи солдат. Нам были нужны офицеры, сержантский состав, радисты, чтобы подорвать мобильность и боевой дух противника.

Джек пристально смотрел на него.

— Что-то вроде... личной мести?

— Похоже. Поэтому мы чувствовали замешательство... Не хотелось хладнокровно брать на мушку человека на бивуаке, прицеливаться, спускать курок. — Он вздохнул. — Пожалуй, действительно что-то вроде личной мести.

— Но если это спасало жизнь...

— Все равно, хладнокровное убийство... На первых порах я следил за радистами и за гаубичной командой. Как только снимал офицера, сержанта, к рации или гаубице тут же бросался кто-то другой, и его тоже надо было снимать.

Джек кивнул.

— И ты стал охотиться за снаряжением.

— Именно. Знаешь, что делает с рацией или с прицелом гаубицы заряд 30-го калибра?

— Могу себе представить. — Джек отлично представлял себе эффект. — После этого только на свалку, больше никуда. Вы тогда из «М-1» стреляли?

— Мы, снайперы, тренировались с винтовками с восьмикратным прицелом. Я из нее сделал пару смертельных выстрелов за тысячу ярдов.

За тысячу... за три тысячи... убить человека, который находится от тебя за полмили... Немыслимо... Джек старался по возможности не пускать в ход оружие, но при необходимости без колебаний им пользовался. Как правило, с близкого расстояния, точно говоря, не более двадцати пяти футов.

А тысяча ярдов...

— Патроны какие?

— М-72.

Джек не слышал ничего подобного.

— Сколько гран?

— Ты в этом разбираешься? — прищурился Том.

— Немного, — пожал он плечами. — Главным образом в ружейных боеприпасах.

— Главным образом?

— Да. — Не хотелось вдаваться в подробности. — Ну и сколько же гран?

— Сто семьдесят пять с половиной.

Джек присвистнул.

— Да, — кивнул Том. — Дуб пробивает на двенадцать дюймов. Замечательно маленький радиус точности. Хорошие обоймы.

— Не считай меня занудой, но... многих ты убил? Отец покачал головой, закрывая глаза:

— Не знаю. Бросил считать на пятидесяти.

На пятидесяти... Господи помилуй...

— Я думал, на войне это в самом деле имеет значение, поэтому сначала считал. А как счет дошел до пятидесяти, смысл улетучился. Одного хотелось — вернуться домой.

— Долго ты там пробыл?

— Не слишком — почти всю вторую половину пятидесятого года. В августе меня доставили в Пусан, где творился полный кошмар, поскольку армия не сделала свое дело. В середине сентября наш 5-й полк пришел в Инчон. К концу месяца взяли Сеул, передав его южным корейцам. Думали, что на том и конец. Освободили страну, вышибли коммунистов за тридцать восьмую параллель. Дело сделано, пора домой. Ан нет.

Последние слова отец протянул на манер Джона Белуши. Джек спрятал улыбку, растирая ладонью лицо.

— У Макатура возникла блестящая мысль о вторжении в Северную Корею и воссоединении страны. В результате чего мы оказались лицом к лицу с красными китайцами. Настоящие сумасшедшие. Никакого почтения к жизни — своей или чужой, — они на нас просто накатывались волна за волной.

— Может, им было бы гораздо хуже за невыполнение приказа вас уничтожить.

— Возможно, — тихо согласился отец. — Возможно. — Он содрогнулся в своем кардигане. — Если есть в мире место холоднее гор Северной Кореи, знать о нем не хочу. В октябре было холодно,

и когда пришел ноябрь... ночью температура падала до минус десяти при воющем ветре скоростью тридцать—сорок миль в час. Никак не согреться. Смазка застывала на дьявольском холоде, стрелять нельзя было. Пальцы на руках и ногах отваливались вместе с носами. — Он взглянул на Джека. — Наверно, поэтому я сюда и приехал, чтобы больше никогда не чувствовать холода.

Господи боже, истинный ужас! Тяжелый разговор, но надо получить ответы еще на несколько вопросов. Джек указал на лежавшую на дне шкатулки коробочку с медалью.

— Это что?

— Ничего, — смутился отец.

Джек полез за ней, вытащил.

— Тогда я открою, если не возражаешь. — В коробочке лежали две медали. — Когда ты их получил?

Отец вздохнул:

— В одно время, в одном месте. 28 ноября пятидесятого года на реке Чосон в Северной Корее. Китайцы бесконечно вытряхивали из нас потроха. Я сидел на хорошей позиции, когда две роты красных начали заходить с фланга. С большим запасом патронов я снимал каждого, кто махал рукой или отдавал приказы, стрелял в каждую рацию. Они скоро переполошились, начали бегать, толкаться... Можно было бы посмеяться, если б было теплее, если б наш дивизион почти полностью не порубили... Все равно, говорят, я в тот день многим спас жизнь.

— Один... против двух рот китайцев?

— Сначала чуть-чуть помогал Джимми — напарник, — но быстро получил пулю в лоб, после чего я остался один.

Отец, несколько не хвастаясь, произвел сильное впечатление. Хрупкий мужчина с тихим голосом, которого Джек знал всю жизнь, считая образцовым

прозаическим представителем среднего класса, оказался хладнокровным снайпером.

— Ты герой.

— Ничего подобного.

Джек поднял «Серебряную звезду»:

— Вот доказательство. Наверно, тебе было страшно.

— Конечно. Штаны чуть не обмочил. Мы с Джимми дружили, а он рядом мертвый лежит. Я в ловушке. Там пленных не брали, и, если б меня окружили, бог знает, что сделали бы за убитых офицеров. Поэтому я махнул рукой и решил прихватить с собой как можно больше противников. — Он пожал плечами. — Знаешь, не так уж страшно было умирать, особенно если быстро, как Джимми. Я еще не познакомился с твоей матерью, не должен был растить детей... больше не пришлось бы мерзнуть... Смерть в тот момент казалась не самой плохой штукой на свете.

Есть кое-что хуже смерти... Понятно. Надо еще спросить про «Пурпурное сердце».

— А это?

Отец указал на левую нижнюю часть живота:

— Получил кусок шрапнели в кишки.

— Ты же всегда говорил, что шрам от аппендицита!

— Так и есть. Шрапнель пробила аппендикс, его удалили вместе с куском металла. Чудом доставили меня живым в Хунгам, продержали неделю на пенициллине, на том война для меня и закончилась.

Джек взглянул на отца:

— Почему ты все это скрывал? Или только мне одному ничего не известно?

— Нет, одному тебе известно.

— Почему ничего не рассказывал, когда мне было лет восемь—десять?

Хорошо бы знать в детстве — папа снайпер, морской пехотинец. Даже сейчас он предстал в другом свете.

— Мой папа снайпер... герой... ух ты!

— Не знаю, — пожал он плечами. — Когда меня, наконец, отправили домой, я понял, сколько ребят не вернется со мной. Родные больше их никогда не увидят. Потом вспомнил северных корейцев и красных китайцев, которых убил и которые тоже домой не вернутся, и как-то плоховато мне стало. Нет, стало *очень* плохо. Хуже того, потеряв стольких хороших ребят, мы так и не смогли пробиться за проклятую тридцать восьмую параллель. Поэтому я все выбросил из головы и старался никогда не думать.

— Но сохранил медали.

— Если хочешь, возьми их себе. Или выброси, мне все равно. Я храню фотографии, не хочу забывать тех парней. Кто-то должен их помнить. Остальное просто заодно случилось.

Джек положил медали в коробочку, а коробочку в шкатулку.

— Береги их. Это история твоей прошлой жизни.

— Можно сказать, и нынешней. Поэтому я тебе помогу забрать Карла.

— Ни в коем случае.

— Джек, тебе нельзя идти одному.

— Я кое-что придумал.

Отец минуту помолчал.

— А если я докажу, что еще чего-то стою? Пожалуйста, Джек. Мне хочется пойти с тобой.

Папа буквально упрашивает его взять. Но, черт побери... вдруг дело обернется плохо, тогда что? Он никогда не простит себе, если старик пострадает.

Тем не менее надо дать ему шанс.

— Ладно, папа. Устроим проверку. Как будем действовать?

Глаза за стеклами очков ярко вспыхнули.

— Кажется, я знаю способ.

5

Над оружейным магазином Дона висела вывеска с облупленными кричаще-красными буквами, ниже черными было написано: «Стрельбище».

— Здесь, наверно, — сказал Джек, останавливаясь на песчаной стоянке у проселочной дороги в округе Хендри.

Видна только одна другая машина — старый дизельный «мерседес»-седан. Вероятно, хозяйский. Заведение открывается в девять, уже десять с лишним. Казалось бы, тут должно толпиться больше народу с началом охотничьего сезона, но в данный момент они с отцом оказались единственными покупателями.

Войдя, увидели за стойкой худого мужчину с волосами и усами цвета перца с солью, с морщинистым лицом, на вид лет шестидесяти, даже старше.

— Дон? — спросил отец, протягивая руку.

— Он самый.

— Мы звонили насчет «М-1-С».

Обзвонили кучу оружейных магазинов — поразительно, как их много во Флориде, — и нигде не нашли того, что было нужно. А здесь оказались старые «М-1-С». Папа сказал, годится. Округ Хендри довольно далеко к северу от Врат, но выбирать не приходилось.

Дон с улыбкой взял стоявшее у него за спиной у стены ружье, положил на стойку вверх затвором.

— «Гаранд М-1-С». Тяжелая малышка. Фунтов двенадцать весом. Но все на своем месте, до сих пор оригинальный прицел.

— Вижу, — кивнул Том.

Джек видел перед собой помятую железяку. Высохший деревянный приклад исцарапан, побит, выщерблен, металл облез; похоже, пыль с ружья стерли впервые за долгие годы.

Отец взял винтовку, взвесил в руках, одним ловким движением вскинул к плечу, взглянул в прицел.

— Никогда мне не нравился прицел «М-82». Никогда не нравилось крепление, увеличение всего в два с половиной раза... Я привык к восьмикратному. — Он взглянул на Джека. — Одно время снайперов в армии вооружали такими винтовками. Если хочешь знать мое мнение, рядом с моей и близко не стояла.

— Если в самом деле хотите из нее стрелять, — сказал Дон, — могу предложить хороший прицел.

Том покачал головой:

— Этот вполне сгодится. А стрелять она будет?

Дон пожал плечами:

— Спросите чего-нибудь полегче. Я про нее вообще позабыл, пока вы не позвонили. Она тут так давно, что не помню, когда и у кого была куплена.

— Сколько за нее хотите?

Дон выпятил губы.

— За двадцать пять сотен отдам.

— Что? — воскликнул Джек.

Отец рассмеялся:

— Отдадите? Неплохая сумма за армейский металл.

— Такая винтовка, полностью оснащенная, — коллекционная вещь. Будь она в лучшем виде, ушла бы на аукционе вдвое дороже.

— Папа, можно гораздо дешевле купить винтовку получше.

— Но не такую, к какой я привык.

— Да, однако двадцать пять сотен баксов...

— Это всего-навсего деньги, черт побери. — Он посмотрел на Дона. — Вот что я вам скажу: полу-

чите, сколько просите, при условии, что она еще стреляет. Значит, разрешаете мне ее вычистить и пострелять на пробу. Есть какая-нибудь скамейка, где я мог бы ее разобрать?

Дон снова надул губы.

— Ладно. Все, что нужно для чистки, найдется в чулане. Валяйте. Только дайте мне документы и номер социального страхования для проверки.

— Для проверки? — переспросил Джек.

— Да. Для проверки на месте. Закон требует. Я должен позвонить в Федеральный департамент, убедиться, что покупатель не совершал преступлений, не обвинялся в насилии, не находится под запретительным судебным приказом. Если все чисто — получит ружье. Если нет — покупка отменяется.

— Пошли отсюда, пап, — мрачно сказал Джек. — Иначе тебя обязательно заметут.

— Очень смешно. — Отец взглянул на Дона. — Потом нельзя проверить?

— При покупке ружей нет, а для пистолетов на проверку отводится по закону три дня.

Джек обрадовался, что не приобретает оружие по законным каналам.

Отец порылся в бумажнике, выгудил флоридские водительские права, протянул Дону.

— Как насчет боеприпасов? Имеются подходящие?

— Есть пачка, — кивнул Дон. — Дам пяток на пристрелку.

— Договорились, — улыбнулся Том.

6

— Господи боже мой, папа, — ахнул Джек, глядя в полевой бинокль.

— Неплохо для старой развалины, а?

Отец стоял на правом колене, прижав левый локоть к левому бедру, прильнув глазом к прицелу.

— Неплохо? Да это ж фантастика!

Сначала он изумленно смотрел, как морщинистые стариковские руки разбирают винтовку, словно жестяную игрушку. Отец осмотрел боек, протер линзы прицела, вычистил и смазал все рабочие части, прочистил изнутри дуло длинной щеткой, потом снова собрал с восхитительной быстротой, легкостью, точностью.

— Все равно что ездить на велосипеде, — объяснил он. — Научишься и уже никогда не разучишься. Руки знают дело.

Потом пришло время пристрелки. За магазином у Дона было стрельбище в двести ярдов, за которым на много акров простиралось открытое поле. На покосившемся деревянном заборе висели мишени — большие листы бумаги с черными концентрическими кругами в центре.

Первые выстрелы кучно ложились слева, а после поправки прицела уверенно смещались к яблочку. Три последних попали прямо в полуторадюймовый кружочек.

— Не такая уж фантастика, — возразил отец. — Тут всего двести ярдов. — Он погладил винтовку. — Определенно своих денег стоит.

— Надеюсь, больше двухсот ярдов нам не понадобится. Кстати, плачу я.

Карточка «Виза» на имя Тайлески предоставляла кредит на пять тысяч долларов. Еще полно денег.

— Черта с два.

— Нет, помощника надо, как минимум, вооружить. — Джек протянул отцу руку. — Ты по-прежнему мастер, пап.

Улыбка отца, ответившего на рукопожатие, согрела его.

Вытаскивая каноэ с мотором на берег обмелевшей протоки, Джек снова промочил мокасины. Это уже вошло в привычку. Тучи рассеялись, солнце жгло плечи.

Раковина лежала в правом переднем кармане джинсов. Ну где же Семели?

— Ты опоздал, — сказала она.

Он взглянул вправо, видя, как она выплывает из-за поворота в дальнем конце мели, стоя на носу маленькой плоскодонки.

Что за чертовщина?.. К левому глазу приложена раковина, правый закрыт ладонью. Пока Джек присматривался, она сняла раковину, опустила руку, улыбнулась ему.

Карл и Корли сидели прямо позади нее, Люк управлял маленьким навесным мотором на корме, глядя на Джека пылающим взглядом.

Карл с ухмылкой махнул веслом, торчавшим из рукава. Джек с облегчением увидел, что выглядит садовник практически точно так же, как при расставании.

— Прошу прощения, — извинился он. — Надо было кое-что сделать, а тут, похоже, на все требуется больше времени, чем на севере. Никогда не замечала?

— Не знаю, — сказала Семели. — Не бывала на севере.

Люк выключил мотор, лодка заскрежетала днищем по песку, огибая мель. Все четверо вышли. Корли остался у лодки, трое других зашагали вперед — Семели с Люком первые, Карл за ними.

Быстро взглянув на Корли, Джек заметил у него на поясе нож, другого оружия не было. У Люка то же самое: охотничий нож с шестидюймовым лезви-

ем в кожаном чехле, прицепленном к ремню, пистолета нет. Хорошо. За ножом, впрочем, надо приглядывать.

Они остановились перед ним. Люк скрестил на широкой груди руки.

— Ну, — сказал он с воинственной ноткой, — сам видишь своими глазами, Карла мы привезли. Пора показать раковину.

Джек полез в карман, не сводя одного глаза с охотничьего ножа. Если парень протянет к нему руку, придется выхватить «глок».

Он выудил раковину, отдал Семели. Как только она ее взяла, прижала к груди, правая рука Люка метнулась, но не к ножу, а к лицу Джека. Он услышал металлический щелчок, увидел прямо перед глазами трехдюймовое зазубренное лезвие. Солнце сверкнуло на нержавеющей стали.

Джек обругал себя, не догадавшись о спрятанном в ладони складном ноже.

— Люк! — закричала Семели. — Что ты делаешь?

— Улаживаю дело.

— Раковина у меня! Убери нож!

Парень покачал головой:

— Нет. У нас будет и Карл, и раковина. Никаких дерьмовых обменов.

Пока они спорили, Джек принялся осторожно, не спеша, по миллиметрам, тянуть к пояснице свободную руку.

— Мы ему предложили меняться и сделаем это, — твердила Семели.

Люк опять покачал головой, не сводя с Джека глаз:

— Здесь я распоряжаюсь. Это мужское дело.

— Лучше убери нож, — приказала она. — Вон там в ивняке сидит его отец и целится в нас из ружья.

Джек замер. Он посадил отца в деревьях ярдах в полтораста отсюда. Откуда она знает?

Люк стрельнул глазами за плечо Джека и ухмыльнулся:

— Тот самый старикан? Ну и что?

— Подумай. Он взял ружье и выбрал это место до нашего приезда.

Откуда она *знает*?

— Ну и что? С такого расстояния никуда не попасть. А если наблюдает, пускай видит, как я его сыночку морду располосую.

Он замахнулся перед ударом, Джек выхватил «глок», хотел прикрыться правой рукой, но этого не потребовалось.

Все произошло в один миг: из головы Люка брызнула кровь, что-то просвистело мимо уха Джека, где-то за спиной грянул ружейный выстрел, хотя не обязательно именно в таком порядке.

Семели вскрикнула, Люк попятился, завертелся, упал лицом в воду. В едва заметном течении от него начало расплываться ярко-красное пятно.

Джек опустил «глок», оглядываясь на деревья.

Господи, папа! Не надо было убивать его насмерть.

Возникнут серьезные неприятности — полиция, коронерское дознание, всякая юридическая белиберда, черт возьми!

— Люк! Люк! — кричал Корли, с плеском шлепая к нему.

Джек держал его под прицелом, Семели слева от него не двигалась, стояла, зажав рот руками. Карл присел, оглядываясь, словно кошка, которая впервые в жизни услышала гром.

Тут — о, чудо! — голова Люка вынырнула из воды, он закашлялся, встряхнулся, сел. По лбу еще текла кровь, но теперь было видно царапину от лба до затылка.

Джек не мог удержаться от смеха. Ну, папа, ты даешь! Ничего себе шуточки.

— Он тебе просто пробор сделал, парень. В следующий раз развалит пополам пустые мозги. — Джек махнул Корли пистолетом. — Садись обратно в лодку. Добро пожаловать, Карл. Разворачивай, и поехали.

— Как скажешь, — ухмыльнулся садовник.

— Подожди, — сказала Семели, когда Джек повернулся обратно.

— Извини. Надо ехать. Мы покончили с этим дерьмом.

— Нет. — Она протянула руку, дотронулась до него. — Мне с тобой надо поговорить.

— Не могу.

— Я прошу тебя.

8

Джек задержался. Семели оглянулась, как бы проверяя, не слышит ли Люк, и понизила голос:

— Поверь, я не знала, что Люк выкинет что-то подобное.

Он посмотрел ей в глаза и поверил.

— Ладно. Только это большого значения не имело бы, если бы я сейчас обливался кровью вместо твоего приятеля.

— Пожалуйста, не сердись на меня.

Жалобный тон, взгляд огромных темных глаз, как у олененка... Невозможно представить, чего она добивается.

— Должно быть, вы шутите, леди. — Он наставил было на нее палец и сообразил, что все еще держит в руке «глок». Поэтому ткнул пальцем левой руки. — Все это твоих рук дело. Мы здесь из-

за тебя. Ты похитила Карла. Ты виновна в гибели троих ни в чем не повинных людей, и мой отец лишь по чистой случайности не оказался четвертым.

— Собираешься копам сказать?

— Может быть.

Губы медленно растянулись в улыбке.

— Нет. По-моему, не скажешь.

Что ж, она права. Нет никакого смысла выводить на сцену копов. В чем обвинит Семели прокуратура округа Дейд? В убийстве с помощью коралловой змеи? В убийстве с помощью птиц? Ну конечно.

— Не вини меня, — продолжала она. — Разве не видишь? На самом деле это не я. Все предусмотрено планом.

— Каким планом? — Джек ощутил тяжесть пистолета в руке. Надо прямо сейчас пристрелить ее, думал он. Кто знает, сколько можно спасти жизней, если она никогда не вернется в лагуну. — Ну, лучше тебе придумать другой план, ибо этот я объявляю законченным раз навсегда.

— Это не мой план.

Ответ застал его врасплох.

— А чей?

— Огней.

О господи! Приехали.

— Ты имеешь в виду, что во всем виноваты огни, которые идут из той самой вонючей дыры?

— Да, — просияла она. — Раньше я не понимала, потом увидела целиком всю картину. Это все предусмотрено планом, грандиозным и прекрасным планом.

— Хорошо. Огни разработали план. — Огни... если они связаны с узловой точкой, то, согласно Ане, связаны и с Иным. — Расскажи мне о нем.

Она улыбнулась еще шире:

— Все рассказать не могу, но скажу тебе: огни меня сюда вернули, чтобы мне стало известно, кто я такая.

— Вот как. И кто ты такая?

— Ох, этого я открыть не могу. Пока, по крайней мере. Это узнает только самый близкий человек.

— Что ж, я стою от тебя в двух шагах.

— Я имею в виду не ту близость. Другую... которая очень скоро нас свяжет.

Ух, леди, на это я не рассчитываю!

— Неужели?

— Да. Поэтому я возвращаюсь к другому фрагменту общей картины: к жертвоприношениям. У них своя цель.

— Какая?

— Чтоб ты сюда приехал.

У Джека пересохло во рту. У него все время было тревожное подозрение, тайное опасение, что отец — не случайная жертва, но он постоянно его отгонял, чтоб не нервничать.

Это я виноват.

Теперь перед ним встала проблема.

Он облизал губы.

— Постой. Это бессмыслица. По-твоему, огни думали, если убьют отца, я приеду. Но я мог и не приехать. Вместо меня приехал бы брат. И зачем было прежде еще троих убивать?

— Кто объяснит замысел огней? — пожала плечами Семели. — Может, жертвоприношения доставляют им радость, может быть, они знали, что мистер Уэлдон рано или поздно доберется до твоего отца, и просто ждали развития событий, может, выбрали твоего отца в тот момент, когда ты обязательно бы приехал... Ты же здесь, правда?

Правда, подумал он. Я действительно здесь.

— Зачем твоим огням надо, чтобы я был здесь?

— Для меня, — улыбнулась Семели.

— Для тебя? Чего тебе от меня нужно? Что ты вообще обо мне знаешь?

— Знаю, что ты особенный. Знаю, что мы должны быть вместе.

— Да? Ну, прошу прощения. Вы со своими огнями немножечко опоздали. Я занят.

— Не имеет значения. Мы будем вместе. Этого уже не отменишь. Это как бы... как бы...

— Кисмет?¹

— Кис... что?

— Судьба?

— Точно. Судьба. Нам с тобой суждено было встретиться. Ты возьмешь меня, увезешь с собой, введешь в общество, потом мы будем править бал.

Введу в общество? Господи боже, сестричка, ты выбрала не того парня.

— Слушай, если ты хочешь попасть в общество, я тебе меньше всех могу помочь.

— Позволь мне об этом судить. — Она шагнула ближе, приблизила лицо, едва не коснувшись его губами. — Встретимся сегодня вечером...

— Извини. — Джек отступил назад. — Игра кончена. Сиди тут со своими огнями, со своими приятелями, плавай в лодке, но держись подальше от Врат и особенно от моего отца. — Он поднял «глок», держа его у виска дулом в небо. — Если увижу кого-нибудь из твоего клана в ста ярдах от него, тебе конец. Не фигурально, не виртуально, а просто и бесповоротно. Понятно?

Она смотрела на него большими, вдруг опечалившимися глазами. Нижняя губа дрожала.

— Нет... Ты не сможешь...

— Понятно?

¹ Фатум, рок (араб.).

Джек повернулся и побрел к лодке, поджидавшей с Карлом в глубокой воде.

— Не сможешь!.. — крикнула она вслед.

— Увидишь.

9

— Его надо убить, Семели, — сказал Люк. — Обязательно.

Они были одни на палубе «Плавучего Коня». Семели сидела, свесив вниз ноги, глядя на свое отражение в воде. Люк горбился рядом.

Голова перестала кровоточить. Наконец-то. Одно время казалось, он потеряет всю кровь до последней капли. В больницу идти отказался, сказал, и так отлично поправится, без всяких чертовых дураков докторов, которые будут тыкать в него иглами. Возможно, он прав, но выглядит определенно глупо в красной косынке, завязанной под подбородком.

— Правильно, — кивнула Семели. — Не стану спорить.

Люк изумленно вытаращился на нее:

— Правда?

— Будь я проклята.

— А я думал, ты на него запала.

— Никогда не западала. Считала особенным, а это теперь не имеет значения. Он тебя ранил...

— Его отец стрелял.

— Знаю. Однако отец лишь спустил курок. Джек его заставил. Наверно, голову велел прострелить, а старик только поцарапал. Этого нельзя допускать, Люк. Нельзя допускать, чтобы кто-нибудь, даже особенный, причинял вред членам клана.

— Значит, ты согласна, чтоб я взял Корли и еще пару...

— Нет, — покачала головой Семели. — Я сама все устрою. Для тебя, Люк. В подарок.

Изумленный взгляд парня смягчился, наполнился любовью.

Только не бери в голову, мысленно предупредила она.

Ибо Люк вовсе тут ни при чем. Пусть думает иначе. Он был слишком далеко, слишком занят кровоточившей раной на голове, не слышал, что происходило между нею с Джеком на мели. Пускай верит, что она ради него выступит против Джека.

Но для нее на этом все кончилось.

Всю дорогу назад ей хотелось заплакать. Из груди словно вырвали сердце. Он отверг ее, отвернулся, ушел. Соврал, будто занят. Она всю жизнь слышит подобную ложь и знает настоящую правду: Джек считает, что слишком хорош для нее.

Вернувшись в лагуну, взглянула на дело с другой стороны.

С чего ей взбрело в голову, что он особенный и специально для нее предназначен? Теперь видно: никакой не особенный и решительно не для нее. После спуска к огням в дыру все изменилось. Теперь ей известно свое Настоящее Имя, не зря она сюда вернулась. Зачем — пока точно не ясно, но у нее есть цель. И она ей послужит.

Семели и раньше была особенной — что доказывала ее сила, — а теперь тем паче. Слишком особенная для Джека.

Да, но если так, почему ей до сих пор больно? Почему в желудке застрял твердый ледяной комок?

Есть только один способ поправить дело.

— Теперь оставь меня, — велела она Люку. — Мне надо подумать. Приготовить крупный жирный сюрприз для нашего друга Джека.

Люк поднялся.

— Хорошо, Семели, конечно, конечно. Пойду, пожалуй, проведу Дьявола. Посмотрю, как он там.

Как бы ей плохо ни было, Семели не сдержала улыбки. Люк всегда был для нее чем-то вроде ручной собачки, а теперь превратился в раба.

Ну и очень хорошо. У любой девушки должен быть раб.

10

— По-моему, за это надо выпить, — сказал отец, войдя в дом.

Карла — с тысячью долларов — забросили в трейлерный парк. Всю дорогу домой он без умолку изливал благодарность за спасение от клана и огней. Чтобы заткнуть ему рот, Джек попросил рассказать о событиях прошлой ночи. Недоверчиво отнесся к известию, будто Семели спускалась в дыру. Если огни, проходя сквозь песок и воду, искалечили членов клана, что будет от прямого воздействия? С ума она, что ли, сошла? Наверно, искала в кеноте ответ на вопрос, кто она такая, по ее выражению. Кто же, если не Семели?

— Чертовски удачный выстрел, пап. *Чертовский* выстрел.

Джек снова переживал тот момент.

— Правда? Правда?

Отец бросился на кухню, перебирая бутылки в шкафчике над раковиной, что-то отрывисто говоря и порывисто, быстро двигаясь, словно лишку хлебнул кофеина.

Парит выше воздушного змея.

— Знаешь, я не собирался его убивать, молился, чтобы не убить, и в то же время думал, если надо выбирать между ним и Джеком, согласен даже на

смертельный выстрел. Все навыки вернулись, когда я сидел на том дереве, Джек. Вдруг вернулся на берега Чосона, включился как бы автопилот, пришло спокойствие, полное, правда... В Глейдс ведь в меня никто не стрелял. Остались только я и винтовка, я один контролировал ситуацию. Я — и никто больше. — Он вытащил из шкафчика темно-зеленую бутылку, высоко поднял. — Попробуй, увидишь.

— Скотч? Думаю, мне хватит пива.

— Нет-нет, непременно попробуй. Помнишь дядюшку Стью?

— Конечно, — кивнул Джек.

Дядюшка Стью не был настоящим дядей, просто друг семьи, такой близкий, что его звали «дядюшкой».

— Он был членом единственного клуба солодового виски. Дал мне однажды попробовать, и я купил бутылку. Его выдерживают в старых вишневых бочках, как амонтильядо.

— И ты нашел скелет в кирпичной стене?¹ — Отец бросил на него вопросительный взгляд, и Джек добавил: — Не обращай внимания.

— Пей неразбавленным. — Отец налил в два невысоких стаканчика пальца на два виски. — Лед, вода, содовая запрещаются под страхом смерти. — Он протянул Джеку стаканчик и чокнулся с ним. — За лучший день в моей жизни за последние пятнадцать лет.

Джека вдруг пронзил болезненный укол. Лучший? Правда?

Не любя виски, сделал пробный глоток, посмаковал. Сладость, крепкий вкус, которого не было ни в одном другом виски, послевкусие... сказочное.

¹ Намек на сюжет рассказа Эдгара По «Бочонок амонтильядо».

— Господи помилуй, Монтрезор!¹ — вскричал он. — *Отлично!*

— Действительно? — усмехнулся Том. — Ничего лучше не пробовал?

— Без вопросов. Убойная штука.

— Слышу, хотя доказательств не вижу.

Джек пропустил это мимо ушей.

— Где можно купить бутылку?

— Нигде. Ничего не осталось. Все бочки давно проданы.

Джек поднял стаканчик и снова глотнул.

— Тогда лучше эту побережем.

— По-моему, вполне можно допить. Нынче особенный день. Давно я не жил полной жизнью. — Том покосился на сына. — Только хочу спросить кое-что.

— Ну, давай.

— Откуда взялся пистолет, который ты выхватил после того, как я парню проделал проборчик?

В тот момент Джек впервые в жизни чувствовал с ним необычайную близость. Разница между отцом и сыном исчезла. Они стояли лицом к лицу, как равные. Как друзья. Не хочется нарушать эту близость, но и невозможно ответить, что «глок» папе просто привиделся.

Поэтому он его вытащил с поясницы и выложил на кухонный стол.

— Этот ты имеешь в виду?

— Этот. — Отец взял его, взвесил в руке. Джек заметил с одобрением, что он держит оружие дулом вниз, не направляя на них обоих. — Из чего он сделан? Вроде...

— Главным образом из пластмассы. Кроме, конечно, дула и бойка, почти все остальное из пластика.

¹ Цитата из рассказа «Бочонок амонтильядо».

Хорошо бы с этим вопросом покончить...

— А как он у тебя оказался? Нельзя же было пронести в самолет.

— Имеются способы, — пожал Джек плечами.

Отец по-прежнему пристально вглядывался в него.

— Скажи правду. Ты фактически никакой не наладчик, да?

— Нет. Это правда.

— Ладно, а кто еще? — Он кивнул на «глок». — Я видел, как ты действовал. Повидал, как люди на войне обращаются с оружием. Всегда могу сказать, кто умеет и привык с ним обращаться, а кто не умеет. Ты попадаешь в первую категорию, Джек.

Несмотря на близость с отцом в тот момент, он никак не мог признаться.

— И ты тоже, папа. Может быть, это семейное.

— Хорошо, храни свою тайну. Пока. Только пообещай, что когда-нибудь, перед смертью, ты мне ее откроешь. Обещаешь?

Джек понял, что попал в западню. Аналог вопроса «когда ты прекратишь бить жену?». Ответ равнозначен признанию.

— Папа, не будем говорить о смерти.

— Ничего я не добился, правда? — вздохнул отец, плеснув еще виски в рюмку Джека. — Может быть, это развяжет тебе язык.

— Никто до сих пор не пытался меня спойть, — рассмеялся он. — Что ж, попробуй!

11

Тени удлинились к тому времени, как Семели приготовилась сделать первый шаг. Даже с помощью двух раковин ей пришлось потрудиться, на-

правляя Дору. Как всякая черепаха, она была медлительной и неуклюжей. Ничего похожего на Дьявола.

Бедный Дьявол. Состояние, по словам Люка, неважное, кажется, он умирает. Отчего Семели стало плохо.

Впрочем, она прогнала огорчение, сосредоточившись на своей цели. В конце концов приведя Дору на место, приготовилась сделать следующий шаг.

Вышла из лагуны, пошла по пригорку к пчелиному гнезду. Близо подходить не стала. Придя в бешенство, пчелы-убийцы не успокаивались и не переставали жалить. Зачем — неизвестно.

Семели приложила к глазам раковины, сосредоточилась...

...и заглянула в улей. Дикая картина, словно увиденная сотней глаз сразу.

Она сняла раковины, подняла захваченный с собой камень, бросила его в улей, вновь быстро прижала их к векам...

...вновь оказалась внутри улья, перед той же безумной картиной, теперь полной злого жужжания, по-настоящему злобного. Пчелы стремились к летку, в воздух, на солнечный свет, и она вылетела вместе с ними.

Увидела саму себя, стоявшую в тени с раковинами на глазах. Пчелы роились над ней, как над единственным в мире предметом, от которого надо спасти улей или уничтожить. По всему телу струился пот. Возможно, не стоило этого делать. Возможно, надо было искать другой способ. Если не удастся их отогнать, они могут убить ее.

Когда она на них накинулась, стала стряхивать, они приняли ее за серьезную угрозу улью, которую обязательно следует остановить, одолеть либо дать рою погибнуть.

Ничего не получалось. Пчелы летели на нее по-прежнему. В душе что-то вопило, приказывая бежать, хотя было ясно, что ничего не выйдет. Никому не убежать от этих самых пчел.

Их надо прогнать, надо прогнать, надо...

Есть! Они поворачивают, рассеиваются, направляются на восток. Дело сделано. Она взяла их в свои руки, и теперь ее гнев поддает жару пчелам.

12

Пока отец шумно погружался в темные глубины сна, Джек вышел побродить. Отцовский дом шириной в квадратный фут больше его нью-йоркской квартиры, но почему-то кажется меньше. Может быть, потому, что квартиру не приходится ни с кем делить. Ему требовался свежий воздух.

Чувствуя успокаивающую тяжесть «глока» на поясе, он, зевая, потягиваясь, исследовал окрестности, выискивая признаки присутствия членов клана. Семели сказала, что за отцом больше не будут охотиться, но довольно дико вела себя в Глейдс. Что помешает ей передумать?

Джек пошел вокруг дома, оглядываясь, стараясь разогнать пары скотча. Не так много выпил, но впал в полусонное состояние, не настолько, впрочем, чтоб заснуть.

На этот раз на капоте машины не сидела девушка с белыми волосами. Вообще никого не было видно. Обходя дом слева, он услышал легкий гул, словно где-то вдали работала цепная пила. Оглянувшись, ничего не увидел. Может быть, кто-то действительно работает пилой. Наверняка не Карл. Остаток дня он отдыхал, хотя собирался прийти ненадолго, установить камеру наблюдения за Аней.

Гул стал громче, и Джек снова медленно повернулся. Что такое?..

И тут он увидел тучу размерами с человека, движущуюся на него со стороны Глейдс, сообразив с ледяным тошнотворным ужасом, что это такое и кто ее наслал. Все инстинкты требовали повернуть и бежать, но он себя заставил двигаться вперед, навстречу. Потому что там была парадная дверь. Мчался изо всех сил, но пчелы поспели первыми, окружили и начали жалить.

Джек попятился. Не осталось ничего, кроме злобного жужжания и боли от вонзавшихся в кожу десятков докрасна раскаленных иголок. Он обеими руками сметал пчел с лица, но тело — шея, голова, обнаженные плечи — оставалось незащищенным. Пчелы жалили через футболку. Вновь попытался добраться до двери — они его отогнали.

Сквозь тучу мелькнула вода — пруд. Он кинулся туда, набирая скорость. Добравшись до берега, слепо нырнул, понял, рассекая воду, что почти вся туча осталась позади, однако не совсем. Несколько пчел по-прежнему впивались в кожу.

Вытянутые руки наткнулись на твердый подводный камень. Джек вцепился в него, держась под водой. Пока он в безопасности, но скоро придется вдохнуть. Очень скоро...

Камень под ним дернулся, сдвинулся. В мутной воде показались чешуйчатые бока, хвост... Двух голов с открытыми зубастыми пастьями не потребовалось, чтобы понять, кто находится вместе с ним в этом самом пруду. Джек вцепился в панцирь, когда большая грифовая черепаха стала выныривать, виляя из стороны в сторону, стараясь стряхнуть его. Пальцы соскальзывали с загорбка. Он, задыхаясь, перебирал варианты. Пруд явно безнадежен. Надо выбраться и попытать счастья с пчелами. Тварь в любом случае вынырнет.

Легкие уже горели огнем. Он подтянул ноги, уперся подошвами в черепашую спину. Как только голова показалась над водой, пчелы снова набросились. Джек держал лицо в воде, сколько мог, потом оттолкнулся от спины и прыгнул на берег. Правая ступня соскользнула, прыжок не удался, он упал на землю животом, выдохнув набранный воздух. Ноги остались в воде, в памяти на мгновение встало паническое видение перекушенного черепашими челюстями бревна. Мельком представив себя выползающим из воды с окровавленными обрубками вместо ног, он совершил отчаянный бросок, выскочив из пруда. Борясь с неутомимыми пчелами, увидел две головы, вытянувшиеся до последней возможности, шелкая зубами в воздухе, где только что были ноги.

Может грифовая черепаха двигаться по земле? Он не стал ждать ответа на этот вопрос, тем более среди жалящих пчел. Сообразив, что вылез на Анин берег пруда, вскочил и побежал к дверям ее дома. Закрытым, но, возможно, незапертым.

Пожалуйста, только бы не были заперты!

Впрочем, в доме прятаться не пришлось. Как только он очутился на зеленой лужайке, пчелы-убийцы осыпались с него точно так же, как тараканы пальметты в тот вечер, когда он рвался в двери отцовского дома.

Слышалось их рассерженное жужжание, набиравшее силу и громкость. Они кидались и тут же шарахались с Аниного двора.

— Пошли вон! — услышал Джек за спиной хриплый голос.

Оглянувшись, увидел шагавшую через лужайку Аню.

— Вон! — опять прокричала она. — Убирайтесь, откуда пришли! — Она ткнула пальцем в две головы, наблюдавшие из пруда. — И ты тоже! Проваливай.

Пчелы засуетились, сбились в продолговатый рой и с жужжанием умчались. Исчезли зубастые головы.

Джек, задыхаясь, упал на колени. Кожа горела, желудок грозил взорваться.

— Спасибо, — пропыхтел он. — Не знаю, как это вам удалось, но спасибо.

— Я же говорила, что здесь ничто на свете никому не причинит вреда.

— Правда. — Он посмотрел на нее. — Кто вы на самом деле?

— Твоя мать, — улыбнулась она.

Он заледенел от знакомых слов.

— Русская женщина сказала мне то же самое на могиле сестры. А индианка в Астории сделала то же признание Джиа. Что это значит?

— Не ломай голову, милый. Не надо тебе знать. Пока. Надеюсь, что и вообще никогда.

— Тогда зачем вы это сказали?

Аня повернула назад, бросив через плечо:

— Затем, что это правда.

13

Семели брела по тропинке между пальмами, задыхаясь от боли, обливаясь потом. Остановилась, приникла к ветвистому стволу бамии, переводя дух.

Снова старуха... мешает... встает на пути...

Она сильнее. Просто махнула рукой, приказала пчелам и Доре убраться — и все. Власть Семели отключилась, как свет. Воцарилась полная тьма. Очнувшись при почти уже севшем солнце, она лежала плашмя на спине, с раковинами не на глазах, а в руках.

Старуху надо остановить. Но как? Как бороться с подобной силой?

Откуда эта старуха взялась? Кто она такая, чтобы защититься от Доры и тучи пчел — не только защититься, но и отдавать им приказы?

Возможно, ее нельзя трогать. Возможно, она неподвластна Семели.

Семели добралась до берега лагуны, где на палубе «Плавучего Быка» сидел Люк.

Он печально взглянул на нее:

— Плохая новость... Дьявол умер.

На нее волной нахлынуло горе. Чувствуя слабость, она опустилась на землю, прижавшись спиной к пальме.

Бедный Дьявол... это ее вина... если бы...

Нет, постой. Это дело рук старой ведьмы и ее собаки. Они убили Дьявола.

Она заскрежетала зубами. Должен быть способ до нее добраться.

Семели посмотрела налево, на дыру, где в сгущавшихся сумерках начинали мерцать огни. Поднявшись на ноги, отправилась туда. Остановилась на краю, улеглась на живот, свесив голову вниз. Смотрела в сиявшую глубь, стараясь вспомнить, что там еще было. Ничего не вспоминалось.

Она оставила попытки, поднялась на ноги, и ее осенило. Раковины оставались в руках — почему бы и нет? Семели прижала их к глазам. Они на мгновение закрыли свет, потом она вдруг опять увидела огни. Только выглядели они иначе.

Тут она поняла, что смотрит на огни сверху и изнутри. Изнутри какого-то существа, его глазами. Оглянувшись, увидела крылья, челюсти, зубы — множество длинных острых зубов.

В голову закралась такая чудесная мысль, что Семели громко расхохоталась.

— Все-таки надо вызвать «скорую помощь», — твердил отец.

Джек покачал головой, трясаясь под покрывалом:

— Папа, все будет в порядке. Не надо никаких врачей.

Пока, по крайней мере.

Он сидел на диване, дрожа, хотя был закутан темно-синим шерстяным одеялом. Почти сплошь искусанная кожа смазана густой розовой цинковой мазью, внутрь принят купленный отцом в городе беннадрил. Несчетные укусы зудели, горели, все тело болело. Лихорадка и дрожь начались приблизительно через час после атаки. Вероятно, реакция на пчелиный яд в организме. Гриппозное состояние.

Хотя бы не тошнит. Желудок бурчит, но удерживает апельсиновый сок, бесконечно вливаемый папой.

Джек научил его разбирать и чистить «глок». Вот в чем достоинство пластиковых деталей. Без ружейного масла для немногочисленных металлических частей вполне годится состав «три-в-одном».

Том метался между сыном и телевизором, где показывали сделанные со спутника снимки урагана «Элвис», который, набирая скорость и силу, двигался к югу через Мексиканский залив. Его перевели во вторую категорию, ожидая, что завтра он обрушится на Южную Флориду и острова, после чего проследует к Кубе.

— Надо позвонить в полицию.

Вечно он собирается звонить в полицию.

— И что ты скажешь? Что какая-то женщина из Глейдс наслала на меня рой пчел и двуглавую черепаху? На тебя сразу напялят смирительную рубашку.

— Надо же что-то *делать*! Нельзя просто сидеть, подставляясь ей под руку!

— Сейчас, пап, ничего не могу придумать.

Джек неуверенно встал на ноги и поплелся в гостевую спальню.

Вечером он собирался допрашивать Аню. Дал ей слишком много воли, позволил слишком долго уклоняться от ответов на вопросы. Хотел, глядя прямо в глаза, точно выяснить, кто она такая, каким образом не пускает на свою территорию гигантских аллигаторов, пчел и moskitov, заставляя их убираться по своему приказу. Эти вопросы нельзя оставлять без ответа.

Теперь планы переменялись. Самочувствие жуткое. Вряд ли он чувствовал бы себя много хуже, если бы сидел в момент столкновения на капоте папиной машины.

— Пожалуй, пойду лягу. А ты тем временем не делай того, чего мне не хотелось бы.

— Отлично, прекрасно, — кивнул Том с язвительной ноткой, — если б я знал, чего тебе *не хочется*.

— Ну, во-первых, не хочется выходить нынче из дому. А вот эту вот штуку, — Джек указал на заново собранный «глок», лежавший на странице местной газеты «Экспресс», — *хочется* держать под рукой. До утра попросаемся.

15

Джек проснулся, обливаясь потом, сбросил покрывало, сел, стянул с себя сорочку.

Который час? Дисплей электронных часов смотрел в другую сторону. Свет не проникал сквозь шторы. Он погладил больное распухшее плечо. Господи, адская боль.

Откинувшись на спину и натянув покрывало, услышал визгливый, почти истерический собачий лай, который мог издавать только Ирвинг. Интересно, что его взволновало? Конечно, малыш вполне способен за себя постоять — стоит лишь вспомнить, как он обошелся с огромным чудовищем-аллигатором, — однако понапрасну пес лаять не станет.

Джек приготовился встать и взглянуть, но тут лай прекратился. Больше Ирвинга ничто не тревожило.

Он закрыл глаза и снова заснул.

Воскресенье

1

Я *должен* возвращаться в Нью-Йорк, думал Джек.

Не потому, что соскучился по Джиа и Вики, а потому, что в нынешнее воскресенье вместо того, чтобы смотреть, как «Джетс» лупит «Долфин» на стадионе «Джайантс», он сидит рядом с папой перед погодным каналом.

Проблема в том, что канал зачаровывает.

Смотреть страшно.

Задержавшись, можно пристраститься, подобно всем прочим в округе.

Нынешнее увлечение объяснялось тем фактом, что погода играет практически личную роль: на сцену выходит ураган «Элвис», объявляя о себе порывами ветра и проливным дождем вокруг домика.

Следившие за «Элвисом» спутники показали, как ночью он резко свернул на восток и ракетой направился к Эверглейдс. Эпицентр в данный момент располагается на западном побережье Южной Флориды. «Элвис» — не чудовищный, а небольшой крепкий шторм с устойчивыми ветрами скоростью

120 миль в час, находящийся в данный момент по соседству, — заработал третью категорию. На десять тысяч островов, где б они ни были, проливаются бесконечные ливни. Буря явно очень дождливая, и все радостно ждут дождей в Эверглейдс.

Сколько можно смотреть на одни и те же диаграммы, слушать одни и те же сообщения?

Джиа наверняка тоже смотрит погодный канал. По телефону велела ему сидеть дома. Джек оценил заботу, хоть и сам не собирался высовываться. Не стал рассказывать про пчел. До сих пор распухшая кожа еще зудит, болит, впрочем, конечно, легче, чем вчера вечером.

Он собрался попросить папу переключиться на полминуточки — ни секундой больше, боже сохрани, — справиться, с каким счетом сыграли «Джетс», но раздался лихорадочный стук в дверь. Отец, оторвавшись от телевизора, направился к дверям, а Джек сунул «глок» под диванную подушку.

— Пап, давай лучше я посмотрю.

Оба подойти не успели — дверь открылась. Джек вскинул пистолет, прицелившись в стоявшую в проеме фигуру, держа палец на спуске, и узнал Карла.

— Скорей! — крикнул тот, стоя на ветру, разметавшем страницы воскресной газеты. На нем было промокшее темно-зеленое пончо, из правого рукава торчала отвертка, в левой руке хозяйственная пластиковая сумка. — Вы только посмотрите!

— На что? — спросил Том.

— На дом мисс Манди! Сплошной разгром!

Садовник повернулся и побежал, Джек, выскочив под проливной дождь и ветер, рывком обогнал его. От внезапного воспоминания о ночном лае Ирвинга по груди пробежали тревожные ледяные мурашки. Тем более при взгляде на дверь.

Ох, проклятье!

Жалюзи взломаны, серые замшелые планки дребезжат в раме. Деревянная дверь за ними распахнута.

— Аня! — крикнул он, прорвавшись сквозь остатки жалюзи в дом.

И замер на пороге, отец наткнулся на него, толкнул вперед и охнул:

— О господи боже мой!

— Я же вам говорил, — пробормотал Карл. — Говорил!

Дом полностью разгромлен, иначе не скажешь. Мебель опрокинута, ковер сдернут, растения с корнями выдраны из горшков, все листья до последнего сорваны со сломанных веток.

Джек заставил себя шагнуть вперед, окликая Аню, заглядывая в обе спальни, в кухонный чулан. Обнаружил мокрое темно-красное пятно и что-то вроде оторванного пальца на полу.

Опустился на колени, приглядываясь. Нечто вроде пальца, покрытого светлой шерстью.

Что это?..

Вдруг он понял: хвост Ирвинга.

Господи Иисусе, кровь... Ирвинг погиб, без сомнения, защищая Аню. На него медленно нахлынула волна отчаяния. Кто мог убить сверхъестественно живучую собачонку? Кто-то покрупнее и посильнее гигантского аллигатора... Кто? Где все остальное?

На полу что-то блеснуло. Джек наклонился к трем стеклянным осколкам. Оглянулся — окна целы. Наверно, стеклянная безделушка упала с полки и разбилась.

Поднимаясь на ноги, он заметил, что все осколки одинаковые. Каждый длиной приблизительно в полтора дюйма, одинаковой формы, заостренные от широкой нижней грани. Он поднял один, повертел на свету. Края закругленные, гладкие. Похоже на

какой-нибудь клык. У кого же бывают стеклянные зубы?

Дотронулся кончиком пальца до острия, оно вонзилось в кожу, как птичий клюв в воду.

Проклятье! Хотел было бросить осколок, потом передумал. Может, сначала удастся выяснить, что это такое.

Джек выпрямился, оторвал кусок бумажного полотенца, висевшего на боковой стенке буфета, заматал кровоточивший палец.

Оглянулся на отца и Карла, стоявших в дверях:

— Что здесь за чертовщина творилась?

Отец ответил недоумевающим взглядом, Карл взмахнул пластиковым пакетом:

— Все тут!

— Что?

— Все, что было. Снято на камеру. В основном.

2

— Я нынче утром торопился, — рассказывал Карл, — просто сунул камеру в сумку, пока не вернулся домой. И то совсем не сразу включил.

Они спешили к отцовскому дому, чтобы просмотреть запись.

— Не сразу?

— Ну да. Зачем, думаю. До сих пор ничего не видел, наверняка и теперь не увижу. Так она и лежала до начала матча с «Долфин». Потом я ее взял, смотрю — батарейка совсем разрядилась. Такого еще не бывало. Ну, я ее сменил и решил посмотреть.

— Что за камера? — спросил отец.

Джек кратко рассказал о попытках доктора Денгрова застать Аню за поливкой двора.

— Денгров, — проворчал Том. — В гольф играет, мошенничает, а травку спрыскивать Бог не велит. Настоящий осел.

Джек открыл двухдюймовый экран и нажал кнопку пуска. Том пристроился у него за плечом, за ним Карл. На экране возникли зеленые, черные полосы, которые быстро выровнялись, слились в знакомые очертания стены дома Ани, растений, погрешек, фигур на газоне. По лужайке замелькали ноги. Еще и еще.

— Звука нет? — спросил отец.

— Если подключить к телевизору, будет. Хотите?..

— Потом, если понадобится, — сказал Джек. До смерти не хотелось вновь слышать визгливый ночной лай. — Давайте сначала посмотрим.

Карл ткнул пальцем в экранчик:

— Вот они! Видите?

Джек видел. На краю Аниного газона неровным полукругом стояла толпа. На лица падал свет из передних окон. В желудке у него екнуло, когда он узнал Люка, Корли, пару других членов клана. Похоже, явилась вся шайка.

— Все, кроме Семели, — заметил Карл. — Нигде ее не вижу.

Джек пристально вглядывался в экран. Лучше бы подключить к телевизору. Даже если бы резкость пропала, лица было бы лучше видно. Выражения не разобрать, одни ухмылки. Поведение, впрочем, понятно: беспокойное, суетливое, все стремятся подойти ближе, но опасаются, как бы их не увидели.

Он ждал, что будет дальше, искал и не находил Семели. Белые волосы проглядеть невозможно. Зачем явились парни? Что они имеют против...

Ну конечно. Пес прогрыз бок огромному безобразному аллигатору. И вчерашние пчелы... Аня их прогнала. Да, понятно, у Семели вырос зуб на Аню.

Как же она ее достала, если Аня серьезно обещала, что *здесь ничто на свете никому не причинит вреда?*

Видно, ошиблась. Как-то они добрались до нее... и до бедного крошки Ирвинга. Как удалось Семели...

— Вон! — воскликнул Карл. — Видите?

— Нет. — Джек отвлекся на размышления. — Что?

— Что-то вижу, — пробормотал Том, — да не разберу.

Джек нашел кнопку обратной перемотки, снова увидел Люка и стоявших полукругом мужчин перед домом. Камера не смотрела на парадную дверь, однако они таранили на нее глаза, словно в створке работала стриптизерша. Потом оттуда вылетело что-то огромное, длиной не меньше двух футов, пронеслось у них над головами. Парни испуганно присели, прикрылись. А когда все исчезло, клан ожил. Люк махнул рукой, вся компания ринулась к дому.

Члены клана опять появились через добрых пять—семь минут, неся что-то. Что именно — не разобрать в суете. Нечего разбирать, и без того известно.

— Они взяли Аню.

— Сукины дети! — Том выпрямился и шагнул к телефону. — Звоню в полицию.

Джек схватил его за руку:

— Обожди секундочку. Хочу еще раз посмотреть, подключу к телевизору.

— Подключай, пока я позвоню...

— Постой. Дай взглянуть, прежде чем обращаться к официальным властям.

Отец неохотно послушался, ворча насчет пустой траты времени, пока сын подключал видеокамеру.

— Пап, это было, как минимум, двенадцать часов назад, может, больше. Лишние десять минут не имеют значения.

Он подсоединил провода, включил запись. Телевизионный экран в сотню раз увеличил картинку, и звук появился, послышалось дребезжание безделушек на лужайке, лай Ирвинга, визгливые вопли порвавшихся в дом членов клана. Через пару минут они выскочили оттуда. Джек держал палец на кнопке «стоп».

— Есть! — воскликнул он, приныкая к экрану. — Что за дьявольщина?..

На экране стремительно мелькали полосы, однако виднелись пять силуэтов вместо трех при первом просмотре. Два добавочных были дальше от камеры и хуже освещены. Три передних, слегка искривленных, отражали свет наподобие раковины, и поэтому очертания их расплывались.

— Прямо летучие крабы какие-то, — заметил Карл.

Неплохое замечание, признал Джек. Но крабы не летают, так что же это, господи помилуй?

Шея у него окостенела.

Здесь ничто на свете никому не причинит вреда.

А вдруг эти летучие крабы не с этого света? Вдруг они из Иного? Семели спускалась в дыру — может быть, там узнала, что способна командовать существами, живущими в Глейдс?

Он вытащил из кармана джинсов завернутый в бумажное полотенце осколок.

— Что это у тебя там? — спросил отец.

— Пока точно не знаю. — Он показал осколок. — Осторожно, острый. Видел когда-нибудь что-то подобное?

— Я видел, — заявил Карл. — Точно такой же торчал в двери мисс Манди. Я подумал, простое стекло.

Том взял осколок, повертел на свету.

— Похоже на какой-нибудь клык.

— Стекланный зуб! — рассмеялся Карл. — Чудеса!

Отец взял пивную бутылку, из которой прихлебывал, слушая бесконечные прогнозы погоды, поднес к ней осколок, царапнул со слабым скрипом.

— Это не стекло, — нахмурился он. — Гораздо тверже. Так царапает только алмаз.

— Если это зуб, — заключил Джек, — значит, на Аню напало существо с алмазными зубами.

Все минуту молчали, потом он вновь включил камеру. Снова что-то полетело, клан ворвался в дом, вышел... Джек то и дело останавливал изображение, но так и не смог разглядеть, что мужчины несут. Наверняка Аню.

Живую или мертвую?

Запись кончилась, отец взмахнул руками:

— Ладно. Пора набрать 911.

— Не трудись, пап.

— Почему, ради всего святого?

Джек вытащил из кобуры «глок», проверил магазин — полный.

— Потому что я ее найду, и пусть лучше никто не попадается мне на пути.

3

Том только таращил на сына глаза, чувствуя, что из разгромленного дома Ани вышел не тот Джек, что вошел. А теперь он тем более переменялся. Светлокарие глаза окаменели, Джек словно исчез из комнаты, оставаясь в ней только телом.

— Найдешь? Ты с ума сошел? Мы справились с двумя членами клана, контролируя ситуацию и застав их врасплох. Теперь дело другое. Нельзя же идти туда одному и...

— Он пойдет не один, — сказал Карл. — А со мной.

Том заметил, как холодный взгляд Джека на миг потеплел при отважном заявлении простака садовника. Хорошо бы сын так посмотрел на него.

— Ты не обязан, Карл, — сказал Джек.

— Обязан. Она добрая леди. Многие надо мной потешаются, кое-кто прогоняет, а она мне всегда улыбается, угощает в жару лимонадом, конфетами и всякое такое. Родная мать никогда так не делала. Кроме того, клан права не имеет причинять ей вред. Семели рехнулась, совсем ненормальная вылезла из дыры с огнями. Просто страх. Кто знает, что она задумала против мисс Манди? Надо ее спасать.

— Для чего у нас тогда полиция? — вскричал Том.

Он подавлял желанис встрять и объявить, что тоже пойдет. Они с Аней крепко дружили, у него кровь стыла в жилах при мысли, что она в руках у болотных ублюдков. Но именно ради теплого чувства к ней надо остановить безумие. Гангстерские планы Джека могут ввергнуть Аню в серьезную опасность. Даже привести к убийству.

— Если вас вдруг не заметят дозорные, — добавил он, — надвигается ураган третьей категории.

— Как раз поэтому надо решать проблему самим, — возразил Джек. — Куда ты хочешь звонить? В местную полицию? Сейчас весь департамент, каждый коп к югу от Майами готовятся к урагану. Они заняты эвакуацией, подготовкой убежищ, предупреждением мародерства. Ты же знаешь правила. Поиски пропавшего человека будут отложены до конца урагана. Черт возьми, мы даже точно не можем заявить, что ее похитили.

— А видеозапись...

— Произведет колоссальное впечатление. Неужели ты думаешь, будто куча копов будет рыскать по

Эверглейдс в лодках в эпицентре урагана, отыскивая лесистый пригорок?

Том — исключительно про себя — вынужден был признать, что в этом сомневается, однако ни при каких обстоятельствах не хотел, чтобы Джек отправлялся туда, даже с Карлом, от которого не много проку.

— Карл, — Джек кивнул на торчавшую из рукава садовника отвертку, — окажи услугу, сними со стены в ванной аптечку.

Карл удивленно взглянул на него — что за прихоть? — кивнул, пожав плечами:

— Хорошо.

— Аптечку? — переспросил Том. — Зачем?

Джек повернулся, пошел к чулану в коридоре.

— Слушай, папа, — он встал на колени, роясь в ящике с инструментами, — я точно не знаю, но, по-моему, похищение Ани как-то связано с огнями. Огни светят всего пару дней. Нынче ночью или ранним утром исчезнут на следующие полгода.

— Какие огни?

— Ох, ну да, я забыл. — Он вытащил из ящика торцевой гаечный ключ, пошел к кухонному столу. — Ты про них ничего не знаешь.

— Не расскажешь ли? — Том пошел за ним следом. — И зачем тебе гаечный ключ?

— Увидишь. Забудем пока об огнях. Суть в том, что, когда они погаснут, Семели с компанией не нужна будет больше лагуна. Они сегодня уйдут с болота.

— И Аню с собой заберут?

Джек бросил на него окаменевший взгляд, нагнулся над столом, начал откручивать гайки опорного целика.

— Сомневаюсь. Не забывай — ее пес прогрыз бок мутанта-аллигатора. Боюсь, они ее ему скормят... если уже не скормили.

У Тома подкосились колени.

— Быть не может...

— Ну, будем надеяться.

— Эй! — крикнул Карл из ванной. — Аптечка всего на одном шурупе сидит, и тот вкручен только наполовину.

— Знаю, — крикнул Джек в ответ. — Выкручивай.

На одном шурупе? Том прогнал вопросы об аптечке, занятый мыслями об Ане.

— Надо звонить в полицию... в береговую охрану... в Управление Национального парка...

Джек поднял над столом голову, укоризненно на него глядя.

— Она верный друг, папа. Лучшего у тебя не бывало. Я перед ней в долгу.

— За что?

— За то, что ты жив.

— Как это?

— Это Аня звонила в полицию за двадцать минут до несчастного случая.

— Такой же бред, как поход в бурю. Она тебе сама сказала?

— Нет. Но я в этом ничуть не сомневаюсь. Она все знает, пап. Сейчас ей нужна помощь. Когда друг нуждается в помощи, никого звать не надо. Ты сам должен помочь.

Его слова задели глубокую струну в душе Тома. Да, он это уяснил, усвоил... Но откуда Джек знает?

Тем не менее нельзя уступать, нельзя в ураган отпускать его одного против двадцати.

— Где это написано?

Джек поднялся на ноги, постучал себя пальцем по лбу:

— Здесь. Прямо здесь.

Да, действительно... Впрочем, не только там.

Том ткнул пальцем в грудь сына над сердцем:

— И здесь.

— И здесь тоже, — кивнул Джек.

Они стояли, глядя друг на друга. Том вдруг вернулся в Корею. Закон морских пехотинцев — никого не бросать. По крайней мере, тех, кто дышит. Мертвых порой приходится оставлять, а живых — никогда. Обязательно возвращаешься за контуженым, раненым, неспособным самостоятельно передвигаться.

Никого другого не зовешь, лучше тебя никто не сделает. Ты — американский морской пехотинец, самый крутой на свете сукин сын. Не сможешь выполнить долг чести — никто больше не сможет.

Получив кусок шрапнели в живот на Чосоне, он сообщил по рации о ранении, зная, что ребята *охотно* придут на подмогу, но помня, что в размазанном в дерьмо 5-м полку никого не осталось. Черт возьми, с наступлением темноты трое вылезли и утащили его.

— Помоги-ка снять крышку, — попросил Джек.

— Это еще зачем?

— Помоги.

Он ухватился с одной стороны, сын с другой, подняли крышку стола, сдвинули, сняли и прислонили к буфету. Джек сунул руку в пустое пространство, вытащил черный пластиковый мешок, высыпал на стол громыхавшее содержимое.

— Что за чертовщина? Откуда тут это?

— Я спрятал. Признаюсь, одному дьявольски тяжело было справиться.

— Да что там у тебя?

Джек выложил на кухонный стол кусок металла размером с кулак. Том схватил его, рассмотрел — гладкий железный мячик вроде теннисного с предохранительным кольцом сверху, — и сердце дало сбой.

— Граната?

— М-67. Заказал, чтоб прислали десяток после встречи с аллигатором.

— Прислали? Никогда не видел... — Тут его осенило. — С игрушками, да?

— Правильно, — коротко бросил Джек. — А еще...

— Эй! — крикнул из ванной Карл. — Тут в стене автомат!

— Что?

Автомат? В стене? Том направился в ванную, но Джек поспел первым. Карл снял со стены аптечку, обнажив неотделанную обшивку стены с торчавшим внизу на пару дюймов краем пустой железной трубки. Вороненая трубка смахивала на водопроводную, пока Том, приглядевшись, не распознал знакомое оружие.

Джек вытащил автомат, отдал Карлу. На черной полимерной поверхности слабо отразился свет лампочки на потолке.

— Стрелять умеешь?

— Шутить? — рассмеялся садовник. — Пока не получил тут работу, жил рыбалкой, охотой, а то помер бы с голоду. — Он взял оружие, взвесил в руке. — Только такого никогда раньше не видел.

Том тоже.

— «Бенелли».

— Красивый, — признал Карл. — Люблю каучуковые рукоятки.

— Справишься?

— Конечно. Я же говорю...

— Я имею в виду, — Джек взглянул на его правый рукав, — если надо перезарядить или еще что-нибудь?

— Вполне справлюсь.

— Замечательно. Прости, папа, — он протиснулся мимо отца в комнату, — через минуту вернусь.

Не сказав больше ни слова, Джек выскочил в бурю, вернулся через две минуты мокрый, с каким-то продолговатым предметом, завернутым в покрывало, которое Том в последний раз видел в ящике для белья. Развернул, вынул другой автомат.

— Этот мне, — сказал он.

Оружие с рифленой рукояткой. Полимерный приклад цвета стандартного зелено-черного камуфляжа.

— Похож на армейский, — заметил Том.

— Точно. «Моссберг-590», предназначен для армии. Очень надежный. — Джек направился в переднюю комнату. — Ну... последнее дело, и можно идти.

Том проследовал за ним в гостевую комнату, где Джек вытащил нижний ящик комода и поставил на пол. Он ошеломленно смотрел, как сын вытаскивает из тайника одну коробку с патронами, другую, третью...

— Господи Иисусе! Ты что, на войну собираешься?

— После встречи с аллигатором подумал, что девятимиллиметровый пистолет не годится, и заказал тяжелую артиллерию.

— *Два автомата!*

— Ну да. Один дома, другой на всякий случай в машине.

Карл шагнул в дверь с «бенелли» в руках.

— Чем его заряжают?

— Так называемым «патрульным коктейлем». — Джек поднял одну коробку. — Вот наши боеприпасы.

У Тома сжалось сердце. То ли приступ стенокардии, то ли страх перед происходящим — неясно. Он прошел мимо садовника к себе в комнату, взял из шкафа винтовку, вернулся.

— Зачем тебе это? — спросил Джек.

— Ну, раз нельзя отговорить тебя от безумных поступков, я тоже пойду.

— Ни за что!

Том рассердился:

— Разве не ты читал лекцию о спасении друзей, попавших в беду?

— Да, но...

— Разве вы оба бывали в бою? — Он не стал ждать ответа. — А я был. Легко можете растеряться, и я вам понадобится.

— Пап...

Том погрозил сыну пальцем:

— Вообще кто тебе позволил командовать? Если я отпущу тебя, твоя мать никогда не простит. Только вместе.

Джек молча минуту смотрел на него и вздохнул:

— Ладно. — Он взял в руки «моссберг». — Оставь свою древность и возьми вот это.

— Да ведь я к ней привык...

— Папа, там темнота, дождь, ветер и так далее. Будем надеяться, что стрелять не придется, но, если до того дойдет, стрелять будем с близкого расстояния, с двадцати пяти футов, максимум с пятидесяти. Тут не поможет снайперская винтовка.

Том был вынужден признать его правоту и неохотно взял автомат.

— А тебе что останется?

— Гранаты. И еще... — Джек полез под шкаф, достав огромный револьвер, серый, длиной в фут с большим лишком. Одно дуло длиной дюймов десять.

— О господи, — охнул Карл. — *Это* еще что такое?

— И мне тоже хотелось бы знать, — поддержал его Том.

— «Раджер Супер Редхок-454». Думаю, остановит аллигатора, если тот снова сунется.

— По-моему, и слона остановит, — вставил Карл. У Тома возникла неприятная мысль.

— Джек... ты, случайно, не член какой-нибудь воснизированной бригады правого крыла?

Тот расхохотался:

— Ты имеешь в виду нечто вроде «Поссе Комитатус» или «Арийцев»? Исключено. Я не вхожу ни в какие организации, а если бы и входил, то не в эти.

— Тогда кто ты такой? Какой-нибудь наемник?

— Почему ты спрашиваешь?

— А ты как считаешь? Потому что вижу весь твой арсенал!

Джек огляделся:

— Не такой уж большой.

— Отвечай на вопрос. Ты наемник?

— Если имеется в виду «солдат удачи», то нет. Просто люди меня нанимают... э-э-э... улаживать дела. В этом смысле можно, наверно, назвать меня наемником. Но...

Из телевизора послышался высокий писк. Все поспешили в переднюю комнату. Красный флажок в нижнем углу экрана объявлял, что в Очопи бушует торнадо.

— Где это самое Очопи? — спросил Джек.

— В другом конце штата, — ответил Карл. — За 41-м шоссе.

Джек взглянул на отца:

— Кто желает остаться, сейчас самое время. Не требуется никаких объяснений, не будет никаких вопросов.

— Эй, — ухмыльнулся Карл, — я ведь в трейлерном парке живу. Знаешь, как их подметает торнадо? По-моему, в Глейдс мне будет спокойней.

За окнами полыхнула яркая вспышка в сопровождении раската грома.

У Тома скнуло в желудке, но он сказал:

— Пошли.

И помоги нам Бог.

4

Джек глубоко погружал весло в воду, не позволяя каноэ крутиться на ветру под секущим дождем. Его терзало ужасное предчувствие, что Аню спасать уже поздно, а если нет, то чем раньше они до нее доберутся, тем лучше.

Карл сидел на корме, управляя моторчиком, тащившим их по протоке, Том спереди, Джек посередине. Лодка пошла носом к ветру, мотор перестал справляться с напором, и они с отцом заработали веслами.

Джек никогда не видел такого дождя. Надеялся на прохладу, но было почти жарко. Когда вода переставала хлестать каскадами, которые устыдили бы Ниагарский водопад, дождь окатывал их огромными каплями размерами с гальку, барабанившими по капюшону пончо. Глейдс исчезли, мир сузился до короткого отрезка рябившей воды и время от времени мелькавших берегов протоки. Все прочее, включая небо, поглотила темно-серая мокрая пелена. Лишь учащавшиеся молнии и раскаты грома намекнули на существование внешнего мира.

Хорошо, что хозяйственный магазин был открыт, они купили пончо — темно-зеленые, как у Карла, — и ручную помпу. Даже представить себе невозможно, что за поездка была бы без пончо. Джек плотно завязал на голове капюшон, застегнулся по горлышко и все равно промок.

Без помпы тоже никуда не доплыли бы. Гребли против ветра, после поворота он стал дуть в спину, и Джек дал отцу отдохнуть, выкачивая собравшуюся под ногами дождевую воду.

Перевернув затопленное каноэ, потратили драгоценное время, стараясь запустить моторчик. Наконец, Карл своего добился, и они отправились.

Джек приложил к губам рупором руки и потянулся к Карлу.

— Мы уже на отмели? — крикнул он.

— Как раз проплываем, — кивнул садовник.

Не надо выходить и брести пешком, мысленно отметил Джек. Что свидетельствует, какое количество воды проливается с неба.

— Дай знать, когда почти дойдем до лагуны.

Джек заметил, что сидевший впереди отец перестал грести, положил весло на колени, потирая левое плечо.

— Как ты, папа? — спросил он, наклоняясь вперед.

Отец отвернулся, видимый только в профиль, голова пряталась под капюшоном.

— Нормально. Просто не привык к подобным вещам. Хоть грозы не надо бояться.

— Почему?

— Водил как-то экскурсию, оказалось, из меня плохой проводник.

Джек легонько его подтолкнул.

— Еще одна шуточка, и мы тебя за борт спихнем.

— Папа явно устал, однако не настолько, чтобы не потешиться дурным каламбуром. Он тронул его за плечо. — Потихи теперь. Мы уже почти на месте.

Том молча кивнул.

Джек снова принялся грести, направляя каноэ вперед против ветра. Вспотев, принялся разрабатывать планы. Скоро они будут в лагуне. Он старался представить себе место действия... плавучие дома, хижи-

ны на берегу. Где будут члены клана — на борту или на берегу? Будут ли вообще в лагуне?

Должны быть. Их удерживают огни.

Быстро темнеет. Где-то по другую сторону от «Элвиса» солнце только склоняется к горизонту, а буря, затмевая свет, погружает его с попутчиками в густую тьму.

Хорошо. Чем темнее, тем трудней будет клану понять, с какими силами он явился.

Карл хлопнул его по плечу:

— Скоро подойдем к пригорку.

Буря как бы приутихла, пока добирались до края пригорка сквозь тропический зеленый туннель. Пальмы, баньяны, бамии тяжело обвисли под дождем, торчавшие в воздухе корни и лозы цеплялись за пончо.

— Пару раз повернем и будем в лагуне, — объявил Карл.

Джек повернулся к нему:

— Может, надо мотор заглушить?

Тут молния сверкнула так близко, что слышался треск и почти одновременно оглушительный удар грома.

Сквозь звон в ушах он едва слышал садовника:

— По-моему, проблем не возникнет. А ты как считаешь?

— Может быть, не возникнет, только все равно заглуши.

Неизвестно, не почувствуется ли в плавучих домах вибрация моторчика. Зачем рисковать?

Каное вынырнуло из лиственного туннеля на более или менее открытое пространство, и снова налетел дождь и ветер. Немного усилий, поворот — и выход в лагуну.

Кажется, по крайней мере. Кругом водная ширь, кроме ближнего берега справа... Где плавучие дома? Джек тревожно оглядывался и ничего не видел, по-

том при вспышке молнии разглядел впереди обе лодки. Слева «Плавучий Бык», справа «Плавучий Конь».

Отец, видимо, тоже заметил, ибо оглянулся и погреб к правому берегу.

— Туда пойдем! — сказал он.

Наверно, у него свои соображения — в конце концов, он один обладает военным опытом. Джек передал распоряжение Карлу.

Каное ткнулось носом в берег, отец выскочил, махнул Джеку и Карлу, повел их к подветренной стороне в купу кривых пальм, где можно было тихо поговорить.

— Если они тут, — сказал он, — то в лодках. Согласны?

— Согласен, — кивнул Джек.

— Хорошо. Тогда разместимся на берегу подальше друг от друга полукругом не шире ста пятидесяти градусов.

— Почему не шире?

— Чем ближе к ста восьмидесяти, тем больше шансов подстрелить друг друга. В идеале надо бы всем троим держать в поле зрения оба берега, но, если не получится, два фланговых стрелка сосредоточат огонь на ближайшей лодке, а из центра по мере необходимости можно стрелять по обеим.

— Папа, мне не хочется превращать лагуну в разцовый корраль.

— Аминь, но лучше подготовиться к наихудшему развитию событий. — Том похлопал по «моссбергу» под пончо. — Чтобы под таким дождем при слабом свете выжать все возможное из автоматов, надо расположиться футах в пятидесяти — семидесяти пяти от лодок. Ближе, чем мне хотелось бы, гораздо ближе, чем я привык, но в подобных условиях особенно выбирать не приходится.

Отцовские познания отца в тактике произвели впечатление. Видно, он по опыту знал, о чем говорит, и Джек на него положился.

— Только не становись слишком близко к кеноте, — предупредил он. — Если увидишь оттуда огни, не любопытствуй, подальше держись.

— Это ты дыру имеешь в виду? — спросил Карл. — Там я встану. Мне уже от огней хуже не будет.

— Кстати, об огне, — добавил Том, — если мы вступим в бой, не стойте на одном месте. В дождь в темноте хорошо можно спрятаться, а вспышки от выстрелов будут видны и мгновенно нас выдадут. Стреляй и беги, стреляй и беги. Если, конечно, не выстрелишь одновременно с молнией, что легче сказать, чем сделать.

Джек закинул на плечо пластиковую сумку с гранатами и большой «раджер».

— Карл, располагайся на севере у кеноте, ты, папа, на юге, я посередине, чтобы, если понадобится, бросить гранату в оба плавучих дома.

Будем надеяться, что не понадобится. Не хочется, чтобы его подстрелили, а папу тем более. У старика есть опыт, мастерство, но тело реагирует и движется иначе, чем в расцвете лет.

— У кого есть вопросы?

Том с Карлом отрицательно покачали головой.

— Хорошо. Как только займем позиции, я пару раз выстрелю, чтобы привлечь внимание, и потребую освобождения Ани именем полицейского управления Новейшна.

— Именем полицейского управления? — усмехнулся отец. — Хочешь, чтоб они умерли со смеху? Тогда лучше уж действуй от имени шерифа округа Майами-Дейд.

— Вдруг они не поверят? — спросил Карл. — Вдруг откроют стрельбу?

— Мы откроем ответную, если, конечно, на палубу не выведут Аню.

— А если выведут? — не унимался садовник.

— Будем импровизировать.

Вытащив из-под пончо «моссберг», Том обратился к Карлу:

— Раз тут чередующиеся заряды, предлагаю стрелять дробью по палубе, а патронами по ватерлинии, как можно ближе к носу. Только не по надстройкам. На таком расстоянии стенки, по-моему, выдержат почти любой разрывной выстрел, но патроны их прошьют, как бумагу, а там может оказаться Аня.

— Понял, запросто, — кивнул Карл. — Надстройки панорамные, не промахнешься.

Отец вопросительно взглянул на Джека.

— Не спрашивай, папа, — махнул тот рукой. — Ну, пошли.

— И по пути поглядывайте на аллигатора, — напомнил Том.

Карл затряс головой:

— Когда я тут сидел, то подслушал, как Люк с Семели говорили, будто Дьявол тяжело ранен. По всему судя, вряд ли станет за нами охотиться.

— Все равно поглядывай, — посоветовал Джек. — Если не он, еще есть двуглавая черепаха.

— Ох, да. — Садовник стиснул губы. — Дора.

— Двуглавая черепаха? — переспросил отец. — Это еще что...

— Потом, пап. Просто к воде близко не подходи.

— Разве вы оба забыли еще об одной опасности? О летучих зверюгах, которые съели Аниного пса и разнесли его дом. Не хотелось бы мне с ними встретиться.

— Хороший заряд картечи им крылышки пообрывает, как думаешь? — сказал Джек.

Том нахмурился:

— Если попадешь. Я в записи видел, с какой скоростью они летают.

На такой ободряющей ноте Джек повернулся и пошел от каноэ. Пригибая голову под дождем и ветром, они брели среди дубов, пальм, кипарисов, держась от воды в добрых десяти футах, направляясь к кеноте. Уже издали, даже сквозь проливной дождь, были видны мерцавшие из глубины огни.

Подойдя к краю ямы, всего приблизительно в дюйме от берега, Том придвинулся к Джеку и тихо, едва слышно сквозь бурю, сказал:

— Ну не чертовщина ли? — Он заглянул в сиявшую глубь. — Ради всего святого, что там происходит?

— Не знаю, — ответил Джек. — Только особенно не подставляйся под свет.

Отец быстро отступил назад.

— Почему? Радиация?

Хуже, хотел сказать Джек, но такой ответ вызвал бы массу вопросов, на которые некогда было ответить. Поэтому он кивнул:

— Может быть.

Карл шагнул вперед, наклонился к только что упавшему стволу королевской пальмы.

— Похоже, подходящее место. Отлично видно «Плавучего Коня». Я тут останусь.

Джек кивнул и махнул отцу дальше к югу. Тот последовал за ним, поглядывая через плечо на заворожившие его огни в кеноте.

Прошли мимо маленьких лодок — «Плавучего Цыпленка», «Неплавучего» и прочих — вытащенных, перевернутых, привязанных на берегу. Джек присмотрел себе укрытие у старых индейских хижин, но двигался дальше, желая найти для отца безопасное место.

Оно нашлось за широким стволом кипариса, откуда хорошо открывался «Плавучий Бык».

Джек тихонечко стиснул плечо старика, придвинулся поближе:

— Не высовывай голову, пап. И если разверзнется ад, будь осторожен.

Отец похлопал его по руке:

— Забыл, что я тут солдат? Себя береги, обо мне не тревожься.

Джеку вдруг захотелось все бросить, вернуться в Новейшн. Его обуяло мрачное предчувствие, ощущение, что близится нечто ужасное — не все отсюда вернутся. Но он уже не мог повернуть назад и знал, что ни отец, ни Каря тоже не повернут. Они слишком далеко зашли. И нужны Ане.

Снова пожал отцовское плечо и заторопился назад к развалинам индейских хижин. Подыскал место за толстым опорным столбом. Неввероятно, но дождь усилился.

Он присел, раскрыл пончо вроде зонта над пластиковой сумкой, вынул несколько гранат, прицепил за кольца к брючному ремню. Вытащил «раджер», проверил барабан. Большой кобуры для него не нашлось, поэтому он его сунул за пояс. Холодное девятидюймовое дуло неудобно торчало. Если Семели найдет его, наверняка подумает, что он *очень* рад ее видеть.

На самом деле нет. Лучше всего никогда б ее больше не видеть.

Джек поднялся, поднес было рупором руки к губам, и тут сзади что-то мелькнуло. Он быстро оглянулся, сунув руку под широкую полу пончо, разглядел какую-то тряпицу, привязанную к столбу и болтавшуюся на ветру.

Обождая, пока успокоится сердцебиение, — на секунду подумал, что попал в засаду, — вновь повернулся к воде и крикнул:

— Эй, на лодках!

Трижды громко прокричав, понял, что в такую бурю никто не услышит. Вытащил «раджер», поднял дуло к небу. Сам из него никогда не стрелял, только слышал выстрелы чудовищной силы, готовился к громкому шуму и сильной отдаче, выпустил два заряда в воздух. Все равно, грохот ошеломляющий.

Должен их разбудить.

Вставил два новых заряда и вновь закричал.

5

— Никогда не угадаешь, кто сюда к нам явился, — ухмыльнулся промокший Люк, вернувшись с палубы в желтом дождевике и бейсболке. За ним вошел Корли, еще пара мужчин, по-собачьи отряхиваясь.

Семели гадать не хотелось, тем более что ответа не угадаешь, поэтому она молча ждала.

На «Плавучем Быке» все вскочили, услышав секунду назад два выстрела вроде пушечных. Люк и другие отправились посмотреть, что случилось. Семели слышала крики, но ничего не смогла разобрать сквозь шум дождя, барабанившего по крыше и стенам.

— Твой дружок, — объявил наконец Люк.

— Дружок? — удивилась она. Ох, проклятье! — Это ты Джека имеешь в виду? Никакой он мне не дружок. Я его ненавижу.

В своем роде правда. Хотя сердце на миг затрепетало при мысли, что он проделал такой путь ради нее. Однако эта мысль вылетела в окно с той же скоростью, с какой возникла. Джек чертовски ясно дал понять, что не интересуется ею.

— Хорошо, — сказал Люк. — Потому что я тоже его ненавижу. Ненавижу любого, кто за дурака меня держит, а он всех нас точно держит за дураков рас-

проклятых. Представляешь себе, заявил, будто он из управления шерифа округа Майами-Дейд и с ним тут целая куча копов!

— Это действительно он?

— Ну конечно. Я даже в дождь узнал его голос. Не разглядел, но это действительно он.

— Чего ему нужно?

— Говорит, пришел за старухой. Вроде называл ее Аней.

В желудке у Семели екнуло.

— Значит, знает, что мы у нее побывали.

Она подошла к маленькому прямоугольному окошку палубной надстройки, изо всех сил вгляделась в дождь, но даже в дюйме ничего не было видно сквозь заливавшую стекло воду.

— Что-то знает, — согласился Люк, — хоть наверняка не все.

— Как узнал, что мы там были? — Вряд ли просто из окна выглядывал. Наверняка ходил на разведку с отцом, вероятно, с оружием.

— Не знаю и знать не хочу, — буркнул Люк.

Семели оглянулась — он открывал шкаф, вытаскивал ружья.

— Пойди, всех сюда позови, — приказал Люк Корли.

— Что ты собираешься делать?

Он снова ей улыбнулся:

— Собираюсь устроить ему славный теплый прием, как принято у нас в лагуне, и позабочусь, чтобы он не покинул Глейдс — живым, по крайней мере.

— Неужели это действительно нужно?

Она смотрела, как подходят мужчины, разбирают оружие, идут на палубу, и что-то у нее в груди дрогнуло. Чувство грусти, вины. Со вчерашнего дня изменилось ее отношение к Джеку. Она попыталась

убить его, потом даже немного обрадовалась, что ничего не вышло. Да, он открыто отверг ее, но сказал чистую правду — *я занят*. Значит, кого-то больше любит. Конец истории. Он не сумел солгать, употребить ее, подобно другим, потом бросить, подобно другим. Это было бы самое худшее. Сердце все равно разрывается, но он хотя бы был с ней честен.

— По-моему, не получив того, чего просит, — а он точно его не получит, — вполне может начать стрельбу. Думаю, мы должны стрелять первыми.

— А если ты ошибаешься? — сказала Семели. — Если там действительно куча копов?

— Не ошибаюсь. Говорю тебе, это он.

— Ладно, пусть будет так. А вдруг он не один?

Люк по-настоящему злобно усмехнулся:

— Надеюсь, не один. Надеюсь, папашу с собой захватил. — Он снял кепку, вытер выпуклый лоб. — У меня свои счета со старым простофилей.

Семели отошла от окна. Зачем он явился? Приплыл в такую бурю за старухой, с которой познакомился пару дней назад. Что это за человек?

Снаружи раздалась стрельба, и она отскочила подальше.

Каким бы человеком Джек ни был, с болезненным уколом подумала Семели, он очень скоро будет мертв.

6

При первом ружейном залпе с палубы «Плавучего Быка» Джек укрылся за упавшим стволом. Удачно, поскольку огонь открылся без предупреждения. Папа с Карлом мгновенно ответили. Воспользовавшись элементом неожиданности, уложили пару чле-

нов клана, прежде чем остальные попадали на палубу, спрятавшись за планширом. Теперь команда «Плавучего Быка» выставила из-за борта оружие, и воздух наполнился ветром, дождем, молниями, пальбой, пулями.

Огонь с палубы «Плавучего Быка» почти полностью сосредоточился на позиции Джека. Должно быть, идея Семели... или Люка... или обоих вместе. С этой парой он решительно в ссоре. Как только можно было осмелиться высунуть голову, стрелял в ответ из «рад-жера». Надо Люка достать. Если удастся свалить его, члены клана потеряют кураж. Но как узнать парня в дождь в темноте? Даже если узнаешь, попасть нелегко. Хорошо бы быть более метким стрелком, но и случайное попадание угробит Люка. Джек стрелял крупнокалиберными патронами весом в 335 гран, от которых дуло высоко подпрыгивало при каждом спуске курка. С одной стороны, хорошо. Промахиваться лучше повыше, чтобы мощный заряд не пробил стену надстройки и не ранил Аню.

Стрельба по его позиции стала столь плотной, что он не смел поднять голову. Ребята неплохие стрелки. В минуту затишья Джек отполз на животе в хижину и пристроился за столбом. Может быть, можно будет спокойно прицелиться и пристреляться точнее. Он оглянулся на хлопавшую под дождем тряпку, подумав, какой она будет дьявольски чистой, когда ливень кончится.

При вспышке молнии в глаза бросился рисунок на ткани. Знакомые полосы, пятна...

На него вдруг нахлынула тошнота и озноб, под капюшоном по шее, по спине заползали паучьи ножки.

Джек пристально смотрел на тряпку, дожидаясь следующей вспышки, а дождавшись, снова увидел и вспомнил, где раньше видел этот рисунок.

На спине у Ани.

С застывшей в жилах кровью он встал, подошел к клочку ткани, не обращая внимания на свистевший вокруг свинец. Это была сорванная кем-то одежда с отпечатавшимися рубцами и ожогами с Аниной спины. Дотянулся, дотронулся — пальцы сразу почуяли, что для тряпки кусок слишком плотный, совсем другой фактуры... Колени подкосились, Джек упал в грязь, случайно не уронив автомат.

С губ сорвалось рыдание, но горе нахлынуло лишь на несколько мгновений, сменившись черной яростью. Он сдержал ее, метнулся к столбу, нашел сумку с гранатами. Шумно дыша сквозь оскаленные зубы, выхватил одну, вырвал чеку, дернул кольцо, начал считать...

Одна тысяча один...

В приложенной к гранатам записке Эйба сказано, что момент детонации гранаты М-67 наступает через четыре-пять секунд после удаления чеки.

...одна тысяча два...

И еще сказано, что радиус смертельного поражения составляет пятнадцать футов, а общего — около пятидесяти. Папа с Карлом неподалеку, но Джек почти не думал о риске. Все внимание было направлено на «Плавучего Быка», ничто его не отвлекало.

...одна тысяча три!

На счет «три» он размахнулся и бросил гранату, присев за столбом. Если она упадет на палубу и взорвется — прекрасно; если над палубой — еще лучше.

Не дожидаясь взрыва, выхватил из сумки другую, вырвал чеку, когда сработала первая, высунул голову, ведя отсчет. Граната не долетела футов на пять, хотя не совсем даром пропала, взорвавшись над палубой. Пошла музыка — вопли раненых, испуганные крики...

...три!

Вторая граната тоже не долетела до «Плавучего Быка», однако покалечила и людей, и корпус лодки.

В кино гораздо удачней выходит.

Джек только приготовился вырвать третью чеку, как услышал, что справа кто-то ломится через кусты. Отчетливо соображая, что приближавшийся человек не таится, значит, это наверняка папа, он все-таки вскинул «раджер». И действительно, через несколько секунд отец, пригнувшись, выскочил из зарослей папоротника и упал рядом с ним.

— Что ты делаешь, Джек, черт возьми? — крикнул он, тараща глаза, с залитым струями воды лицом. — Там же Аня!

— Нет, папа, — с перехваченным горлом выдавил Джек. — Она мертва.

— Откуда ты знаешь? — нахмурился Том.

— Вон там висит большой кусок кожи.

— Нет! — охнул отец. Джек не видел выражения его лица, но был уверен, что оно побелело. — Быть не может!

— Хотелось бы ошибиться, только я видел однажды на ее спине такие же отметины. Они содрали с нее кожу, пап. Содрали кожу, будь я проклят, и вывесили сушиться...

Том закрыл глаза дрожащей рукой, помолчал, дотянулся до сумки с гранатами, напряженно пробормотал:

— Дай-ка мне одну.

7

Семели лежала, дрожа, на полу, опустив голову, зажав уши руками. Вокруг словно гремела война. Звучали не только выстрелы — сотрясавшие окна взрывы напоминали бомбежку.

Люк ввалился в дверь, зажав окровавленное плечо.

— У них гранаты... они нас перебьют! Корли мертв, у Бобби из ноги кровь жутко хлещет... Сделай же что-нибудь!

— Что я могу сделать? Дьявол мертв, от Доры мало толку на суше.

— А те, кого ты вчера привела из дыры... Черт возьми, они нам нужны сейчас до зарезу!

— Нельзя. Я тебе уже говорила, что они появляются только после заката.

Вчера, пока стояло солнце, никакими стараниями не удалось вывести из дыры жутких крылатых чудовищ. Как только оно село, Семели обрела власть над ними. По крайней мере, так ей показалось.

При первом взгляде на них она чуть не лишилась сознания. Внизу, в огнях, не разглядела как следует, а когда они в сумерках взмыли в воздух, увидела и пришла в такой ужас, что чуть не обронила раковины.

В жизни ничего страшнее не видела.

Размером с омаров — не местных ползучих раков с клешнями, а мощных, крепких, зубастых, какие водятся на севере, — точно с таким же панцирем, но на том сходство кончается. У этих тварей осиные хвосты, по бокам по паре больших стрекозиных прозрачных крыльев.

Зубастые осы, мелькнуло в голове идеально подходящее название.

Ибо у них были зубы. Боже мой, настоящие зубы — огромные, широко распахнутые челюсти водяного шитомордника с невероятным количеством длинных острых прозрачных клыков вроде зеркальных осколков. Хуже того — по бокам светились маленькие голубые неоновые точки. Как будто твари пришли со дна моря, куда не проникает солнце, из темных глубин, забытых даже Господом Богом.

Видно, Бог сотворил их в поистине скверном расположении духа. Каков же мир, откуда они явились, кто еще там может жить?

— Да ведь кругом темно, как ночью! Давай попробуй! В корпусах лодок пробоины... Мы потонем!

— Как же они решились гранаты бросать? Не опасаются вместе с нами прикончить старуху?

— Кто их знает, черт побери! — пробурчал Люк. — Совсем свихнулись!

Семели поняла по глазам, что он что-то скрывает.

— В чем дело? Почему они думают, что ее с нами нет или она мертва? Ты язык распустил?

— Нет, конечно. Не такой я дурак, как тебе представляется.

— Ну тогда почему?

Люк отвел глаза:

— Наверно, нашли ее шкуру.

— Что? Как? Да ведь ты ее сжег! — Он по-прежнему смотрел в сторону. — Закопал по моему приказу...

Парень покачал головой:

— Нет. Под дождик повесил, чтоб вымылась, потом выдубил бы...

Семели зажмурилась. Был бы сейчас под рукой пистолет, пристрелила бы... вцепилась бы пулю в пустую, безмозглую голову.

Она мысленно вернулась к прошлой ночи.

Ее обуяла безумная ярость, она вообще не владела собой, злясь на старуху, убившую Дьявола, погубившую ее надежды на Джека, и просто... потеряла рассудок. Кроме того, зубастых ос никак не удавалось выманить из дыры. К тому времени, как до нее дошло, что при дневном свете они не появятся, изо рта уже шла одна пена.

Пришел закат, пришли твари. Тяжело было ими командовать. Вылетев из дыры, они тыкались в раз-

ные стороны, но в конце концов удалось собрать рой, послать к дому старухи. Долетев, зубастые осы взбесились, сокрушили жалюзи, вгрызлись в парадную дверь.

Семели перепугалась до чертиков, думая: господи, с кем я теперь связалась? А потом, сжившись с ними, сама ощутила жажду крови.

Ворвались — перед ними посреди гостиной стояла старуха, буквально потонувшая в своем смешном японском кимоно. Просто стояла, дымя сигаретой. Курила! Словно знала, что ее ждет смерть. Не взвизгнула, не охнула, даже назад не шагнула.

Среагировали растения — принялись хлестать зубастых ос, прикрывая старуху ветвями. Осы быстро расправились с ветвями и листьями, но собачонка не подпускала к старухе. Семели особенно жаждала поквитаться с дворняжкой за смерть Дьявола, а пес не собирался сдаваться. Она до сих пор не могла понять, как малыш сумел расправиться с крупнейшим в мире аллигатором, теперь все стало ясно. Крошечный песик бился как полноценный ротвейлер. Прикончил двух зубастых ос, прежде чем на него бросились три другие и разорвали в клочки.

После этого ничто не стояло между старухой и осами. Она так и оставалась на месте, не пыталась бежать, смирившись с неизбежным и скорым концом.

Тут Семели приняла другое решение. Почуяла в старой леди нечто особенное — *чрезвычайно* особенное, — поняла, что с ее гибелью лишится чего-то важного.

Дело было, наверно, в ее поведении. Должна была перепугаться до сумасшествия и не боялась ни капельки.

Семели все сильнее хотелось прогнать тварей, зная, что старуху не просто убьют — растерзают на

части. Несмотря на всю ненависть к ней за вмешательство в свои планы, боялась, что не выдержит. Другие принесенные в жертву умирали здесь, во Вратах, от пчелиных жал, паучьих укусов, птичьих клювов — не на глазах у нее.

Видеть духу не хватит. Может, разгрома дома и смерти собаки хватит для старой леди? Может, она усвоит урок, перестанет совать нос в чужие дела? Может, даже умрет от инфаркта. Гораздо лучше того, что ее ожидает.

Но когда Семели попробовала повернуть зубастых ос и отправить домой, те не послушались. Почуяли кровь, теперь ничто их не остановит. Набросились на старую леди... И что же? Она все стояла с поднятыми руками — ждала.

Не скажешь, то ли это самая храбрая, то ли самая безумная женщина, которую Семели в своей жизни видела, но смотреть было действительно страшно.

Не просто смотреть. Семели была прочно связана с осами, их собственными глазами видела, как они вгрызаются в плоть, крушат кости, почти чувствовала вкус, даже сейчас содрогаясь от воспоминания. Они поедали старуху, брызжа вокруг кровавыми сгустками, никакими усилиями не удавалось их отогнать. Она собралась было сбросить с глаз раковины, да побоялась, как бы зубастые осы не бросились на членов клана, явившихся посмотреть, на что они способны.

Наконец, от старой леди ничего не осталось, кроме клока кожи со спины. Осы им почему-то пренебрегли. Сожрали ее с головы до ног, а прямоугольник кожи оставили.

Покончив с делом, снова начали повиноваться, так что Семели быстро отправила их из дома обратно в дыру, сняла раковины, и ей стало по-настоящему плохо.

В доме старой леди Люк сделал две вещи — умную и глупую. Умно подобрал двух мертвых ос и унес с собой в лагуну. Если бы кто-то пришел и увидел ди-ковинных тварей, о них бы закричали газеты, все подумали бы, что они прилетели из Глейдс. Сюда моментально нагрянули бы ученые, охотники, копы, искатели приключений. Это полностью перевернуло бы жизнь клана.

Глупо, что он забрал с собой кусок старушечьей кожи...

Новый взрыв разорвавшейся над «Плавучим Быком» гранаты швырнул Семели в сторону.

— Зачем, Люк? — Она открыла глаза, сурово на него глядя. — Зачем ты сделал эту глупость?

— Хотел сберечь... Знаешь, как бы на память. Она мне понравилась... На какую-то карту похожа... Ну ладно. Попробуй снова позвать ос, Семели! Прошу тебя!

Не хочется признаваться, что она боится. Осы внушают жуткое ощущение... сплошной тьмы, кошмара, бесконечной жажды крови... Даже нынешняя стрельба, взрывы, вой ветра, протекшая кровля, сплошные громы и молнии лучше прошлой ночи.

Впрочем, нельзя просто сидеть сложа руки, пока гибнет клан. Надо что-то предпринять... единственно возможное.

Набравшись решимости, Семели вытащила раковины из кармана.

— Позовешь? — спросил Люк, до ушей улыбаясь.

— Позову. Только ты уходи.

Улыбка слиняла.

— Но... ведь там же стреляют...

— И ты иди стреляй. Оставь меня одну, чтоб спасти ваши задницы.

— Ладно, ладно.

Люк, пригнувшись, направился к двери и выполз на палубу.

Семели с глубоким вздохом прижала к глазам раковины и принялась отыскивать зубастых ос...

8

— Эти штуки не очень-то им навредили, — заметил Том, глядя на последнюю гранату, пролетевшую в воздухе и разорвавшуюся за планширом «Плавучего Быка».

Джек вынужден был согласиться. Думал, ветер не подхватит гранату весом почти в фунт, да ветер был не обычный. Он старался к нему приспособиться, но проблема в том, что гранату не кинешь, как бейсбольный мяч, ее надо бросать высоко, а дует все время с разных сторон.

— Ну, все-таки навредили.

— Мало, — мрачно буркнул отец. — За то, что они сделали с Аней... — он, тяжело сглотнув, покачал головой, — не должны жить на свете.

— Вряд ли нам удастся перебить двадцать парней.

Отец бросил на него непонятный взгляд:

— Я сказал, они не должны жить на свете. Не говорю, что мы их должны перебить.

Ох!

— А, я просто не понял.

— Джек, ты меня пугаешь.

— Я иногда сам себя пугаю.

Тут он услышал какой-то крик. Оглянулся в поисках Карла, не отыскал его в темноте. Потом сверкнула молния, и стало видно, как садовник катается по земле, отдирая что-то с правого плеча. Разглядеть невозможно, что именно, но оказалось, оно не одно. Из кеноте поднимались другие и летели к Карлу, ко-

торый не мог пристрелить то, что в него вцепилось, безуспешно отбиваясь автоматом.

Джек хлопнул отца по спине:

— Стой здесь, обстреливай лодку. Не давай им высовываться. Перезаряжай пулями, а не дробью. По-моему, она нам понадобится.

— Куда ты?

— Карлу надо немножко помочь.

Он, пригнувшись, вытащил из-под пончо «рад-жер», побежал под дождем. Когда добежал до Карла, сцену осветила молния, и Джек замер на месте, видя, что на него напало. У существа, схватившего его за плечо, была голова с острозубыми челюстями хищной рыбы, панцирь омара, выросшего на стероидах, и две пары длинных прозрачных крыльев. Другая такая же тварь подлетала к садовнику.

Джек упал на колени, прицелился, выстрелил. Метко. Мощный заряд разорвал налетавшую тварь, только брызнула зеленоватая кровь и остались еще трепетающие крылья. Он бросился к Карлу, приставил дуло «раджера» к глазу впившегося в плечо существа и спустил курок. На сей раз не осталось и крыльев.

— Больно, Джек! — простонал Карл, зажимая окровавленной левой рукой плечо под разорванным пончо. — Господи боже, как больно...

Джек мельком глянул на голую кость, на десяток кристаллических зубов, застрявших в ране, и снова повернулся к кеноте. К ним летели еще три твари. Он схватил «бенелли» и начал стрелять. Не все пули попали в цель, но крылья одной оторвали.

— Где у тебя обоймы? — прокричал он.

Карл, оскалив от боли зубы, не в силах вымолвить ни слова, кивнул на землю.

Джек начал перезаряжать автомат. Если бы знать, что встретишься с такими чудовищами, попросил бы Эйба прислать ракетные снаряды.

— Можешь идти?

Садовник кивнул.

— Хорошо. Тогда иди к отцу. Я тебя сзади прикрою.

В бою с членами клана следовало рассредоточиться, а с этими тварями это смертельно опасно. Пора сгруппироваться.

— Это Семели... она их посылает... — Карл, скрипя зубами, встал на ноги, побрел прочь.

Оглядываясь на кеноте, Джек увидел собравшийся над отверстием рой примерно в десяток, нырнул за ствол пальмы, выстрелил в самый центр, пару сбил. Они упали в бездну, а на смену вылетели еще четыре.

Живот свело в тугой комок. Дело плохо. Он захватил с собой мало боеприпасов, но взял отца и Карла. Отвечает за них.

Позади отец методично, ритмично стрелял по лодкам. Экономь патроны, пап, мысленно попросил Джек. Они нам пригодятся.

К рою добавились еще четыре твари. Впрочем, рой к нему не летел... существа лениво порхали, словно не знали о его присутствии, суетливо тыкались из стороны в сторону. Чего ждут? Подкрепления?

Если оно придет из кеноте, возможно, удастся устроить засаду. Джек снял с пояса гранату — осталась всего пара, — выдернул чеку, бросил. Она пролетела сквозь рой и упала в дыру. Через несколько секунд полыхнула вспышка, гроыхнул взрыв — и только. Рой над отверстием даже не среагировал.

В кино вроде «Рио-Браво» герой нашел бы ящик динамита, услужливо оставленный строительной фирмой, и взорвал бы кеноте. А мы живем в другом мире, где таких чудес никогда не случается.

Сзади снова раздался крик, Джек узнал голос Карла, оглянулся, увидел его, кружившего у кромки воды, с впившейся в шею тварью...

Откуда она взялась?

Он вскочил, побежал, не стреляя из автомата, чтоб не попасть в Карла, выхватил «раджер», не успел им воспользоваться — садовник рухнул в воду.

Хорошо. Видно, тварь из кеноте воду не любит. Ослабила хватку, зависла с жужжанием в воздухе, полетела к берегу, к Джеку. Он уже вскинул «раджер». Обождал, пока подлетит, выстрелил, полетели зеленые брызги, крылышки осыпались на землю. Джек бросил «бенелли» и «раджер», прыгнул в воду на помощь Карлу, которому приходилось несладко.

Вода глубиной по грудь была холодной, вспененной дождем и ветром. Грязное скользкое дно постепенно шло вниз. Мимо просвистела пуля, за ней другая. Кто-то на «Плавучем Быке» их заметил. Послышался залп отцовского «моссберга», крик из плавучего дома, выстрелы прекратились.

— Карл, — крикнул Джек, бросившись вперед и протянув руку, — держись!

Садовник в пончо, расплывшемся, словно кувшинка, изо всех сил колотил по воде руками-ногами, пытаясь выбраться на берег. Джек схватил его за левую руку и начал вытаскивать.

Карла вдруг потянуло назад. Он завопил от боли, Джек еле-еле его удержал.

— Ох, нога! — стонал Карл. — Нога! Дора схватила... Помогите!

— Помогу.

— Не хочу умирать, — всхлипнул Карл. — Прости тебя...

Голова садовника ушла под воду. Джек старался удержаться на ногах, но дно было слишком скользким. Последовал очередной мощный рывок, и он

упал в лагуну. Через несколько секунд вынырнул, потеряв руку Карла. Ноги нащупали дно, он встал по плечи в воде, вытирая лицо и глаза.

— Карл!

Молчание. Ни звука, кроме плеска взбудораженной дождем и ветром воды. Он снова крикнул, кажется видя, как что-то мелькнуло футах в пятидесяти — на секунду, а потом исчезло.

— Ох, бедняга, — тихо пробормотал Джек, глядя вперед. — Прости меня... прости...

В горле встал ком. Нет больше симпатичного простака. Они были знакомы всего пару дней, но парень вызывал уважение. Так и неясно, что у него было с правой рукой, хотя это уже значения не имеет. Карл все равно жил полной жизнью, приспособился к увечью, не извиняясь и не оправдываясь.

Мимо свистнула пуля — пора убираться отсюда.

Я во всем виноват, думал Джек, поспешно вылезая на берег. Не заставил бы Карла с помощью подкупа вернуться в лагуну, не взял бы сегодня с собой, он до сих пор был бы жив. Сидел бы у себя в трейлере, смотрел телевизор...

Я виноват. Хотя не только я.

Их посылает Семели...

Конечно, Семели.

Джек выбрался на грязную землю, взглянул на кеноте, насчитав около двадцати крылатых тварей, роившихся над отверстием, которые развернулись и полетели к нему.

Кровь в жилах заледенела. Им с папой никогда их не перестрелять, даже стоя спиной к спине с автоматами. Кое-кто прорвется. А как только прорвется — конец.

Крылатых чудовищ не остановишь... впрочем, наверно, можно остановить ту, кто их насылает...

Преследуемый тварями, он побежал к стрелявшему по лодкам отцу, слыша радостные крики на палубах. Оттуда не стреляли. Видно, думали позабавиться, глядя, как он гибнет следом за Аней.

— За мной, папа! Пошли!

Том, присевший под деревом между лодками, оглянулся. Джек упал на землю, проехался на животе по скользкой грязи.

— Куда?

— За мной!

При вспышке молнии стало видно, что у отца отвисла челюсть.

— Господи Иисусе, что это...

— Молчи, стреляй!

Отец за спиной у него замолотил в воздух из «моссберга». Джек не стал оглядываться на результаты, надеясь, что они удачные. Когда «моссберг» умолк, бросил «бенелли» отцу на колени и сел к нему спиной, лицом к «Плавучему Быку». Семели, скорей всего, там.

Он вытер залитые дождем глаза, прицелился в надстройку. Мощный заряд пробьет стену. Может быть, не попадет в девушку, но хотя бы собьет ее с толку...

9

Ох, как трудно...

Сидя в темной хижине, Семели крепче прижимала раковины к глазам. Зубастые осы не хотели вылетать из дыры до заката, но она их заставила. Вчера старалась понапрасну, сегодня сумела. Может быть, дело в буре, почти в ночной тьме. Как бы там ни было, они явились. Только очень медленно... по одной.

Выманив их из дыры, она почти ничего не видела. Наверно, из-за солнца. Хотя его и закрыли грозные тучи, оно еще стояло над горизонтом, и, должно быть, оставшийся свет попадал в глаза осам.

Впрочем, разглядела у дыры Карла, стрелявшего по лодкам. Предатель родного клана! Направила на него двух тварей, принялась вытаскивать из колодца других.

Вдруг напавшая на Карла оса разлетелась в клочки, а за ней и другая. Оказалось, по ним стрелял Джек, и, хотя Семели не питала к нему прежней ненависти, она этого не могла допустить. Им надо между собой разобраться. Один из них должен погибнуть. Предпочтительно он.

Она подняла целый рой ос, которые не подчинялись командам, метались туда-сюда, больше с ними ничего нельзя было сделать. Джек подстрелил пару в воздухе, бросил в дыру гранату, убив еще четырех вылетевших по ее приказу.

Надо было атаковать имевшимися силами, но рой с места не двигался. Всего одну осу удалось бросить на Джека, и та почему-то кинулась на Карла. Может быть, их привлекал шум и движение, а он бегал и орал во все горло.

Дору она на него не натравливала, черепаха сама ухватила упавшую в воду добычу.

Прощай, Карл.

Наконец, рой послушался, и Семели пустилась в погоню за Джеком. Сил вдруг почему-то прибавилось — может быть, солнце ниже спустилось, неизвестно, не важно, главное, что началась охота. Хотя в желудке екало при мысли, что снова придется смотреть на работу зубастых ос, с этим надо смириться. Ради жизни целого клана необходимо остановить Джека и тех, кого он с собой привел, — скорей всего, отца.

Она послала ос вдогонку за бегущим Джеком, слыша победные крики на палубе. Лучше бы они заткнулись. Вдруг осы свернут на шум... Они уже услышали голоса, Семели с трудом вела их за Джеком.

Стена вдруг проломилась, ее осыпало щепками, что-то прожужжало над головой. Она, и так забившись в угол, в самое время плашмя рухнула на пол. В надстройку угодил второй заряд, на этот раз ниже, едва не попав в ягодицу.

Он хочет меня убить!

Зубастые осы должны достать Джека с отцом. Немедленно!

Старик стрелял по лодке, поэтому она разделила рой надвое, одну часть послала над водой налево, другую назад, окружила противников...

В хижину попал третий мощный заряд, но насквозь не прошел, сбил скамью у раскладного стола, которая ударила Семели по голове. Она вскрикнула и, не подумав, закрылась руками, выронив раковины.

— Ох, не-е-ет! — Она лихорадочно шарила по полу, но в хижине было слишком темно. — Где они?

Без них нельзя управлять осаами! Если их не держать под контролем, улетят обратно в дыру.

Или не улетят.

Неизвестно, что хуже.

10

— Джек! — крикнул Том. — Смотри!

Джек перезаряжал «раджер», готовясь вклепить еще несколько зарядов в надстройку на палубе «Плавучего Быка». Сидел спина спиной к отцу, ныряя вперед при выстрелах его автомата и откидываясь назад при отдаче от «раджера». Оглянувшись,

не совсем расслышав. В ушах звенело от грома и выстрелов.

— Что?

— Эти твари сперва сбились вместе, потом разделились надвое, а теперь...

Сквозь дождь Джек прищурился вдаль, видя, как летучие существа из кеноте с жужжанием беспорядочно кружатся, сталкиваясь друг с другом в воздухе, словно не понимая, где очутились, хотя мужчины на палубах по-прежнему приветствовали их криками.

Одна летучая тварь развернулась над водой, за ней последовали две другие, и весь рой устремился к плавающим домам. Ликующий хор вдруг умолк, через секунду сменившись ружейными залпами. На глазах у Джека члены клана сбили пару ос, потом их накрыла туча. Стрельба прекратилась, вместо выстрелов раздались вопли, полные боли и страха.

11

Семели ждала очередной вспышки молнии, когда можно было б хоть что-то увидеть. Вот! Новый всполох за разбитыми окнами — где же чертовы раковины? Она ощупывала пол, стоя на четвереньках. По крайней мере, пули перестали пробивать стены. Наверняка не надолго. Должно быть, перезаряжают оружие, и через минуту...

Снаружи послышался крик... другой... В адском хоре можно узнать голос Люка. Похоже, его пытаются... Она бросилась к двери, выглянула.

Клан атакowali зубастые осы. Проклятье, проклятье, проклятье, что она наделала!

Новая вспышка в самых дверях... Оглянувшись, Семели успела заметить на полу раковины, схватила их, крепко стиснула в кулаках.

Слава богу, нашла! Можно теперь отвести ос, направить на нужную цель — на Джека и его отца. Только она поднесла к глазам раковины, в распахнутую дверь хижины ввалилось что-то нечеловеческое, шарахнулось вправо, влево, надвинулось на нее с глухим воем. Вскрикнув, она при следующей вспышке молнии разглядела мужчину, в которого вцепились три зубастых осы. Одна на ноге, другая на боку, третья вгрызлась в лицо. Он опять зарычал, закрутился, упал на живот, задергался и затих.

Опять сверкнула молния, осветив под разорванной рубашкой чешую, плавники, и Семели узнала.

Люк!

Раковины помогут согнать с него ос... Но она не успела прижать их к глазам, как оторванная мужская нога ударила прямо в лицо. Семели шарахнулась, выскочила на палубу, в самый ад. Кругом зубастые осы, мужчины, кричавшие, истекавшие кровью и молча неподвижно лежавшие.

Ее появление мгновенно привлекло внимание. На нее полетели зубастые осы из хижины и с палубы. Спасение только в воде.

Она поскользнулась в крови и расшибла колено, с трудом поднялась, побежала, нырнула, поплыла к берегу, зная, что Джек с отцом сразу ее заметят. Приложила к глазам раковины. Надо вновь овладеть осами и напустить на них, прежде чем вынырнуть передохнуть.

12

В свете молнии Джек видел, как маленькая тоненькая фигурка с мертвенно-белыми волосами прыгнула в воду вниз головой с «Плавучего Быка». Ее преследовали твари из кеноте, зависнув в ожи-

дании в паре футов над поверхностью воды. Он хлопнул по плечу отца, который зачарованно наблюдал за бойней на палубах, так что пришлось еще разок хлопнуть.

— Пап, какой автомат заряжен?

Том опомнился.

— Уже оба.

— Дай один.

Отец сунул ему «бенелли», Джек прицелился в ближайшую крылатую тварь, не столько желая спасти Семели — она заслужила любую судьбу, — сколько не желая видеть, как кого-то заживо съедают.

Прогредел выстрел, ударив в плечо, и тварь разлетелась. Но ее спутница не отступила, не закружилась на месте, а ринулась прямо на Джека.

Он отпрянул, вскинув автомат. Выстрел пришелся высоковато, не попал в тело, но начисто оторвал крылья. Существо закружилось, упало на берег, валяясь в грязи, яростно скаля зубы, трепеща остатками крыльев.

Джек краем глаза увидел, как вода в лагуне всплеснулась, из нее вынырнула белая голова. Он прицелился, но помедлил. Почему — неясно. Возможно, из чувства вины. Если бы он мягче с ней обошелся, Семели не напала бы на него и на Аню. Возможно, из-за ее трогательного стремления сблизиться с ним. Возможно, потому, что нельзя стрелять в девушку, даже злобную и опасную.

Как бы там ни было, он бросил автомат, схватил тварь из кеноте за остатки крыльев и поднял. Выглядела она увесистой, а оказалась на удивление легкой. Завертелась, вырываясь из рук, безуспешно стараясь куснуть алмазными зубами.

Джек прыгнул с берега в воду.

— Боже мой, что ты делаешь? — крикнул отец.

Он не ответил. Высоко держа тварь из кеноте, поплыл к вынырнувшей Семели, видя, как она прижала раковины к глазам.

Вот для чего они ей нужны. Ради власти над тварями.

И тут я ей помог.

Другие крылатые чудовища, оторвавшись от пиршества на палубах лодок, направились к нему. Джек плыл изо всех сил.

Доплыв, схватил Семели за волосы, сильно рванул назад, поднес к лицу тварь из кеноте с алмазными зубами, с оскаленными жующими челюстями, напоминавшими лесопилку.

— Брось раковины! Сейчас же брось, или вот эта мерзость бесплатно позавтракает. Без шуток! В прошлый раз я не стал стрелять в Люка — теперь дело другое. После того, что ты натворила за последние двадцать четыре часа, я готов расквитаться с тобой.

— Ладно, ладно, — пробормотала она, не снимая с глаз раковин. — Дай только отвести зубастых обратно в дыру.

Зубастые осы... название подходящее.

— Давай.

Подлетавшие осы веером развернулись к кеноте, где сквозь дождь слабо светились огни. Джек проследил, как они исчезают в тумане, потом свободной рукой оторвал от глаз ладони Семели. Не забывая о Доре, схватил ее за плечо, толкнул к берегу.

Вытащив на землю, услышал крик отца, пристально смотревшего на лагуну.

— Кто это... что это?

Он взгляделся. Сперва ничего не увидел, потом сверкнула молния, высветила мужчину в костюме, стоявшего в воде. Не в воде — *на* воде. Не стоявшего — идущего длинными решительными шагами, быстро, но без малейшей спешки.

Джек бросил осу без крыльев, которая камнем пошла ко дну, прищурился сквозь бурю. Лица не разглядел, но, когда тот подошел поближе, заметил вокруг него как бы пузырь — не оболочку, а просто сухое пространство. Хлеставший со всех сторон дождь не касался его, не разбрызгивался, а... расступался.

— О боже! — вскричала Семели, прижимаясь к Джеку. — Иисус идет покарать меня за грехи!

— Тебе за многое придется ответить, хотя это, по-моему, не Иисус.

Если только Он не оделся в костюм от Армани.

Фирму, конечно, не угадаешь без опознавательных знаков, но видно, что костюм дорогой, может быть, даже шелковый, угольно-серый, безукоризненно сшитый, под ним черная, наглухо застегнутая рубашка. По водам шествует истинный европеец.

При виде знакомого высокомерно-презрительно-го лица приближавшегося мужчины кровь в жилах заледенела. Джек вскинул «бенелли» и выдохнул:

— Рома!

Он возлагает на него вину за смерть Кейт — по крайней мере, косвенную — и за массу других неприятностей в своей собственной жизни, приключившихся после их весенней встречи на конференции по заговорам. Мужчина тогда представлялся профессором по имени Сол Рома. Бог весть, кем сейчас представляется. В тот раз Рома пытался убить его и почти преуспел. Всего месяц назад то ли он, то ли Иное, то ли оба вместе собрались расправиться с Джиа и с будущим младенцем. Пора посчитаться. Несомненно — Джек даже не смотрел на прильнувшую к нему сиротку, — это и есть упомянутый Аней Противник, Тот Самый, настоящее имя которого она отказалась называть.

— Прощай, кто б ты ни был, — шепнул он, нажав на спусковой крючок.

Точнее сказать, попытавшись. Крючок не поддался. Все кончено!

В тот момент Рома взглянул на него и Джека бросило в воздух спиной на ствол пальмы, болезненный удар вышиб дух, глаза застлал туман, колени подогнулись, как резиновые, он свалился на грязную землю, услышав крик отца, как бы с другого конца длинного коридора:

— Джек!.. Джек, ты цел?

В глазах чуть прояснилось, он успел заметить, как отец падает спиной в кусты, исчезает из вида.

Хотел крикнуть, но не издал ни звука.

Сердце пронзил страх. Не ранен ли папа? Жив ли вообще?

Джек попробовал подняться — не смог шевельнуться. Секунду панически думал, будто парализован, спина сломана, потом осознал, что его приковало нечто невидимое, неосязаемое, могучее, под напором чего можно только дышать. Хотел прикрикнуть на Рому — и того не сумел. Полностью оказался на милости липового профессора.

Впрочем, кажется, Рома не проявлял к нему интереса, даже не оглянулся, осторожно ступив на берег и остановившись в двух футах перед Семели.

Та попятилась.

— Итак, — сказал Рома. Джек хорошо его слышал, дождь и ветер утихли, хотя молнии полыхали вокруг. — Ты хочешь присвоить себе мое имя?

— Какое имя?

— Сама знаешь. Не твое.

— Расалом? Оно мое. Я и есть Расалом.

Она мгновенно получила пощечину — Джек только слышал хлесткий звук, видел, как пошатнулась девушка с искаженным лицом, почти почувствовал жгучую боль.

Расалом, понял он. Вот оно, настоящее имя этого гада.

— Никогда, — тихо проговорил Расалом безо всяких эмоций, — *никогда* не зовись моим именем.

— Кто сказал, что оно *твое*? — оскалила зубы Семели.

Надо отдать ей должное — не трусит. Судя по тому, как приняла удар, ее явно били и раньше.

— Я, — спокойно сказал Расалом. — И не оторвал тебе руки, ноги и голову лишь потому, что ты, чисто по глупой случайности, сумела найти способ убить женщину. За это я перед тобой в долгу. Только не испытывай свою судьбу, девочка.

— Вовсе не по случайности, — огрызнулась Семели. — И я тебе не девочка. Я была в дыре, в огнях, слышала голоса. Они сказали, что я Та Самая и имя мне — Расалом.

Он снова ударил, сильнее, она упала в грязь, потерла покрасневшую щеку. Несколько минут назад боль облегчил бы дождь, который теперь кончился.

— Предупреждаю в последний раз. Ты не Та Самая. Голоса обо *мне* говорили, а не о тебе.

— Нет! — крикнула Семели, вставая и птясь. — Я Та Самая, меня зовут Расалом! Расалом-Расалом-Расалом! — Выхватила раковины, прижала к глазам. — А сейчас ты расплатишься. Больше меня никто не ударит! *Никто!*

Джек знал, что сейчас будет, желая ее поддержать.

Враг моего врага...

Оглянувшись на кеноте, он увидел полдюжину зубастых ос, вылетевших из отверстия. Видно, недалеко улетели.

О да, Расалома ждет кровавая, жуткая и мучительная — будем надеяться — смерть. Спасибо за место в первом ряду.

Джек собрался с силами. Зрелище будет ужасное, но не хочется пропустить ни секунды.

Расалом по-прежнему стоял лицом к девушке, спиной к кеноте. Когда осы уже почти долетели, сделал движение левой рукой, просто шевельнул пальцем, словно за обедом подавал знак официанту, что вина в бокале достаточно, спасибо — и они остановились, зависли над ним, как стерегущие улей пчелы.

До Джека донесся хриплый крик Семели. Оскалив стиснутые зубы, она пыталась взять ос под контроль. Судя по насмешливо дрогнувшим губам Расалома, борьба его забавляла, а у противницы не было ни единого шанса.

Наконец, игра ему наскучила. Он снова махнул рукой, осы бросились на нее, как муравьи на кусок сахара. Стараясь их прогнать, Семели уронила раковины, вертелась, обливаясь кровью, брыкалась, отбивалась от атакующих со всех сторон тварей. Жутко было слышать ее вопли. Неужели Аня так же кричала, не мог не задуматься Джек.

Ему стало еще хуже при взгляде на Расалома, который стоял, с наслаждением наблюдая за смертными муками девушки.

Хорошо бы поднять руку, хоть одну, сорвать гранату с пояса, разнести в клочья ублюдка. Но тело абсолютно не слушалось.

Крики стихли, слились в неразборчивое бульканье, и Расалом потерял интерес. Подошел к сидевшему у ствола Джеку, остановился над ним.

Пришел мой черед, понял он, чувствуя спазм в мочевом пузыре.

Понадеялся, что не станет орать, хоть просто невозможно представить, как больно быть съеденным живо.

Дождь уже еле брызгал, небо частично светлело. Расалом смотрел на него сверху вниз. Джек сно-

ва попробовал заговорить, но голос абсолютно пропал.

Расалом пнул его в ногу.

— Инстинкт мне советует убить тебя сейчас, ибо ты будешь камнем у меня на дороге. Впрочем, камень я смогу отшвырнуть, как только пожелаю. Вдобавок смерть, возможно, была бы услугой. Избавила бы тебя от тяжелых страданий в ближайшие месяцы. Зачем делать тебе одолжение? Зачем избавлять от мучений? Не хочу, чтобы ты упустил даже йоту.

Джека мороз прохватил.

...от тяжелых страданий в ближайшие месяцы...

Что это значит? Какие страдания? Откуда он знает? Попробовал крикнуть, спросить и не выдавил даже шепота.

Всеми силами он старался пошевелиться, броситься на самодовольного сукиного сына, дать по зубам и вырвать язык.

Расалом оглянулся на то, что осталось от девушки. Кости черепа и клубок окровавленных белых волос... Зубастые осы растерянно мельтешили в воздухе, две столкнулись и вступили в бой. Вокруг посветлело, может быть, это их сбilo с толку?

Расалом вновь сделал легкий жест, и осы стрелой полетели к кеноте. Он указал на останки Семели:

— Физическая боль насыщает меня. Но когда сильный мужчина впадает в безнадежное отчаяние — это истинный деликатес. Если этот мужчина — ты, можно даже дойти до экстаза. Не стану лишать себя удовольствия. Конечно, — нахмурился он, — всегда остается возможность, что грядущие беды только придадут тебе сил. Однако я готов рискнуть. Живи пока. Но когда перестанешь меня забавлять...

Неоконченная фраза повисла в воздухе, Расалом шагнул с берега на воду.

Пока он удалялся, давящая тяжесть медленно легчала, ноги стали слушаться, когда фигура скрылась из вида. Собравшись было пуститься вдогонку, Джек спохватился, боясь за отца, побежал туда, где в последний раз его видел. Тот лежал в папоротнике, раскинув руки-ноги.

Он метнулся к нему:

— Папа!

Об этих страданиях говорил Расалом? Вслед за Кейт он потерял отца?

Но отец шевельнулся.

13

Том сел, ощупывая себя.

Тело движется! Чувствует!

Господи помилуй, казалось...

Он поднял глаза на стоявшего перед ним Джека:

— Пап... как ты?

— Я уж думал, у меня удар... Только что стоял у дерева, видел, как ты приплыл, а в следующий миг лежу на спине и не могу ни слова сказать, ни пальцем шевельнуть.

Джек протянул руку:

— Встать можешь?

С помощью сына Том поднялся на ноги, отряхнулся, огляделся, чувствуя легкую слабость и дрожь. Ничего удивительного. В семьдесят пять лет вступить в смертельный бой! Он и раньше сражался, но с людьми, с солдатами. А тут...

— Джек! Что здесь происходит? Кто это был? В самом деле пришел по воде?

— Похоже на то.

Джек отчужденно взглянул на него. Не прежним твердым холодным взглядом прирожденного убийцы, но Том словно наткнулся на стену.

— Что за дела тут творятся? Девушка командует змеями, птицами, адскими насекомыми — по-моему, эта дыра идет в самую преисподнюю, — мужчина ходит по водам... Что происходит на белом свете?

— Ничего нового, кроме того, что творится давным-давно. Ничто не меняется, пока не заглянешь за занавес.

— За какой занавес?

О чем это он? Может, умом тронулся от пережитого... или уже видел нечто подобное, а то и похуже...

— Все кончено, папа.

— Что кончено?

— Семели, зубастые осы, мужчина, ходивший по водам...

— Да ведь ты его знаешь, окликнул по имени — кажется, Рома?

— Забудь, пап. Выброси из головы и забудь. Все кончено. — Джек посмотрел на небо. — Даже ураган «Элвис».

Том только теперь понял, что дождь прекратился. Раскаты грома еще слышались, а ветер замер, в воздухе встала мертвая тишина. Он проследил за взглядом сына, видя сквозь почти голые ветки чистое голубое небо с оранжевым отсветом заходившего солнца.

Кончено... Одно время казалось, что буря никогда не кончится.

Он оглядел поваленные пальмы и кипарисы, плавающие дома, медленно тонущие в засыпанной листьями и щепками воде, окровавленные палубы, исковерканные трупы, устилавшие их, как солома.

У него пересохло во рту.

— Это наша работа?

— Отчасти. — Джек нисколько не дрогнул. — На нашем счету пробоины в корпусе, чуточка крови, за все прочее отвечает Семели. Она вызвала ос из кеноте, потеряла над ними контроль. Впрочем, к счастью, иначе члены клана разглядывали бы сейчас наши останки.

Он схватил с земли автомат, широко размахнулся, зашвырнул в лагуну.

— Ты что?..

— Уничтожаю улику.

Второй автомат полетел вслед за первым. Джек выхватил из-за пояса «раджер», посмотрел на него, потом сунул обратно.

Том еще раз взглянул на разорванные тела на палубах и снова оглянулся. Похоже, одно шевельнулось...

— По-моему, там еще кто-то жив.

— Наверняка не надолго.

— Может быть, надо...

Джек круто повернулся к нему:

— Ты что, шутишь? Они только что нас хотели убить!

— В армии всегда помогают раненому врагу.

— Мы не в армии, не на войне. Ввязались в уличную драку там, где улиц никогда не бывало. — Лицо его перекосилось, почти злобно оскалилось. — Собираешься парочку вытащить и доставить в больницу? Чем объяснишь ранения? Чем объяснишь заряды картечи в телах? Глазом не успеешь моргнуть, как больницу окружат, зафиксируют факты, какой-нибудь пройдоха адвокат предъявит гражданские иски, обобрав тебя начисто до последнего пенни.

Том увидел сына с другой стороны, которая ему не очень понравилась.

— Но...

— Никаких но.

Джек повернулся, пошел к старой хижине, через минуту вернулся, неся что-то в руке.

— Смотри.

Это было нечто вроде прямоугольного куска пергамента, но слишком мягкого, исполосованного рубцами и круглыми глубокими крапинами. Сообразив, что это такое, Том невольно отступил назад.

— Правильно, — подтвердил Джек. — Это все, что осталось от Ани. Кусок кожи, который они задумали выдубить. Скажи теперь, чем ты готов riskнуть ради спасения гадов?

В душе Тома вспыхнула ярость. Аня... они зверски убили Аню... Стоило бы за это добить уцелевших, но он не мог позволить себе переступить черту.

— Ничем. Пускай сами справляются.

— Правильно, черт побери.

Джек взглянул на ужасный лоскут, огляделся, не зная, как с ним поступить. Потом как бы принял решение, свернул, затолкал под рубашку.

— Что ты делаешь?

— Больше от нее ничего не осталось. По-моему, она заслуживает похорон, правда?

Сын открылся еще с одной стороны. Страшно было бы оказаться его врагом, и замечательно быть его другом.

— Безусловно, — кивнул Том. — Буря кончилась, поедem домой, найдем место для упокоения.

Джек посмотрел на небо:

— Хорошо, что вовремя кончилась. Я думал, дольше будет бушевать.

— И я тоже.

Его вдруг поразила кошмарная мысль. Он кинулся в кусты, в гущу папоротника.

— Ты куда? — крикнул вслед ему Джек.

— Надо забраться повыше, на вершину пригорка!

Далеко идти не пришлось — островки в море меч-травы были маленькие. Через несколько минут Том стоял на вершине.

Но все-таки не увидел того, чего ждал. Бросился к стоявшему рядом дубу, не пострадавшему в бурю, потянулся к нижней ветке, не достал, велел следовавшему за ним сыну подсадить.

— Что ты задумал?

— Помоги просто, черт побери. Осмотреться хочу.

Том устыдился своего резкого тона, но его терзала тревога. Он поймал ветку, подтянулся, взобрался, увидел приблизительно в миле стену из дождевых туч, получив подтверждение собственным опасениям.

— Джек, ураган не прошел. Мы находимся в эпицентре. Вот-вот снова ударит, может быть, хуже прежнего. Надо... ох, черт побери!

— Что там?

На краю приближавшейся стены появилась светлая вертевшаяся воронка. Рядом с ней закрутилась другая.

— Торнадо! — Том соскользнул со ствола. — Надо убираться отсюда.

— Торнадо? — Как только он слез, Джек сам начал взбираться. — Давно хотел увидеть торнадо. -- Добрался до ветки, посмотрел на запад. — Будь я проклят! Целых три.

— Три? Только что было два. Спускайся, бежим!

Джек еще пару секунд посмотрел, потом спрыгнул на землю, побежал к лагуне. Пробегая мимо дыры, Том задержался, глянул внутрь — огни превратились в слабое мерцание, поднимавшиеся воды лагуны начинали захлестывать через края.

— Надо бы эту дыру заткнуть, — сказал он. — Может, вернемся, когда все кончится...

— Не стоит беспокоиться, — бросил через плечо Джек. — Она сама закроется до весны. Поторопимся.

Сама закроется... откуда он знает?

Добежав до берега, Том совсем выдохся, чувствуя тупую боль в груди. Наклонился, уперся руками в колени, стараясь отдышаться, пока Джек, осмотрев лодки клана, не махнул рукой на залитую водой плоскодонку на краю лагуны под названием «Плавучий Цыпленок».

— Тут мотор сильнее, чем в каноэ, быстрее доплывем. Помоги мне ее отсюда столкнуть. — Он взглянул на отца. — Что с тобой?

— Ничего. Не привык к подобным приключениям.

Совсем не хотелось толкать сейчас лодку, но в одиночку сын вряд ли справится. Джек сбросил пончо, пошел к корме с правого борта. У ног его что-то плеснулось, и он сразу выскочил из воды.

Том тоже попятился, видя вылезавшее на берег чудовище. Слышал про двуглавую черепаху, практически не поверив, и вот она перед глазами, причем гораздо крупнее, чем можно представить. Панцирь длиной четыре фута, как минимум. Черепаха громко щелкала зубами на Джека.

Он сдернул с пояса гранату, вытащил чеку, рванул кольцо.

— Это тебе за Карла!

Том на секунду замер на месте. Карл... Боже, он совсем забыл про бедного парня...

Правая голова поймала на лету гранату, слотнула. Джек прыгнул на отца, повалил на землю.

— Ложись!

Он упал в грязь, закрыв руками голову. Земля содрогнулась от приглушенного взрыва, кругом полетели окровавленные ошметки черепашьего мяса и панциря.

Потом сын помог ему встать, вновь направился к лодке. От утонувших останков чудовища в воде расплывалось кровавое облако. Джек, кинувшись к корме, вдруг застыл.

— Господи боже! Ничего не выйдет!

— В чем дело?

— Взрывом мотор повредило! — С досады он вlepил в борт пинок. — Проклятье! Ну ладно. Вон наше каноэ.

Они подбежали к нему, Джек вскочил на корму, принялся дергать шнур, заводя мотор. Сделав около двадцати быстрых рывков, испустил град ругательств и сдался. Мотор даже не кашлянул.

— Не заводится. Кто знает, что с ним сделалось в бурю. Придется грести.

Том страшно не хотел признаваться, но сил у него совсем не осталось.

— Джек... не знаю, смогу ли.

Сын взглянул на него и сказал:

— Ничего, пап, я справлюсь. Садись назад к рулю, а я возьмусь за весла.

Он неуверенно шагнул в каноэ, упал на заднюю скамью. В груди было странное ощущение, сердце бешено колотилось о ребра. Хаотичное сердцебиение измотало его, однако сил хватило, чтоб удерживать руль, когда Джек начал грести.

Каноэ вышло из лагуны, вскоре они уже плыли в полноводной протоке. Уплыли, впрочем, недалеко, когда стало темнеть, снова сомкнулись тучи на небе, яростно налетел ветер, хлынул дождь.

Том был по-прежнему в пончо, а Джек свое где-то сбросил, видно было, как под прилипшей к телу футболкой перекачиваются на спине мышцы при каждой гребке. Не бугры, накачанные стероидами, а хорошие наработанные мускулы. Раньше он этого не замечал. Откуда они взялись? Даже в колледже Джек был ху-

леньким мальчиком, теперь же напоминает знакомых по армейской службе ребят, худощавых, спокойных, не особенно впечатляющих, пока кто-нибудь их не заденет. У него на глазах один такой парень уложил другого, который был вдвое крупнее.

Сколько лет он сердился на сына за исчезновение и особенно за отсутствие на похоронах Кейт... Теперь это ушло в далекое прошлое. Том понял, что, несмотря на скрытность, замкнутость, странное поведение, любит и восхищается загадочным мужчиной, в которого вырос Джек, чувствует в нем силу, решительность и порядочность. Он долго боялся, что наделал ужасных ошибок, воспитывая его, — почему иначе мальчик порвал с семьей? — а теперь кажется, все было сделано правильно. Нельзя, конечно, одному всецело приписывать удачи и неудачи другого — каждый делает собственный выбор. Но, как родитель, он вправе признать собственные заслуги.

Больше всего на свете хочется, чтобы Джек выдержал бурю. О себе Том заботился меньше, хотя, разумеется, не хотел умирать, только почему-то чувствовал, что сын обязательно должен выжить — не просто ради отца, а по другим, более важным причинам, неизвестным и непостижимым, но вполне реальным. Джеку еще предстоит сыграть *главную* роль.

Сердце несколько успокоилось и снова зачастило, когда впереди в меч-траве вспыхнул столб света. Том огляделся почти в ночной тьме. Они выплыли на открытое место, где молния могла ударить в каноэ, хотя на лесистом пригорке при ураганном ветре и смерче было бы еще опасней.

Свернули в протоку в туннеле, каноэ рванулось вперед, подгоняемое дувшим в спину ветром. Том расправил хлопавшее пончо, как парус. Сработало — лодка набирала скорость.

Он сильно собой гордился, пока очередной разряд не высветил тучу в виде столба, которая тянулась к земле в нескольких сотнях ярдов слева. Земли еще не касалась, значит...

А при следующей вспышке коснулась, взметнув грязь, траву, воду. Теперь уже официально торнадо.

Он дотянулся, хлопнул Джека по плечу:

— Посмотри налево!

Тот оглянулся, но в тот момент молнии, как на грех, не было, потом двойная вспышка осветила столб, ставший светлее и ближе, двигаясь к ним.

— Мать твою! — крикнул Джек, гребя еще сильнее.

Уволившись из рядов морской пехоты, Том крайне редко употреблял подобные выражения. Считал их недопустимыми в стенах семейного дома и, конечно, в присутствии детей и женщин. Однако, глядя на приближавшийся вихрь, иначе не скажешь...

Вот именно — мать твою!

В штормах на островах он видел водовороты — высокие, светлые, легкие, недолговечные, скорее красивые, чем опасные. Хотя сейчас кругом вода, слева надвигался не водоворот, хотя и не чудовищный смерч шириной в четверть мили, которые любят показывать погодный канал. Всего футов пятьдесят в основании...

Всего? Что за мысль? Торнадо вполне способен убить их обоих.

Том попытался вычислить его силу по шкале Фудзиты — кое-что усвоил, глядя часами погодный канал, — понадеявшись, что она не превышает двух баллов. Прямого удара двухбалльного урагана не выдержать, но можно увернуться. Если ударит сильнее — конец.

Независимо от баллов, помолился, чтоб ветер сменил направление, вытащил из-под скамьи вес-

ло, подгоняя каноэ, поглядывая налево. Слышался нараставший гул — проклятый столб приближался, бежал по неправильной диагонали навстречу. Так, по крайней мере, казалось. Смерч метался взад-вперед — случайная удача позволила бы избежать столкновения.

Серьезный вопрос: сидеть в лодке или выпрыгивать? Кажется, в лодке хуже, чем в трейлере. Место слишком открытое — если торнадо приблизится, крутившиеся в нем обломки разнесут их в клочья. Если же выпрыгнуть...

Джек тоже оглянулся.

— Бросим лодку! — крикнул он сквозь усилившийся гул.

— И куда пойдем?

Сын махнул вправо:

— Я вон там что-то вижу...

Том прищурился в дождь и тьму. Молния высветила заросли ивняка, образующие в море меч-травы нечто вроде островка. Ивы маленькие, высотой чуть больше десяти футов. В них можно укрыться, схватиться за ствол, не боясь, что тебя придавит свалившимся деревом.

Взгляд в другую сторону подтвердил, что смерч приближается.

— Давай! — крикнул он.

— Как насчет аллигаторов? — спросил Джек.

— Умные лежат на самом дне самой глубокой протоки.

Том не стал упоминать о змеях, не имея понятия, как ведут себя змеи в такую погоду. Будем надеяться, не стремятся забраться повыше, на пригорок, в заросли...

Джек выпрыгнул из каноэ, отец последовал за ним. Вода в протоке доставала до бедер. Том всего раз поскользнулся, забираясь на склон, поросший

меч-травой, где вода была только по щиколотки. Джек вытащил за собой каноэ, оставив в траве.

Молнии освещали путь к ивняку. Шлепавший впереди Джек слышал вой торнадо за спиной... нет, не за спиной — слева.

Вспышка высветила крутившуюся воронку меньше чем в ста ярдах. Том охнул, тяжело дыша с колотившимся сердцем. Как это смерч так быстро добрался? При другой вспышке выяснилось, что он движется к ним, словно преследует, загоняет в ловушку. Смешно.

Хотя после всех сегодняшних событий...

— Заползай! — едва слышно сквозь вой урагана крикнул Джек в ивняке, раздвигая ветки. — Найди ствол и держись!

Том опустил на четвереньки, нырнул в густую листву, продвигаясь в темноте на ощупь, пока не наткнулся на крепкий ствол дюймов шести в объёме.

— Стой здесь! — крикнул он Джеку, ползшему чуть позади. — Я другой поищу.

И полез дальше, не обращая внимания на возражения сына. Футы в пяти подалее нашел другой ствол примерно вдвое тоньше первого, быстро упал, обхватив его руками. Легкие жаждали воздуха. Господи, как приятно лежать! Сердце бешено трепетало в груди.

— Как ты, Джек? — крикнул он, сам себя почти не слыша.

Шум на два балла, как минимум... чуть больше, и они покойники.

Том лихорадочно оглядывался в поисках сына, но, кроме тьмы, ничего не видел. Деревья и земля задрожали, он пригнул голову под сумасшедшим ветром, видя, как сквозь кусты несутся острые стебли меч-травы.

Слава богу, вихрь не настиг их в лагуне. Подхваченные обломки лодок и хижин были бы смертельно опасны. А здесь только трава, грязь и ветер. Впрочем, это не будет иметь никакого значения, если столб пройдет прямо над ними.

Ветер рвал его со всех сторон. Слышалось, как смерч с грохотом товарного поезда прогрызается в траве. Пережившие торнадо люди часто употребляют такое сравнение, теперь ясно, насколько оно справедливо. Действительно товарный поезд... в туннеле.

Кусты вокруг стали гнуться, выкорчевываться из грязи. Покачнулось и дерево, влево, вправо...

Господи помилуй! Оно вырвалось из земли, поднялось в воздух!..

Ствол пришлось выпустить. Том разжал руки, ива с болезненным треском сломалась, взлетела. Он пытался вцепиться в остатки корней — пальцы скользили в мокрой грязи, ноги поехали, потянуло назад, — хватался за траву, за кусты, за папоротник, выскользавший из рук. Тело оторвалось от земли, он впился пальцами в грязь консистенцией не гуще бульона, уже теряя последний контакт с землей, когда чья-то рука схватила за левую ногу и дернула вниз.

Джек!

Другая рука ухватила за правую ногу, потащила назад. Яростный голос сына крикнул в буре:

— Один раз вышло, больше не выйдет! Нет, чтоб тебя раздолбало!

К кому это он обращается? К смерчу? Говорит, «один раз вышло»... Вряд ли Джек когда-нибудь видел смерч, а тем более с ним боролся. В чем же дело?

Потом разберемся. В данный момент хотелось бы знать, как он держится, схватив его обеими руками за щиколотки.

Рука нащупала его брючный ремень. Ловко извернувшись, Том глянул через плечо на сына, который, обхватив ногами ствол ивы, подтягивал его к крепкому дереву.

И тут... рев стал утихать. Смерч, пройдя сквозь ивняк, пошел дальше, расчищая себе путь в траве.

Джек отвалился от дерева, опрокинулся на спину.

— Я уж боялся тебя потерять.

Пока сердце возвращалось к нормальному ритму, Том смотрел на него, лежавшего с закрытыми глазами, с залитым дождем лицом.

— Я тоже думал, что пропал. Спасибо.

— Не за что.

Не за что? Нет, есть за что. За нечто... совершенно особенное. Он обязан сыну жизнью.

Как хорошо быть за это обязанным.

Том проглотил ком в горле.

— Пошли. Посмотрим, удастся ли найти каноэ и добраться до какого-нибудь сухого места.

Вторник

— Я решил перебраться обратно на север, — сказал Том, пока Джек укладывал вещи в спортивную сумку, собираясь в обратный путь.

Джек всмотрелся в обветренное лицо, еще покрытое синяками после наезда.

— Точно решил?

— Абсолютно, — кивнул отец. — Никогда не смогу смотреть на дом Ани без мысли о том... что мы видели... что с ней случилось. Никогда не смогу даже из двери выглянуть на Эверглейдс, не вспомнив ту ночь, пролитую кровь, Карла... дыру, вылетевших из нее тварей. А буря... торнадо... —

Он затряс головой. — Мы чуть не погибли, черт побери.

— Главное, что не погибли, — заметил Джек.

Возвращение было нелегким. Смерч далеко обошел каное, оно уцелело, но дальнейшее сражение с бурей потребовало немалых усилий. Маленькие протоки переполнились, невозможно было разобраться, где восток, а где запад, Джек потерял ориентацию, несколько раз повернул не в ту сторону. Пришлось грести почти два часа, прежде чем они добрались до лодочной станции и с облегчением сели в машину.

Понедельник ушел на поправку. Мышцы, о которых Джек до сих пор не имел ни малейшего представления, протестовали при каждом движении. Дворники и садовники — без Карла — в полном составе расчищали последствия бури. Наверняка видели взломанную дверь Ани и, наверно, подумали, что ее выбил ветер.

К концу дня, когда уборка закончилась и никого рядом не было, они с отцом погребли останки Ани в саду среди ее любимых растений. Она вела довольно замкнутый образ жизни, поэтому исчезновения никто пока не заметил.

Джек выкопал в сырой земле яму глубиной в два фута, чтобы не раскопали собаки или койоты, Том почтительно опустил туда вчетверо сложенную кожу. Ни во что не стали заворачивать — пусть скорее разлагается и питает растения.

В тихий скорбный вечер отец потребовал ответов на длинный перечень вопросов, а Джек всеми силами старался уклониться. Папе не следует знать больше, чем ему известно. Несмотря на пережитое, он, возможно, и не поверит истине в понимании сына. Поэтому Джек рассказал только то, что слышал от Ани. Пусть думает, что остальные отве-

ты умерли вместе с ней. Ни тому ни другому даже в голову не пришло посмотреть вечерний футбольный матч.

— Кроме того, — продолжал Том солнечным утром, — что я тут делаю, когда мои сыновья и внуки на севере? Бессмыслица. Не знаю, о чем я думал.

Может быть, ты и не думал, мысленно оговорился Джек. Может быть, кто-то тебя подтолкнул. Может быть, все события развивались по плану. По плану, который, благодаря Ане, пошел не совсем так, как было задумано.

А может быть, и нет.

Но явная причастность Иного внушала уверенность, что утром прошлого вторника отец был обречен на смерть.

— Можно ездить пару раз в год на юг, — рассуждал Том, — скажем в феврале, в марте. Статистика утверждает, что американец, доживший до шестидесяти пяти, имеет возможность прожить еще лет шестнадцать. Тогда мне остается десять. Какой смысл проводить их в пятнадцати сотнях миль от самых дорогих людей в моей жизни?

— Ты прав. Никакого.

Действительно, за отцом надо лучше присматривать. Иное наверняка не оставит его в покое. В памяти постоянно звучат слова Расалома:

...когда сильный мужчина впадает в безнадежное отчаяние — это истинный деликатес. Если этот мужчина — ты, можно даже дойти до экстаза...

Как довести его до безнадежного отчаяния? Уничтожить каждого, кого он любит?

Хорошо, что папа будет ближе к дому, а сейчас надо вернуться к Джиа и Вики. Беспокойство за них ножом торчит в спине, торопя домой. Вдобавок до марта, когда должен родиться ребенок, ему предстоит превратиться в легального гражданина.

Он затряс головой. — Мы чуть не погибли, черт побери.

— Главное, что не погибли, — заметил Джек.

Возвращение было нелегким. Смерч далеко обошел каное, оно уцелело, но дальнейшее сражение с бурей потребовало немалых усилий. Маленькие протоки переполнились, невозможно было разобраться, где восток, а где запад, Джек потерял ориентацию, несколько раз повернул не в ту сторону. Пришлось грести почти два часа, прежде чем они добрались до лодочной станции и с облегчением сели в машину.

Понедельник ушел на поправку. Мышцы, о которых Джек до сих пор не имел ни малейшего представления, протестовали при каждом движении. Дворники и садовники — без Карла — в полном составе расчищали последствия бури. Наверняка видели взломанную дверь Ани и, наверно, подумали, что ее выбил ветер.

К концу дня, когда уборка закончилась и никого рядом не было, они с отцом погребли останки Ани в саду среди ее любимых растений. Она вела довольно замкнутый образ жизни, поэтому исчезновения никто пока не заметил.

Джек выкопал в сырой земле яму глубиной в два фута, чтобы не раскопали собаки или койоты, Том почтительно опустил туда вчетверо сложенную кожу. Ни во что не стали заворачивать — пусть скорей разлагается и питает растения.

В тихий скорбный вечер отец потребовал ответов на длинный перечень вопросов, а Джек всеми силами старался уклониться. Папе не следует знать больше, чем ему известно. Несмотря на пережитое, он, возможно, и не поверит истине в понимании сына. Поэтому Джек рассказал только то, что слышал от Ани. Пусть думает, что остальные отве-

ты умерли вместе с ней. Ни тому ни другому даже в голову не пришло посмотреть вечерний футбольный матч.

— Кроме того, — продолжал Том солнечным утром, — что я тут делаю, когда мои сыновья и внуки на севере? Бессмыслица. Не знаю, о чем я думал.

Может быть, ты и не думал, мысленно оговорился Джек. Может быть, кто-то тебя подтолкнул. Может быть, все события развивались по плану. По плану, который, благодаря Ане, пошел не совсем так, как было задумано.

А может быть, и нет.

Но явная причастность Иного внушала уверенность, что утром прошлого вторника отец был обречен на смерть.

— Можно ездить пару раз в год на юг, — рассуждал Том, — скажем в феврале, в марте. Статистика утверждает, что американец, доживший до шестидесяти пяти, имеет возможность прожить еще лет шестнадцать. Тогда мне остается десять. Какой смысл проводить их в пятнадцати сотнях миль от самых дорогих людей в моей жизни?

— Ты прав. Никакого.

Действительно, за отцом надо лучше присматривать. Иное наверняка не оставит его в покое. В памяти постоянно звучат слова Расалома:

...когда сильный мужчина впадает в безнадежное отчаяние — это истинный деликатес. Если этот мужчина — ты, можно даже дойти до экстаза...

Как довести его до безнадежного отчаяния? Уничтожить каждого, кого он любит?

Хорошо, что папа будет ближе к дому, а сейчас надо вернуться к Джаи и Вики. Беспокойство за них ножом торчит в спине, торопя домой. Вдобавок до марта, когда должен родиться ребенок, ему предстоит превратиться в легального гражданина.

Вчера Джек отправил «раджер» на адрес одного из своих арендованных почтовых ящиков, откуда его перешлют на другой и где можно будет его забрать. Осталось собрать одежду и ехать в аэропорт. Зазвонил телефон.

— Должно быть, из конторы, — сказал отец. — Я им прямо с утра позвонил первым делом, чтобы выставили дом на продажу.

Когда он вышел, Джек напомнил себе заняться дома фирмой «Благден и сыновья». Может, удастся выяснить, для чего им понадобился песок из кеноте. Едва ли для замеса бетона для веранды на заднем дворе.

Он вытащил из комода последнюю вещь и замер: на дне ящика лежал прямоугольник Аниной кожи.

Во рту у него пересохло. Не может быть. Вчера закопали, и вот она — без единого пятнышка грязи.

Джек вышел в большую комнату, где отец обсуждал с агентом цены и комиссионные, пошел прямо к задней веранде, схватил вчерашнюю лопату, направился к саду Ани.

Место захоронения точно в том же виде, в каком они его оставили. Он принялся копать рыхлую землю, быстро углубившись на два фута.

Никакой кожи.

Прошел еще шесть дюймов, в отличие от вчерашнего — по-прежнему ничего, одна земля.

Анина кожа исчезла.

Нет, постой, не исчезла. Лежит в ящике комода в гостевой комнате отцовского дома. Как она там очутилась?..

Джек не стал тратить время на безответные вопросы — как и зачем кожа из ямы попала в дом. Либо выяснится со временем, либо нет.

Он быстро забросал яму, поспешил назад. Отец еще висел на телефоне. Вопросительно взглянул на

него, но он махнул рукой, в комнате сразу шагнул к комоду и снова заледенел. В ящике пусто.

Что за черт?

Отглядевшись, увидел хорошо знакомый рисунок в приоткрытой сумке. Расстегнул «молнию», вытаращил глаза.

Вот она. Видно, Аня — хотя бы ее частица — хочет отправиться с ним домой.

Джек вздохнул, решив не гадать над причинами, просто плыть по течению, веря, что рано или поздно все обретет смысл.

Накрыл кожу оставшимися венцами и плотно застегнул «молнию».

Ладно, Аня, мысленно сказал он. Хочешь ехать — будь моей гостьей.

Взял сумку и пошел в переднюю комнату. Отец положил трубку.

— Ну, остается подписать бумаги, и дом официально пойдет на продажу.

— Прекрасно. Я слышал, народ стоит в очереди, так что дело не займет много времени.

— Да.

Они помолчали. Надо идти, но боязно оставлять старика одного.

Наконец Том сказал:

— Я был счастлив с тобой познакомиться, Джек. Многого до сих пор не знаю, а то, что узнал... удивило меня, но приятно.

— Ты сам полон сюрпризов.

— Тебе теперь обо мне все известно. А я подозреваю — нет, *знаю*, — что ты кое-что утаиваешь.

Начинается.

— Пожалуй, не так много, как тебе кажется. Впрочем, кто знает, что ты еще обнаружишь, вернувшись на север.

— Верно, — кивнул отец. — Кто знает?

Словно услышав беззвучный сигнал, они обнялись.

— Хорошо, что вернулся, сынок, — шепнул Том. — Очень, очень хорошо.

Разомкнули объятия, но не разняли рук.

— Рад узнать тебя по-настоящему, пап. Всегда можешь на меня рассчитывать. — Он выпустил отцовскую руку, подхватил сумку. — Дома увидимся.

— Позвони, когда долетишь.

— Шутишь?

— Нет. Я всегда за тебя беспокоился, а теперь, после знакомства, буду гораздо больше тревожиться.

Джек рассмеялся, толкнул дверь, направился к машине, в аэропорт, к самолету, домой, к Джиа и Вики.

Послесловие

Жители Южной Флориды увидят, что я легко и свободно обращаюсь во «Вратах» с географией. Кафе Джоуни «Синий краб» стоит не на 1-м Федеральном шоссе, а на другом краю штата, на 41-м шоссе в Очопи. Но пирожки и сэндвичи с крабами соответствуют описанию. Изучая Глейдс, я часто делал крюк в двадцать—тридцать миль, чтобы поесть и выпить «Айбор Голд» у Джоуни.

Канал «Гейтор кантри» на волне 101,9 трудно поймать на 1-м Федеральном шоссе, но сверни чуть-чуть к западу, и вот он. Хороший канал современного кантри постоянно составлял мне компанию в поездках.

Возможно, Новейшн напоминает Хомстед¹, но он списан с множества городков, которые я проезжал в своих исследовательских экспедициях.

¹ Х о м с т е д — город на юге штата Флорида рядом с Национальным парком Эверглейдс, почти полностью разрушенный в 1992 г. ураганом «Эндрю».

Одного я не выдумал и не преувеличил — постыдного пренебрежения, злоупотреблений и прямого ущерба, причиненного Эверглейдс в XX веке. Это восхитительное уникальное уязвимое место почти погублено бездумным строительством. В последнее время много говорится о восстановлении Эверглейдс. Будем надеяться, что говорящие возьмутся за дело, пока не поздно.

Ф. Пол Вилсон

Джерси, март 2003 г.

Литературно-художественное издание

Вилсон Ф. Пол

ВРАТА

Роман

Ответственный редактор *З.В. Полякова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.11.2005
Формат 82х100^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,63. Уч.-изд. л. 17,97
Тираж 7 000 экз. Заказ № 6484

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLOGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

в р а т а

Наладчик Джек — специалист по необычным расследованиям, берется только за те дела, где необходимо восстановить справедливость и где бессильны полиция и частные детективы.

Узнав, что отец попал в аварию, Джек мчится к нему на помощь. Со временем, однако, становится очевидным, что авария была лишь частью безумного ритуала — так женщина со сверхъестественными способностями, управляющая разумом животных, намеревалась принести дань загадочным подводным огням. После неудачной попытки она снова и снова пытается заполучить ускользнувшую жертву...

ISBN 5-9524-2036-2

9 785952 420366

ЦЕНТРОЛИГРАФ®